ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕННЕДИ 1961-1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1961-1963

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕННЕДИ

Под редакцией
доктора экономических наук
С. М. МЕНЬШИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
«МЫСЛЬ»
МОСКВА 1964

33 И
Э 40

Настоящая работа написана авторским коллективом в составе:

Доктор экономических наук *С. М. Меньшиков* (введение, раздел «Правительство «большого бизнеса» и противоречия внутри правящего класса», общая редакция монографии); доктор экономических наук *С. А. Далин* (глава VII); кандидаты наук *В. М. Шамберг* (глава I), *Е. А. Лебедева* (глава II), *Н. И. Многолет* (раздел «Антитрестовские дела»), *Р. П. Куропятник* («Частные монополии и государственное регулирование электроэнергетики»), *Т. Н. Калиновская* («Государство и транспортные монополии»), *Р. М. Энтов* (глава V), *В. П. Андросов* и *В. С. Гойло* (глава VI); *М. А. Меньшикова* (глава IV), *И. Г. Минервин* («Состав правительства Кеннеди») и *К. Г. Камушер* («Расчет влияния налоговой реформы на платежеспособный спрос населения США»). Научно-вспомогательную работу выполняли *В. Романенкова* и *Н. Зиновьева.*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена анализу экономической политики США в период нахождения у власти правительства, возглавляемого Джоном Фитцджеральдом Кеннеди. Этот период охватывает немногим менее трех лет — с января 1961 г., когда Дж. Ф. Кеннеди, избранный незначительным большинством избирателей, официально вступил на свой пост, и до ноября 1963 г., когда террористический акт в Далласе оборвал его жизнь. Фактически же в поле зрения исследования попадает и период, предшествовавший избранию Кеннеди главой государства, когда уже были сформулированы в общих чертах основные направления экономической политики будущего правительства демократической партии, а также первые шаги нового президента Линдона Б. Джонсона, в основном совпадающие с курсом, взятым кабинетом Кеннеди. Естественно, что при анализе экономических мероприятий правительства Кеннеди авторы делали необходимые сопоставления с мероприятиями его предшественников Д. Эйзенхауэра, Г. Трумэна и Ф. Рузвельта.

За последнее десятилетие сфера государственно-монополистического регулирования экономики главной страны современного капитализма значительно расширилась. Это произошло в мирных условиях. Рост экономической деятельности монополистического государства США не был продиктован особой обстановкой военного времени (как это было раньше, в период двух мировых войн, а также войны в Корее в 1950—1953 гг.). Усиление государственно-монополистического регулирования последних лет нельзя объяснить и глубокими экономическими кризисами перепроизводства (как это было в 30-х годах, в период «нового курса» Ф. Д. Рузвельта).

Объяснение заключается в другом. За последнее десятилетие произошло резкое усиление экономических и политических противоречий американского империализма в связи с вступлением капиталистической системы в новый этап общего кризиса. Особенность этого нового этапа, как указано в Заявлении Московского Совещания коммунистических и рабочих партий в 1960 г., заключается в том, что он наступил не в условиях новой мировой войны, а в обстановке мирного сосуществования двух систем, в результате коренного изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма.

Загнивание капиталистической экономики особенно ярко и наглядно проявилось в главной стране империалистического лагеря — Соединенных Штатах Америки. Современная научно-техническая революция, натолкнувшись на узкие рамки капиталистических производственных отношений, вызвала в США раньше, чем в других странах развитого капитализма, глубокие нарушения процесса общественного воспроизводства. Увеличились масштабы постоянной недогрузки производственных мощностей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, выросла хроническая армия безработных. Темпы роста производства резко замедлились, периоды кризисного падения производства стали более частыми, расширился фронт длительного аграрного кризиса. Милитаризация американской экономики, впервые в истории США ставшая ее постоянным элементом в мирное время, принесла с собой дополнительное усиление диспропорций воспроизводства, рост инфляционных процессов, подорвала устойчивость системы государственных финансов и кредита, обострила кризис платежного баланса.

Американская экономика столкнулась с новым обострением проблемы рынков, как внутреннего, так и внешнего. Позиции монополий США в системе мирового капиталистического хозяйства резко ослабли, упал их удельный вес в мировом промышленном производстве, международной торговле и мировых запасах золота. Обострились противоречия между США и другими империалистическими державами, в особенности между США и странами западноевропейского «Общего рынка». Неравномерность экономического развития капиталистической системы, которая в 40-х годах поставила американский империализм в исключительно благоприятное положение, в 50-х годах

обернулась против него. США по-прежнему остаются главным международным эксплуататором и мировым жандармом, однако они прошли высшую точку своего могущества и вступили в полосу относительного упадка.

Американский капитализм потерпел сокрушительные поражения и в соревновании с социалистической экономикой Советского Союза. После второй мировой войны правящие круги США рассчитывали, что СССР не сумеет без помощи извне оправиться от разрушений, нанесенных войной. Политикой торговой блокады и дискриминации они всячески стремились замедлить восстановление и дальнейшее развитие советской экономики. Эта ставка оказалась битой. Экономика нашей страны уверенно набирала темпы, в то время как американский капитализм вступил в длительную полосу низких темпов развития. Уже во второй половине 50-х годов по некоторым показателям промышленного и сельскохозяйственного производства СССР вплотную приблизился к американским показателям, а в ряде случаев превзошел их. США оказались позади в некоторых важнейших областях развития науки и техники, в том числе в применении ядерной энергии и в освоении космического пространства. Грандиозная программа построения в СССР материально-технической базы коммунистического общества показала американским правящим кругам, что всего лишь считанные годы отделяют их от момента полного и окончательного поражения в мирном экономическом соревновании с социализмом.

Американский империализм оказался в положении, когда он был вынужден отступать почти на всех фронтах. Мировая социалистическая система все более становилась решающим фактором развития человеческого общества. Впервые социалистическая революция победила на Американском континенте — на Кубе, в непосредственной близости от штаб-квартиры мирового империализма. Усилилась тяга народов всего мира к социализму, демократии, миру. Несмотря на ожесточенное сопротивление империалистических сил, на миллиардные субсидии из Вашингтона, рухнула позорная система колониального владычества. Империализм, в том числе американский, потерял свое положение абсолютного хозяина экономики слаборазвитых стран Азии, Африки, Латинской Америки. Усилилась классовая борьба пролетариата и всех

антимонополистических сил против власти финансовой олигархии в самих США.

Такова совокупность факторов, определивших рост и усиление в США государственно-монополистического капитализма как попытки монополистического капитала этой страны справиться с экономическими и политическими трудностями, предотвратить поражение американского империализма в экономическом соревновании с социализмом, приостановить ослабление его позиций в капиталистическом мировом хозяйстве, нанести поражение прогрессивным, демократическим силам в самих США и на международной арене.

Рост государственно-монополистического капитализма в США свидетельствует о глубоком кризисе, в котором находится современная система наемного рабства. В период своего расцвета, т. е. в эпоху свободной конкуренции, капиталистическая экономика держалась на механизме товарного производства, рыночного хозяйства, соответствующего основе капиталистического строя — частной собственности на средства производства. Переход капитализма в его монополистическую стадию показал, что этот механизм уже не может действовать безотказно. Анализируя эти процессы еще на заре монополистического капитализма, К. Маркс предвидел неизбежность государственно-монополистического капитализма как выражение неспособности капиталистической системы справиться с ростом производительных сил. В связи с образованием первых крупных трестов в форме акционерных обществ он писал: «В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства» [1]. В. И. Ленин показал, что государственно-монополистический капитализм есть выражение умирания капиталистического строя, показатель того, что экономика созрела для перехода к высшему общественному строю.

Современные производительные силы требуют не государственно-монополистических средств сохранения отжившего и обреченного капитализма, а социализма. В сущности государственно-монополистический капитализм есть не что иное, как империалистическая реакция на стучащийся в дверь социализм. Это доказывается самой практикой современного государственно-монополисти-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 25, ч. I, стр. 481—482.

ческого регулирования, которое находится в вопиющем противоречии с потребностями плановой организации народного хозяйства на социалистических началах. Экономическая политика буржуазного государства выявляет неспособность капитализма к планомерному ведению хозяйства. Основой экономики остается частная собственность на средства производства. Государственное регулирование не может поэтому стать решающей силой экономического развития. Попытка насильственного упрочения позиций монополистического капитала приходит в столкновение со средствами разрешения этой задачи империалистическим государством. Возможности преодоления трудностей капиталистической экономики такими средствами являются крайне ограниченными.

Вместе с тем было бы неправильно недооценивать возможности финансовой олигархии и ее воздействия на экономические процессы через механизм монополистического государства. Несомненно, что государственно-монополистическое регулирование стало теперь одним из важнейших факторов экономической жизни США. Правильное марксистско-ленинское понимание этого вопроса возможно лишь путем решительного преодоления догматических «лево»-доктринерских представлений об экономической роли монополистического государства, являющихся наследием культа личности Сталина. Сокрушительный удар по таким представлениям, а также по ревизионистским концепциям о «благодетельной» роли государства монополий был нанесен XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза. На съезде в докладе «О Программе Коммунистической партии Советского Союза» была дана следующая характеристика этого вопроса:

«Государственно-монополистический капитализм состоит в соединении силы монополий и силы государства в единый механизм, подчиняющий все стороны жизни нации интересам финансовой олигархии...

Конечно, переход к государственным монополиям, все большее вмешательство государства в процесс капиталистического воспроизводства дают возможность оказывать определенное воздействие на развитие производительных сил, способствуют мобилизации ресурсов в интересах финансовой олигархии. Вмешательство государства в экономические отношения в интересах монополий имело определенное значение для некоторого роста производства

и обновления основного капитала за послевоенные годы. Монополистическая буржуазия, отдавая себе отчет в том, какие грозные социальные последствия могут повлечь за собой экономические кризисы такого масштаба, как кризис 1929—1933 гг., пытается при помощи методов государственного регулирования ослабить разрушительную силу экономических потрясений, которые присущи капитализму. Однако государственно-монополистический капитализм не отменяет, да и не может отменить экономические законы капитализма, устранить стихийность и анархию производства, экономические кризисы и другие пороки капиталистической системы.

В США государственно-монополистический капитализм достиг высокого уровня развития. Что же принес он стране? Именно здесь недогрузка предприятий достигает наибольших размеров. В то время как в мире капитализма огромные массы людей голодают, американские монополисты финансируют сокращение посевов, уменьшение производства сельскохозяйственных продуктов. Вместо хваленой «полной занятости» — постоянная многомиллионная армия безработных и полубезработных.

Выходит, что расчеты на государственно-монополистический капитализм как на средство спасения империализма не имеют под собой серьезных оснований» [1].

Исходя из этой характеристики в данной книге сделана попытка показать как многосторонний характер государственного вмешательства в экономическую жизнь США, так и противоречивость, крайнюю ограниченность такого вмешательства, неосновательность расчетов на государственно-монополистический капитализм как на средство спасения капиталистического строя и оздоровления американской экономики.

За последние годы в советской литературе появился ряд работ, в которых с позиций марксизма-ленинизма анализируется категория государственно-монополистического капитализма в целом и в применении к США. Однако конкретно-историческое исследование *отдельных этапов* государственно-монополистического регулирования в США и других капиталистических государствах встречается в нашей литературе еще редко, ограничиваясь, как правило, краткими статьями в периодической печати.

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 132—133.

Имеются изданная еще до войны монография об экономической политике Рузвельта, ряд работ о государственном регулировании в США во время второй мировой войны. Некоторые стороны экономической политики правительств США освещены в работах историков, но специальных работ, анализирующих эту политику в послевоенные годы, нет.

Экономическая политика правительства Кеннеди требует специального анализа по ряду причин. Во-первых, эта политика определялась и проводилась в жизнь в обстановке колоссального обострения внутренних и внешних противоречий американского империализма и имела своей сознательной целью ослабление или ликвидацию трудностей экономики США в условиях нового этапа общего кризиса капитализма. Во-вторых, именно правительство Кеннеди впервые объявило своей целью добиться перелома в пользу американского капитализма в экономическом соревновании с Советским Союзом. В-третьих, провозглашая политику «новых рубежей», правительство Кеннеди заявило, что действует в интересах всего американского народа, стремится улучшить положение трудящихся масс, предполагает провести ряд социально-экономических реформ. Таким образом, налицо новый этап буржуазного реформизма, имеющего целью ослабить притягательную силу социализма в глазах народных масс и обеспечить преобладание в среде трудящихся классов идей «классового мира» и оппортунистических настроений.

К тому времени, когда правительство Кеннеди начало проводить свои экономические мероприятия, в США уже существовали сложившийся в 30-х годах арсенал средств государственного воздействия на экономику, а также система государственных органов, осуществляющих это воздействие. Новое правительство воспользовалось этим арсеналом и вместе с тем попыталось значительно расширить сферу его применения. Экономическая политика в начале 60-х годов шла в основном проторенными путями: закупка федеральным правительством готовой продукции, субсидирование научных и технических исследований, стимулирование капиталовложений и нового строительства, применение антикартельного законодательства, регулирование транспорта, электроэнергетики, сельского хозяйства, вмешательство в трудовые конфликты, регулирование заработной платы, цен, ссудного процента, таможенных

тарифов, стимулирование экспорта и т. д. Мероприятия в этих областях проводились более активно, чем при предшествующих правительствах, была сделана попытка координировать политику в отдельных сферах экономики с точки зрения тех общих задач, которые были поставлены перед правительством правящими кругами. Это потребовало принятия ряда законодательных мер через конгресс. Однако наибольшая часть мероприятий осуществлялась без обращения к законодательным органам на основе тех прав, которые федеральное правительство получило в результате предшествующего законодательства. Иначе говоря, произошло значительное расширение функций исполнительной власти в экономике США. Это положение, имеющее на первый взгляд лишь юридический интерес, чрезвычайно важно для понимания экономического механизма государственно-монополистического регулирования. Оно показывает, насколько в современных условиях увеличились возможности мобилизации ресурсов в интересах финансовой олигархии через государственные каналы.

Расширение сферы государственных мероприятий в области экономики неизбежно должно было привести и привело к обострению классовых противоречий в США, так как любые экономические мероприятия буржуазного правительства непосредственно затрагивают, причем часто противоположным образом, интересы отдельных классов и социальных групп капиталистического общества. Политика современного буржуазного государства выражает классовые интересы крупной и монополистической буржуазии, она в корне противоречит интересам рабочего класса, трудящегося фермерства, средних городских слоев, мелких капиталистических предпринимателей. Политика правительства Кеннеди не была исключением из этого общего правила. В ходе осуществления конкретных мероприятий государственно-монополистического регулирования это правительство пришло в столкновение со всеми этими классами и слоями.

Вместе с тем в обстановке сложных классовых и внешнеполитических противоречий правительство монополистической буржуазии вынуждено маневрировать, идя на частичные уступки, а подчас и на блокирование с некоторыми представителями и слоями угнетаемых им классов. Так поступало и правительство Кеннеди. Но такая политика неизбежно навлекала на правительство недоволь-

ство наиболее реакционной части монополистической буржуазии и плантаторов Юга, не желающих мириться с какими-либо уступками народным массам. Уже во времена Рузвельта обострилось сильное противоречие между частью правящего класса, готовой идти путем буржуазного реформизма, и другой его частью, для которой всякие реформы являются символом отступления от методов прямой диктатуры и насилия над эксплуатируемыми классами.

Стараясь проводить политику в интересах всей монополистической буржуазии, правительство Кеннеди оказалось в сложном клубке противоречий, порожденных тем, что некоторые его мероприятия ограничивали свободу действий отдельных групп монополистического капитала и подчас даже ущемляли их интересы.

На почве этих противоречий экономическая политика правительства Кеннеди подвергалась в США серьезной критике как слева, так и справа. Прогрессивные силы американского общества критиковали правительство Кеннеди за то, что, придя к власти при поддержке значительной части рабочего класса, трудящегося фермерства, негритянских трудящихся и обещав в ходе предвыборной кампании 1960 г. провести ряд мероприятий в интересах народных масс, оно осуществляло их далеко не полностью, непоследовательно и медленно. Вместе с тем правительство Кеннеди вопреки своим предвыборным обещаниям активно содействовало наступлению монополистического капитала на права и жизненный уровень трудящихся масс, расширило субсидии и льготы корпорациям-миллиардерам, преследовало наиболее передовую, сознательную часть рабочего класса. Прогрессивные силы поддерживали те мероприятия правительства, которые совпадали с требованиями народных масс. Показывая ограниченность буржуазного реформизма, несбыточность иллюзий о «государстве всеобщего благоденствия», Коммунистическая партия США и другие прогрессивные организации открыто говорили народу горькую правду, заключавшуюся в том, что только активная экономическая и политическая борьба трудящихся позволяет им добиваться улучшения своего положения, что коренное социальное освобождение может быть результатом активной борьбы всех антимонополистических сил за свержение диктатуры финансовой олигархии. Под нажимом масс правительство

Кеннеди было вынуждено пойти на ряд уступок трудящимся.

За эти уступки правительство Кеннеди подверглось ожесточенным нападкам ультраправых, крайне реакционных сил. Особую ненависть этих кругов правительство снискало своим «заигрыванием» с профсоюзами, некоторыми весьма половинчатыми мерами в области гражданских прав негритянского населения, проявлениями реализма во внешней политике, выразившимися, в частности, в подписании Московского договора о частичном прекращении ядерных испытаний и в готовности несколько расширить экономические отношения со странами социализма. Хотя политика правительства Кеннеди в целом отвечала интересам правящего класса, она не устраивала наиболее реакционные, профашистские, расистские и милитаристские элементы. В конечном счете разгул ультраправого экстремизма, с которым правительство почти не боролось, предпочитая тактику компромиссов, привел к трагической гибели президента Кеннеди.

Вместе с тем экономическая политика правительства США в 1961—1963 гг. встретила сопротивление значительной части правящей верхушки, опасающейся расширения государственного регулирования и усматривающей во всяком усилении экономической роли государства тенденцию к социализму. В монополистической буржуазии США ясно обозначились два прямо противоположных подхода к этим вопросам. Первый, нашедший отражение в политике правительства Кеннеди, исходит из признания того, что современная капиталистическая экономика не в состоянии функционировать более или менее нормально без широкого государственного хозяйства, доведения концентрации производства до масштабов всей страны, гарантирования государством материальных условий производства, ограничения им пределов сосредоточения прибыли в руках отдельных групп финансовой олигархии. Второй подход, выдвигаемый многочисленными представителями большого бизнеса, Национальной ассоциацией промышленников, некоторыми лидерами и идеологами республиканской партии и т. д., заключается в том, чтобы максимально ограничить сферу государственного регулирования, сократить до предела государственную собственность и государственные расходы на цели, не отвечающие *непосредственно* интересам монополистической буржуазии,

максимально снизить налоги на имущие классы. Государство, согласно этой точке зрения, должно оставить за собой лишь полицейские функции в отношении эксплуатируемых классов и слоев, а также такие сферы, где оно никак не конкурирует с крупным частным капиталом и никак не ущемляет его непосредственных интересов.

Современные производительные силы властно требуют планового ведения хозяйства, организации экономики на социалистических началах. Государственно-монополистический капитализм против воли финансовой олигархии подготавливает объективные предпосылки для перехода к социализму. Это порождает внутри правящего класса указанные противоречия. Борьба между различными фракциями монополистической буржуазии по этому вопросу будет продолжаться, пока будет существовать капитализм. Эти противоречия являются в США существенным резервом широкого антимонополистического фронта и будут в конечном счете способствовать торжеству в этой стране более высокого общественного строя.

Глава I

ПРОБЛЕМА ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Возникновение проблемы темпов экономического роста и борьба вокруг нее в предвыборной кампании 1960 г.

Мероприятия правительства и отход от предвыборных деклараций

Одной из центральных проблем межпартийной борьбы во время избирательной кампании 1959—1960 гг. была проблема темпов экономического роста. Кандидат демократической партии в президенты Джон Ф. Кеннеди и другие лидеры демократов обвинили правительство республиканцев во главе с Эйзенхауэром в проведении неправильной экономической политики, результатом которой было снижение темпов роста экономики США, приведшее к весьма серьезным последствиям как внутри страны, так и на международной арене. В многочисленных выступлениях перед избирателями Кеннеди призывал ускорить темпы роста и утверждал, что возглавляемая им демократическая партия может добиться этого. Впервые в истории американского капитализма вопрос о темпах экономического роста выдвинулся на авансцену политической жизни и стал одним из узловых вопросов избирательной кампании.

1. Возникновение проблемы темпов экономического роста и борьба вокруг нее в предвыборной кампании 1960 г.

Проблема ускорения темпов экономического роста заняла весьма заметное место в политической жизни США с середины 50-х годов. Многие видные политические деятели, экономисты, дельцы, публицисты вынуждены были отметить замедление темпов роста экономики США и

опасность этого явления для американского капитализма.

Вопрос этот встал перед руководящими деятелями американского империализма не случайно. В течение длительного времени правящие круги США пренебрежительно относились к экономическим успехам СССР, считая, что Советский Союз не сможет догнать Соединенные Штаты в исторически обозримый период времени. Именно поэтому монополистическая верхушка до середины 50-х годов не считала темпы экономического роста государственной проблемой, имеющей международное значение. Заправилам крупнейших трестов казалось, что система свободного предпринимательства, чуть-чуть упорядоченная государственно-монополистическим регулированием, обеспечит решение всех стоящих перед страной задач. Конечно, американская буржуазия, как и буржуазия других стран, давно отказалась от принципа невмешательства государства в экономическую жизнь, который был ее лозунгом тогда, когда капитализм развивался по восходящей линии. Но до середины 50-х годов монополистическая верхушка США считала необходимым ограничить вмешательство государства в экономику главным образом ростом военных расходов и проведением антикризисных мероприятий.

Однако расчеты правящих кругов США в отношении СССР не имели ничего общего с реальной действительностью. В этом можно легко убедиться, сравнив данные о среднегодовых темпах прироста промышленной продукции СССР и США.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции СССР и США[1]

(в %)

	СССР	США
За 43 года (1918—1960)	10,1	3,3
» 12 лет (1918—1929)	6,9	3,1
» 11 » (1930—1940)	16,5	1,2
» 16 » (1945—1960)	10,6	1,8
Из них за 7 лет (1954—1960)	11,1	2,5

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1960 году». Статистический ежегодник, М., 1961, стр. 175.

Таблица 2

Среднегодовые темпы и абсолютный прирост важнейших видов промышленной продукции в СССР и США за 1954—1960 гг. [1]

Виды продукции	Среднегодовые темпы прироста (в %)		Среднегодовой абсолютный прирост	
	СССР	США *	СССР	США *
Чугун	7,9	—1,7	2,8 млн. *т*	—1,1 млн. *т*
Сталь	8,0	—1,7	3,9 » »	—1,6 » »
Железная руда	8,6	—3,9	6,6 » »	—4,4 » »
Уголь (в пересчете на каменный)	7,1	—1,8	24,3 » »	—7,4 » »
Нефть	15,9	1,3	13,6 » »	4,2 » »
Газ	28,8	5,9	5,6 млрд. $м^3$	17,0 млрд. $м^3$
Электроэнергия (отпуск с шин)	11,7	7,3	21,1 млрд. *квт-ч*	46,6 млрд. *квт-ч*
Цемент	16,1	2,4	4,2 млн. *т*	1,2 млн. *т*
Хлопчатобумажные ткани (суровые)	3,5	—1,3	161 млн. $м^2$	—116,3 млн. $м^2$
Шерстяные ткани	7,3	—2,6	19,0 млн. *пог. м*	—7,4 млн. *пог. м*
Обувь кожаная	8,4	1,6	25,9 млн. пар	9,3 млн. пар
Сахар-песок	9,2	3,3	418 тыс. *т*	75,6 тыс. *т*

* Минус означает уменьшение производства указанной продукции.

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 175.

Многократное превосходство советской промышленности в темпах роста бесспорно. В 1954—1960 гг. советская промышленность развивалась в 4 раза быстрее американской. Она превзошла американскую не только в темпах, но и по абсолютному приросту продукции. Среднегодовое абсолютное увеличение промышленного производства в целом за 1953—1960 гг. было в СССР примерно вдвое больше, чем в США[1].

Не менее показательны и данные о происшедших в 50-е годы изменениях в объеме производства важнейших видов продукции в СССР и США.

Таблица 3

Изменения объема производства важнейших видов продукции в СССР и США за 1951—1960 гг.[2]

Виды продукции	Единица измерения	Увеличение (+), сокращение (—)	
		СССР	США
Нефть	млн. *т*	+105,6	+44,0
Железная руда	» »	+ 51,1	+29,0
Чугун	» »	+ 24,8	— 5,1
Сталь	» »	+ 34,0	— 4,9
Цемент	» »	+ 33,5	—11,3
Шерстяные ткани	млн. *пог. м*	+166	—84,0

Разрыв между уровнями развития экономики СССР и США значительно сократился. В 1950 г. продукция советской промышленности составляла менее 30% американской, в 1957 г. она достигла 47%, а в 1960 г. — около 60%[3].

Эти экономические и научно-технические достижения СССР, и особенно запуск Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли, заставили правящие круги США всерьез задуматься над перспективами соревнования с СССР. Первый советский искусственный спутник Земли наглядно продемонстрировал всему миру технический уровень и мощь советской индустрии. Авторы доклада «Внешняя политика США. Советский Союз и

---

[1] См. *А. А. Аргуманян,* Кризис мирового капитализма на современном этапе, М., 1962, стр. 23.

[2] См. там же, стр. 24.

[3] См. «Народное хозяйство СССР в 1960 году», стр. 168; «Народное хозяйство СССР в 1962 году», М., 1963, стр. 72.

Восточная Европа», опубликованного комиссией по иностранным делам сената США в 1959 г., вынуждены были признать, что «запуск первого спутника заставил Соединенные Штаты заняться самоанализом. Большинство американцев были застигнуты врасплох открытием, что Советский Союз, который они продолжали изображать немеханизированной крестьянской страной, на самом деле смог добиться такого поразительного научного и технического достижения, на которое сами Соединенные Штаты оказались еще неспособными. Наша самоуверенность лопнула как пузырь. Дело ухудшило и то, что мы проявили ужасную неловкость в запуске в космос наших собственных спутников. Уже происходит мрачное размышление вслух о том, как мы ведем наши дела, о наших заброшенных школах, о нашем купающемся в довольстве обществе, о нашей бесцельной цивилизации» [1].

Американские экономисты и политики вынуждены были признать, что советские научно-технические достижения — закономерное явление, что в их основе лежит поразительно быстрый рост советской экономики, уверенно догоняющей американскую экономику. Им пришлось всерьез задуматься о перспективах экономического соревнования с СССР.

Громадное впечатление на правящие круги США произвел советский семилетний план, директивы которого были приняты XXI съездом КПСС. В директивах было намечено увеличить промышленную продукцию за 1959—1965 гг. примерно на 80%. Такое увеличение за семь лет обеспечивало достижение к 1965 г. примерно 95% американского уровня 1960 г. Темп роста американской промышленности за 1954—1960 гг. составил 2,5% в год. Если американская промышленность будет и дальше развиваться такими темпами, то в 1965 г. объем промышленной продукции в США составит 113% от уровня 1960 г. Разрыв между американской и советской промышленностью резко сократится. При сохранении таких темпов советская промышленность через 3—4 года после 1965 г. догонит и перегонит американскую.

---

[1] «United States Foreign Policy, USSR and Eastern Europe. A Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, by a Columbia — Harvard Research Group under the Administration of Columbia University», Washington, 1960, p. 23.

В США началось широкое изучение проблем соревнования. Этим делом занялись университеты, многочисленные исследовательские организации. Объединенная экономическая комиссия конгресса США трижды (в 1957, 1959 и 1962 гг.) обсуждала подготовленные для нее специалистами доклады по различным аспектам соревнования с СССР[1]. Проблемам экономического соревнования с СССР были посвящены десятки книг, сотни статей. С точки зрения внутренних проблем, стоящих перед страной, на первый план выдвинулась проблема темпов экономического роста.

Буржуазные экономисты уже давно занимались изучением проблем экономического роста. Экономисты разных стран и различных направлений выдвинули разнообразные теории роста. В работах Кейнса и его последователей, которые особенно популярны в США и Англии, исследовались условия динамического равновесия экономики, длительные отклонения от этих условий, кратковременные, циклические колебания, теоретически обосновывались мероприятия по государственному регулированию, которые необходимы для обеспечения сбалансированного роста. В теориях роста важное место занимала проблема регулирования темпов.

В середине же 50-х годов проблема темпов роста предстала перед правящими кругами США в иной плоскости. Стало очевидным, что обеспечение сбалансированного роста и смягчение кризисных колебаний, даже если этого и удастся достигнуть, еще далеко не достаточны для обеспечения успехов в экономическом соревновании с социализмом. Первостепенное значение для судеб американского капитализма приобрело ускорение темпов экономического роста. Сложившаяся обстановка требовала принятия таких мероприятий, которые смогли бы ускорить темпы роста экономики США.

---

[1] «Soviet Economic Growth: A Comparison with the United States. A Study Prepared for the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Joint Economic Committee by Legislative Reference Service of the Library of Congress», Washington, 1957; «Comparisons of the United States and Soviet Economies, Papers Submitted by Panelists Appearing Before the Subcommittee on Economic Statistics. Joint Economic Committee. Congress of the United States», Washington, 1959; «Dimensions of Soviet Economic Power. Hearings Together with Compilation of Studies Prepared for the Joint Economic Committee. Congress of the United States», Washington, 1962.

По этому вопросу развернулась широкая дискуссия. В ней столкнулись точки зрения представителей различных монополистических группировок, различных слоев американской буржуазии. Часть представителей монополистических кругов утверждала, что без расширения государственно-монополистического регулирования экономики ускорить темпы ее роста невозможно, а следовательно, нельзя и думать не только о выигрыше в соревновании с социализмом, но и о более или менее длительном сроке, в течение которого это соревнование будет продолжаться. Сторонники этой точки зрения выдвинули тезис о необходимости более активного вмешательства буржуазного государства в экономику. В докладе «Мировые и внутренние экономические проблемы и их влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов», опубликованном комиссией по иностранным делам сената США в 1959 г., этот тезис был сформулирован с предельной ясностью. «Сейчас мы должны понять, — указывается в докладе, — что темпы развития экономики должны быть предметом заботы правительства. Об успехе или провале как конгресса, так и правительства в экономической области следует судить по масштабам, которых достигло наше экономическое развитие» [1].

Разошлись мнения и относительно величины необходимых для американской экономики темпов роста и системы мероприятий, которая может обеспечить ускорение темпов. Одни утверждали, что для США темпы роста экономики вполне достаточны в 3%, другие — в 4, а третьи — в 5% [2]. Требование обеспечить процентный рост было вы-

---

[1] «United States Foreign Policy, Worldwide and Domestic Economic Problems and Their Impact on the Foreign Policy of the United States. A Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, by the Corporation for Economic and Industrial Research», Washington, 1959, p. 43.

[2] Американские экономисты и политики в работах, посвященных темпам роста экономики США и сравнительному анализу развития советской и американской экономики, оперируют главным образом данными о темпах роста валового национального продукта. Но этот показатель не дает правильного представления об объеме материального производства США и темпах его роста. Американская статистика включает в валовой национальный продукт также и двойной счет услуг. Поэтому рост расходов на содержание государственного аппарата, например, увеличивает объем валового национального продукта и завышает темпы его роста. В советской статистике нет исчислений валового нацио-

двинуто в опубликованном в 1958 г. рокфеллеровским фондом докладе «Вызов Америке: его экономический и социальный аспекты»[1]. В докладе утверждалось, что без 5-процентного темпа роста невозможно обеспечить одновременно повышение военных расходов, расширение общественных работ, увеличение частных инвестиций и рост потребления. Авторы доклада рекомендовали ежегодно увеличивать военные расходы на 3 млрд. долл., а также ассигнования на военную помощь иностранным государствам и гражданскую оборону. Поскольку, по их мнению, главной движущей силой экономического роста является увеличение государственных расходов, преимущественно военных, то при быстрых темпах роста бюджетные поступления для финансирования растущих государственных расходов будут расти скорее, чем валовой национальный продукт, причем якобы без всякого увеличения налоговых ставок. В докладе утверждалось, что все это повлечет за собой быстрое увеличение гражданских расходов правительства, т. е. расходов на предоставление гражданам различного рода благ. Выступая в 1959 г. в экономическом клубе Нью-Йорка, Н. Рокфеллер призвал добиваться уже не 5-процентного, а 6-процентного роста экономики. Это предложение было сразу же поддержано лидерами АФТ — КПП и Союзом фермеров.

За ускорение темпов высказались и лидеры демократической партии. Л. Кайзерлинг, который при президенте Г. Трумэне был председателем Совета экономических консультантов, тоже опубликовал доклад об экономическом росте. Доклад Кайзерлинга похож по своим главным установкам на доклад рокфеллеровского фонда. Для обеспечения высоких темпов роста в докладе рекомендовалось резкое увеличение государственных расходов, причем почти половину этого увеличения предлагалось расходовать на военные цели. Вместе с тем Кайзерлинг предлагал увеличить и выплаты по социальному страхованию, снизить налоги на потребителей, имеющих низкие и средние доходы,

---

нального продукта по американскому методу, который нельзя признать научным. Более правильно использовать данные о темпах роста промышленного производства. Темп роста промышленности в развитых странах является определяющим для всей сферы материального производства.

[1] «Special Studies Project Report IV, Rockefeller Brothers Fund. The Challenge to America: Its Economic and Social Aspects», New York, 1958.

проводить политику «дешевых денег», поощрять промышленность к снижению цен и росту заработной платы.

Доклады Фонда Рокфеллера и Кайзерлинга требовали увеличить темпы роста американской экономики, так как нынешние темпы экономического роста США, по мнению авторов докладов, слишком низки в сравнении с советскими. Общая черта этих докладов — курс на увеличение военных расходов и расширение государственного регулирования экономики.

За 3-процентный рост выступил в феврале 1958 г. влиятельный Комитет по экономическому развитию, являющийся выразителем взглядов некоторых крупнейших американских корпораций. В докладе Комитета[1] утверждалось, что 3-процентного роста вполне достаточно для того, чтобы обеспечить Америке прекрасную жизнь. Его авторы выступили против увеличения государственных расходов и расширения государственного регулирования, так как это якобы грозит... введением социализма. Один из наиболее ярых сторонников этой точки зрения, Г. Петерсон из Комитета по экономическому развитию, представил в 1959 г. Объединенной экономической комиссии конгресса США доклад, в котором писал: «Как мы, так и другие развитые западные страны в своей внутренней политике должны придерживаться наших собственных оценок хорошего и желательного и вести наши внутренние дела, руководствуясь нашими собственными критериями успеха, а не критериями советского коммунизма, если мы хотим сохранить у нашего общества жизнедеятельность и уверенность в себе. Несомненно, экономический рост продолжает оставаться одной из главных целей внутренней политики в наших же интересах. Государственная политика должна быть пересмотрена с точки зрения ее влияния на рост... Мы еще не достигли такого положения, при котором дополнительный доход не представляет для нас большого интереса. Однако экономический рост не является всеподавляющей целью, которая требует крутых перемен в организации нашего общества и распределении наших ресурсов»[2]. Монополии, чьи

---

[1] «Committee for Economic Development. Economic Growth in the United States», New York, 1958.

[2] «Comparisons of the United States and Soviet Economies, Joint Economic Committee, Congress of the United States», Washington, 1959, p. 527.

интересы выражал Комитет по экономическому развитию, требовали снизить налоги на прибыли корпораций, а также создать и поддерживать условия, при которых «процветала бы частная инициатива».

Промежуточную позицию занял влиятельный орган деловых кругов журнал «Форчун», опубликовавший редакционную статью, в которой утверждалось, что наиболее желательным был бы темп роста 4,25% в год[1].

В январе 1960 г. проблемой экономического роста занялся другой орган деловых кругов — еженедельник «Бизнес уик». Он опубликовал свой собственный доклад[2], в котором подробно разбиралась проблема экономического роста. В нем подчеркивалось, что проблема роста — это «основная экономическая проблема наших дней» и что важнейшим обстоятельством, определяющим значение этой проблемы, является соревнование с Советским Союзом. «Для нас, — утверждают авторы доклада, — сильнейшим ударом явилось то, что враждебная нам политико-экономическая система... которую большинство американцев, в том числе экономисты, считали обреченной на прозябание в силу ее неэффективности и бюрократизма, оказалась способной мобилизовать свои людские и материальные ресурсы для создания мощной и развивающейся экономики. За последние годы советская экономика росла вдвое быстрее нашей, а может быть, даже еще быстрее». В результате, говорится в докладе, проблема экономического роста «становится национальной задачей первостепенной важности». Доклад признает, что экономика США «стала слишком косной, малоподвижной и неконкурентоспособной», и призывает выработать «единую теорию роста» и разработать политику, которая смогла бы обеспечить равномерный рост. «Идеалом, — пишут авторы доклада, — было бы такое положение, когда между потреблением, с одной стороны, накоплением и капиталовложениями — с другой, установилось бы прочное равновесие. Это позволило бы экономике расти максимально возможными темпами, темпами, определяемыми прогрессом техники и ростом рабочей силы при отсутствии инфляции и безработицы».

---

[1] «Fortune», April 1959, p. 99—100.

[2] «Business Week», January 23, 1960, p. 52—54, 56, 58, 60—62, 65, 67, 73—76, 81.

Такой идеал осуществляется, как известно, только при плановой социалистической экономике. Авторы же доклада не допускали и мысли не только о социализме, но и о сколько-нибудь значительном расширении государственного регулирования экономики. Они утверждали, что в экономике США «бизнесмену принадлежит ведущая роль в собирании и приведении в движение сил, определяющих экономический рост». Правительство, по их мнению, тормозит развитие экономики, ибо оно не идет на сокращение налоговых ставок, отказывается санкционировать соответствующее увеличение государственных расходов. «Многие экономисты наших дней, — говорится в докладе, — приходят к выводу, что, если мы хотим ускорить наш рост, нам следует выйти из тупика, куда завела нас налоговая политика, избрав один из следующих двух путей: либо снизить налоги и предоставить больший простор росту частных затрат, либо увеличить государственные затраты. Очевидно, что в какой-то степени можно сочетать оба пути».

Но, как указывал «Бизнес уик» в своем докладе, «новая постановка национальных задач и перестройка институтов прокладывают себе дорогу на ощупь, с колебаниями. Нет ясного сознания того, что поставлено на карту и к каким результатам это приведет».

Итак, к началу предвыборной кампании 1959—1960 гг. различные группировки правящих кругов сформулировали свою позицию как относительно величины необходимых для США темпов экономического роста, так и мероприятий, необходимых для обеспечения их ускорения. Одна группировка выступила за 5-процентный рост и заявила, что главным средством для его обеспечения является значительное расширение государственных расходов и государственного регулирования. Представители другой группировки выступили против этого. Они заявляли, что Америку вполне устроит 3-процентный темп роста, который может быть обеспечен при помощи снижения налогов, главным образом налогов на корпорации.

Проблема темпов экономического роста стала одним из центральных вопросов, по которым развернулась борьба между демократической и республиканской партиями и их кандидатами Дж. Кеннеди и Р. Никсоном во время предвыборной кампании.

Правительство Эйзенхауэра, как известно, исходило из того, что государство должно меньше вмешиваться в экономическую жизнь, что «свободный выбор потребителей» наиболее правильно определит темпы роста и направление развития экономики США. «Мы,— заявил в 1954 г. Эйзенхауэр, — сократим ту часть национального дохода, которая расходуется правительством». Никсон в заявлении, с которым он выступил 27 января 1960 г. в Чикаго, подчеркнул: «Мы, республиканцы, имеем непоколебимую веру в то, что единственный путь для достижения наших целей лежит в свободном выборе миллионов потребителей». Такая концепция была зафиксирована и в предвыборной платформе республиканской партии, принятой съездом в конце июля 1960 г. В ней, в частности, говорилось о необходимости экономического развития «в пределах экономики свободного предпринимательства» [1]. Из-за разногласий в принятой съездом платформе не была указана величина желательных для США темпов роста. У республиканцев не было единства и по другим аспектам этой проблемы. Так, сторонники Рокфеллера выдвигали требование о значительном расширении государственных расходов. Никсон же и его ближайшие советники предлагали не увеличивать государственные расходы, а снизить налоги на корпорации. «Люди Никсона, — писал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — не считают, что увеличение федеральных расходов — это панацея для решения всех проблем нашей страны... Экономисты Никсона склонны использовать правительственную власть для того, чтобы справиться со спадом. Но они делают ставку на «дешевые деньги» и такое сокращение налогов, которое стимулировало бы деловую активность, а не на огромные федеральные расходы и сокращение налогов на потребителей» [2]. Не менее определенно по этому поводу высказывался главный советник Никсона по экономическим проблемам А. Бэрнс — директор Национального бюро экономических исследований и председатель Совета экономических консультантов при президенте в 1953—1956 гг. Подобного мнения придерживались Г. Александер — председатель Совета директоров «Морган гарантн траст

---

[1] Текст платформы см. «The New York Times», 25, 26, 27. VII. 1960.

[2] «U. S. News and World Report», August 29, 1960, p. 40.

компании» — и советник Никсона по вопросам государственных финансов Г. Хэйг — один из директоров другого крупнейшего нью-йоркского банка «Манюфакчурерс траст компани», консультировавший Никсона по экономическим проблемам.

Н. Рокфеллеру не удалось добиться включения в предвыборную платформу республиканской партии его точки зрения. Восторжествовали сторонники Никсона. Сам Никсон в своих выступлениях перед избирателями не только утверждал, что правительство республиканцев «обеспечило величайшее процветание, которое когда-либо знал американский народ», и что годы правления Эйзенхауэра — это «лучшие семь лет нашей жизни», но и не упускал случая, чтобы подчеркнуть, что один из главных вопросов предвыборной кампании заключается в том, какую политику должны разработать Соединенные Штаты, «чтобы ответить на вызов коммунистов на экономическое соревнование». «Мы, — заявил Никсон в марте 1960 г. в Линкольне (штат Небраска), — полностью отвергаем теорию некоторых наших политических оппонентов, что путь к обеспечению более высоких темпов экономического роста лежит через большее планирование и контроль со стороны правительства, увеличение правительственных расходов, поддержание процентных ставок на искусственно низком уровне и разрешение банкам бесконтрольно предоставлять кредиты».

«Способ обеспечения максимального роста в Америке, — утверждал Никсон в речи, произнесенной 28 июля 1960 г., — заключается не в расширении функций правительства, а в увеличении возможностей капиталовложений и созидательных дел для миллионов американцев».

Демократы обвиняли республиканцев в том, что за годы президентства Д. Эйзенхауэра темпы экономического роста сократились в сравнении с годами президентства демократа Г. Трумэна. Если при Трумэне, утверждали демократы, среднегодовой темп роста валового национального продукта составлял 4,6% (1947—1953 гг.), то при Эйзенхауэре он снизился до 2,4% (1953—1959 гг.), что ниже средней величины за период 1870—1930 гг. (3%) и за период 1909—1957 гг. (2,9%). Причины экономических неурядиц, как и ухудшения международных позиций США, демократы усматривали в политике правительства

Эйзенхауэра[1], и в частности в том, что оно выступало против увеличения государственных расходов и государственного регулирования. Один из советников Кеннеди, А. Шлезингер, подводя итоги правления республиканцев, писал в журнале «Прогрессив»: «Мы использовали наше богатство, насколько это было возможно, в частных интересах, а отнюдь не в государственных; мы использовали наше богатство, насколько это было возможно, в личных целях и как можно меньше в интересах всего общества... Плод этого золотого семилетия республиканского правления — потрясающий упадок Соединенных Штатов и как мировой державы, и как общества, которое дает своему быстро растущему населению образование, надежды и возможности для деятельности. Это не результат невнимания или случайного стечения обстоятельств. Это результат преднамеренной, рассчитанной, открытой и вызывающей политики. Это десятилетие упадка Америки было в то же время десятилетием подъема Советов»[2].

Выход из создавшегося положения А. Шлезингер видел в повышении темпов роста экономики и в изменении распределения ресурсов, которыми располагает страна. Он призвал увеличить государственные расходы и тратить на общественные нужды на 10—12 млрд. долл. больше, чем расходовалось при правительстве Эйзенхауэра. Такого же мнения придерживался целый ряд лиц из сторонников Дж. Кеннеди. В их числе один из теоретиков пресловутого «государства всеобщего благоденствия» — Дж. К. Голбрейс. Он был одним из главных советников Кеннеди по вопросам экономики. Взгляды Дж. К. Голбрейса разделял и другой советник Дж. Кеннеди — Сэмюэлсон. Он совершенно определенно высказывался против любого постоянного сокращения налогов. Большинство советников

---

[1] У. Липпман, который поддерживал Кеннеди в борьбе за президентский пост, писал в январе 1960 г., что президент Эйзенхауэр больше всего заботился о «процветании частных собственников» и что он «председательствовал при утрате Америкой своего первенства среди великих держав мира». Вследствие такой политики, подчеркивал Липпман, США «начали отставать и не удерживают своих позиций с точки зрения национальной мощи, с точки зрения общего военного потенциала, в области соревнования в космосе, по сравнительным темпам экономического роста, а также в области просвещения».

[2] «The Progressive», September 1960, p. 12.

Кеннеди придерживались идей Голбрейса[1]. Их подход к решению проблем, стоящих перед экономикой страны, называли «голбрейсовским», а подход тех, кто настаивал на сокращении налогов, — «антиголбрейсовским». Характеризуя взгляды экономистов из окружения Кеннеди, журнал «Бизнес уик» отмечал: «Авторы различных идей, сгруппировавшиеся вокруг Кеннеди, в основном считают, что следует расширить масштабы деятельности федерального правительства и что федеральный бюджет должен стать орудием переустройства экономики; все это заставляет их с неохотой задумываться над снижением налогов. Даже временное снижение налогов, предназначенное для того, чтобы быстрее вывести страну из состояния экономического спада, рассматривается ими как утраченная благоприятная возможность»[2]. «Увеличения, а не сокращения доли национального дохода, выделяемой для государственных целей», потребовал и У. Липпман. Этого, по его словам, требует вызов, который бросает Советский Союз.

Предвыборная платформа, которую съезд демократической партии принял в начале июля 1960 г.[3], содержала требование об обеспечении 5-процентного роста и программу увеличения государственных расходов и государственного регулирования экономики. Предполагалось значительно увеличить военные расходы, расширить правительственные расходы на просвещение, здравоохранение, жилищное строительство и т. п. Ставка на 5-процентный темп роста даст, как утверждали авторы платформы, возможность «получить свыше 40 млрд. долл. дополнительных доходов за четыре года при нынешних налоговых ставках». В погоне за голосами избирателей демократы обещали «облегчить налоговое бремя, лежащее на налогоплательщиках». Тем не менее указывалось и на возможность «повысить налоговые ставки, если это окажется необходимым для выполнения задач, стоящих перед страной».

Выступая перед избирателями, Кеннеди заявлял, что при «действительно нормальных темпах роста» в США

---

[1] Взгляды Дж. К. Голбрейса изложены в его книге «Общество изобилия» (*J. K. Galbraith,* The Affluent Society, Boston, 1958).

[2] «Business Week», February 25, 1961, p. 25.

[3] Текст платформы см. «The New York Times», 13. VII. 1960.

возможна полная занятость, страна «сможет осуществлять любые расходы на оборону, которые мы якобы не можем себе позволить, по мнению существующего правительства», строить хорошие школы и содержать квалифицированных учителей. Для того чтобы увеличить темпы роста, необходима такая бюджетная политика, которая «будет стимулировать рост, а не сдерживать его».

В борьбе за голоса избирателей Кеннеди связал ускорение темпов экономического роста с весьма популярным в широких массах еще со времен первого президентства Ф. Д. Рузвельта увеличением государственных расходов и расширением общественных работ. Благодаря этому в глазах широких кругов избирателей лозунг ускорения темпов экономического роста ассоциировался с сокращением безработицы, повышением жизненного уровня неимущих слоев, помощью бедствующим районам и т. д. Несомненно, это обеспечило Кеннеди весьма значительное количество голосов избирателей. Иное содержание вкладывали в ускорение темпов экономического роста различные группировки монополий. Для них ускорение темпов роста — это увеличение военных расходов, увеличение прибылей, укрепление внутренних и международных позиций американского империализма. Не трудно заметить коренные различия в подходе различных классов к ускорению темпов экономического роста.

Итак, верхушка американской буржуазии не была единой в подходе к проблеме темпов экономического роста. Борьба демократов и республиканцев вокруг этой проблемы отражала противоречивые интересы различных монополистических группировок. Они маскировались межпартийной перебранкой, предвыборной демагогией, далеко идущими посулами различным группам и слоям избирателей. Но они ясно видны в платформах партий, выступлениях Кеннеди и Никсона и их сторонников.

2. Мероприятия правительства и отход от предвыборных деклараций

Вступив на пост президента, Кеннеди заявил, что он и его правительство намерены принять решительные меры для ускорения темпов роста экономики страны. В своем первом послании конгрессу «О положении страны»

Кеннеди дал следующую характеристику экономического положения США: «Нынешнее состояние нашей экономики вызывает тревогу. Мы берем на себя руководство после периода экономического спада, продолжавшегося семь месяцев, после периода ослабления экономической деятельности, продолжавшегося три с половиной года, после периода уменьшения темпов экономического роста, продолжавшегося семь лет, и периода сокращения доходов фермеров, продолжавшегося девять лет». США, продолжал он, «занимают место в числе последних по темпам роста экономики. С весны прошлого года фактически начался обратный процесс». Отметив далее, что специалисты «с тревожным единодушием предсказывают дальнейшее ослабление экономики и лишь незначительное сокращение безработицы в 1961 и 1962 годах», Кеннеди заверил, что его «правительство не намерено оставаться безучастным зрителем» и представит конгрессу план мероприятий, направленных, по его словам, на «сокращение безработицы... стимулирование производительности и содействие более высоким темпам роста экономики» [1].

Обещанные Кеннеди мероприятия были сформулированы в его послании об экономическом положении страны [2]. «Страна не может и не будет равнодушно взирать на застой и упадок экономики, — заявил Кеннеди. — Наши реальные задачи на 1961 г. — преодолеть тенденции к упадку и обеспечить поступательный рост нашей экономики, увеличить загрузку производственных мощностей, уменьшить бесполезные затраты и облегчить тяжелое положение безработных и в то же время поддерживать стабильный уровень цен. Наши цели на 1962 и 1963 годы — расширить производственные возможности Америки такими темпами, которые показали бы всему миру силу и жизнеспособность свободной экономики. Все это не одни лишь надежды, а наши реальные цели. Мы берем на себя обязательства и просим приложить максимум усилий для их достижения».

В послании перечислены четыре программы содействия экономическому росту и ряд мероприятий по оживлению экономики. Программы были следующие: 1) специальные

---

[1] «The Commercial and Financial Chronicle», February, 2, 1961, p. 18, 32.

[2] Текст послания см. «New York Herald Tribune», 3. II. 1961.

льготы по подоходному налогу с целью стимулировать капиталовложения в предприятия и оборудование; 2) вложения в людские ресурсы: «улучшение системы образования, здравоохранения, исследовательских работ и подготовки кадров» для повышения производительности труда; 3) вложения в развитие природных ресурсов; 4) выработка мероприятий, обеспечивающих проведение разумной политики в области заработной платы, разумной политики в области цен и их стабильности, повышение жизненного уровня, повышение производительности труда и повышение конкурентоспособности американских товаров на мировых рынках.

Для оздоровления экономики Кеннеди рекомендовал принять меры по улучшению финансовой политики и кредитной системы, развитию жилищного строительства, временному увеличению сроков выдачи пособий по безработице, оказанию помощи детям безработных, оживлению промышленности в бедствующих районах, распределению излишков продуктов в бедствующих районах, улучшению социального обеспечения, увеличению минимума заработной платы, ускорению закупок и строительства.

Изложенная в послании программа была рекомендована президенту консультативной группой, которую возглавлял профессор Массачусетского технологического института Сэмюэлсон. В докладе, представленном президенту этой группой [1], указывалось, что «спад обрушился на экономику, которая на протяжении последних лет была инертной и вялой». В докладе подчеркивалась необходимость разработать экономическую политику, рассчитанную на предстоящее десятилетие. В связи с этим задачи на 1961 г. должны заключаться в том, чтобы «1) покончить со спадом, 2) восстановить условия для роста и оздоровления и 3) принять меры к тому, чтобы этот рост не иссяк через год или два и не привел к падению экономической активности до уровня, который будет намного ниже нашего действительного потенциала». Авторы доклада высказались за осуществление «программ экономического стимулирования путем хорошо продуманной финансовой политики». Интересно отметить, что авторы доклада резко высказались против расширения общественных работ. «Чего определенно не следует делать в данной

---

[1] «The Wall Street Journal», January 6, 1961, p. 16.

обстановке, — утверждали они, — так это осуществлять обширную программу спешно изобретенных общественных работ, главная цель которых просто-напросто обеспечить занятость и перекачать деньги в экономику. Рузвельтовский новый курс унаследовал обанкротившуюся экономику, которая находилась в отчаянном состоянии. Как бы ни были разумны в той обстановке направленные против депрессии проекты по «обеспечению занятости», они определенно не вызываются необходимостью в данное время. Очень многое из того, что Америке нужно, содержится в целесообразных правительственных программах, а современная стабилизация располагает таким разнообразным оружием для борьбы с депрессией, что совершенно нет нужды поднимать тревогу и прибегать к помощи неоправданных расходов».

Следует отметить, что доклад Сэмюэлсона выдвигает затраты на «оборону» на первое место среди программ расходов, призванных создать «лучшую, более справедливую и быстрее растущую экономику в стране». Заметив, что расходы на оборону «не должны становиться футбольным мячом экономической стабилизации», Сэмюэлсон предостерегает против сокращения этих расходов ввиду снижения в условиях спада налоговых поступлений. «Любое расширение этих (военных. — *Авт.*) программ, — указывается в докладе, — которое будет сочтено желательным, может скорее способствовать, чем мешать, оздоровлению нашей экономики в предстоящие годы». Доклад Сэмюэлсона рекомендовал израсходовать в 1961/62 г. на 3—5 млрд. долл. больше, чем предусматривалось бюджетным проектом Эйзенхауэра. Эти мероприятия, по мнению авторов доклада, составляют «первую линию обороны» против спада. В качестве «второй линии обороны», т. е. на тот случай, если предлагаемые мероприятия не помогут, авторы доклада рекомендовали временно снизить на 3—4% ставки подоходного налога на все категории доходов. В экономическом послании Кеннеди было намечено проведение мероприятий, рекомендованных докладом Сэмюэлсона в качестве «первой линии обороны».

Кеннеди начал осуществление изложенной в экономическом послании программы борьбы против спада и за ускорение темпов экономического роста крайне осторожно и не спеша. «Проявляемое Кеннеди сочетание осторожности в подходе к первоочередным вопросам борьбы

с экономическим спадом и неопределенности в установлении целей на длительный срок,— писал «Бизнес уик»,— разочаровывает тех его сторонников, которые ожидали, что будут предприняты быстрые действия в широком масштабе. У некоторых из них растет подозрение в том, что экономическая политика Кеннеди окажется весьма похожей на экономическую политику Эйзенхауэра, которая, по их мнению, характеризовалась дошедшей до фетишизма озабоченностью в связи с ежегодным сбалансированием бюджета, его нерешительностью в принятии серьезных мер в отношении как расходов, так и налогов и умеренным, но неуклонным ростом государственных расходов» [1].

Мероприятия правительства [2] представляли собой дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма, дальнейшее соединение силы монополий с силой государства в единый механизм, функционирующий в интересах финансовой плутократии. Осуществление этих мероприятий совпало по времени с окончанием очередного экономического кризиса и, естественно, способствовало выходу из кризиса и развитию повышательных фаз цикла. Следует иметь в виду, что правительство Кеннеди пришло к власти в разгар промежуточного кризиса 1960—1961 гг. После циклического кризиса 1957—1958 гг. фазы подъема не было. Фаза оживления, начавшаяся на рубеже 1958—1959 гг., исчерпала себя в первой половине 1960 г., не перейдя в фазу подъема. В январе 1960 г. индекс промышленного производства достиг наивысшего уровня после кризиса, превысив на 9% высшую предкризисную точку (август 1957 г.). На этом рост остановился, и до июля 1960 г. производство оставалось на достигнутом уровне с очень незначительными колебаниями. В августе началось новое падение производства, которое продолжалось до начала 1961 г. Январь (месяц, когда Кеннеди вступил на пост президента) и февраль были низшими точками падения производства. С марта 1961 г. начался циклический рост, который продолжается до настоящего времени.

Таким образом, Кеннеди вступил на пост президента и начал проведение своей программы в момент, когда

---

[1] «Business Week», February 25, 1961, p. 26.

[2] Подробное рассмотрение этих мероприятий см. в последующих главах.

производство упало до низшей, кризисной точки и независимо от правительственных мероприятий начался постепенный циклический рост. Особенность подъема, начавшегося после кризиса 1960—1961 гг., заключалась в том, что в предыдущем цикле эта фаза завершилась еще в 1956 г. Это предопределяло возможность того, что в новом цикле фаза подъема будет длительной и относительно интенсивной. Правительство Кеннеди попало в объективно благоприятную экономическую ситуацию. Прирост промышленного производства в 1961 г. составил 0,8%. В 1962 г. промышленное производство выросло уже на 7,65%. Однако за 1961—1962 гг. рост дважды приостанавливался. Промышленное производство топталось на месте в 1961 г. в течение трех месяцев (август, сентябрь, октябрь). В 1962 г. рост продолжался с января по июль. С августа по январь 1963 г. включительно промышленное производство снова топталось на месте[1]. В 1963 г. прирост промышленного производства составил около 5%. И в 1963 г. рост приостанавливался. В течение шести месяцев (с июля по декабрь) промышленное производство не росло. Каждый из этих длительных застоев чрезвычайно тревожил правительство, экономистов, дельцов, неизменно ожидавших начала нового кризисного падения производства. Эти опасения усиливал опыт послевоенных циклов, в ходе которых длительность фазы подъема неизменно сокращалась. Многие экономисты выдвигали предположение, что текущий подъем продлится всего 15 месяцев и, таким образом, установится следующий ряд длительности послевоенных подъемов (в месяцах): 45—35—25—15. Если бы это действительно произошло, кризиса следовало ожидать в июне — июле 1962 г. Крах на нью-йоркской бирже в мае 1962 г. был расценен многими как первый его сигнал. И в самом деле, рост производства летом прекратился. Большая часть 1962 г. прошла под тенью возможного кризиса.

Циклический рост производства в сочетании с рядом мероприятий по стимулированию экономики привел к довольно значительным по американским масштабам

---

[1] См. «Экономическое положение капиталистических стран». Конъюнктурный обзор за 1962 г. и начало 1963 г. «Мировая экономика и международные отношения» № 8, 1963. Приложение, стр. 17.

результатам. За три года (1961—1963) промышленное производство увеличилось на 14,9% [1]. Правда, этот прирост выглядит весьма скромно в сравнении с достижениями промышленности СССР, которая увеличила производство за эти годы на 29,8% [2]. Следует отметить, что циклический рост производства в 1961—1963 гг. ни в коей мере не ликвидировал резкого разрыва в темпах роста промышленности СССР и США и в расчете за более длительный период, охватывающий несколько циклов. Если взять последние десять лет, то оказывается, что в сравнении с 1953 г., когда в США был достигнут высший уровень производства перед очередным кризисом, промышленное производство за 1954—1963 гг. выросло всего на 36% (в СССР — в 2,7 раза [3]). Высший годовой уровень производства перед кризисом 1957—1958 гг. был достигнут в США в 1957 г. Рост производства за последние шесть лет привел к тому, что в СССР промышленное производство в 1963 г. составило 175% от уровня 1957 г., а в США — всего 123% [4]. Промышленная продукция СССР в 1963 г. достигла около 65% американского уровня [5].

Масштабы увеличения темпов роста оказались далеко не достаточными для решения важнейших экономических проблем, стоящих перед США, и прежде всего проблемы безработицы. Несмотря на рост экономики, уровень безработицы продолжал оставаться высоким. Новые рабочие места, появляющиеся ежегодно в результате роста производства, далеко не компенсировали сокращение занятости в связи с автоматизацией и появлением новых рабочих. Перспективы здесь далеко не радужны. Процесс автоматизации идет весьма интенсивно. Количество новых рабочих на рынке труда резко возрастает в связи с вступлением в рабочий возраст поколения, появившегося на свет в первые послевоенные годы, когда рождаемость была очень высока. Продолжают оставаться весьма острыми и другие проблемы: кризис платежного баланса, дефи-

---

[1] Расчет на основе данных американской статистики.

[2] Расчет на основе данных, приведенных в справочнике «СССР в цифрах в 1963 году», М., 1964, стр. 73.

[3] См. «Правда», 24 января 1964 г.

[4] См. *В. Старовский,* Победные шаги советской экономики и жалкие потуги недобросовестных «экспертов». «Правда», 14 марта 1963 г.

[5] См. «СССР в цифрах в 1963 году», стр. 47.

цитность государственного бюджета и рост государственного долга, нищета и лишения $^2/_5$ населения самой богатой капиталистической страны мира, упадок экономики так называемых бедствующих районов и т. п.

В послании президента конгрессу об экономическом положении страны (январь 1962 г.) отмечалось, что «экономика страны на рубеже 1961—1962 гг. все еще не достигла целей, провозглашенных законом об обеспечении занятости населения. Слишком много людей, вполне трудоспособных, желающих и ищущих работу, не могли найти полезного применения своим силам». Общественное производство, указывал президент, «не достигло потенциального объема, соответствующего полной занятости населения, а покупательная способность американского народа, его возможности приобрести товары и услуги на свои доходы все еще были слишком низки» [1]. В экономическом отчете президента за 1962 г. говорилось: «Причины, содействовавшие торможению повышательных тенденций в 1962 г., угрожают продлить период экономической слабости. К началу 1963 г. слишком много рабочих не имеют работы; слишком много машин продолжают простаивать; слишком большая часть возможной продукции теряется в силу того, что наша экономика не загружена на полную мощность» [2]. Все это, несмотря на известный рост экономики, вызывало серьезную тревогу в правящих кругах США. Она проявилась, например, на очередном съезде Американской экономической ассоциации, состоявшемся в конце декабря 1962 г. Как отмечала американская печать, тревога чувствовалась в официальных докладах экономистов и государственных деятелей, с которыми они выступили на съезде. «Причинами, вызвавшими эту тревогу, — отмечал «Бизнес уик», — являются неспособность экономистов глубоко и правильно понять функционирующую национальную экономику (несмотря на то что экономический анализ постоянно совершенствуется и усложняется), неспособность найти необходимые пути для решения основных вопросов дня — низких темпов роста американской экономики, постоянной безработицы, сохраняющейся на уровне 6% рабочей силы, дефицита платежного баланса» [3].

---

[1] «The New York Times», 23. II. 1962.
[2] «Wall Street Journal», January 22, 1963, p. 18.
[3] «Business Week», January 5, 1963, p. 18.

На фоне этих событий появилось в июне 1962 г. заявление президента Кеннеди о необходимости прибегнуть к снижению налогов как главному средству стимулирования экономики. Кеннеди отлично понимал необходимость ускорения темпов экономического роста на длительную перспективу. Вместе с тем он не мог учитывать, что если последний год его президентства будет годом кризиса, это серьезно подорвет его шансы на выборах 1964 г. Между тем, его политическая цель состояла в том, чтобы добиться победы с большим перевесом над республиканским конкурентом и получить тем самым мандат на уверенное проведение своей политики. Противодействие конгресса и ничтожный перевес на выборах 1960 г. самым серьезным образом ограничивали политические возможности Кеннеди, в частности, в осуществлении его программы ускорения темпов роста экономики.

Обсуждение вопроса о путях ускорения темпов роста экономики не прекратилось ни в 1962, ни в 1963 г. В центре внимания продолжали оставаться расширение государственного регулирования и государственных расходов и снижение налогов. Представители некоторых весьма влиятельных монополистических группировок продолжали добиваться сокращения государственных расходов и снижения налогов на прибыли монополий. В частности, президент «Чейз Манхэттен бэнк» Д. Рокфеллер в письме Кеннеди, опубликованном летом 1962 г., указывал, что бизнесмены «видят утечку золотого запаса, усиливающуюся конкуренцию со стороны Общего рынка, застой в нашей экономике и вполне резонно спрашивают, что ждет нас через полтора-два года». Для исправления положения Рокфеллер рекомендовал свести к минимуму вмешательство государства в экономику, отказаться от «ограничения прибылей», пересмотреть в пользу монополий налоговую политику. «Я, — писал Рокфеллер, — уверен, что наша налоговая система нуждается в срочном и радикальном пересмотре. Сегодня налоговое бремя слишком тяжело давит на капиталовложения, в сущности намного сильнее, чем в любой другой промышленной стране мира. По моему мнению, налоговое бремя необходимо ослабить, и возможно скорее. Причем желательно сделать это за счет значительного снижения налогов на доходы корпораций». В этом Рокфеллер видит «основы политики», рекомендуе-

мой президенту «деловыми кругами». Далее Рокфеллер выступает против роста правительственных расходов. «Я, — подчеркивал он, — был бы не до конца искренним, г-н президент, если бы не указал на тесную связь, которая существует между бюджетной политикой и возможным осуществлением налоговой реформы. Происходит значительное увеличение правительственных расходов не только на оборону, но также и на невоенные цели. В этих условиях деловые круги, естественно, сомневаются в способности правительства осуществить налоговую реформу и облегчить налоговое бремя на капиталовложения».

Отвечая Рокфеллеру, Кеннеди писал, что предложенные правительством налоговые льготы на капиталовложения и пересмотр льгот на амортизационные отчисления «фактически представляют собой «снижение налогов» для американских бизнесменов». Кеннеди подчеркнул также, что увеличение бюджетных расходов США «вызвано главным образом повышением расходов на национальную оборону и программу освоения космоса... а на невоенные цели потребовалось менее половины процента средств налогоплательщиков». «В будущем году, — заявил он, — планируется срочный и радикальный пересмотр национальной налоговой системы, о котором вы говорите и который уменьшит налоги на доходы корпораций и на личные доходы».

Это весьма интересное письмо показывает, что Кеннеди начал постепенный отход от предвыборных деклараций. Он стал выступать за увеличение *только* военных расходов правительства, заговорил о необходимости снижения налогов.

Курс на стимулирование экономического роста путем снижения налогов представлял собой серьезный поворот в экономической политике правительства. Решение Кеннеди было продиктовано боязнью очередного кризиса и серьезной оппозицией, с которой столкнулись его планы стимулирования экономики при помощи увеличения федеральных расходов.

Почему же правительство Кеннеди решило, что снижение налогов поможет ускорить темпы экономического роста? Свои взгляды на этот счет правительственные экономисты изложили в опубликованном в октябре 1963 г. докладе Межамериканскому экономическому и

социальному совету, который представляется ежегодно каждой страной — участницей «Союза ради прогресса» [1]. Главная идея доклада сводится к следующему: при действующей системе налогов циклический характер развития экономики ведет к более быстрому росту доходов федерального правительства по сравнению с темпом роста частного платежеспособного спроса, замедлению роста экономики в целом, и, в конечном счете, спаду. В докладе говорится, что предложенное снижение ставок подоходного налога «резко сократило бы действительные и потенциальные колебания в доходах федерального правительства, которые тормозили рост экономики, начиная с 1957 г.». В докладе утверждается, что при более низких налоговых ставках темп роста федеральных доходов будет менее быстрым в сравнении с темпами роста экономики в целом, хотя федеральные доходы и будут быстро возрастать по мере роста всей экономики.

В декабре 1962 г. Объединенная экономическая комиссия конгресса в третий раз приступила к обсуждению проблем советской экономики и экономического соревнования между СССР и США. Рассмотрев перспективы роста экономики СССР, США и главных капиталистических стран Западной Европы, комиссия была вынуждена сделать следующий вывод: «Современный американский темп роста, составляющий около 3% в год, является слишком медленным, принимая во внимание нашу ответственность за состояние дел в мире в этом десятилетии» [2].

В феврале 1963 г. журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал результаты проведенного им опроса 20 ведущих экономистов США [3]. Редакция журнала попросила экономистов ответить на два вопроса: сможет ли американская экономика быстро расти в 60-х годах и есть ли база для еще более бурного процветания, которое привело бы США к полной занятости без инфляции?

По словам журнала, президент Кеннеди ответил на эти вопросы положительно. Снижение налогов на 10,3 млрд.

---

[1] «The New York Times», 21. X. 1963, p. 49, 51.

[2] «Dimensions of Soviet Economic Power. Hearings Together with Compilation of Studies Prepared for the Joint Economic Committee Congress of the United States», Washington, 1962, p. 64.

[3] «U. S. News and World Report», February 18, 1963, p. 40—47.

долл., по его утверждению, приведет к тому, что «американская экономика вступит в новый период роста и процветания».

Подводя итог опросу, редакция журнала пришла к следующим общим выводам.

1. Снижение налогов поможет улучшить состояние американской экономики, но ответ на вопрос о мерах, необходимых для достижения более высоких темпов роста экономики и обеспечения большей занятости, не сводится только к этому. Высказываются сомнения, что предложенное снижение налогов достигнет цели.

2. Внесенные президентом предложения преследуют, по мнению многих экономистов, политические цели. Президент стремится завоевать голоса избирателей на будущих выборах.

3. Для того чтобы экономика процветала, необходимо улучшить условия деятельности частных предпринимателей таким образом, чтобы правительство «чинило меньше препятствий» бизнесменам и лучше понимало, что необходимо способствовать увеличению прибылей предпринимателей.

4. Если хозяйственная деятельность должна оживиться, чтобы удовлетворить запросы потребителей, говорит большинство экономистов, то необходимо устранить «препятствия», мешающие этому расширению. Одним из наиболее часто упоминаемых препятствий является сокращение прибылей в одной отрасли за счет другой.

Многие из тех экономистов, которые ответили на вопросы редакции, утверждают, что «монопольное положение профсоюзов» является другим препятствием на пути к экономическому росту и увеличению занятости. Так, директор исследовательского центра торговой палаты Э. Шмидт заявил, что «профсоюзы, требуя повышения заработной платы рабочих, создают безработицу. Безответственные требования профсоюзов вынуждают предпринимателей вводить автоматизацию слишком быстрыми темпами».

Журнал пишет, что опрошенные им экономисты считают, что в течение ближайших лет экономика будет продолжать развиваться умеренными темпами и что она не сможет достичь бурного процветания до 70-х годов.

Редакция журнала заключает, что проблемы экономического роста и безработицы «невозможно решить быстро

и просто». «Нет такого экономического чуда, которое можно было бы вытащить из шляпы дяди Сэма». Считают, пишет журнал, что снижение налогов и реформы явятся важными средствами ускорения темпов экономического роста и обеспечения занятости. Но это не единственные средства. Необходимо принять меры во многих областях, в том числе улучшить систему образования, пересмотреть систему управления профсоюзами, улучшить отношения предпринимателей с правительством. Необходимо также «побудить частных предпринимателей к решимости и риску, ибо риск заставляет предпринимателей увеличивать капиталовложения, что в свою очередь приводит к расширению спроса на рабочую силу и к экономическому росту».

Широкому обсуждению проблемы экономического роста были подвергнуты на симпозиуме, организованном Американской ассоциацией банкиров в феврале 1963 г.[1] Этот симпозиум, как указывали его организаторы, являлся ответом Ассоциации банкиров на призыв президента Кеннеди широко обсудить пути и средства ускорения темпов экономического роста. На симпозиуме присутствовало около 300 ведущих банкиров, промышленников, экономистов, государственных деятелей. Открывая симпозиум, Д. Рокфеллер заявил, что «трудная проблема экономического роста не поддается простому анализу и легким решениям. Многочисленные факторы определяют экономический рост, их взаимодействие сложно и зачастую неясно».

Выступивший на симпозиуме Кеннеди снова призвал к ускорению темпов роста и снова говорил о значении этого. Кеннеди указал, что экономический рост означает изыскание ежегодно 1,2 млн. новых рабочих мест для лиц, пополняющих рабочую силу, предотвращение периодических спадов, которые за последние десять лет трижды поражали США. Экономический рост означает «прекращение упорной вялости в экономике, которая сохраняла число безработных в нашей стране на уровне 5% общей численности рабочей силы или даже выше в течение 62 из последних 63 месяцев, снизила выпуск продукции на 30—40 млрд. долл. ниже нашего производственного

---

[1] «Proceedings of a Symposium on Economic Growth. Sponsored by the American Bankers Association», Washington, 1963.

потенциала, а инвестиции компаний снизила в 1962 г. фактически ниже общего уровня их нераспределенной прибыли». Президент заявил, что необходимо заставить экономику США «обеспечить 4-процентный, а не 3-процентный прирост». Это повышение темпов, по его мнению, «может дать в течение ближайших десяти лет (в сегодняшних ценах) на 400 млрд. долл. больше товаров и услуг, на 110 млрд. долл. больше прибылей, на 210 млрд. долл. больше заработной платы, на 5 тыс. долл. больше доходов каждой семье и на 80 млрд. долл. больше федеральных доходов для удовлетворения нужд нашей обороны и наших внутренних нужд, для сбалансирования нашего бюджета и сокращения нашего государственного долга». Кеннеди заверял, что экономика США якобы не имеет никаких серьезных препятствий для роста. «Чтобы реализовать эти благоприятные возможности, — заявил он, — мы должны ослабить тормоз — чрезмерное налоговое обложение, которое больше пяти лет сдерживало спрос и движение вперед». Явно в угоду монополиям президент дал заверения, «что гражданские расходы по проектируемому бюджету будут уменьшены». Итак, в выступлении Кеннеди совершенно определенно прозвучал отказ от предвыборного обязательства демократической партии обеспечить 5-процентный рост [1].

В ходе симпозиума вновь выявились диаметрально противоположные точки зрения о путях ускорения темпов роста [2].

Профессор Мичиганского университета Маккракен заявил, что основными факторами, определяющими экономический рост, являются наличие естественных ресурсов, накопление капитала, уровень квалификации руководителей фирм, ученых и всех прочих участников производства, растущий объем исследований и усовершенствований, развитие духа предприимчивости и стремления к нововведениям, конкуренция.

---

[1] Выступивший на симпозиуме Сэмюэлсон заявил, что ни одна из предвыборных речей Кеннеди, в которых он призывал ускорить темпы роста экономики, не содержит обязательства повысить темпы до 5%. Но, как известно, цифра 5% фигурировала в предвыборной платформе демократической партии.

[2] «Если бы проблемы не были столь важными, — отмечал журнал «Ньюсуик» в заметке, посвященной симпозиуму, — разногласия между экономистами выглядели бы почти комично» («Newsweek», March 11, 1963, p. 47).

Профессор Массачусетского технологического института Солоу высказал мнение, что замедление темпов роста, которое началось в 1956—1957 гг., не связано с ослаблением какого-либо из названных Маккракеном факторов, за исключением, быть может, темпа капиталообразования. Сказав, что он не разделяет точек зрения ни марксистов, ни тех экономистов, которые считают, что развитие экономики США должно происходить в направлении процветания и бодрого роста, Солоу заявил, что экономика не стремится к какому-то определенному положению между застоем и процветанием. «Я отрицаю, — сказал он, — что экономика вообще стремится к какой-то определенной норме. Не говоря даже об экономических циклах, я не думаю, что экономика имеет тенденцию порождать стагнацию или полную занятость. Я думаю, что она имеет тенденцию блуждать между ними». По мнению Солоу, «наблюдаются периоды, когда спрос устойчив и давит на существующие производственные мощности», но, утверждает он, «существуют также периоды, когда общий спрос неустойчив, и экономика, если бы она была предоставлена самой себе, привела бы к очень большой безработице». Что же касается проблемы темпов роста экономики США, то Солоу считает достаточным «найти средства для капиталовложений, необходимые для обеспечения быстрого роста путем проведения традиционной денежной и финансовой политики, вопреки тому, что норма прибыли на вложенный капитал падает по мере того, как капиталовложения возрастают, не изменяя существующей системы распределения доходов. ...Мы (США. — *Авт.*) все еще недостаточно упорно пытались принять необходимые меры в этом направлении, и, если мы постараемся как следует, а не будем ожидать чуда, я думаю, шансы будут примерно 7 : 5 в нашу пользу».

Профессор Чикагского университета Стиглер (накануне симпозиума он был избран президентом Американской экономической ассоциации) заявил, что он не очень обеспокоен темпами роста американской экономики. Если же США заинтересованы в обеспечении максимального выпуска продукции в ближайшие семь лет по военным и политическим причинам, то в этом случае, по мнению Стиглера, перед ними встанет не проблема долговременного роста, а проблема мобилизации на определенный период. Для этого он рекомендует: удлинить рабочую

неделю и вовлечь в производство женщин и престарелых; немедленно прекратить осуществление всех долгосрочных социальных программ, программ поддержки сельского хозяйства, программ жилищного строительства и обновления городов; прекратить осуществление всех экономических программ и мероприятий, которые могут дать результаты лишь в отдаленном будущем; запретить капиталовложения за пределами Северной Америки, если это необходимо с военной точки зрения.

Банкир М. Экклс обрушился на «монополию профсоюзов» и призвал запретить забастовки, ввести принудительный арбитраж, создать федеральные суды для разрешения конфликтов между рабочими и предпринимателями. Ч. Уокер, вице-президент Американской ассоциации банкиров, заявил, что ассоциация рассматривает «значительное сокращение налоговых ставок на доходы корпораций как важнейший способ стимулирования роста».

Симпозиум подтвердил, что американские буржуазные экономисты не способны выработать действительно эффективные меры роста капиталистической экономики. Это признал в заключительном выступлении вице-президент Совета директоров «Манюфакчурерс Хановер траст компани» Г. Хэйг. Симпозиум, по его мнению, оказался в таком же примерно положении, как некогда Христофор Колумб. Последний, как утверждают, «никогда не знал, куда он едет, и не знал, что прибыл в место назначения, а когда вернулся, то всегда считал, что он был где-то в другом месте». И хотя Хэйг пытался убедить участников симпозиума, что дело обстоит не совсем так, но весь ход дискуссии о пути, по которому надо двигаться США для ускорения темпов экономического роста, говорит, что правящие круги США не в состоянии кардинально решить эту важную проблему. Хэйг заявил, что участники симпозиума присутствовали на похоронах идеи ускорения темпов роста до 5% или 4,5%. Сам он считает это «весьма конструктивным вкладом в решение проблемы».

В обсуждении проблемы темпов экономического роста активное участие приняла пресса США. Ряд ее органов обрушился на деятельность правительства по регулированию экономики. Особенно яростно нападали на правительство органы «большого бизнеса». Так, журнал «Мэгэзин оф Уолл-стрит» писал: «В условиях системы сво-

бодного рынка невозможно предугадать причуды и фантазии потребителей, но американский капитализм тем не менее неоднократно доказывал ее эффективность. И эту систему не заменят рационализаторские меры и изменчивые прогнозы вашингтонских экспертов, которые только за последние 16 месяцев последовательно предсказывали бум, спад, умеренное процветание, спад и теперь снова возможное процветание, если только страна будет действовать так, как они говорят. Они ни разу не оказались правы отчасти потому, что каждое небольшое изменение экономического ветра побуждает их ложиться на совершенно новый курс и их главная цель, как представляется, заключается в том, чтобы навсегда укрепить правительство у кормила власти, а там будь что будет» [1].

В 1962—1963 гг. правительство США взяло курс на снижение налогов на корпорации и подоходного налога и объявило это мероприятие важнейшим средством ускорения темпов роста. Выступая 10 сентября 1963 г. на национальной конференции, организованной деловыми кругами Комитета борьбы за снижение налогов, Кеннеди заявил, что предложенное им снижение налогов является «самым важным мероприятием, касающимся экономики страны, из всех, которые рассматривались конгрессом за последние 15 лет» [2]. Принятие этого законопроекта, по мнению Кеннеди, существенно важно для нормального функционирования и роста экономики США в текущем десятилетии. Снижение налогов, утверждал он, будет стимулировать деловую активность, приведет к увеличению количества рабочих мест, предохранит американскую экономику от спадов. Кеннеди, который так много говорил в свое время о необходимости увеличения общественных расходов, заявил в этой речи, что он и его правительство горды тем, что они добились сокращения доли расходов федерального правительства на гражданские нужды в валовом национальном продукте. Предметом его гордости, заявил Кеннеди, является то, что в трех представленных его правительством бюджетах увеличение расходов на гражданские нужды было меньшим, чем в трех последних бюджетах его предшественника президента Эйзенхауэра. Выступая по телевидению 18 сентября 1963 г.,

---

[1] «The Magazine of Wall Street», April 6, 1963, p. 104.
[2] «U. S. News and World Report», September 23, 1963, p. 98.

Кеннеди обещал избегать всех «не необходимых» расходов [1]. Правительство Кеннеди, таким образом, отошло от предвыборных обещаний. Об этом совершенно открыто стала писать американская пресса. «Нью-Йорк таймс», в частности, писала, что экономическая философия правительства Кеннеди всегда исходила из практических нужд и целью его стратегии было решение вставших перед страной проблем [2]. «Когда Кеннеди вступил в должность президента, — писала несколько позже та же газета, — он решительно примыкал к лагерю либералов. В то время он выступал скорее за более дешевый кредит и за увеличение правительственных расходов, чем за общее сокращение налогов, в качестве мер для стимулирования экономической деятельности. Раздавались даже некоторые голоса о повышении налогов, с тем чтобы помочь оплатить дополнительные расходы. Такая политика не расходилась с платформой, с которой демократы выступали на выборах 1960 г. и в которой отдавалось реальное предпочтение либеральному подходу. Программа требовала увеличения правительственных расходов во всех направлениях. Необходимость сбалансирования бюджета признавалась только на словах...

Продолжающийся дефицит американского платежного баланса и тревога консерваторов, вызванная дефицитом государственного бюджета, — вот чем в основном был вызван отход Кеннеди от позиции либералов. Этот отход готовился очень долго. Кеннеди стремился к тому, чтобы обеспечить более дешевый кредит, чем в периоды бумов в прошлом. В этом году он пытался сократить налоги, выступая в то же время за умеренное увеличение правительственных расходов. Он действительно не порывал со своей старой позицией до тех пор, пока не стало ясно, что оппозиция достаточно сильна, чтобы отложить и урезать выдвинутые им предложения о сокращении налогов. Но больше не существует никаких сомнений в том, что он отошел от либералов» [3].

Убийство Кеннеди и вступление на пост президента Линдона Б. Джонсона не привело к существенным изменениям в политике, направленной на ускорение

---

[1] «U. S. News and World Report», September 30, 1963, p. 102.
[2] «The New York Times», 29. VII. 1963.
[3] «The New York Times», 31. X. 1963, p. 43—44.

темпов экономического роста. Джонсон продолжил политику Кеннеди. В опубликованных в начале 1964 г. посланиях конгрессу (послание о положении страны, экономическое послание и послание о бюджете) излагается экономическая программа правительства Джонсона. Эта программа исходит из стимулирования экономического роста путем расширения частных, а не государственных расходов, и в основе ее лежит сокращение налогов. В проекте бюджета государственные расходы на 1964/65 г. сокращены как в сравнении с ожидавшимся бюджетом Кеннеди, так и в сравнении с предыдущим финансовым годом. Джонсон добился принятия конгрессом закона о снижении налогов. Он заявил, что это мероприятие является важнейшей акцией правительства в экономической области после второй мировой войны и что оно приведет к длительному и устойчивому росту экономики.

Однако снижение налогов не может отменить основных закономерностей капиталистического воспроизводства. Снижение подоходного налога лишь весьма незначительно увеличивает платежеспособный спрос населения. Снижение налогов на корпорации увеличивает возможности капиталовложений, но расширение производственных мощностей, которые и так используются неполностью, бессмысленно без соответствующего расширения рынков.

Темпы роста капиталистической экономики определяются объективными закономерностями капиталистического воспроизводства, стихийными силами рынка, динамикой покупательной способности населения.

Какова реальная действительность? Общеизвестно, что за последние годы для американского капитализма все большую остроту приобретает проблема рынков, как внутренних, так и внешних. Доля США в экспорте капиталистических стран упала с 33% в 1947 г. до 17—18% в настоящее время. Внутри страны исключительно резко сказывается отставание платежеспособного спроса населения от роста производственных мощностей. Загрузка производственных мощностей американской промышленности не превышает 70—80%, а в периоды кризисов она гораздо ниже.

После окончания второй мировой войны платежеспособный спрос населения растет гораздо медленнее,

чем производственные мощности. На первых порах это противоречие не чувствовалось так остро, ибо в американской экономике происходило массовое обновление основного капитала. Однако постепенно разрыв между производственными мощностями и покупательной способностью достиг таких масштабов, при которых темпы дальнейшего развития должны были резко снизиться. И действительно, на протяжении последних лет производство растет крайне медленно. В 1948—1949 гг., 1953—1954 гг., 1957—1958 гг. и 1960—1961 гг. американская экономика пережила кризисы перепроизводства. То, что происходит в последние семь-восемь лет в экономике США, и есть результат действия указанных выше объективных процессов.

При капитализме ход экономического развития представляет собой результат погони за прибылью многих тысяч частнокапиталистических предприятий. В этих условиях, несмотря на рост государственно-монополистических мероприятий, отсутствует объективная возможность подчинить развитие единому плану, преодолеть присущие капиталистической экономике противоречия. Для значительного и устойчивого расширения рынка необходимо или резкое увеличение занятости (но оно невозможно в силу быстрого роста автоматизации производства и производительности труда), или резкое повышение заработной платы (но на это не желают идти монополии). Государство могло бы несколько смягчить проблему рынка, если бы оно предприняло решительные меры для повышения покупательной способности широких масс и расширения общественного потребления невоенного характера. Американское правительство могло бы содействовать ускорению экономического роста США, если бы оно значительно увеличило государственные расходы на строительство школ, ликвидацию трущоб, мирные научные исследования и т. п. Однако классовые интересы монополистической верхушки, которая оказывает решающее влияние на правительство, не позволяют сделать «проблемой № 1» буржуазного государства стимулирование потребления народа и увеличение расходов на общественные нужды.

Задача ускорения темпов экономического роста не по силам дряхлеющему американскому капитализму. «Медленная экономика» — это закономерный продукт со-

циальных и политических условий, в которых протекает ныне хозяйственное развитие США, следствие загнивания американского империализма в обстановке третьего этапа общего кризиса капитализма, неизбежный результат хозяйничанья капиталистических монополий, пагубного влияния раковой опухоли милитаризма.

Итак, впервые в истории американского капитализма увеличение темпов экономического роста выдвинулось на авансцену политической жизни страны и стало лозунгом значительной части правящего класса. Этот лозунг пользуется поддержкой широких слоев трудящихся, которые связывают с ускорением темпов роста свои надежды на сокращение безработицы, расширение расходов на социальные нужды, расширение общественных работ и т. п.

Также впервые в истории США правительство взяло на себя в качестве одного из своих главных обязательств обязательство ускорить темпы экономического роста. Это далеко выходит за рамки принимавшихся ранее обязательств обеспечения полной занятости, борьбы с инфляцией, проведения антикризисных мероприятий.

Однако в проведении курса на ускорение темпов роста буржуазное правительство сталкивается с острыми противоречиями. Это противоречия между народом и монополиями, противоречия внутри правящего класса между различными монополистическими группировками. Система мероприятий, намеченная правительством Кеннеди для ускорения темпов роста экономики, подверглась под влиянием противоречивых интересов различных группировок весьма значительным изменениям. В ряде важных вопросов Кеннеди, а затем Джонсон по существу перешли на позиции, противоположные тем, которые демократическая партия занимала во время предвыборной кампании 1959—1960 гг.

Глава II

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ

Военные заказы промышленности

Государственное стимулирование капиталовложений

Государственное строительство

Наступление третьего этапа общего кризиса капитализма характеризуется дальнейшим ростом неустойчивости экономики капиталистических стран. Перед лицом успехов стран социализма возрастает использование монополиями государственного аппарата в качестве важнейшего орудия сохранения своего господства. Государственное вмешательство в процесс капиталистического воспроизводства становится более активным. Усиление государственного регулирования в США связано как с общими условиями углубления кризиса капиталистической системы, так и с конкретными условиями экономического и политического положения.

Правительство Дж. Кеннеди начало свою деятельность в период, когда экономика США переживала кризис перепроизводства. Это был четвертый по счету кризис после окончания второй мировой войны. Индекс промышленного производства в феврале 1961 г. достиг наибольшего падения, составив 102,1 (1957—1959 гг.= 100) по сравнению с 111,1 в январе 1960 г. (предкризисный максимум). Промышленное производство и частные вложения в основной капитал сократились на 8%, прибыли монополий (после выплаты налогов) упали на 14,2%. Безработица достигла наивысшего за послевоенный период уровня, составив 7% всех занятых. Коэффициент использования производственных мощностей обрабатывающей промышленности, по официальным данным, на начало 1961 г. равнялся 77%. Резко сократилось жилищное строительство. По заявлениям официальных деятелей, общий объем производства и услуг

(валовой национальный продукт) на начало 1961 г. был на 50 млрд. долл. ниже возможностей американской экономики. Кризис 1960—1961 гг. наступил тогда, когда последствия циклического кризиса 1957—1958 гг. не были до конца преодолены. Фаза оживления так и не перешла в фазу подъема. Впоследствии председатель Совета экономических консультантов при президенте У. Геллер признал, что в начале 1961 г. США «находились в таком состоянии, когда требовалось восстановление не от одного, а от двух спадов, так как спад 1960 г. наступил в условиях неполного восстановления после кризиса 1957—1958 гг.» [1].

В этих условиях широко разрекламированная во время предвыборной кампании политика «новых рубежей» свелась к серии мероприятий, ставивших ограниченную задачу преодолеть очередной кризис перепроизводства. «Значительная часть внутренней программы «новых рубежей» состояла из антикризисных мероприятий» [2], — отмечалось в «Конгрешнл дайджест».

Опасаясь обострения классовой борьбы и усиления недовольства масс, правительство пошло на частичные уступки трудящимся. Одним из первых мероприятий было временное увеличение максимального срока получения пособий по безработице с 26 до 39 недель. Кроме того, через конгресс был проведен закон, разрешающий выдавать временное продовольственное пособие семьям безработных, имеющим малолетних детей.

Эти меры не могли сколько-нибудь существенно повлиять на хозяйственную конъюнктуру. К тому же они были приняты в то время, когда кризисное падение производства уже прекратилось. Учитывая это обстоятельство, конгресс не торопился с осуществлением антикризисных мер, а правительство не настаивало на этом. Центр тяжести был перенесен на увеличение военных расходов. В форсировании военного производства правящие круги видели более выгодный для себя способ преодоления кризиса и создания условий для нового промышленного подъема.

В течение 1961 г. под предлогом обострения международной обстановки (неудавшееся вторжение на Кубу в апреле, так называемый берлинский кризис в июле —

[1] «Congressional Record», August 11, 1962, p. 15130.
[2] «Congressional Digest», December 1962, p. 296.

августе) и необходимости «догнать Советский Союз в военном отношении» правительство добилось увеличения военных ассигнований на 6 млрд. долл. Политика «новых рубежей» почти с самого начала оказалась политикой дальнейшей гонки вооружения и форсированной милитаризации экономики США. Раздутые военные ассигнования в отличие от увеличенных пособий по безработице не были временной мерой. Военные заказы промышленности наряду с использованием кредитных и финансовых инструментов для стимулирования капиталовложений и государственного строительства выступили в качестве основных форм государственного регулирования производства.

1. Военные заказы промышленности

Покидая президентский пост, Д. Эйзенхауэр счел нужным публично выразить свое беспокойство глубоким проникновением милитаризма во все стороны жизни американского общества. «Мы должны оградить себя, — говорил он в январе 1961 г., — от приобретения военно-промышленными компаниями неограниченного влияния». Такие признания человека, под чьим руководством милитаризация стала постоянным спутником американской экономики в мирное время, знаменательны. То, что правительство Кеннеди, пренебрегая советами своего предшественника, пошло по пути еще больших военных расходов, свидетельствует о глубоких корнях милитаризма в США, о заинтересованности влиятельных кругов монополистического капитала в продолжении гонки вооружений.

Монополистический капитал стремится использовать милитаризацию экономики для укрепления капиталистической системы хозяйства, для борьбы против растущих сил социализма и демократии. Тесная связь между углублением общего кризиса капитализма, ростом государственно-монополистического капитализма и усилением милитаризма раскрыта в Программе Коммунистической партии Советского Союза. «Государственно-монополистический капитализм, — говорится в Программе КПСС, — неслыханно усиливает милитаризм. Империалистические государства содержат и в мирное время огромные вооруженные силы. Военные расходы погло-

щают все большую часть государственных бюджетов. Империалистические государства превращаются в милитаристские, военно-полицейские государства; милитаризация пронизывает жизнь буржуазного общества»[1]. Усиленное развитие милитаризма в США связано и с тем, что американский империализм выполняет роль мирового жандарма, выступает главным оплотом международной реакции.

В первый год президентства Дж. Кеннеди трижды (в марте, мае и июле 1961 г.) обращался к конгрессу с просьбой увеличить военные расходы. В последующие годы расходы на гонку вооружения продолжали систематически расти.

Таблица 4

Бюджетные расходы федерального правительства[2]

(в млрд. долл.)

	1959/60 г.	1960/61 г.	1961/62 г.	1962/63 г.	1963/64 г. (предварительные данные)
Всего.....	76,5	81,5	87,8	92,6	98,8
В том числе прямые военные расходы....	45,7	47,5	51,1	53,4	56,0

Более 70% увеличения расходов по трем бюджетам, принятым при правительстве Дж. Кеннеди (1962—1964 финансовые годы), связано с ростом военных затрат. Характерным в этом отношении является бюджет, запланированный на 1963/64 г. «Истина состоит в том, — говорил министр финансов Д. Диллон, — что все увеличение бюджетных расходов (на 4,5 млрд.), намечаемое в 1964 г., в сравнении с 1963 г. будет осуществляться только в трех основных направлениях: на оборону, на освоение космического пространства и выплату процентов по государственному долгу. Все другие расходы будут ниже уровня 1963 г.»[3].

Около половины военных ассигнований идет на покупку вооружения и военного снаряжения, на научно-

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 340.

[2] «Statistical Abstract of the U. S.», 1963, p. 256; «The New York Times», 22. I. 1964.

[3] «Congressional Record», June 25, 1963, p. A 4055.

исследовательские работы военного характера. Эти затраты при правительстве Кеннеди также значительно увеличились: в 1959/60 г. они составили 23,7 млрд. долл., в 1960/61 г. — 25,6 млрд., а в 1961/62 г. возросли до 29,3 млрд. долл.[1]

Основные усилия новое правительство сделало в области гонки ракетно-ядерного оружия. Как заявил министр обороны Р. Макнамара, в течение первых двух лет на 50% возросли расходы на строительство подводных лодок, оснащенных установками для запуска управляемых снарядов типа «Поларис» (к 1967 г. предполагается построить 41 такую лодку). Были удвоены производственные мощности по созданию межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен». На 60% увеличилось снабжение ядерным оружием военных сил НАТО в Западной Европе[2]. По утверждению сенатора Мэхона (от штата Техас), «США имеют сейчас наготове втрое больше атомного оружия, чем в 1961 г.»[3].

Кроме того, правительство увеличило расходы на переоснащение вооруженных сил новейшими артиллерийскими орудиями, танками, тактическими ракетами, реактивными самолетами и т. д. Численность армейских дивизий, находящихся в боевой готовности, возросла на 45%; на 30% увеличилась мощность военно-воздушных сил тактического назначения; значительно возросло обеспечение военными материалами и оборудованием и т. д.

Несомненно, что все эти мероприятия правительства Кеннеди имели в первую очередь военно-политическую направленность. Вместе с тем они преследовали и определенные экономические цели. В середине 1961 г., когда резко были увеличены военные ассигнования, многие органы буржуазной печати утверждали, что усиленная гонка вооружений и есть то, что сможет вывести экономику США из состояния летаргического сна. Так, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Тенденция ясна — бизнес вступает в полосу невиданного бума... Военная программа служит дополнением к широким программам дорожного строительства, исследования космоса... Все это обеспечивает наступление

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1963, p. 257.
[2] «Vital Speeches of the Day», June 1, 1963, p. 509.
[3] «Congressional Record», June 27, 1963, p. 11169.

периода рекордного процветания»[1]. Еженедельник «Тайм» приводил расчеты, сделанные экономическими советниками Кеннеди, согласно которым каждый доллар новых военных затрат якобы вызовет дополнительное расходование средств частными фирмами от одного до полутора долларов. Иначе говоря, писал «Тайм», рост военных расходов на 3 млрд. долл. приведет к общему увеличению спроса на 6—7 млрд. долл.[2] Советники Кеннеди полагали, что военный бум развернется в полную силу уже к концу 1961 г.

Однако прогнозы не оправдались. Несмотря на значительный рост военных расходов, промышленное производство росло крайне медленно (с августа 1961 по январь 1962 г. менее чем на 1%). В первой половине 1962 г. рост ускорился (с января по июнь на 4,4%), затем полностью приостановился еще на полгода, и только с весны 1963 г. ясно выявились признаки общего промышленного подъема. Военная программа Кеннеди, таким образом, не оправдала возлагавшихся на нее надежд: как и прежде, продолжали действовать обычные силы капиталистического цикла.

Было бы неверно преуменьшать роль высоких военных расходов как одного из факторов поддержания производства на относительно высоком уровне. Военные затраты составляют около 10% валового национального продукта США. Около 6,5 млн. человек самодеятельного населения (из 75 млн.) занято обслуживанием военных нужд[3]; из них 2,5 млн. — в военной промышленности, около 3 млн. — в вооруженных силах и более 1 млн. являются служащими министерства обороны.

По сведениям, приводимым Бинойтом, председателем группы американских экспертов по разоружению в Женеве, доля продукции, используемая на военные цели, составляла в 1958 г.:

авиационной промышленности	— 93,7%
судостроения	— 60,7%
производства средств радиосвязи	— 38,0%
транспортного машиностроения	— 38,5%
электромашиностроения	— 20,9%
сталелитейной промышленности	— 9,8%
химической промышленности	— 5,0%

[1] «U. S. News and World Report», August 7, 1961, p. 40.
[2] «Time», August 4, 1961, p. 59.
[3] По данным на 1962 г.

Несмотря на все это, роль военных расходов как средства взбадривания конъюнктуры за последнее десятилетие значительно уменьшилась. Об этом достаточно убедительно говорит сравнение эффекта от военной программы Кеннеди с тем, что имело место, например, во время войны в Корее. В 1953 г. по сравнению с 1950 г. государственные закупки товаров и услуг военного характера возросли более чем втрое — с 20,3 млрд. долл. до 63,7 млрд. долл. в сопоставимых ценах 1962 г. За время президентства Дж. Кеннеди с 1960 по 1962 г. они возросли с 46,1 млрд. долл. до 53,7 млрд. долл. (в ценах 1962 г.), т. е. на 16,5% [1]. Все это говорит о том, что общий прирост военного спроса на товары и услуги при правительстве Кеннеди был намного ниже, чем в годы войны в Корее. Для соответствующего увеличения военного спроса потребовалось бы такое расширение военных расходов, которое не может быть достигнуто при существующих ресурсах федерального бюджета.

В осуществлении своей военной программы правительство Кеннеди натолкнулось на непреодолимые препятствия политического и финансового характера.

Увеличение военных расходов правительством Дж. Кеннеди было предпринято в условиях, когда их большой объем уже сделался постоянным фактором экономики. В начале 50-х годов военный спрос не мог быть удовлетворен за счет существовавших производственных мощностей. На военное производство был переключен ряд предприятий, выпускавших гражданскую продукцию, увеличена загрузка существовавших мощностей военных предприятий, пришлось начать строительство многих новых заводов не только по выпуску вооружения, но и в других отраслях, снабжающих военную индустрию сырьем, материалами и оборудованием. Это вызвало в то время значительный рост капиталовложений и в конечном счете общий подъем промышленного производства. Ныне военные заказы не оказывают подобного действия, так как в производственных мощностях нет недостатка. Напротив, расширение производственного аппарата военной промышленности в 50-х годах вышло за пределы реальной потребности. Вот почему увеличение военных расходов правительством Дж. Кеннеди не могло вызвать

---

[1] «Economic Report of the President», Washington, 1963, p. 173.

сколько-нибудь значительного расширения капиталовложений, массового строительства новых предприятий и переоборудования старых. Новые ассигнования пошли не на ввод в действие новых мощностей, а на форсированный выпуск тех видов вооружения, которые уже запущены в производство и для создания которых имеется готовая производственная и сырьевая база.

Знаменательными в этом отношении являются заявления Р. Макнамары, утверждавшего, что дальнейшее расширение военных ассигнований не изменит сколько-нибудь значительно общее состояние военной мощи США. Поэтому, оставаясь на позиции не только сохранения, но и увеличения военного потенциала, правительство США предложило на 1964/65 г. на 1,1 млрд. долл. меньше ассигнований на военные нужды, чем в 1963/64 г., за счет отмены устаревших проектов и небольшого сокращения численности служащих министерства обороны. Совокупные расходы на военные цели в 1964/65 г. предполагаются на уровне предшествующих двух лет.

Не явились значительным фактором роста производства и коренные сдвиги в военной технике, приведшие за истекшие 10—15 лет к изменению структуры военного спроса. При этом значительно увеличились расходы на приобретение новейших видов вооружения (особенно управляемых снарядов и ядерного оружия), резко сократились закупки обычных видов вооружения (см. табл. 5).

Закупки управляемых снарядов, расходы на ядерное оружие, на исследование и развитие военной техники составляют теперь 52% общих расходов военных ведомств на закупку и производство вооружения, тогда как десять лет назад они достигали лишь 15%. Закупки обычного оружия (с учетом некоторого их увеличения правительством Кеннеди) сократились в 2—3 раза, стратегического сырья — почти в 20 раз, военных самолетов — в 1,3 раза, военное строительство — почти на 40%.

Это, несомненно, не могло не оказать влияние на промышленное производство. Прежде всего резко снизилась заинтересованность в выполнении военных заказов отраслями, осуществлявшими в прошлом массовый выпуск обычного оружия (автомобильная промышленность, сельскохозяйственное машиностроение и т. д.) Концерн «Дженерал моторс» в начале 50-х годов был главным

Таблица 5

Структура затрат на закупки и производство вооружения военными ведомствами США [1]

(в млн. долл.)

	1952/53 г.	1962/63 г. (оценка)
Расходы министерства обороны на закупку и производство главных предметов вооружения	17 123	15 356
В том числе:		
самолеты и части	7 416	5 568
суда	1 191	2 308
управляемые снаряды	316 *	3 899
прочее **	8 210	3 581
Расходы на исследование и развитие военной техники	1 412	6 650
Военное строительство	1 913	1 189
Расходы Комиссии по атомной энергии	1 791	2 880
Накопление стратегических запасов и расширение военного производства	1 008	52 ***
Итого	23 247	26 117

* Оценка.

** Танки, броневики, грузовики, артиллерия, стрелковое оружие, боеприпасы к ним, средства связи, предупреждения и т. д.

*** 1961/62 г.

поставщиком танков; доля вооружения в его продукции достигала 19% (в 1952 и 1953 гг.). Ныне выпуск танков этой фирмой прекращен, резко уменьшилось производство двигателей для военных самолетов, доля вооружения в общей продукции снизилась до 3% [2]. Существенно изменился характер производства в авиационной промышленности. По-прежнему свыше 90% ее продукции идет на поставки военным ведомствам. Однако количество выпускаемых военных самолетов уменьшилось более чем вчетверо. Авиационные компании переключились на создание главным образом ракетной техники. Но производство управляемых снарядов не смогло полностью заменить этим компаниям массового выпуска самолетов. Удельный вес расходов на исследования, предшествующие производству управляемых снарядов, очень

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1955, p. 224; 1962, p. 248.

[2] «Moody's Industrial Manual», 1961, p. 2254.

велик, а объем работ по созданию этих снарядов сравнительно небольшой, что не обеспечивает полной загрузки мощностей, высвобожденных от производства самолетов.

Большое место в выполнении военных заказов стала занимать электронная промышленность. На электронное оборудование приходится теперь около 40% издержек производства в наземном оснащении баллистических ракет, 15—20% издержек в ракетостроении, от 15 до 35% издержек производства в самолетостроении и т. д.[1] Стоимость военных продаж электронной продукции возросла с 500 млн. долл. в 1950 г. до 5 млрд. долл. в 1960 г., а их доля в общей продукции этой отрасли — с 19 до 51%. В то же время производство потребительских товаров, составлявших когда-то основу этой отрасли хозяйства, растет медленно, а их удельный вес в общей продукции систематически сокращается. Предполагалось, что из 13,8 млрд. долл. стоимости продукции электронной промышленности в 1963 г. 8 млрд. долл. придется на оборонные заказы[2]. Министерство обороны ассигнует также около 2 млрд. долл. в год на исследовательские работы в области электроники. Сенатская комиссия по вопросам разоружения (под руководством сенатора Хэмфри), проводившая в 1960—1962 гг. изучение роли военного производства в экономике США, отметила, что электротехническая и радиоэлектронная промышленность занимает после авиационной промышленности второе место по выпуску военной продукции.

Судостроение США остается отраслью промышленности, работающей в основном над выполнением военных заказов (около 60%). На начало 1963 г. частные судоверфи выполняли самый большой в послевоенный период объем работ по строительству военных кораблей. В среднем в 1948—1962 гг. военно-морской флот получал ассигнования на ежегодную закладку 24 кораблей. Ассигнования на 1962/63 г. предусматривали постройку 37 кораблей. Специальная подкомиссия палаты представителей конгресса по вооруженным силам, предпринявшая в 1962 г. изучение состояния военно-морского флота США, пришла к заключению, что 598 из 860 кораблей

---

[1] «Congressional Record», June 26, 1963, p. A 4066.
[2] Там же.

регулярного флота являются устаревшими, так как построены еще в период второй мировой войны. В связи с этим рассматриваются планы роста военного кораблестроения на частных верфях. Однако, как и в авиационной промышленности, удельный вес издержек на исследовательскую работу при строительстве современных судов, оснащенных атомными реакторами и ракетным оружием, значительно возрос.

Общий итог этих изменений в структуре военного производства заключается в том, что расходование сырья, в особенности металла, на каждый доллар военных заказов правительства заметно сократилось. Так, если в годы войны в Корее промышленность вооружений поглощала больше 20% американского производства черных и цветных металлов, то теперь при приблизительно такой же величине военных расходов на нужды вооружения идет меньше 5% этих металлов. В результате значительно уменьшилось влияние военных расходов как средства поддержания производства в таких важных отраслях американской экономики, как черная металлургия, производство алюминия, меди и т. п. Рост использования для военных целей никеля, магния, вольфрама, кобальта, лития, бериллия, германия, тантала не может изменить эту общую тенденцию.

Все это особенно проявляется в условиях резкого сокращения закупок государством стратегических материалов. В прошлом эти закупки доходили до 1 млрд. долл. в год и делались под предлогом необходимости иметь запасы дефицитного сырья. Однако, как выяснилось, значительная часть таких закупок не вызывалась военной необходимостью. В январе 1962 г. Дж. Кеннеди признал, что «чрезмерное накопление ценных материалов явилось тяжелым бременем для государственного бюджета и потенциальным источником чрезмерных и незаконных прибылей» [1]. Создание государственных запасов дефицитного сырья и дефицитных материалов позволяло монополиям ряда отраслей расширять производственные мощности, сбывать государству продукцию по высоким ценам даже в условиях перенасыщения рынка. Так, накопленные запасы вольфрама, во много раз превышающие потребности, обошлись налогоплательщи-

[1] «The News York Times», 1. II. 1962.

кам в 711,3 млн. долл., хотя по максимальным рыночным ценам они оцениваются теперь в 274,3 млн. долл. Правительство закупало вольфрам по цене 55 долл. за фунт, почти в 2 раза переплачивая против рыночной цены. Не удивительно, что некоторые фирмы, продавая вольфрам государству, скупали его по более низким ценам у фирм, не имевших контрактов с правительством[1]. По оценке Управления мобилизации ресурсов, стоимость излишних запасов сырья на конец 1962 г. равнялась 4 млрд. долл. Разоблачение этой деятельности правительства заставило Кеннеди принять решение сократить излишние закупки сырья. И хотя в течение 1962 г. происходил некоторый рост запасов сырья, его закупки находятся теперь на весьма низком уровне.

В условиях резко изменившейся структуры военных закупок, снижения их эффективности для взбадривания конъюнктуры особенно большое значение приобретают государственные субсидии на научно-исследовательскую работу. Расходы частных промышленных фирм на эти цели за последние годы резко возросли — с 3,5 млрд. долл. в 1953 г. до 10,5 млрд. долл. в 1960 г. Значительная часть этих издержек покрывается из средств государственного бюджета (около 60%). Три четверти этих правительственных субсидий расходуются в двух военных отраслях — авиационной и электронной промышленности, где доля государственного финансирования достигает соответственно 87 и 67%. Из 9,2 млрд. долл., израсходованных федеральным правительством на научно-исследовательскую работу в 1960/61 г., $^2/_3$ были оплачены министерством обороны[2]. Очевидно, что сдвиги в военной технике потребовали не только оплаты правительством стоимости закупаемого вооружения, но и стоимости работ, осуществляемых в порядке подготовки такого производства. Цель — повысить привлекательность для частных корпораций заказов на разработку и поставку новых видов оружия.

При правительстве Кеннеди впервые стали играть заметную экономическую роль программы по освоению космического пространства (см. табл. 6).

---

[1] «Congressional Record», April 25, 1962, p. 6583.

[2] «Historical Statistics of the United States», 1961, p. 614; «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 248, 542.

Таблица 6

Государственные расходы по программам освоения космического пространства[1]

(в млн. долл.)

	1960/61 г.	1961/62 г.	1962/63 г. (оценка)	1963/64 г. (предварительные данные)
Освоение космического пространства по программам министерства обороны	839	1 150	1 450	1 667
Расходы Национальной администрации по аэронавтике и исследованию космического пространства	900	1 800	3 700	5 712
Итого	1 739	2 950	5 150	7 379
Расходы на ракетное вооружение	8 056	8 231	8 371	8 334

Общие затраты на указанные программы, которые еще в 1960/61 г. были почти впятеро меньше расходов на ракетное оружие, в 1963/64 г. отставали от них лишь на 11%. Бюджетные ассигнования Национальной администрации по аэронавтике и исследованию космического пространства, составлявшие в 1959/60 г. лишь 0,4 млрд. долл., достигли в 1963/64 г. 4,2 млрд. долл. Это на 75% выше ассигнований предыдущего года[2]. 85% правительственных ассигнований, выделяемых на освоение космического пространства, идут на оплату заказов промышленным фирмам и научно-исследовательским учреждениям. Около 500 фирм-подрядчиков и 5—8 тыс. фирм-субподрядчиков заняты выполнением этих заказов. По мнению, высказываемому в деловых кругах, промышленность, связанная с освоением космоса, в ближайшие десять лет по объему производства, возможно, обгонит автомобильную промышленность и выйдет на первое место.

Увеличение правительством Кеннеди военных расходов не вызвало нового промышленного бума. Но оно

[1] «Missiles and Rockets» № 3, 1963, p. 12.
[2] «Congressional Digest», May 1963, p. 138.

помогло повысить прибыли военных концернов. В годы войны в Корее эти прибыли достигли максимума. В последующие годы вследствие перехода на выпуск новых видов оружия норма прибыли снизилась, но все же попрежнему значительно превышала прибыльность гражданского производства. Норма прибыли 15 корпораций, получающих наибольшие военные контракты, в 1959—1961 гг. была на 20—50% выше средней нормы прибыли 500 крупнейших промышленных корпораций.

Таблица 7

Норма прибыли на весь вложенный капитал [1]
(в %)

	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
15 крупнейших поставщиков военной продукции . . .	12,4	11,0	12,1	17,8
500 крупнейших промышленных корпораций	10,3	9,1	8,3	8,9

В 1961 г. чистая прибыль (после уплаты налогов) на весь инвестированный капитал компании «Норс Америкэн авиэйшн» составила 12,1%, а по отношению к собственному капиталу — 24—25%; у «Локхид эркрафт» — 19,8% к общему капиталу и почти 60% к собственному (компания владеет лишь 1/3 своего действительного капитала) [2].

В 1960 г. была пройдена низшая точка длительного уменьшения прибыльности военного производства. Уже в 1961 г., как видно из таблицы, она вновь пошла на повышение, тогда как общая норма прибыли 500 компаний уменьшилась (год кризиса). В 1962 г. (второй год пребывания правительства Кеннеди у власти) прибыли крупных корпораций возросли в среднем на 13% по сравнению с 1961 г., но прибыли военных компаний увеличились еще больше, например у «Дуглас эркрафт» — на 71,3%, у «Рэйдио корпорейшн оф Америка» — на 40,8%, у «Норс Америкэн авиэйшн» — на 24,5% и т. д. [3]

[1] *V. Perlo,* Militarism and Industry, New York, 1963, p. 32; «Fortune», July 1963, p. 177.
[2] Исчислено по «Moody's Industrial Manual», 1962.
[3] «Business Week», February 16, 1963.

Высокая норма прибыли в военных отраслях обеспечивается системой ценообразования, характером распределения военных заказов, порядком реализации военной продукции, многочисленными льготами и скрытыми субсидиями от государства. До недавнего времени цены на поставляемую продукцию определялись на основе издержек производства плюс фиксированная прибыль. Такая практика позволяла монополиям, искусственно завышая данные об издержках производства, получать не только фиксированную и, таким образом, гарантированную им прибыль, предусмотренную в качестве твердой надбавки к издержкам, но и дополнительную прибыль, скрытую в издержках производства и к тому же не облагаемую налогом, т. е. по сути дела являющуюся двойной прибылью. Многочисленные примеры искусственного завышения издержек производства военными поставщиками приводятся в ежегодных докладах генерального контролера, следящего за использованием бюджетных средств. Согласно осторожной оценке подкомиссии по закупкам вооружений Объединенной экономической комиссии конгресса, ликвидация такой практики дала бы экономию минимум в 10% к общей сумме расходов на эти цели.

После прихода к власти правительства Кеннеди министерство обороны при закупке военной продукции предложило применять так называемые фиксированные цены поощрительного характера, исключающие якобы возможность манипулировать с издержками производства. Однако одного этого оказалось недостаточно. Фактическим признанием того, что военные расходы представляют собой бесконтрольное разбазаривание бюджетных средств, явилась опубликованная Пентагоном в июле 1962 г. программа пятилетнего сокращения издержек. Она ни в коей степени не уменьшает масштаба военных приготовлений, а направлена на то, чтобы в рамках предусмотренных ассигнований высвободить дополнительные средства на создание и закупку новейших систем оружия. Предполагается, что благодаря этой программе министерство обороны сэкономит около 2,7 млрд. долл. в 1964 г. и 3,5 млрд. долл. в 1965 г. Помимо изменения практики ценообразования на военную продукцию программа предусматривает увеличение доли заказов, присуждаемых посредством конкурентных тор-

гов, за счет уменьшения удельного веса контрактов, заключенных путем прямых переговоров. Предполагается также улучшить распределение и учет запасов военного оборудования, снаряжения и т. д. Однако, как заявил Р. Макнамара, «мы еще только скользим по поверхности» [1] в осуществлении этой программы.

Государственные закупки вооружения и сырья не означают создания рынка, свободного от действия сил конкуренции и анархии, которые приобретают в этих условиях новые формы. Примечательными в этом отношении являются сетования журнала «большого бизнеса» — «Мэгэзин оф Уолл-стрит». «Кажется, — писал журнал, — что компании, действующие в военной области и области использования космического пространства, имеют широкий и расширяющийся рынок для своих продуктов и услуг. Однако большие средства, предусмотренные бюджетом, не гарантируют индивидуальным компаниям сбыт продукции. Конкуренция сейчас острее, чем когда-либо. Она усиливается решимостью Пентагона увеличить закупки товаров на конкурентной основе; в то время как одни программы будут продолжаться до окончания сроков их выполнения, другие будут выдыхаться или будут сокращены задолго до их завершения» [2].

Жалобы на «неустойчивость» военного рынка зачастую являются не вполне искренними, но они отражают ту борьбу, которая развертывается вокруг военных заказов. Верно то, что долю военных контрактов, заключаемых на основе прямых переговоров, предполагается сократить в 1964 г. до 61,6% по сравнению с 67,1% в 1961 г. и 80—90% в 1958 г. Возможно, что увеличение доли заказов, присуждаемых посредством открытых торгов, задержит рост цен на военную продукцию. По заявлениям члена палаты представителей Х. Вильсона, экономия от перехода на эту систему могла бы составить 25% к общим расходам на закупку военной продукции. Однако рост общей суммы военных расходов и увеличение числа новых заказов в результате «экономии» перекрывает возможные «потери» от расширения системы конкурентных торгов.

Система торгов дает возможность правительству более гибко использовать военные контракты в своей внутри-

[1] «Vital Speeches of the Day», June 1, 1963.
[2] «The Magazine of Wall Street», February 10, 1962, p. 561.

политической игре. Ярким примером тому явилась борьба, развернувшаяся между двумя крупнейшими авиационными компаниями — «Дженерал дайнэмикс» и «Боинг эрплейн» — за присуждение выгодного заказа на новый тип военного самолета ТФЭ («Тэктикэл файтер экспериментал»). Длительная борьба окончилась присуждением контракта компаниям «Дженерал дайнэмикс» и «Грумман» (субподрядчик первой), несмотря на то что «Боинг эрплейн» предложила меньшую цену. Большую роль в этом сыграла заинтересованность правительства в том, чтобы заказ выполнялся в «демократическом» Техасе, а не в «республиканском» Канзасе. О тесной зависимости присуждения контрактов от политических интересов свидетельствует и следующий пример. В предвыборной кампании на пост президента Дж. Кеннеди обещал оказать помощь штату Западная Виргиния. Свое обещание он сдержал: в 1962 г. Западная Виргиния получила военных контрактов на 166,7 млн. долл. против 48,9 млн. долл. в 1960 г.

В целом ведущие военно-промышленные монополии чувствуют себя достаточно прочно. В 1962 г. 5 компаний получили более 20% общей стоимости первичных военных заказов, 25 компаний — более 50% стоимости заказов, а на долю 100 компаний приходилось 72,3% [1]. Подавляющая часть прибылей от гонки вооружений попрежнему достается только незначительной верхушке монополистического капитала.

Итак, рост военных расходов при правительстве Кеннеди не способствовал оздоровлению американской экономики. Более того, дальнейшая милитаризация усугубила диспропорции не только в экономике в целом, но и в самом военном производстве. Гонка вооружений отвлекла огромные дополнительные средства от выполнения невоенных программ, затормозила осуществление мер в области народного образования, здравоохранения, социального обеспечения. «Нельзя отрицать того факта, — говорилось в конгрессе, — что деньги, которые могли быть затрачены на школы, больницы и другие потребности нашей нации, отвлекаются на выполнение мощной оборонной программы» [2].

---

[1] «Economic Notes», February 1963, p. 4.
[2] «Congressional Record», June 5, 1963, p. 9640.

Но, как известно, чем больше средств идет на военное производство, тем неустойчивее становится экономика капитализма, тем острее его противоречия. Практика правительства Кеннеди подтвердила это.

2. Государственное стимулирование капиталовложений

С 1962 г., когда стало ясно, что военная программа не окажет серьезного стимулирующего влияния на производство, правительство Кеннеди стало уделять все больше внимания другим средствам взбадривания деловой активности. На этот раз была сделана попытка обеспечить рост частных капиталовложений.

Вопрос о государственном стимулировании капиталовложений не является новым для США, и в послевоенные годы к этому обращались не раз. Проблема капиталовложений стала ныне одной из наиболее острых и болезненных проблем американского капитализма.

Таблица 8

Частные капиталовложения[1]
(в млрд. долл.)

	1948 г.	1951 г.	1957 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Расходы частных фирм на новые предприятия и оборудование (в текущих ценах)	22,1	25,6	37,0	35,7	34,4	37,3	39,2
Вложения в производственное оборудование:							
в текущих ценах	18,9	21,3	28,5	27,5	25,5	28,8	30,9
в ценах 1954 г.	22,8	22,0	24,6	22,7	21,0	23,8	25,5

Физический объем частных капиталовложений (в неизменных ценах 1954 г.) резко замедлился вскоре после окончания второй мировой войны. В 1948 г. расходы на производственное оборудование вдвое превысили

[1] «Historical Statistics of the United States», 1961, p. 142—143; «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 314, 499; «Survey of Current Business», April 1964, S — 1, S — 2.

уровень 1929 г. Этот «рекорд» был побит лишь в 1956—1957 гг., после чего начался новый период застоя. В 1961 г. (первый год президентства Кеннеди) эти расходы были на 14% меньше, чем в 1957 г., и на 7% меньше, чем в 1948 г.

В течение многих лет длительный застой маскировался ростом цен, вследствие которого текущая стоимость частных капиталовложений возросла в 1948—1957 гг. более чем в 1,5 раза. Однако после 1957 г. положение изменилось. В 1961 г. объем расходов на новые заводы и оборудование составил 34,4 млрд. долл., т. е. был меньшим, чем в 1953 г. (34,7 млрд. долл. в сопоставимых ценах 1961 г.), и значительно ниже достигнутых в 1956 и 1957 гг. уровней. Объем капиталовложений в 1962 г. (37,3 млрд. долл.) лишь немного превысил уровень 1957 г. (37 млрд. долл.), но не достиг его физического объема. Доля валовых частных капиталовложений в основной капитал, составлявшая в 1949—1957 гг. в валовом национальном продукте в среднем 10—11%, сократилась до 9% в среднем за период последующих пяти лет. Застой капиталовложений острее всего обнаружился в обрабатывающей промышленности, где при увеличении в 1963 г. объема вложений в основной капитал до 15,7 млрд. долл. (на 7% выше 1962 г.) он еще не достиг уровня 1957 г. (16 млрд. долл.) [1].

Чрезвычайно показательна также затухающая кривая роста капиталовложений после очередных кризисов перепроизводства. В течение двух лет, следующих после прекращения падения производства во время кризисов, частные вложения в новые заводы и оборудование возрастали: с октября 1949 г. — на 49%, с августа 1954 г. — почти на 34%, с апреля 1958 г. — почти на 20%, с февраля 1961 г. — на 11% [2].

Обострение проблемы капиталовложений в США — результат углубления противоречий капиталистического воспроизводства, высокой хронической недогрузки производственных мощностей, замедленных темпов роста производства, упирающегося в относительно узкие для него границы рынка.

---

[1] «Survey of Current Business», March 1964, p. 9.

[2] «The Commercial and Financial Chronicle», March 21, 1963, p. 15.

Рост капиталовложений объективно диктуется потребностями расширенного воспроизводства, необходимостью обновления основного капитала в условиях обостряющейся конкурентной борьбы. По сообщению Американской экономической организации («Американ экономик фаундейшн»), в течение 18 послевоенных лет происходило непрерывное увеличение численности устаревшего оборудования[1]. По ее исчислениям, в 1959 г. устарело оборудование на сумму более 95 млрд. долл. и в последующем продолжало ежегодно устаревать на 8—9 млрд. долл.[2] В обзоре, опубликованном компанией «Макгроу Хилл» летом 1963 г., отмечалось, что в обрабатывающей промышленности 22% заводов и оборудования считаются технически устаревшими.

Острота проблемы капиталовложений и приводит к тому, что государственное вмешательство в процессы капиталистического воспроизводства активно осуществляется в сторону поощрения частных капиталовложений. Стимулирование капиталовложений в США тесно связывается с проблемой ускорения экономического развития. Обосновывая такой подход, председатель Совета экономических консультантов при президенте У. Геллер писал, что «преимущественный упор на расширение частных капиталовложений возникает из растущего и глубоко укоренившегося убеждения правительства в том, что основная экономическая цель американского народа — обеспечение более быстрого роста — может быть достигнута только тогда, когда доля капитальных вложений в валовом национальном продукте сохранится на уровне, достигнутом в первое послевоенное десятилетие»[3]. По расчетам Совета экономических консультантов при президенте, для обеспечения темпа экономического роста не менее 4% в год требуется, чтобы частные капиталовложения составляли не менее 10—11% валового национального продукта, т. е. были выше, чем

---

[1] Так, если в 1945 г. численность металлорежущего оборудования старше 10-летнего возраста составила 38% общего числа, то в 1963 г. — уже 64%.

[2] «The Commercial and Financial Chronicle», December 12, 1963, p. 34.

[3] «The Commercial and Financial Chronicle», March 28, 1963, p. 12.

в последние пять лет, и приблизительно на уровне 1949—1957 гг.

Для стимулирования капиталовложений правительство Кеннеди обратилось к налоговой политике. Это объяснялось обнаружившейся неэффективностью не только такого инструмента, как увеличение расходов на военные цели, но и арсенала кредитного регулирования. Характерными в этом отношении являются признания, сделанные президентом США в речи, произнесенной в Экономическом клубе (декабрь 1962 г.). Дж. Кеннеди заявил, что в прошлом экономическое развитие «частично можно было стимулировать инструментами кредитного регулирования, но нынешнее состояние платежного баланса ограничивает использование этих средств... Можно было бы, — продолжал Кеннеди, — добиваться этого путем возрастающих более быстро, чем это необходимо, федеральных расходов, но такой ход быстро деморализовал бы как правительство, так и экономику» [1]. В экономическом послании Кеннеди конгрессу в январе 1963 г. говорилось: «Изменение налоговой системы является основным инструментом экономической политики США по достижению процветания и более быстрого экономического роста в середине 60-х годов» [2].

Обращение правительства Кеннеди к налоговым средствам стимулирования производства и капиталовложений является закономерным результатом развития государственно-монополистического капитализма в современных условиях. Налоги перестают быть только источником финансирования государственного аппарата, они превращаются и в активное орудие государственного вмешательства в процесс воспроизводства. Этому способствовали глубокие изменения структуры налоговой системы, характерные для эпохи общего кризиса капитализма. В США эти изменения состояли прежде всего в том, что вместо поимущественного налога, таможенных и акцизных сборов решающую роль стали играть подоходный налог и налог на корпорации, на долю которых сейчас приходится более 80% суммы федеральных налоговых поступлений. Возможность использования федеральным правительством налогов для воздействия на экономику

---

[1] «Congressional Record», January 15, 1963, p. 320.
[2] «Economic Report of the President», 1963, p. 66.

обусловливается и тем, что ныне более $^2/_3$ всех налогов являются федеральными; роль местных налогов значительно сократилась.

До прихода к власти правительства Кеннеди в США применялись следующие методы налогового воздействия на капиталовложения: льготные правила амортизационных отчислений, налоговые льготы для отраслей добывающей промышленности (особенно так называемая скидка па «истощение недр» для нефтяной и газовой промышленности), право списания потерь на доходы прошлых и будущих лет и т. д. По существу за этими налоговыми льготами скрывается система государственных субсидий монополиям.

Наиболее выгодным для монополистического капитала является право ускоренной амортизации. Широко использованное во время второй мировой войны, оно было вновь введено в 1950 г. Корпорациям разрешалось списание стоимости нового оборудования и сооружений преимущественно военного назначения в течение пяти лет и сокращение суммы подоходного налога на величину дополнительной амортизации. Закон 1954 г. распространил правила ускоренной амортизации почти на всю промышленность, причем компаниям предоставлялись большие возможности в выборе метода ускоренного списания. По этому закону бо́льшая часть стоимости основного капитала списывалась в первой половине «нормального» срока его использования (не обязательно пять лет).

Искусственное завышение норм амортизации позволяло монополиям укрывать от налогообложения огромные средства, помогало взвинчивать цены на продукцию, повышало прибыльность предприятия. По официальным данным, казначейство США из-за ускоренной амортизации ежегодно недополучало по меньшей мере 2 млрд. долл. [1]

Использование сокращенных сроков амортизации явилось одной из причин структурных изменений в финансовом состоянии корпораций. В 1946 г. на долю амортизационного фонда приходилось 37% внутренних накоплений, а в 1961 г. — 77,5% [2]. Ускоренная амортиза-

---

[1] «Congressional Record», August 24, 1962, p. 16384.

[2] Подсчитано по данным «Survey of Current Business», October 1957, p. 10; July 1962, p. 24.

ция облегчала обновление основного капитала, несмотря на большую недогрузку производственных мощностей, но не могла целиком преодолеть этот барьер для роста капиталовложений. Увеличение объема внутренних накоплений корпораций не сопровождалось соответствующим ростом инвестиций. Так, объем внутренних накоплений с 1949 по 1957 г. возрос более чем в 2 раза, а инвестиции в капитальное оборудование — лишь в 1,7 раза[1].

Уже первые мероприятия правительства Дж. Кеннеди предусматривали более широкое использование налоговой системы. В апреле 1961 г. президент направил конгрессу послание, в котором предлагал предоставить налоговые льготы предпринимателям, осуществляющим новые капиталовложения в заводы и оборудование.

В 1962 г. правительство приняло новые правила амортизационных отчислений и ввело 7-процентную налоговую скидку на инвестиции. В 1963 г. оно внесло в конгресс проект налоговой реформы, одной из главных задач которой является стимулирование частных капиталовложений. После длительного обсуждения этого проекта в феврале 1964 г. был принят закон о сокращении налогов.

Новые правила амортизационных отчислений. По закону 1954 г. предприниматели использовали различные методы ускоренного списания стоимости производственных мощностей, но срок их полезной службы, очень важный при исчислении налогов, по-прежнему регулировался старыми правилами, установленными еще в 1942 г. («бюллетень Ф»). Поэтому после ускоренной (например, в течение семи лет) амортизации неизбежно наступал период, когда оборудование продолжало действовать, но амортизировать его было нельзя. Если в первый период корпорация платила заниженные налоги, то в последующем ей грозила уплата повышенного налога с искусственно увеличенной прибыли. В конечном счете, если оборудование доживало до конца срока, то льготы первого периода исчезали полностью. Но большинство предпринимателей пользовалось различными уловками, чтобы сократить этот срок, и он фактически

---

[1] Подсчитано по данным «Statistical Abstract of the U. S.», 1961, p. 493.

оказывался ниже, чем в правилах, в среднем составляя 15 лет против 19 лет по «бюллетеню Ф». Существовавшая система в известной степени даже тормозила замену морально устаревшего оборудования новым и способствовала росту недогрузки производственных мощностей. Чем старше было оборудование, тем меньше оно использовалось. Министр финансов Д. Диллон отмечал в этой связи: «Наша практика амортизационных списаний в течение очень многих лет не была реалистичной. Основанная на опыте возмещения прошлых лет, она не отражала быстро растущего темпа экономических и технических изменений» [1].

Развернувшаяся среди предпринимателей кампания за пересмотр существующих сроков амортизации увенчалась успехом. Министерство финансов объявило в июле 1962 г. новые правила. Теперь разрешено списывать стоимость оборудования в течение срока на 32% более короткого, чем по старым правилам. Средний срок использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности сокращен с 19 до 12 лет. Это сокращение касается 70—80% всех машин и оборудования, используемых сейчас американскими частными фирмами. Наибольшему сокращению подверглись сроки использования оборудования в текстильной промышленности — на 60—40%, на транспорте — на 55, в химической промышленности — на 40, в металлургии — на 40—28% и т. д. [2]

Применение новых правил к доходам 1962 г. сократило налоги с корпораций на 1,25 млрд. долл. Это равнозначно сокращению ставок налога на прибыль корпораций в среднем на 2,25 пункта. Применение новых правил привело к тому, что в сталелитейной промышленности уже в 1962 г. объем амортизационных отчислений увеличился на 26% в сравнении с 1961 г. [3] Новые сроки амортизации стали использоваться наряду с предусмотренными законом о налогах 1954 г. различными методами ускоренной амортизации.

Налоговая скидка на инвестиции. Семипроцентная налоговая скидка на инвестиции была принята в качестве

---

[1] «American Economic Review», May 1963, p. 345.
[2] Там же, стр. 347.
[3] «The Magazine of Wall Street», May 1963, p. 223.

составной части закона о государственных доходах 1962 г. Компаниям было разрешено вычитать из своих налоговых обязательств сумму, равную 7% новых капиталовложений в оборудование, если срок его использования составляет не менее 8 лет. По капиталовложениям в оборудование сроком менее 4 лет налоговые льготы не предоставляются. Если оборудование амортизируется в течение 4—6 лет, налоговая скидка составляет $2^1/_3$%, в течение 6—8 лет — $4^2/_3$%. Компаниям «общественного пользования» (телефон, телеграф, газ, электроэнергия) льгота предоставляется в размере 3% капиталовложений. Уменьшение налоговых обязательств в полной мере предусматривается лишь в пределах 25 тыс. долл., сверх этой суммы компенсация осуществляется лишь в размере 25%. По официальным исчислениям, выгоды предпринимателей от этой меры составили 1,3 млрд. долл. налоговых сбережений в пересчете на годовой уровень. Правительство заверило предпринимателей, что это правило будет не временной, а постоянно осуществляемой мерой поощрения инвестиций.

Предоставление налоговой скидки на инвестиции является более активным инструментом поощрения капиталовложений, чем система ускоренной амортизации, так как она предоставляется на действительные, а не на предполагаемые капиталовложения.

Применение новых правил амортизационных списаний и налоговой скидки на инвестиции способствовало укреплению финансового состояния корпораций, повышению прибыльности капиталовложений. Уже в 1962 г. внутренние средства корпораций возросли на 5,3 млрд. долл., или на 17%. Главной причиной их увеличения послужил рост на 3,8 млрд. долл. амортизационного фонда, который при использовании старых правил возрос бы лишь на 1,7 млрд. долл. 55% суммы амортизационных отчислений были осуществлены на основе новых правил списания.

Новые правила амортизационных отчислений привели к тому, что уже в 1962 г. 2,5 млрд. долл. прибылей оказались освобожденными от уплаты налога, перейдя в амортизационный фонд. Эти две налоговые меры сократили налоговые обязательства корпораций на 2,5 млрд. долл. уже в 1962 г. Налоговые платежи корпораций возросли только на 0,2 млрд. долл. вместо 2,5 млрд. долл.

По расчетам известного американского исследователя по вопросам инвестиций Дж. Терборга, две налоговые меры эквивалентны сокращению цен на оборудование на 9% и увеличению нормы прибыли на 20%.

Применение налоговой скидки на инвестиции явилось одной из главных причин увеличения капиталовложений железнодорожным транспортом на 30% в 1962 г. по сравнению с предшествующим годом и на 27% в 1963 г. Новые правила амортизационных отчислений, введенные для текстильной промышленности еще осенью 1961 г., способствовали значительному росту капиталовложений в этой отрасли промышленности.

Согласно данным компании «Макгроу Хилл», налоговые меры 1962 г. будут способствовать добавочным капиталовложениям в объеме около 1 млрд. долл. в год.

Несмотря на большие выгоды для монополистического капитала, первые результаты применения новых налоговых льгот не соответствовали надеждам, которые на них возлагались. Правительство ожидало, что частные капиталовложения уже в 1962 г. составят минимум 40 млрд. долл. В действительности же они оказались значительно ниже этих расчетов (37,4 млрд. долл.). Признанием недостаточности этих мер по стимулированию капиталовложений служат дальнейшие шаги правительства Кеннеди, предпринятые уже в 1963 г.

Стимулирование капиталовложений, предусмотренное законом о сокращении налогов 1964 г.[1] 26 февраля 1964 г. после продолжавшегося более 13 месяцев обсуждения конгресс США принял новый закон о налогах. Закон предусматривает некоторое сокращение ставок подоходного налога на все группы населения, сокращение налогов на прибыли корпораций и некоторые структурные изменения в налоговой системе.

Закон о налогах 1964 г. явился дальнейшим важным шагом в государственном поощрении капиталовложений. Этой цели служат следующие положения закона:

1. Сокращение ставок налога на прибыли корпораций, превышающие 25 тыс. долл. в год (от 52 до 50% в 1964 г. и до 48% в 1965 г.). Ставки налога на первые 25 тыс. долл. прибыли сокращаются с 30 до 22%. Эти сокращения налоговых платежей касаются доходов,

---

[1] О других аспектах налоговой реформы см. главу VI.

получаемых с января 1964 г. (в то время как на трудовые доходы сокращения осуществляются лишь с 5 марта).

Налоговые платежи корпораций уменьшатся на 2,4 млрд. долл. в год, когда произойдет полностью предусмотренное законом сокращение ставок в 1965 г. В 1964 г. налоговые обязательства сокращаются на 1,5 млрд. долл. В сочетании с налоговыми льготами 1962 г. сокращение ставок налогов на прибыли будет означать общее уменьшение налоговых обязательств на 5 млрд. долл. в год [1]. Укрепление финансового состояния корпораций создает благоприятные возможности для расширения капиталовложений. Этой же цели служит и сокращение максимальных ставок подоходного налога.

2. Максимальные ставки подоходного налога уменьшаются. Например, на доходы, превышающие 100 тыс. долл., с 91 до 77% в 1964 г. и до 70% в 1965 г. Совершенно очевидно, что экономия, полученная состоятельными семьями от сокращения ставок подоходного налога, как правило, не будет означать расширение потребления, а увеличит лишь их сбережения, вложения в ценные бумаги или реальный капитал. Выгоды от сокращения ставок подоходного налога и налога на прибыли в основном приходятся на одни и те же группы населения.

3. Закон предусматривает дальнейшее расширение льгот, предоставленных монополиям в 1962 г. Прежде всего это касается налоговой скидки на инвестиции. По закону 1962 г. амортизационные отчисления с оборудования, при покупке которого использовалась налоговая скидка, сокращались соответственно размеру скидки. Так, при покупке станка стоимостью в 1 тыс. долл. амортизации подвергались только затраты в 930 долл., а 70 долл., равные 7% налоговой скидки на инвестиции, вычитались из общих затрат. По новому закону амортизационные отчисления осуществляются со всей суммы затрат на оборудование, что увеличивает выгоды от применения налоговой скидки [2].

Правило, предусматривающее сокращение амортизационных отчислений из суммы налоговой скидки, отменено. Более быстрой замене устаревшего оборудования

---

[1] «The Commercial and Financial Chronicle», May 2, 1963, p. 12.
[2] «U. S. News and World Report», March 2, 1964, p. 30.

способствует специальное разрешение на 20-процентное списание стоимости оборудования в первый год его функционирования, которое используется в дополнение к обычно применяемым нормам списания[1].

По новому закону о налогах расширяются льготы для компаний, терпящих убытки. Им и раньше разрешалось вычитать эти убытки из доходов будущих лет в пределах не более 1 тыс. долл. в год в течение пяти лет, что позволяло соответственно сокращать размеры налогооблагаемого дохода. Новый закон не ограничивает численность лет, в течение которых можно делать вычеты прошлых убытков.

Были сохранены в основном все привилегии, небольшие ограничения которых предусматривались в законопроекте, предложенном президентом Дж. Кеннеди конгрессу в январе 1963 г. Ярким примером этого служит сохранение налоговых льгот для предприятий нефтяной и газовой промышленности. В американской печати широко признавалось, что предоставление скидки на так называемое истощение недр в размере 27,5% является несправедливой привилегией, позволяющей нефтяным компаниям сберегать на уплате налогов до 1 млрд. долл. ежегодно. Внесенная поправка к налоговому законодательству предусматривала лишь небольшое сокращение размера скидки (с 27,5 до 23%). Однако это предложение встретило такое сильное сопротивление со стороны нефтяных монополий, что обрекло его на провал. Закон 1964 г. устраняет лишь очень небольшую льготу, позволявшую суммировать рассредоточенные объекты собственности, что увеличивало их выгоды при налогообложении. Отмена этого правила обойдется нефтяным монополиям лишь в 40 млн. долл. добавочных налогов.

Новый закон делает попытку приблизить уплату налогов с прибылей к моменту их получения, однако предусматривается это осуществлять в течение последующих семи лет для плательщиков налога более 100 тыс. долл. в год.

Сокращение налогов на прибыли монополий в новом законе сочетается с сохранением лазеек и привилегий, содержащихся в существовавшем налоговом законодательстве.

---

[1] «U. S. News and World Report», March 23, 1964, p. 96.

Какова возможная эффективность налоговых мер в деле расширения капиталовложений? Их влияние будет противоречивым. Нельзя отрицать, что получение 4—5 млрд. долл. дополнительных средств ежегодно, укрепляя финансовое положение монополий, создает более благоприятные условия для расширения капиталовложений. Уменьшение налога на корпорации повышает и прибыльность новых инвестиций. В зависимости от уровня использования производственного аппарата, от финансового состояния налоговые мероприятия будут оказывать различное влияние как на отдельные отрасли хозяйства, так и на отдельные компании. В лучшем положении окажутся новые отрасли хозяйства, предъявляющие большой спрос на капитал и не имеющие груза неиспользуемых мощностей. Однако для большинства отраслей характерна значительная недогрузка основного капитала.

Но дело не только в этом. На пути расширения капиталовложений стоит не недостаточность свободного денежного капитала, а затруднения в обороте основного капитала, обострение проблемы рынка. По данным Совета экономических консультантов, соотношение между капиталовложениями и накоплением было следующим:

Таблица 9

Финансовое состояние корпораций [1]

Год	Капиталовложения в здания и оборудование (в млрд. долл.)	Внутренние накопления (перераспределенная прибыль и амортизационные фонды) (в млрд. долл.)	Отношение внутренних средств к капиталовложениям (в %)
1950—1954	107,2	97,2	90,6
1955—1958	113,2	108,4	95,8
1959—1961	88,9	93,0	104,6

Начиная с 1958 г. инвестиции американских корпораций с превышением покрывались внутренними накоплениями. В 1961 г. накопления составили 41,3 млрд. долл., а инвестиции в основной капитал и запасы — 31,3 млрд. долл. [2] Недогрузка основного капитала имеет своей

[1] «Congressional Record», August 25, 1962, p. 16545.
[2] «Survey of Current Business», July 1962, p. 24.

оборотной стороной излишек свободного денежного капитала, ищущего и не находящего себе достаточно прибыльного (с точки зрения монополий) применения.

Соотношение между накоплениями и инвестициями колеблется в зависимости от фазы цикла. В повышательные фазы цикла капиталовложения обычно больше накоплений. Современные условия «медленной» экономики США вносят в это правило коррективы. 1962 год не был кризисным, инвестиции в новые заводы и оборудование возросли, но объем капитальных затрат опять-таки был меньше, чем внутренние накопления.

Лишь в III квартале 1963 г. впервые после кризиса 1960—1961 гг. капиталовложения в новые заводы и оборудование росли быстрее, чем внутренние средства. Однако общая картина остается неизменной: общий объем внутренних средств корпораций за последние 2,5 года возрос на $^2/_5$, а объем капитальных затрат — лишь на $^1/_5$.

Увеличение внутренних источников накопления, не сопровождаемое соответствующим ростом инвестиций, обнаруживает несостоятельность и апологетический характер широко распространенной теории о том, что якобы недостаточный объем прибылей, получаемых корпорациями, служит основной причиной замедленных капиталовложений (А. Бэрнс и др.). Рост капиталовложений наталкивается не на недостаточность прибылей, а на узкие рамки потребительского спроса населения.

Конечно, в случае если внезапно открываются новые возможности прибыльного вложения капитала, наличие свободных денежных накоплений намного облегчит рост капиталовложений. Надо только, чтобы в последнем была объективная потребность. Такая потребность может быть вызвана силами капиталистического цикла. Один тот факт, что в течение 1958—1962 гг. новые капиталовложения по физическому объему ни разу не превысили уровень 1957 г., создает возможность новой волны обновления основного капитала.

Стихийные силы капиталистического цикла, а не налоговые и другие меры государственного регулирования явились решающими в увеличении капиталовложений в 1962 г. (на 8,3% по сравнению с кризисным 1961 г.) и в 1963 г. (на 5%). Налоговые меры в лучшем случае

лишь облегчили рост инвестиций, а не вызвали его. Точно так же налоговые меры не смогут предотвратить очередного циклического уменьшения инвестиций, когда оно наступит.

Налоговое стимулирование капиталовложений таит в себе и немалые опасности. Чем больше свободного денежного капитала, тем шире возможность переусердствовать с ростом инвестиций в условиях циклического подъема и тем самым усилить очередной кризис перепроизводства. Кроме того, увеличение капиталовложений в условиях перенакопления основного капитала неизбежно ведет к росту хронической недогрузки производственных мощностей. Налоговое стимулирование превращается тем самым в государственную гарантию сохранения хронической недогрузки, осуществляемую за счет налогоплательщиков.

Об этом же свидетельствует и опыт прошлых лет. Так, президент Эйзенхауэр начал свою деятельность с отмены «налога на сверхприбыль». В 1954 г. американские корпорации уплатили налогов на 3 млрд. долл. меньше, чем в 1953 г. Хотя прибыль (до вычета налога) уменьшилась на 2,2 млрд. долл., после уплаты налогов она даже выросла. Но это не приостановило кризиса перепроизводства. В последующие годы темпы роста экономики упали, недогрузка производственных мощностей достигла громадных размеров. После трехлетнего роста инвестиций последовал их длительный застой.

Противоречивость налоговых мероприятий признают и отдельные буржуазные экономисты. Так, Л. Кайзерлинг писал в этой связи: «Предложения о налоговых льготах бизнесу повторяют ошибочную политику, которая в последние годы стимулировала исключительно капиталовложения, а не потребление, и, таким образом, способствуют частому повторению кризисов и низким темпам экономического развития» [1].

Налоговые мероприятия правительства США не способны обеспечить высокие темпы частных капиталовложений и ускорить экономическое развитие, так как не устраняют глубоких противоречий капиталистического воспроизводства.

---

[1] «The Progressive», June 1962, p. 14.

3. Государственное строительство

Обзор деятельности правительства Кеннеди в области производства и капиталовложений не будет полным, если не остановиться на государственном строительстве. В общем объеме нового строительства США на долю государства приходится в последние годы около 30%. Это немаловажный фактор общей хозяйственной конъюнктуры в США, в особенности если иметь в виду тесную связь строительной промышленности как с общим объемом капиталовложений в стране, так и потребительскими расходами населения.

Таблица 10

Стоимость частного и государственного строительства[1]
(в млрд. долл.)

	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Новое строительство — всего	55,3	53,9	55,5	59,0	62,8
В том числе:					
частное	39,2	38,1	38,3	41,5	43,8
государственное	16,1	15,9	17,2	17,6	19,0
в % к общему объему	29,1	29,5	31,0	29,8	30,3

Государственное вмешательство в область строительства не ограничивается прямыми ассигнованиями, а включает и обширную деятельность по страхованию кредитов на частное жилищное строительство, на долю которого приходится более половины (55—58%) общей стоимости частного строительства.

Что касается государственного строительства, то с целью стимулирования экономического развития оно осуществлялось в значительно меньшем масштабе, чем кредитное регулирование. Широкому развитию государственного строительства препятствует сопротивление монополистического капитала, заинтересованного главным образом в милитаристском направлении использования государственных средств. Как свидетельствует американский экономист Э. Бинойт, государственные расходы на гражданские нужды составляют сейчас (на

[1] «The Handbook of Basic Economic Statistics», February 15, 1964, p. 192—193.

душу населения) около половины того, что было в 1939 г.[1] С целью активного воздействия на конъюнктуру использовались в первую очередь так называемые общественные работы. Впервые широко примененные во время «нового курса» Ф. Рузвельта в 30-х годах, они поддерживали развитие строительной промышленности и способствовали уменьшению безработицы в стране. После войны общественные работы широко использовались лишь в связи с кризисом 1957—1958 гг. Федеральные расходы на общественные работы невоенного характера выросли с 2,2 млрд. долл. в 1956/57 г. до 5 млрд. долл. в 1959/60 г.; при правительстве Кеннеди они составили 5,8 млрд. долл. (1961/62 г.)[2]. Основными объектами таких работ являются строительство дорог, учебных заведений и сохранение естественных ресурсов.

Правительство Кеннеди намеревалось шире использовать общественные работы. В экономическом послании конгрессу (январь 1962 г.) говорилось о необходимости предоставить президенту право увеличивать расходы на государственное строительство до 2 млрд. долл. в год с целью поддержания общего объема инвестиций, уменьшения безработицы и оказания помощи местным властям. Конгресс отверг это предложение. В сентябре 1962 г. был принят закон об ускорении общественных работ в районах с хронически высоким уровнем безработицы. Но вместо 2 млрд. долл. закон предусматривал лишь 900 млн. долл. на осуществление тех проектов, которые могут быть завершены в течение 12 месяцев[3]. Бюджетные расходы на эти цели в 1962/63 г. были предусмотрены в объеме 400 млн. долл., а в 1963/64 г. — 450 млн. долл. По мнению сенатора Бэта, этих средств хватит для дополнительного вовлечения в производство лишь 50—60 тыс. человек[4].

Роль федерального правительства в финансировании дорожного строительства возросла после принятия в 1956 г. (при Эйзенхауэре) закона о создании системы автострад, пересекающих различные штаты. Эта программа предусматривает строительство 41 тыс. миль авто-

---

[1] «The New York Times Magazine», April 28, 1963, p. 44.
[2] «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 749.
[3] «Congressional Record», October 4, 1962, p. 21039.
[4] «Congressional Record», April 30, 1963, p. 6944.

Таблица 11

Государственное строительство[1]
(в млн. долл.)

	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Государственное строительство — всего	16 211	15 953	17 034	17 706	18 979
В том числе:					
жилищное строительство	962	716	840	938	782
строительство учебных заведений	2 656	2 818	3 051	2 984	2 965
дорожное строительство	5 870	5 464	5 818	6 254	6 702

страд и на 90% финансируется из федерального бюджета. В 1961 г. программа строительства дорог между штатами была расширена, сделан больший упор на ее возможное военное использование. К середине 1962 г., т. е. за шесть лет действия программы, построено 12,5 тыс. миль дорог и израсходовано 13,3 млрд. долл.

В экономическом послании конгрессу в январе 1962 г. Дж. Кеннеди признал, что в государственном строительстве школ, больниц и т. д. наблюдается большее отставание, чем в 20-е годы[2]. Расходы по этим видам строительства несут в основном местные власти, что и обусловливает их ограниченный характер. Правительство Кеннеди не проявило настойчивости в расширении федеральных расходов на эти цели, так как бюджет и без того перегружен военными статьями. Предложенные им мероприятия по увеличению строительства новых учебных заведений, больниц и т. д. встретили сильное сопротивление в конгрессе.

Лишь при президенте Л. Джонсоне был принят закон, предусматривающий сравнительно небольшие ассигнования в 1,2 млрд. долл. для предоставления в течение трех лет субсидий и займов на строительство классных комнат, библиотек и лабораторий[3].

---

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1963, p. 744. «The Handbook of Basic Economic Statistics», April 15, 1964, p. 193.
[2] «Economic Report of the President», 1962, p. 139.
[3] «Business Week», December 14, 1963, p. 36.

Большой общий объем государственного строительства оказывает известное стабилизирующее влияние на строительную промышленность. Так, кризисные сокращения частных расходов на строительство в 1949 и 1958 гг. были перекрыты увеличением государственного строительства. Только в 1960 г. произошло одновременное сокращение как частного, так и государственного строительства. Однако в 1961 г. увеличение объема нового строительства происходило в первую очередь за счет государственного, которое возросло на 6,9%, в то время как частное — лишь на 2%. Строительная промышленность, не составляя исключения из циклического развития производства, благодаря государственным инвестициям испытывает теперь меньшие колебания, что в некоторой степени смягчает кризисные сокращения всего производства.

Тем не менее такое воздействие государственного строительства остается ограниченным вследствие сопротивления со стороны монополистического капитала, боящегося расширения государственной собственности и конкуренции со стороны государства, особенно в периоды благоприятной конъюнктуры. Милитаристский характер использования бюджетных средств приводит к тому, что удовлетворение жизненно важных потребностей населения в школах, больницах, транспорте и т. д., являющихся объектами государственного строительства, сильно отстает от потребностей в них.

* *
*

Экономическая политика, осуществлявшаяся правительством Дж. Кеннеди, свидетельствует о том, что государственно-монополистическое регулирование производства в США становится все более активным по мере углубления общего кризиса капитализма.

Третий этап общего кризиса капитализма, его обострение объективно обусловливают и главные задачи государственного вмешательства в производство, которые состоят в том, чтобы сохранить господство капиталистической системы хозяйства, препятствовать замедлению темпов экономического развития, укрепить позиции монополистического капитала.

В качестве основных форм государственного воздействия на производство по-прежнему используются государственные расходы, осуществляемые преимущественно на военные цели, налоговая система, государственное строительство, кредитное регулирование и т. д. Однако в структуре использования этих мероприятий произошли изменения.

В условиях, когда такие инструменты государственного регулирования, как военные заказы промышленности, кредитные мероприятия и т. д., перестали быть эффективными в деле стимулирования производства, правительство Дж. Кеннеди пошло по пути более широкого использования налоговой системы. Налоговая политика применяется главным образом для стимулирования частных капиталовложений, застой которых является одной из наиболее острых проблем экономического развития США.

Наряду с широким использованием налоговой системы правительство Дж. Кеннеди осуществляло в еще большем масштабе, чем предшествующее правительство, милитаризацию экономики. Однако расширение производства, вызванное созданием новой техники по освоению космического пространства и ракетно-ядерного оружия, является значительно меньшим по размеру и менее устойчивым, чем в то время, когда экономика США впервые перестраивалась на военные рельсы.

Государственное гражданское строительство в целом оказывает известное стабилизирующее влияние на экономику. Но это влияние по-прежнему ограничено. Монополистический капитал сопротивляется расширению строительства учебных заведений, больниц, транспорта общественного пользования и т. д., огромный недостаток в которых в США ощущается особенно остро.

Государственно-монополистическое регулирование производства в США лишь в некоторой степени тормозит, но не устраняет действия таких объективных процессов, как замедление темпов роста производства, усиление неустойчивости экономического развития.

Глава III

ПРАВИТЕЛЬСТВО И МОНОПОЛИИ

Правительство «большого бизнеса» и противоречия внутри правящего класса

Антитрестовские дела

Частные монополии и государственное регулирование электроэнергетики

Государство и транспортные монополии

Взаимоотношения между правительством Кеннеди и определенными кругами американского «большого бизнеса» далеко не всегда складывались благополучно. Пресса, непосредственно отражающая взгляды банковских и промышленных кругов, особенно в 1961—1962 гг. обвиняла Кеннеди в том, что его правительство является «антипредпринимательским», а проводимая им экономическая политика «враждебна бизнесменам». Такие обвинения, хотя и с меньшей силой, возводились и в последующие месяцы. В 1961 г. «цвет» финансовой олигархии, заседавшей в консультативном совете при министре торговли, заявил об отказе сотрудничать с правительством и о превращении этого совета (созданного еще при Трумэне) в частную организацию. В 1962 г. острая стычка произошла между самим президентом и руководителями крупнейших стальных монополий по вопросу о ценах. Линию «королей стали» фактически поддержали другие могущественные представители плутократии, публично свалившие ответственность за биржевой кризис в мае — июне 1962 г. на «жесткий» курс правительства по отношению к «большому бизнесу».

Было бы неправильно придавать чрезмерное значение всем этим конфликтам и обвинениям, выдвигавшимся против президента Кеннеди. Да и само правительство в разгар истории со сталелитейными компаниями действовало осторожно и не доводило дело до крайности. Уже в мае 1962 г., т. е. тотчас же после взрыва, вызванного повышением цен сталелитейными компаниями, президент выра-

зил свою готовность «протянуть бизнесменам оливковую ветвь», созвав в Белом доме конференцию представителей деловых кругов и профсоюзов. Президент все чаще стал приглашать к себе на завтраки бизнесменов и «внимательно выслушивал их». Печать выражала свое удовлетворение по поводу усилий президента «улучшить свои отношения с представителями как мелких, так и крупных компаний» [1]. Когда ровно через год после повышения цен в 1962 г. сталелитейные компании вновь подняли цены, президент не стал возражать. Однако банкиры и промышленники продолжали высказывать недовольство различными аспектами экономической политики правительства.

1. Правительство «большого бизнеса» и противоречия внутри правящего класса

Обвинения правительства Кеннеди во «враждебности бизнесу» абсурдны прежде всего потому, что это правительство, как и предыдущие американские правительства последних десятилетий, состояло в подавляющем большинстве из представителей монополистического капитала и их доверенных лиц. С. Харрис, профессор Гарвардского университета и один из советников правительства, привел в недавно опубликованной монографии интересные данные о социальном и профессиональном составе правительств Рузвельта, Эйзенхауэра и Кеннеди [2]. По этим данным [3], представители «крупного бизнеса», профессиональные юристы и деятели торгово-промышленных ассоциаций занимали в правительстве Рузвельта 25% постов, Эйзенхауэра — 44, Кеннеди — 21%, а профессиональные политические деятели и государственные чиновники — соответственно 46, 34 и 52%. Доля представителей профсоюзов и фермерских организаций была ничтожной — 1,4 и 4%, доля мелких промышленников также невелика.

---

[1] «U. S. News and World Report», June 4, 1962, p. 35; July 30, 1962, p. 35; June 3, 1963, p. 35.

[2] *C. Seymour, E. Harris,* The Economics of the Political Parties. New York, 1962, p. 20—32.

[3] За основу были взяты данные о 117 высших чиновниках правительства Рузвельта, 180 — Эйзенхауэра, 199 — Кеннеди.

Таблица 12

Краткие сведения о лицах, занимавших высшие посты в правительстве Кеннеди (1961—1963 гг.)

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Кеннеди Джон Ф. (1917—1963)	Президент США	Политический деятель демократической партии, в прошлом член палаты представителей и сенатор от штата Массачусетс. Член совета наблюдателей Гарвардского университета. Сын одного из крупнейших мультимиллионеров США, Джозефа П. Кеннеди, чье состояние оценивается в 200—600 млн. долл. (Состояние нажито на бирже и спекуляциями недвижимым имуществом.) Часть этого богатства была передана Джону Ф. Кеннеди и другим наследникам.
Джонсон Линдон Б.	Вице-президент США. С ноября 1963 г. — президент США	Один из руководящих деятелей демократической партии. В течение длительного времени был членом палаты представителей и сенатором от штата Техас, возглавлял фракцию демократической партии в сенате. Состояние Джонсонов оценивается в 8—9 млн. долл.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
	I. Кабинет министров	
Раск Дин	Государственный секретарь (министр иностранных дел)	В прошлом преподаватель курса международных отношений в одном из калифорнийских колледжей. В правительстве Трумэна был помощником государственного секретаря. В 1953—1960 гг. по рекомендации Дж. Ф. Даллеса (в то время государственного секретаря) занимал пост президента Фонда Рокфеллера.
Макнамара Роберт С.	Министр обороны	С 1946 г. занимал руководящие посты в «Форд мотор компани», в 1960 г. был президентом этого концерна. После назначения на пост министра обороны продал принадлежавшие ему акции компании на сумму 1,5 млн. долл.
Диллон Дуглас	Министр финансов	Политический деятель республиканской партии и банкир. Сын мультимиллионера Кларенса Диллона (общее состояние семьи приблизительно 200 млн. долл.). До 1953 г. занимал посты вице-президента нью-йоркского инвестиционного банка «Диллон, Рид», а также президента контролируемых Диллонами инвестиционных компаний «Юнайтед Стейтс энд форин секюритиз»,

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
		«Юнайтед Стейтс энд интернэшнл секюритиз». При президенте Эйзенхауэре был послом во Франции и заместителем государственного секретаря.
Кеннеди Роберт Ф.	Министр юстиции	Младший брат Дж. Кеннеди, сын мультимиллионера Джозефа П. Кеннеди. Президент Фонда Джозефа П. Кеннеди-младшего. В 50-х годах был специальным следователем при комиссии сенатора Маккарти, а затем при комиссии Макклеллана, расследовавшей дела профсоюзов.
Дэй Дж. Эдвард	Министр почт (до 1963 г.)	Адвокат и бизнесмен. В прошлом компаньон одной из крупнейших чикагских юридических фирм — «Сидлей, Остин, Бэрджес энд Харпер» (где работал и Э. Стивенсон). В 1957—1960 гг. был вице-президентом одной из крупнейших страховых монополий США — «Пруденшл иншуренс», связанной с нью-йоркскими банками «Морган гаранти траст» и «Ферст нэшнл сити».
Гроноски Джон С.	Министр почт (с сентября 1963 г.)	Экономист, профессор. Служил комиссаром по налоговым делам в штате Висконсин.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Юдолл Стюарт Л.	Министр внутренних дел	Политический деятель демократической партии. До 1960 г. — член палаты представителей от штата Аризона. Адвокат, занимался частной юридической практикой.
Фримэн Орвилл Л.	Министр земледелия	Адвокат, в прошлом партнер фирмы «Ларсон, Левингер, Линдквист энд Фримэн» (г. Миннеаполис). В 1955—1961 гг. был губернатором штата Миннесота (от демократической партии).
Ходжес Лютер Х.	Министр торговли	Бизнесмен, бывший вице-президент компании «Маршалл Филд», совладелец «цепи» ресторанов «Ховард Джонсон». В 1954—1960 гг. был губернатором Северной Каролины. Близок к банковско-промышленным кругам этого штата.
Гольдберг Артур Дж.	Министр труда (до 1963 г.)	Адвокат, долгое время специализировавшийся на обслуживании профсоюзов. Был юрисконсультом профсоюза рабочих сталелитейной промышленности. Старший партнер фирмы «Гольдберг, Девоу, Шэдар энд Миква» (Чикаго), партнер фирмы «Гольдберг, Феллер энд Брэдхофф» (Вашингтон). Занимал посты члена Совета директоров

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
		банка «Амальгамейтед траст энд сэйвингс бэнк» и страхового общества «Амальгамейтед лайф энд хелс иншуренс компани» (оба учреждения контролируются профсоюзом швейных рабочих). В настоящее время член Верховного суда США.
Виртц В. Виллард	До 1963 г. — заместитель министра труда, с 1963 г. — министр труда	Адвокат, партнер юридической фирмы «Стивенсон, Рифкинд энд Виртц» (Чикаго).
Рибикофф Абрахам В.	Министр здравоохранения, образования и благосостояния (до 1963 г.)	Деятель демократической партии. Юрист, был судьей в штате Коннектикут, затем членом палаты представителей от этого штата и в 1955—1961 гг. его губернатором. В настоящее время сенатор.
Силебрези Энтони Дж.	Министр здравоохранения, образования и благосостояния (с 1963 г.)	Адвокат, занимался юридической практикой в штате Огайо. С 1953 г. был мэром города Кливленда (штат Огайо).
Даллес Аллен У.	Директор Центрального разведывательного управления (до 1962 г.)	Адвокат, миллионер, профессиональный разведчик, один из основных владельцев крупнейшей в США юридической фирмы «Салливэн энд Кромвелл», обслуживающей различные финансовые группы Нью-Йорка и контролирующей группу собственных

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
		компаний и банков. В годы второй мировой войны работал на важных постах в американской разведке. Центральное разведывательное управление возглавлял с 1953 г. После ухода с поста директора ЦРУ вернулся в «Салливэн энд Кромвелл» в качестве консультанта.
Маккоун Джон А.	Директор Центрального разведывательного управления (с 1962 г.)	Калифорнийский миллионер, владелец состояния, оцениваемого в 60—80 млн. долл. Основные интересы — промышленное, транспортное и энергетическое строительство, судостроение. В последние годы занимал руководящие посты в лос-анжелосской финансовой группировке, был директором «Юнайтед Калифорния бэнк», страхового общества «Пасифик мючэл лайф иншуренс» и др. При Эйзенхауэре был в 1958—1960 гг. председателем Комиссии по атомной энергии. Деятель республиканской партии.
Геллер Уолтер В.	Председатель Совета экономических консультантов при президенте США (до 1964 г.)	Ученый-экономист, профессор государственных финансов университета штата Миннесота.

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Сиборг Гленн Т.	Председатель Комиссии по атомной энергии	Ученый-атомник, президент Калифорнийского университета (в Беркли) и руководитель лаборатории этого университета по исследованиям радиации.
Белл Дэвид Э.	Директор Бюро бюджета (до 1962 г.) С 1963 г. — администратор Агентства международного развития.	Экономист, профессор Гарвардской школы государственной администрации. В прошлом один из помощников президента Трумэна.
Гордон Кермит	Директор Бюро бюджета (с 1962 г.)	Экономист, профессор. В правительстве Трумэна служил в государственном департаменте в качестве консультанта по экономическим вопросам. С 1961 г. был членом Совета экономических консультантов при президенте США.
Вэбб Деймс Е.	Руководитель Национальной администрации по исследованию космического пространства (НАСА)	Бизнесмен. В последнее время возглавлял компанию «Рипаблик саплай» (филиал металлургической монополии «Рипаблик стил»), был директором нефтяной компании «Керр-Макги ойл», военно-промышленной «Макдоннелл эркрафт». В правительстве Трумэна занимал посты заместителя государственного секретаря и директора бюро бюджета.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Банди Макджордж	Специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности	Происходит из влиятельной бостонской семьи (отец – крупный адвокат, был при Рузвельте помощником государственного секретаря и военного министра). Родственник бывшего государственного секретаря Д. Ачесона. Профессор Гарвардского университета (преподавал историю внешней политики США), декан факультета искусств и наук.
II. Государственный департамент		
Болл Джордж В.	Заместитель государственного секретаря (до 1962 г. — заместитель государственного секретаря по политическим вопросам)	Адвокат, совладелец юридической фирмы «Клири, Готтлиб, Стин энд Болл», специализирующейся на обслуживании связей монополий США и стран западноевропейского «Общего рынка».
Боулс Честер	Заместитель государственного секретаря (до 1962 г.)	Основатель и бывший председатель Совета директоров рекламной фирмы «Бентон энд Боулс». Видный деятель демократической партии, был членом палаты представителей от штата Коннектикут и губернатором этого штата. Занимал ряд дипломатических постов, был послом в Индии. Член Совета опекунов Фонда Рокфеллера.

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Гарриман У. Аверелл	Заместитель государственного секретаря по политическим вопросам (с марта 1963 г.). До 1963 г. — помощник государственного секретаря	Крупный капиталист, банкир и политический деятель демократической партии. Миллионер (состояние 75—100 млн. долл.). В прошлом председатель правления железнодорожных компаний «Юнион пасифик» и «Иллинойс сентрал рейлроуд», судостроительной компании «Мерчант шипбилдинг». При Рузвельте занимал ряд видных постов, был послом в Англии и Советском Союзе. В правительстве Трумэна был министром торговли и одним из руководителей администрации помощи по «плану Маршалла». В 1955—1958 гг. был губернатором штата Нью-Йорк. Имеет крупные пакеты акций в указанных компаниях и остается совладельцем банкирского дома «Браун бразерс, Гарриман» — центра финансовой группы Гарриманов.
Макги Джордж К.	Заместитель государственного секретаря по политическим вопросам (1962—1963 гг.)	Капиталист, владелец нефтяной компании «Макги продакшн», директор фирмы «Петролеум резервз». Поддерживает в финансовом отношении демократическую партию. В настоящее время посол США в ФРГ.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Уильямс Дж. Меннен	Помощник государственного секретаря	Адвокат и политический деятель демократической партии. В 1949—1960 гг. — губернатор штата Мичиган. Обладатель крупного наследственного состояния, нажитого в парфюмерной промышленности.
Стивенсон Эдлай Е.	Постоянный представитель США в ООН	Видный деятель демократической партии, в 1952 и 1958 гг. неудачно баллотировался на пост президента США. Был помощником военного министра, губернатором штата Иллинойс. Юрист, в прошлом совладелец чикагских фирм «Сидлей, Остин, Бэрджес энд Смит», «Стивенсон, Рифкинд энд Виртц». Рекомендовал в правительство Кеннеди своих партнеров по юридическим фирмам (см. Эдвард Дэй, Виллард Виртц, Ньютон Миноу).
III. Пентагон (министерство обороны)		
Гилпатрик Росуэлл Л.	Заместитель министра обороны (до января 1964 г.)	Адвокат, в прошлом партнер крупной юридической фирмы «Крэват, Свейн энд Мур» (Нью-Йорк), обслуживающей «Кемикл бэнк Нью-Йорк траст», «Кун, Леб», «Вестингауз электрик», «Бетлехем стил» и ряд других ведущих монополий и банков. В 50-х

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
		годах был председателем Совета директоров фирмы «Сивилиен аэроспейс корпорейшн» (технические исследования в области баллистических ракет и космических полетов). В 1957—1958 гг. участвовал в подготовке доклада Фонда братьев Рокфеллер, потребовавшего произвести значительное увеличение военных расходов США.
Вэнс Сайрус Р.	Министр армии (с мая 1962 г.). С января 1964 г. — заместитель министра обороны	Адвокат, партнер юридической фирмы «Симпсон, Тэчер энд Бартлетт» (Нью-Йорк), обслуживающей семью мультимиллионеров Лименов, их инвестиционный банк «Лимен бразерс», один из крупнейших коммерческих банков Нью-Йорка — «Мэнюфэкчуररз Хановер», и ряд крупных монополий.
Стар Элвис Дж.	Министр армии (до мая 1962 г.)	Адвокат, до 1947 г. работал в нью-йоркской юридической фирме «Мадж, Стерн, Уильям энд Такер». С 1948 г. преподает право и занимает административные должности в высших учебных заведениях. В 1959—1961 гг. был президентом университета Западной Виргинии.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Эйлс Стефен	Министр армии (с января 1964 г.)	Юрист из Вашингтона. Привлекался к секретной работе в правительстве Трумэна. В правительстве Кеннеди до 1964 г. занимал пост заместителя министра армии.
Коннолли Джон Б.	Министр военно-морского флота (до 1962 г.)	Видный техасский адвокат и политический деятель демократической партии. Партнер юридической фирмы «Поуэлл, Виртц энд Роут». Поверенный и распорядитель наследства умершего в 1959 г. мультимиллионера-нефтяника Сида Ричардсона. Одно время был помощником (по сенатским делам) Л. Джонсона. В настоящее время губернатор штата Техас.
Корт Фред	Министр военно-морского флота (с 1962 г. по октябрь 1963 г.)	Адвокат и банкир из Техаса. Партнер юридической фирмы «Уоллес энд Корт». Будучи в 1959—1962 гг. президентом техасского банка «Континентал нэшнл бэнк оф Форт Уорс», занимал одновременно директорские посты в компаниях «Оллстейтс лайф иншуренс» (страхование), «Белл аэроспейс корпорейшн» (управляемые снаряды, искусственные спутники), «Тексас энд пасифик рэйлуэй» (железные дороги).

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Цукерт Юджин М.	Министр авиации	В прошлом адвокат и преподаватель Гарвардской высшей школы бизнеса. В правительстве Трумэна был помощником министра авиации, а в 1952—1954 гг. — членом Комиссии по атомной энергии. До возвращения в правительство возглавлял фирму «Нюклиер сайнтифик энд энжиниринг корпорейшн» (ядерные исследования).
Нитце Пауль Х.	Помощник министра обороны, с ноября 1963 г. — министр военно-морского флота	Банкир, политический деятель. В прошлом вице-президент банкирского дома «Диллон, Рид», вице-президент «Юнайтед Стейтс коммершл компани», директор фирм «Раббер девелопмент», «Аспен корпорейшн», «Техникал сервисиз». При Трумэне заведовал отделом политического планирования в государственном департаменте.
Банди Уильям П.	Помощник министра обороны с 1963 г. В начале 1964 г. переведен на должность помощника государственного секретаря	Адвокат и разведчик, работал в юридической фирме «Ковингтон энд Берлинг» (Вашингтон), в 1951—1961 гг. — в Центральном разведывательном управлении. С 1961 г. занимал пост заместителя помощника министра обороны по вопросам международной безопасности. Старший брат Макджорджа Банди (см. выше).

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Лемнитцер Лаймен Л.	Председатель объединенной группы начальников штабов (до 1963 г.)	Профессиональный военнослужащий в чине полного генерала. Был начальником штаба армии. С 1963 г. занимал пост верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе.
Тейлор Максуелл Д.	Председатель объединенной группы начальников штабов (с 1963 г.). До 1963 г. — специальный советник президента США по военным вопросам. С июня 1964 г. — посол США в Южном Вьетнаме.	Профессиональный военнослужащий в чине генерала армии. До 1959 г. был начальником штаба армии. С этого поста ушел из-за разногласий с правительством Эйзенхауэра (Тейлор считал заниженными военные расходы). В 1959—1961 гг. был председателем «Мексикэн лайт энд пауэр компани» (американская монополия, контролирующая производство половины электроэнергии в Мексике).
Фэй Пол Б.	Заместитель министра военно-морского флота	Бизнесмен, вице-президент компании «Фэй импрувмент» (Сан-Франциско).
Чарик Джозеф В.	Заместитель министра авиации	Долгое время работал в военной промышленности, возглавлял аэрофизическую и химическую лаборатории отделения реактивных снарядов компании «Локхид эркрафт», отделение космической техники в «Аэронатроник системз» (филиал «Форд мотор компани»). В конце 1963 г. ушел с поста

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
		заместителя министра авиации в связи с назначением президентом компании «Коммюникейшнз сэтеллайт корпорейшн», которая занимается производством спутников для межконтинентальной связи.
	IV. Другие министерства	
Фаулер Генри Х.	Заместитель министра финансов	Адвокат, старший партнер юридической фирмы «Фаулер, Лева, Хоулс энд Сайминг-тон» (Вашингтон).
Роуза Роберт В.	Заместитель министра финансов	Экономист, до 1961 г. был вице-президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка. Его назначение на правительственный пост было встречено с особым удовлетворением финансовой прессой Уолл-стрита.
Сэксон Джеймс Дж.	Контролер денежного обращения	Адвокат. В правительстве Трумэна занимал ряд постов в министерстве финансов, в том числе помощника министра финансов. С 1952 г. был недолгое время помощником генерального юрисконсульта Американской ассоциации банкиров в Вашингтоне, а затем вплоть до назначения в правительство Кеннеди — поверенным банка «Ферст нэшнл бэнк оф Чикаго».

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Катценбах Николас	Заместитель министра юстиции	Адвокат, партнер юридической фирмы «Катценбах, Гилди энд Рандер» (г. Трентон, штат Нью-Джерси). Профессор Чикагского университета.
Кокс Арчибальд	Генеральный стряпчий (заместитель министра юстиции)	Адвокат, работал в крупнейшей юридической фирме Бостона «Роупс, Грей, Бест, Кулидж энд Раггр», связанной с бостонскими финансистами и «Морган гаранти траст». Профессор Гарвардского университета.
Левингер Ли	Помощник министра юстиции по антитрестовским делам (до 1963 г.)	Адвокат, партнер юридической фирмы «Ларсон, Левингер, Линдквист энд Фрэзер» (г. Миннеаполис).
Оррик Уильям Х.-младший	Помощник министра юстиции по гражданским делам, с 1963 г. — по антитрестовским делам	Адвокат, партнер юридической фирмы «Оррик, Далквист, Хэррингтон энд Садклиф» (Сан-Франциско). Был директором калифорнийского банка «Ферст Уестерн», компании «Дель Монте пропертиз», связанной с видными финансистами Сан-Франциско.
Гудман Эдвард	Заместитель министра торговли	Банкир, промышленник. Был партнером нью-йоркского инвестиционного банка «Лимен бразерс». Затем переехал в Чикаго, где занимал посты вице-президента ведущей торговой монополии «Сирз, Робэк», директора «Уэрлпул корпорейшн» (электротехника), «Стейн, Роу энд Фарнхэм фанд» (инвестиционный трест) и др.

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Мартин Кларенс Д.	Заместитель министра торговли	Бизнесмен, занимался розничной продажей автомобилей и операциями с недвижимым имуществом в Калифорнии и Аризоне.
	V. Главы прочих ведомств	
Мартин Уильям М.	Председатель совета управляющих федеральной резервной системы	Финансист, доверенное лицо банковских кругов Уолл-стрита. В конце 30-х годов возглавил комиссию по реорганизации нью-йоркской фондовой биржи, став затем ее президентом. В последующие годы был членом, а затем председателем правления Экспортно-импортного банка США, помощником министра финансов, директором Международного банка реконструкции и развития. Совет управляющих федеральной резервной системы возглавил еще в 1951 г.
Линдер Гарольд Ф.	Председатель правления Экспортно-импортного банка США	Банкир из Нью-Йорка. Был партнером фирмы «Карл М. Леб, Роудс», затем возглавил инвестиционную компанию «Дженерал американ инвесторз», созданную банкирскими домами «Лимен бразерс» и «Лазар фрэр». Был директором компаний «Кюбэн атлантик шугар» (сахарные плантации в Центральной Америке), «Интерстейт департмент сторз» (розничная торговля) и др.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Блэк Юджин Р.	Президент Международного банка реконструкции и развития (до 1963 г.)	Банкир из Нью-Йорка, в прошлом вице-президент рокфеллеровского «Чейз нэшнл бэнк». Президентом Международного банка реконструкции и развития стал еще при Трумэне (в 1949 г.). После ухода с этого поста назначен директором и консультантом «Чейз Манхэттен бэнк». Член Совета опекунов и председатель финансового комитета Фонда Форда.
Вудс Джордж Д.	Президент Международного банка реконструкции и развития (с 1963 г.)	Один из наиболее влиятельных нью-йоркских банкиров. Был председателем правления инвестиционного банка «Ферст Бостон корпорейшн», обслуживающего главным образом компании и банки Меллонов, Рокфеллеров, Кайзеров; директором ряда крупных промышленных монополий и банков: «Питтсбург плэйт гласс» (стекло, химия, стройматериалы), «Кайзер стил» (черная металлургия), «Кэмпбелл суп» (пищевая промышленность), «Чейз интернэшнл инвестмент корпорейшн» (международный филиал основного рокфеллеровского банка), «Коммонуэлс ойл рифайнинг компани» (нефтеперегонные заводы), членом Совета опекунов и финансового комитета Фонда Рокфеллера.

Продолжение

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Фостер Уильям Ч.	Директор Агентства по разоружению и контролю над вооружением	Профессиональный управляющий (менеджер). В последнее время был вице-президентом военно-химической компании «Олин Мэтисон кемикел», директором «Детройт Эдисон» (электростанции), «Маркуардт эйркрафт» (военные самолеты, управляемые снаряды) и др. В правительстве Трумэна был заместителем министра обороны.
Минов Ньютон Н.	Председатель Федеральной комиссии связи	Адвокат, партнер фирмы «Стивенсон, Рифкинд энд Виртц» (Чикаго).
Гамильтон Фаулер	Администратор Агентства международного развития (до 1963 г.)	Адвокат, партнер юридической фирмы «Клири, Готтлиб, Стин энд Гамильтон» (Нью-Йорк), директор «Нью-Йорк телефон компани» (дочерней компании «Американ телефон энд телеграф»).
Свидлер Джозеф Ч.	Председатель Федеральной комиссии по энергетике	Адвокат, занимался частной юридической практикой в штате Теннеси, юрисконсульт электроэнергетических компаний.
Бойд Алан С.	Председатель Управления гражданской авиации	Юрист, вел частную практику в штате Флорида.

Фамилия и имя	Занимаемая должность	Основная деятельность до назначения в правительство
Мэрфи Руперт Л.	Председатель Комиссии по междуштатной торговле	Юрист, долгое время работал в различных небольших компаниях по вопросам перевозок.
Кэри Уильям Л.	Председатель Комиссии по ценным бумагам и бирже	Юрист, профессор права. Директор небольшой телефонной компании в штате Огайо.
Хорн Джон Э.	Руководитель Администрации по вопросам мелкого бизнеса (до 1963 г.)	Профессиональный деятель демократической партии, участвовал главным образом в организации предвыборных кампаний.
Фоули Юджин П.	Руководитель Администрации по вопросам мелкого бизнеса (с 1963 г.)	Юрист, деятель демократической партии в штате Миннесота. В 1955—1959 гг. вел частную практику в том же штате. С 1961 г. занимал различные посты в министерстве торговли.
Уивер Роберт К.	Глава Агентства по жилищам и финансированию жилищного строительства	Экономист, деятель негритянского движения. Председатель Национальной ассоциации прогресса цветного населения. В 50-х годах занимал ряд постов в жилищных органах Нью-Йорка. Был консультантом Фонда Форда.

Слабая сторона этих подсчетов заключается в том, что они не учитывают ни социального происхождения политических деятелей, ни их прежнего участия в деловых предприятиях, ни их нынешней заинтересованности в последних. Вследствие таких методов ни сам президент Дж. Кеннеди, ни министр юстиции Роберт Кеннеди не попали в разряд представителей «большого бизнеса», хотя являлись наследниками одного из крупнейших состояний в США. Правда, эти люди никогда прямо не занимались деловыми операциями, предпочитая делать политическую карьеру с помощью уже нажитых миллионов. Но что можно сказать о министре финансов Диллоне, который, будучи также наследственным богачом, провел два десятилетия своей жизни в качестве руководителя одного из крупнейших инвестиционных банков Уолл-стрита? С. Харрис тоже отнес его к «политическим деятелям» на том основании, что Диллон занимал посты в правительстве Эйзенхауэра, где он, по классификации С. Харриса, фигурировал как представитель «большого бизнеса». Еще в 1917 г. В. И. Ленин именно о таких комбинациях, позволяющих фальсифицировать публикуемые сведения в капиталистических странах, писал: «Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр. За «войну до конца» — и сегодня и завтра» [1].

Приведенные выше сведения (см. табл. 12) почерпнуты из биографических справочников, публикуемых в США и считающихся неоспоримыми источниками, а также из сообщений буржуазной периодики, которую трудно заподозрить в пристрастии к правительству. Из перечисленных 65 лиц, занимающих или занимавших посты в кабинете министров, заместителей министров, руководителей крупных ведомств и т. д., 38 человек (58%) имеют или имели в прошлом непосредственное отношение к крупнейшим монополиям, банкам, юридическим фирмам и плутократическим семьям страны.

Миллионеры и банкиры, уолл-стритовские адвокаты и управляющие корпорациями-миллиардерами присутствуют почти на всех верхних ступенях официальной иерархии Вашингтона. Говорить о стремлении такого правительства «притеснять бизнесменов» и обвинять его в проведении политики, противоречащей интересам «большого бизнеса»,

---

[1] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 223.

разумеется, нельзя, ибо оно само олицетворяет небывалую власть «большого бизнеса» над подавляющим большинством нации в условиях высокоразвитого государственно-монополистического капитализма [1]. О классовом содержании политического курса можно также судить по его результатам. Выше уже говорилось, что основные мероприятия правительства Кеннеди по стимулированию промышленности отвечали интересам монополий. Не менее показательны и данные о прибылях корпораций.

Таблица 13

Прибыли корпораций США [2]
(в млрд. долл.)

	1950 г.	1955 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Прибыль до уплаты подоходных налогов	40,6	44,9	44,3	43,8	46,8	51,1
Чистая прибыль (после уплаты налогов)	22,8	23,0	22,0	21,8	24,6	27,1

Если при Эйзенхауэре, правительство которого никто не обвинял во «враждебности бизнесу», чистая прибыль корпораций только дважды (в 1955 и 1956 гг.) превысила на 1,5—2% максимум, достигнутый в 1950 г., то за три года деятельности якобы «антипредпринимательского» правительства Кеннеди она выросла на 23%. Только в 1963 г. прибыль увеличилась еще на 10% [3]. Эти данные не учитывают тех колоссальных скрытых прибылей, которые корпорации получили начиная с 1962 г. в результате применения новых налоговых льгот по

[1] Насколько правительство Кеннеди заботилось о том, чтобы «деловые люди» несли минимум убытков от перехода на правительственную службу, свидетельствуют предложения об увеличении окладов, подготовленные осенью 1963 г. по просьбе Белого дома «независимой» комиссией во главе с бывшим председателем правления чикагского металлургического треста «Инленд стил» Рэндоллом. Согласно этому проекту, жалованье министра увеличивается с 25 до 50 тыс. долл. в год, заместителей министров — до 40 тыс., вице-президента США — с 35 до 60 тыс. долл. Не обойдены члены конгресса и Верховного суда, которым монополии предлагают платить соответственно по 35 и 60 тыс. долл. («U. S. News and World Report», August 26, 1963, p. 22).

[2] «Statistical Abstract of the U. S.», 1963, p. 495; «Survey of Current Business», February, June 1964.

[3] «Business Week», February 1, 1964, p. 22.

капиталовложениям. Кроме того, налоговая реформа, выдвинутая правительством Кеннеди и утвержденная при правительстве Джонсона, предусматривает снижение прямого налога на прибыль корпораций с 52 до 48%. Эта мера даст автоматическое приращение чистой прибыли корпораций в 1964 г. еще минимум на 2 млрд. долл.

Почему же в таком случае правительство Кеннеди подверглось таким нападкам? Немаловажную роль играет политическое соперничество демократической и республиканской партий. Последняя, открыто называющая себя «партией бизнеса», стремится нажить на такой критике политический капитал в глазах крупной буржуазии. Подчас эти столкновения не имеют за собой ничего, кроме беспринципной фракционной борьбы. Например, критика республиканцами налоговой реформы Кеннеди сводилась лишь к утверждениям, что они (республиканцы) в состоянии провести ее лучше, чем правительство демократов. Тактика заключалась, в частности, в том, чтобы не дать Кеннеди провести некоторые мероприятия, выгодные «крупному бизнесу», с тем чтобы лавры за их осуществление в будущем достались, например, Н. Рокфеллеру.

Но дело не только в этом. Конфликты правительства Кеннеди с определенными кругами монополистического капитала США отражали объективные противоречия внутри самой правящей верхушки, противоречия между монополиями и немонополизированными предпринимателями, между трудом и капиталом, между крупными и мелкими фермерами. Два последних аспекта этих противоречий подробно разобраны в главах IV и VI. Здесь же речь будет идти о столкновениях и разногласиях внутри самого капиталистического класса.

Правительство Кеннеди пришло к власти при поддержке довольно широких антимонополистически настроенных слоев американского народа. Не говоря уже о профсоюзах, его в значительной мере поддержали мелкие предприниматели, прельщенные предвыборными обещаниями усилить антитрестовские преследования. Опасение оттолкнуть от себя эти слои и лишиться их поддержки на следующих выборах заставило правительство несколько активизировать так называемую антитрестовскую политику. Известное давление на правительство в этом отношении оказывала часть членов конгресса, ближе всего связанная с мелким и средним бизнесом и склонная поддерживать

свою «антимонополистическую» репутацию всеми возможными путями.

Активизируя эту деятельность, правительство Кеннеди отнюдь не предавало интересов своего класса. Как известно, в большинстве случаев антитрестовские дела не доводятся до конца. Но даже если их результатом является реальное ущемление интересов той или иной монополии, в выигрыше оказываются другие монополии, для которых она является соперником. Так, требование правительства Кеннеди не повышать цены на сталь вызвали в 1962 г. бурю возмущения со стороны ряда сталелитейных компаний, но оно отвечало интересам более многочисленных и не менее могущественных компаний, потребляющих сталь. Да и для многих сталелитейных компаний, конкурирующих с «лидером» — «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», ослабление позиций последней было весьма желательным. Точно так же проведенный правительством судебный процесс против электротехнических трестов дал возможность компаниям, владеющим электростанциями, взыскать понесенные ими убытки. С давних времен антитрестовские законы используются самими трестами (а не только мелким предпринимателем) для сведения счетов между собой. Известно, например, что большинство таких дел начинается в результате доносов, исходящих от самих бизнесменов [1]. В свою очередь правительство временами само активно использует эти противоречия, отлично зная, что недовольство одних групп монополистического капитала можно при известной ловкости компенсировать поддержкой других групп.

Правительству Кеннеди было легче заниматься таким лавированием по ряду причин. Во-первых, в нем были представлены самые различные олигархические группировки, ни одна из которых, по-видимому, не имела преобладания. Во-вторых, само семейство Кеннеди, будучи одним из богатейших в США, стоит несколько особняком, не входя ни в одну из известных группировок финансовой олигархии.

Кеннеди был выходцем из одной из самых богатых плутократических семей США, входящих в так называемую властвующую элиту. Состояние отца покойного пре-

[1] В 1962 г. Федеральной торговой комиссии была подана 1451 жалоба на нарушение компаниями антитрестовских законов («Fortune», August 1963, p. 144).

зидента — Джозефа П. Кеннеди — оценивается разными источниками в 200—600 млн. долл. В США найдется не более 25 семей, которые можно отнести к этой категории. Многомиллионное богатство семьи Кеннеди относится к числу «новых» состояний, нажитых за последние три десятилетия (другие примеры таких состояний — капиталы техасских нефтяников).

Однако Кеннеди всегда занимали обособленное положение в системе американской финансовой олигархии. Выходцы из Бостона, они до самого последнего времени не были приняты в высшем финансовом свете этого города, и их капиталы никак не связаны с многомиллиардными владениями бостонской финансово-олигархической группы. Значительную часть своего состояния Джозеф Кеннеди нажил спекуляцией на нью-йоркской фондовой бирже. Но в финансовых джунглях Уолл-стрита он всегда считался одиноким хищником, действующим самостоятельно, на свой страх и риск, не имеющим прочных связей с какой-либо из главных финансово-олигархических групп Нью-Йорка. Современное состояние Кеннеди вложено преимущественно в городскую недвижимость Нью-Йорка и Чикаго, они не имеют крупных пакетов акций ведущих промышленных, торговых и банковских корпораций США, не принимают участия в контроле над ними. У Кеннеди нет собственной финансовой империи. Своеобразное положение этого семейства в системе американской финансовой олигархии определило их сравнительную автономию, независимость от прямых влияний отдельных, наиболее могущественных группировок финансового капитала США.

Это наложило отпечаток на политику правительства Кеннеди. Проводя свой политический курс, покойный президент, как в свое время Франклин Д. Рузвельт, стремился выразить интересы всего класса крупной и монополистической буржуазии. При этом он нередко пытался диктовать свою волю этому классу, поставить себя над ним. Такой политический курс не мог не прийти в противоречие с интересами отдельных монополистических группировок, деятельность которых Кеннеди хотел ограничить в интересах всего правящего класса. Отсюда постоянные столкновения с миром «крупного бизнеса», которыми изобиловали годы правления Дж. Кеннеди. Как в свое время отца покойного президента, примкнувшего к «новому курсу» Рузвельта, его коллеги по Уолл-стриту называли

«предателем своего класса»[1], так и Кеннеди-сына монополистическая пресса окрестила «президентом, враждебным предпринимателям».

В отличие от покойного президента Линдон Джонсон по своему социальному положению не принадлежит к монополистической буржуазии. Происходя из семьи малозажиточного техасского фермера, Джонсон почти всю зрелую пору своей жизни посвятил политической деятельности. Заботу о материальном достатке семьи взяла на себя его жена, наследница торговца и землевладельца средней руки. В то время как ее муж делал парламентскую карьеру в палате представителей, а затем в сенате США, Клодия Джонсон сумела существенно увеличить состояние семьи. Семейный капитал Джонсонов вложен в несколько небольших радио- и телестанций в Техасе, скотоводческие ранчо в том же штате, лесные угодья и хлопковую плантацию в Алабаме, а также сравнительно небольшой пакет ценных бумаг. Став президентом, Джонсон передал управление состоянием семьи доверенным лицам и сам отстранился от активного участия в делах. Но жена его остается главой семейных компаний, и они сохраняют право на получение дохода.

Несмотря на сравнительно скромное положение в деловом мире, Джонсон имеет с «крупным бизнесом» более близкие связи, чем Кеннеди. В последнее десятилетие в его непосредственном окружении неизменно присутствовали и преобладали представители техасской финансово-олигархической группировки. Нынешний губернатор Техаса Джон Коннолли, который в качестве протеже Джонсона (был его официальным помощником в сенате)

---

[1] Отец Дж. Ф. Кеннеди Джозеф Кеннеди в первые годы президентства Ф. Рузвельта был ярым сторонником «нового курса». Он возглавил, в частности, правительственный орган, выработавший новые, более строгие правила игры на фондовой бирже. Властителей Уолл-стрита, считавших Рузвельта «предателем своего класса», такое поведение Кеннеди, нажившего свои миллионы биржевыми спекуляциями, крайне удивляло. Кеннеди-старший, как пишет один из его биографов, объяснил им свою позицию так: «Он был готов отдать половину своего богатства (этого не пришлось делать. — *Авт.*), если бы он получил определенную гарантию, что другая половина его состояния будет в полной безопасности». Кеннеди считал, что политика Рузвельта давала известные гарантии такого рода (*J. Mc. Carthy,* The Remarkable Kennedy's, New York, 1960, p. 47).

занимал в правительстве Кеннеди пост военно-морского министра, — видный адвокат, юрисконсульт техасских миллионеров-нефтяников Сида Ричардсона и Перри Бэсса (состояние Ричардсона оценивалось в 600 млн. долл.). Р. Бекер, занимавший при Джонсоне в сенате должность секретаря демократической фракции, был, как выявило недавнее расследование, связан по спекулятивным операциям с агентом Клинта Меркисона-младшего. Семья Меркисонов, нажившаяся на операциях с нефтеносными землями и занимающая ключевые позиции в техасском деловом мире, имеет состояние, превышающее 400 млн. долл. Бывший заместитель государственного секретаря США (в правительстве Кеннеди), а ныне американский посол в Бонне Джордж Макги, старый друг президента, сам крупный техасский нефтяник-миллионер, связанный и с банковским миром этого штата. Другой близкий знакомый Джонсона, бывший министр финансов Р. Андерсон, длительное время управлял делами семьи Вагонеров, одной из богатейших в Техасе (более 300 млн. долл., вложенных в животноводство, нефть, газ). Близкий к Джонсону человек, Ф. Корт, ставший военно-морским министром после отставки Коннолли, — президент техасского банка, участвующего в кредитовании ракетно-ядерного треста «Дженерал дайнэмикс».

Формой материализации связей Джонсона с «большим бизнесом» Техаса было, в частности, законодательство о регулировании нефтяной и газовой промышленности, которое, будучи в целом выгодно техасским миллионерам, проходило через конгресс при активной поддержке лидера демократов в сенате Джонсона. Впрочем, став президентом, он уже в начале декабря 1963 г. передал компетенцию в области определения государственной нефтяной политики из ведения Белого дома министерству внутренних дел.

Будучи сенатором, а затем вице-президентом, Джонсон занимал ряд постов, имевших отношение к определению масштабов военного и космического бизнеса. В сенате он возглавлял подкомиссии по вопросам боевой подготовки и по аэронавтике и исследованию космического пространства. Став вице-президентом, Джонсон получил пост руководителя федерального ведомства по аэронавтике и освоению космоса. (Его заместитель и преемник на этом посту Дж. Уэбб — партнер нефтяника-мультимиллионера из

Оклахомы покойного сенатора Роберта Керра.) Эти должности позволили Джонсону установить широкие контакты с представителями Пентагона на высшем и среднем уровне. Считается, что благодаря вмешательству Джонсона было принято решение о строительстве нового космического центра в Техасе, хотя на это претендовали и другие штаты. Нынешний заместитель министра обороны Сайрус Вэнс — в прошлом специальный советник военных подкомиссий, возглавлявшихся Джонсоном. А начальник канцелярии этих подкомиссий К. Белье, считавшийся «неофициальным военным советником сенатора Джонсона», получил в новом правительстве пост помощника военно-морского министра.

Однако было бы неправильно полагать, что, став президентом, Джонсон будет действовать исключительно как представитель техасской финансовой группировки и ряда военно-промышленных концернов. С первых же дней своего президентства Джонсон постарался расширить свои связи с «большим бизнесом», установить тесный контакт и хорошие отношения с представителями крупнейших монополий и банков страны, в частности с Уолл-стритом. Одними из первых гостей нового президента в Белом доме были Генри Форд II и председатель Совета директоров «Дженерал моторс» Ф. Доннер, президент нью-йоркской фондовой биржи Фэнстон и глава «Америкен телефон энд телеграф» Ф. Кэппел. В январе Джонсон пригласил на обед в Белом доме членов могущественного Совета по делам бизнеса, куда входят только наиболее видные и влиятельные представители крупнейших монополий и банков. Этот шаг президента был необычным. Журнал «Ньюсуик» подчеркивал, что ни один из предшественников нынешнего президента не решался столь открыто собирать у себя руководящую верхушку финансовой олигархии. Этому обеду придается особое значение также потому, что в начале президентства Кеннеди Совет по делам бизнеса, который до того был официальным консультативным органом при министерстве торговли, в знак протеста против «антипредпринимательской» политики правительства порвал свои отношения с федеральными властями и превратился в частную организацию. Таким образом, Джонсон явно заштопывал дыры в отношениях с «большим бизнесом», оставленные ему президентом Кеннеди.

Тактика Джонсона по отношению к финансовой олигархии дает свои плоды. Глава Национальной ассоциации промышленников Гэлландер назвал нового президента «искренним другом системы свободного предпринимательства». Председатель правления «Юнайтед Стейтс стил» Блау, чьи отношения с Кеннеди были крайне недружественными, заявил, что Джонсон «делает шаги в правильном направлении». Газета «Нью-Йорк джорнэл-Американ» писала: «Предпринимательские круги, видимо, не считают, что в Белом доме засел злодей, готовый перегрызть им глотку в подходящий момент. Иначе говоря, банк «Чейз Манхэттен» имеет друга на Пенсильвания-авеню или думает, что это так».

Поворот Джонсона в сторону «большого бизнеса» не означает, однако, серьезного поворота в политике по сравнению с курсом прежнего правительства. Новый президент лишь изменил тактику. Там, где Кеннеди действовал напрямик, не считаясь подчас с мнением финансово-олигархических группировок, Джонсон предпочитает достичь предварительного соглашения с ними или по крайней мере обеспечить их благожелательное отношение к своим мероприятиям.

Возвращаясь к характеристике правительства Кеннеди, следует сказать, что оно стремилось отражать интересы монополистической буржуазии США в целом, а не каких-либо отдельных ее фракций. Причем в некоторых случаях оно действовало без предварительного согласования своего курса с отдельными, наиболее мощными финансово-олигархическими группировками. Пытаясь навести бюджетную экономию, ограничить злоупотребления отдельных поставщиков правительства, понизить ставку банковского процента, сдержать рост цен, выправить платежный баланс, правительство Кеннеди действовало в интересах правящего класса. Вместе с тем антитрестовские и другие мероприятия в руках этого правительства подчас служили средством давления на отдельных представителей этого класса, которых оно стремилось принудить к послушанию. Несомненно, что антитрестовская политика при определенных условиях может служить общим целям монополистического капитала. Суть этой проблемы можно иллюстрировать сдвигами в отношении вопроса о патентах в связи с развитием военной техники (а позже и космической техники). Этот сдвиг стал очевиден во время второй

мировой войны, когда обнаружилось, что захват отдельными монополиями патентов на новейшие технические открытия и усовершенствования подрывал военную мощь США и задерживал развертывание их военно-промышленного потенциала. После войны в связи с этим возник целый ряд судебных дел. Так, в иске к «Рэйдио корпорейшн оф Америка» (1958 г.) министр юстиции указывал, что монополизация ею патентов вредит военным интересам страны, так как «никто не может начать производство электронных изделий, не заплатив дани» этой монополии. «Рэйдио корпорейшн» уплатила штраф в 100 тыс. долл. и обязалась предоставлять патенты в безвозмездное пользование заинтересованным фирмам. Опасаясь технического застоя в военной промышленности, Верховный суд США обязал в 1956 г. «Американ телефон энд телеграф компани», располагающую крупнейшей научно-исследовательской организацией, отдавать в пользование других предприятий свои патенты на полупроводники. Наконец, совсем недавно (1964 г.) Федеральная торговая комиссия обязала фирмы «Пфайцер» и «Американ сайанамид» выдавать лицензии на производство тетрациклина и ауреомицина любым компаниям.

Не следует, конечно, преувеличивать значение такой практики. Американские монополии, как и прежде, имеют густую сеть патентных соглашений как в США, так и в особенности за их пределами. Вокруг патентов в новых отраслях по-прежнему ведется острая конкурентная борьба. Многие компании, учитывая судебные решения, прибегают к другим средствам: например, они не всегда даже делают заявки на патенты, но зато доводят секретность на своих предприятиях до крайних пределов. Расследование одной сенатской комиссии показало, что в подавляющем большинстве случаев, когда монополии должны были на основании судебных решений выдавать лицензии, они ограничивались передачей очень небольшого их количества, а в десятках случаев судебное решение вовсе не было выполнено, так как корпорации не выдали ни одной лицензии [1].

Сфера, где правительство неизбежно сталкивается с частью монополий, — это область государственно-монополистического регулирования. Осуществляя такое регули-

---

[1] «Fortune», December 1960, p. 230.

рование, правительство не в состоянии всегда удовлетворять все фракции правящего класса, тем более что ему приходится идти на уступки другим классам и слоям. Поэтому всегда находятся группы монополий, недовольные регулированием. Путь наименьшего сопротивления состоит в том, чтобы декларировать стремление сузить сферу государственного регулирования. По такому пути шли в 20-х годах правительства Гардинга, Кулиджа, Гувера. Этот же путь провозгласило и правительство Эйзенхауэра, однако следовать по нему оно не смогло: расширение функций федерального правительства в области экономики — закономерный процесс дальнейшего развития государственно-монополистического капитализма.

В отличие от правительства Эйзенхауэра правительство Кеннеди открыто провозгласило курс на усиление государственно-монополистического капитализма, оно потребовало для федерального правительства больших прав в проведении экономической политики. Это также вызвало недовольство многих крупных монополий, которые полагают, что рост государственного вмешательства в экономику сужает простор для их собственной деятельности (ныне лозунг сужения функций федерального правительства в экономике выдвинул кандидат в президенты от республиканской партии Голдуотер). И здесь наиболее важным противоречием является конфликт общих интересов монополистической буржуазии с интересами отдельных ее групп. Вместе с тем сюда же вплетаются противоречия между монополиями и широкими слоями народа, отражающие внутренний конфликт между производительными силами и производственными отношениями, двойственность самого государственно-монополистического капитализма. Непоследовательность правительства Кеннеди в области государственного регулирования — одна из наиболее характерных черт его экономической политики.

2. Антитрестовские дела

Если не считать коротких периодов, антитрестовским законодательством, как и проведением его в жизнь, в США занимались мало[1]. Конгресс ассигновывал на эти цели

[1] Первый федеральный антитрестовский закон — закон Шермана — был принят в 1890 г. под давлением мелких предпринима-

не больше 100—300 тыс. долл. в год, а министерство юстиции, как правило, не требовало увеличения расходов. Разбор немногочисленных дел в судах нередко затягивался на долгие годы. Судебные решения вкривь и вкось толковали антитрестовские законы, к тому же почти полностью отсутствовал контроль над их исполнением. В годы второй мировой войны и во время войны в Корее антитрестовские дела, как правило, вообще не рассматривались, так как военные органы поддерживали монополистов, заявлявших, что это якобы наносит ущерб военному производству. Министр юстиции имеет право в этом случае приостанавливать действие антитрестовских законов.

В 50-е годы число антитрестовских дел и расследований постепенно возрастало. При правительстве Эйзенхауэра число дел, начатых по инициативе министерства юстиции, составляло в среднем 50—60 ежегодно, в 1960 г. оно достигло 90.

Придя к власти, Кеннеди назначил министром юстиции своего брата Роберта. Последний заявил, что не намерен «допускать контроль монополий, а если это окажется нужным, то он положит ему конец» [1]. Во главе Федеральной торговой комиссии (другого органа, наблюдающего за такими делами) был поставлен П. Диксон, которого рекомендовал председатель сенатской подкомиссии по антитрестовским делам Кифовер — политический деятель, известный своими антимонополистическими речами.

При новом правительстве число дел против монополий, начатых по инициативе министерства юстиции, сначала снизилось (до 60 в 1961 г.), но затем вновь возросло (до 92 в 1962 г.) [2]. По сообщениям печати, еще большее количество исков находится в стадии подготовки [3]. Намного увеличилось также количество дел, рассматриваемых Федеральной торговой комиссией. В 1962 г. она провела

телей и фермеров, страдавших от высоких железнодорожных тарифов и низких закупочных цен пищевых трестов. Точно так же и в дальнейшем воздействие широких масс избирателей, в особенности разоряющейся мелкой буржуазии, заставляло конгресс периодически проводить расследования и издавать новые антитрестовские законы, например закон Клейтона 1914 г. и закон Робинсона — Пэтмена 1936 г.

[1] «New York Herald Tribune», 30. IV. 1961.

[2] «Fortune», August 1962; «Factory», April 1963, p. 80.

[3] «Magazine of Wall Street», April 20, 1963, p. 119.

1677 расследований, рассмотрела 474 жалобы и издала приказы по 407 делам, из которых 356 закончились заключением соглашений с компаниями. Конечно, число дел может служить лишь относительным показателем, так как дела нередко касались второстепенных компаний и не имели большого значения.

Монополисты, интересы которых затрагивала эта деятельность, кричали, что в «антитрестовских органах засели враги крупного бизнеса» [1], что «между деловыми людьми и Белым домом углубляется разлад» [2]. Нападая на министерство юстиции и Федеральную торговую комиссию, монополистическая пресса ссылалась даже на «холодную войну» и соревнование со странами социализма. «Как могут наши мелкие компании конкурировать с гигантской русской монополией! — демагогически восклицал журнал «Мэгэзин оф Уолл-стрит». — Только крупное производство может нас спасти. Если мы хотим двигаться вперед и взять верх над Советской Россией в холодной войне и в космосе, то мы не можем позволить себе роскоши подрывать устои нашей экономической жизни» [3]. «Время для наступления на крупные компании, — вторила «Джорнал оф коммерс», — выбрано на редкость неудачно, так как страна стоит перед угрозой русского оружия и русской промышленности» [4].

Наибольшее количество антитрестовских дел было связано с вопросом о ценах, которому как правительство Эйзенхауэра, так и в особенности правительство Кеннеди придавали большое значение. Как видно из экономических посланий президента Эйзенхауэра в 1959 и 1960 гг. и президента Кеннеди в 1962 и 1963 гг., правительственные круги были обеспокоены тем, что высокие цены на американские товары приводили к их вытеснению со многих рынков, а это в свою очередь неблагоприятно отражалось на платежном балансе США. Подчеркнув всю важность сохранения стабильности цен и улучшения конкурентоспособности американских товаров на внешних рынках, президент Л. Джонсон в своем экономическом послании от 20 января 1964 г. добавил, что антитрестовская поли-

---

[1] «U. S. News and World Report», April 1, 1963, p. 55.
[2] «U. S. News and World Report», May 21, 1962, p. 36.
[3] «Magazine of Wall Street», August 26, 1961, p. 612.
[4] «Journal of Commerce», October 23, 1961.

тика «должна быть бдительной и должна энергично вскрывать незаконные сговоры о ценах и другие приемы, подрывающие конкуренцию».

Рост дефицита платежного баланса, выявившийся с полной очевидностью начиная с 1958 г., и вызванная этим дефицитом утечка золота сделались одной из важнейших экономических проблем для США. Борьба с высокими ценами мотивировалась правительством необходимостью ликвидировать этот дефицит и поддержать устойчивость доллара. На конференции по вопросам расширения экспорта США, состоявшейся в Белом доме в сентябре 1963 г., Кеннеди критиковал политику цен американских монополий, заявив, в частности, что промышленники других стран снижали цены, чтобы удержать производство на высоком уровне, в то время как американские экспортеры предпочитали сокращать производство ради сохранения высоких цен. Мероприятия, которые проводило правительство, пытаясь разрешить проблемы платежного баланса, неминуемо приводили к острым конфликтам с отдельными монополиями, добивавшимися максимальной прибыли вопреки общим интересам монополистического капитала США.

Действовали и другие факторы, стимулировавшие борьбу с высокими ценами; само правительство, и прежде всего министерство обороны, было крупнейшим покупателем товаров и услуг. Примерно $^1/_5$ произведенных в США товаров в 1960—1962 гг. была закуплена федеральным правительством и местными государственными органами.

Дело против электротехнических компаний[1]. Подготовка дела против электротехнических компаний началась еще в 1959 г., когда сенатское расследование вскрыло[2], что «Дженерал электрик», «Вестингауз электрик» и другие монополии, сосредоточившие 70—75% сбыта тяжелого электрооборудования, путем взаимного сговора взимали непомерно высокие цены, наживаясь, в частности, на государственных заказах. Для указанных компа-

---

[1] Отдельные факты взяты из: *J. G. Fuller,* The Gentlemen Conspirators, New York, 1962; *J. B. Carey,* The Public Plunderers, New York, 1961.

[2] В то время демократическая партия также имела в конгрессе большинство.

ний привлечение к суду по таким делам не было новостью. «Дженерал электрик», например, за последние полвека привлекалась к судебной ответственности 17 раз. На этот раз на скамье подсудимых (дело слушалось в феврале 1961 г.) оказались 29 электротехнических компаний. Сорок пять их высших администраторов обвинялись в том, что систематически заключали между собой соглашения о ценах, о дележе рынков, о распределении государственных заказов перед участием в открытых торгах. (Порядок дележа государственных заказов подсудимые условно называли системой «лунных фаз».) «Дженерал электрик» как самая крупная корпорация, участвующая в сговоре, получала 45% стоимости заказов, «Вестингауз электрик» — 35, «Эллис чалмерс» и «Федерал пасифик» — по 10%.

При объявлении торгов компании сообщали в своих заявках идентичные и заведомо завышенные цены, кроме одной, которая по предварительному сговору указывала более низкую цену. По признанию одного из администраторов «Дженерал электрик», выступавших в сенатской комиссии, «сговоры о ценах и соглашения об участии в торгах были обычной практикой, о которой знали решительно все служащие корпорации» [1]. Дабы скрыть эти незаконные махинации, руководители компаний подписывали документы и письма вымышленными условными именами, вели друг с другом телефонные разговоры из телефонных будок, «случайно» встречались в спортивных клубах, на модных курортах, в отелях и мотелях. Однажды они устроили секретное совещание на дачах, построенных на берегу канадского островка. В другой раз встреча была устроена «У озорницы Эллен» — в кабачке сомнительной репутации в г. Милуоки. В общем, вели себя как типичные заговорщики.

Сначала представители компаний отрицали свою вину, но страх перед новыми разоблачениями заставил их изменить тактику и признаться. 6—7 февраля 1961 г. судья г. Филадельфии приговорил компании к уплате штрафов на общую сумму 1,8 млн. долл., а их служащих — к штрафу в 137 тыс. долл. Семь служащих были приговорены к тюремному заключению, каждый сроком на 30 дней. В числе посаженных в тюрьму были вице-пре-

[1] «The New York Times», 27. IV. 1961.

зидент «Дженерал электрик» и вице-президент «Вестингауз электрик». Это было сенсацией, так как до этого по антитрестовским делам лица такого ранга ни разу еще не попадали за решетку. Впрочем, компания «Вестингауз электрик» оставила на службе своих «пострадавших» администраторов, так как они «действовали в интересах компании». А администраторы «Дженерал электрик», признанные по суду виновными, вскоре получили другие хорошо оплачиваемые должности. Так, один из вице-президентов «Дженерал электрик» по выходе из тюрьмы был назначен помощником президента крупной компании «Болдуин — Лайма — Гамильтон», а через некоторое время стал ее президентом.

Но председатели правлений и президенты указанных компаний не были привлечены к ответственности на том основании, что они якобы ничего не знали о происходившем. Правительство Кеннеди явно не хотело портить отношений с влиятельными магнатами.

Все же для электротехнических монополий исход дела был неприятным. «Дженерал электрик» было не трудно заплатить штраф в 437 тыс. долл., поскольку ее чистая прибыль в 1961 г. достигла 242 млн. долл., а в 1962 г. — 266 млн. долл. Но дело не ограничилось штрафом. Министерство юстиции использовало право, которое ему давал закон Шермана 1890 г., и предъявило дополнительный иск об убытках, понесенных государством вследствие уплаты завышенных цен[1]. «Дженерал электрик» согласилась возместить убытки в размере 7,5 млн. долл. Однако вслед за этим посыпались иски других электрокомпаний, а также правительств штатов и муниципалитетов. Число исков к середине 1962 г. достигло 1800! По подсчетам «Дженерал электрик», на конец 1963 г. ей пришлось заплатить в общей сложности 75 млн. долл. (частные лица и компании имеют право взыскивать свои убытки в тройном размере). Согласились на покрытие убытков также «Вестингауз электрик» и другие электротехнические компании.

---

[1] Это положение закона Шермана оставалось до сих пор мертвой буквой, так как государство никогда раньше не предъявляло подобных исков, а когда оно в 1940 г. впервые обратилось с ходатайством о возмещении понесенных им убытков в результате незаконных действий монополий, Верховный суд отказал в иске.

Конфликт со сталелитейными компаниями. В сентябре 1961 г. стало известно, что сталелитейные компании намерены вновь повысить цены[1]. Кеннеди обратился с письмом к руководителям 12 крупнейших металлургических фирм, убеждая их не делать этого. «Повышение цен на сталь, — писал президент, — привело бы к повышению цен и в других отраслях» и пагубно отразилось бы на платежном балансе США. Через неделю президент направил письмо профсоюзу сталелитейщиков, увещевая его руководителей умерить свои требования во время переговоров о возобновлении коллективного договора. После этого в Белом доме было созвано несколько совещаний с участием представителей компаний и профсоюза[2].

Сталепромышленники вначале не возражали против вмешательства властей[3]. Однако через четыре дня после того, как 6 апреля 1962 г. был подписан коллективный договор, «Юнайтед Стейтс стил», не предупредив правительство, объявила о повышении цен на 3,5%. Если верить журналу «Форчун», о предполагаемом повышении цен (с 13 апреля) никто не знал, кроме горстки высших администраторов этой компании. Этого не ожидали якобы и руководители «Морган Гаранти траст», «хотя, — как иронически замечает журнал, — представители банка являются членами Совета директоров «Юнайтед Стейтс стил»[4].

Повышение цен вызвало крайнее недовольство президента, заявившего, что поступок сталепромышленников является «ничем не оправданным и безответственным вызовом, брошенным всей стране»[5]. Под нажимом правительства через 72 часа после объявления о повышении цен оно было отменено. По выражению «Мэгэзин оф Уолл-стрит», «спущенные с цепи фурии оскорбленного правительства заставили производителей стали отказаться от повышения цен»[6].

---

[1] В 1950—1960 гг. цена стали в США повысилась на 62% при повышении индекса оптовых цен всех промышленных товаров на 20% («Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 344, 811).

[2] Экономический отчет президента, 1962 г. («Economic Report of the Congress», January 1962, p. 182—183).

[3] См. объяснения Р. Кеннеди в «U. S. News», January 26, 1963, p. 54.

[4] «Fortune», August 1962, p. 96.

[5] «Magazine of Wall Street», April 21, 1963, p. 63.

[6] «Magazine of Wall Street», May 4, 1963, p. 181.

Председатель сенатской подкомиссии по вопросу о монополиях сенатор Кифовер после беседы с президентом и Федеральная торговая комиссия заявили о намерении расследовать положение в сталелитейной промышленности. Министр юстиции возбудил судебное дело, чтобы выяснить, была ли повышена цена на сталь в результате сговора компаний[1]. Началась подготовка других дел против сталелитейных компаний[2]. Министр обороны Макнамара отдал приказ военным организациям не закупать изделий у компаний, повысивших цены.

Положение сталелитейных компаний осложнялось тем, что их мощности были загружены только на 60% и между ними из-за острой конкурентной борьбы царил разброд. Далеко не все компании последовали примеру «Юнайтед Стейтс стил». Цены не повысили, например, «Кайзер стил» (Окленд) и «Инленд стил» (Чикаго). Председатель последней заявил: «Чем ниже цены на сталь, тем успешнее можно будет действовать на мировых рынках»[3]. Действия «Юнайтед Стейтс стил» критиковали даже органы монополистической печати, считавшие, что экономические условия не благоприятствовали повышению цен и что цены независимо от действий правительства не могут удержаться на высоком уровне.

Президента поддерживали и некоторые видные финансисты, опасавшиеся нового повышения цен, обесценения доллара, подрыва доверия к нему на мировом рынке, что в итоге отрицательно сказалось бы на платежном балансе США.

Несмотря на конкуренцию, сталелитейные компании вскоре вновь сплотили ряды и, когда сенатская комиссия потребовала от них данных о себестоимости произ-

---

[1] Расследование было прекращено, так как в данной попытке повысить цены суд не усмотрел нарушения законов («Iron Age», April 11, 1963, p. 37).

[2] 26 апреля 1962 г. было предъявлено обвинение «Юнайтед Стейтс стил», «Бетлехем стил» и двум более мелким компаниям в сговоре о ценах на стальные поковки. Через год началось дело по обвинению в сговоре о ценах на стальные колеса, фланцы и обоймы семи компаний, в том числе «Юнайтед Стейтс стил», «Болдуин — Лайма — Гамилтон» и «Алко продактс». В июне 1963 г. было возбуждено дело против восьми стальных и металлообрабатывающих компаний, в том числе «Бетлехем стил», «Блоу — Нокс», «Текстрон» и «Болдуин — Лайма — Гамилтон».

[3] «Steel», September 3, 1962, p. 13.

водства стали, компании ответили отказом. Окончилась неудачей и попытка привлечь их руководителей к ответственности за неуважение к конгрессу. Компании игнорировали работу Объединенной экономической комиссии конгресса, которая начала обсуждение последствий повышения цен на сталь.

В апреле 1963 г., когда повысился спрос на стальной лист и загрузка сталелитейных заводов увеличилась до 80%, сталелитейные компании вновь подняли цены. На этот раз первой повысила цены, причем только на 11 видов проката, не «Юнайтед Стейтс стил», а «Уилинг стил», занимающая по размерам выплавки стали десятое место. За ней последовали пять других компаний, каждая из которых вносила некоторые вариации. Убедившись, что все проходит благополучно, повысила цены и «Юнайтед Стейтс стил» [1].

На этот раз правительство не предприняло никаких шагов и даже санкционировало повышение цен. Кеннеди заявил, что «отдельные изменения цен в ту или другую сторону вполне совместимы с общей стабильностью цен». Он только посоветовал потребителям стали, в особенности автомобильным фирмам, а также профсоюзу сталелитейщиков проявлять сдержанность [2]. Монополистическая печать выразила удовлетворение «кротким благоразумием» президента. По ее мнению, эта уступчивость объяснялась «чувствительной политической антенной, которая нашептывала президенту, что ввиду приближающихся выборов не стоит идти на открытый разрыв с деловыми кругами» [3]. «При приближении выборов такой опытный политик, как президент, естественно, будет стремиться улучшить свои отношения с крупной промышленностью», — писал «Мэгэзин оф Уолл-стрит» [4].

Летом 1963 г. цены были вновь подняты на железобетонные балки и нефтяные трубы, а в октябре — на стальной лист и строительный прокат. В общем итоге

---

[1] Стоимость отгрузок тех изделий, на которые монополия повысила цены, составляла 29% стоимости ее продаж и 48% продукции всей сталелитейной промышленности. В среднем цена на тонну данных изделий была повышена на 4,85 долл., в то время как в апреле 1962 г. цена была поднята на 6 долл. за тонну всей продукции сталелитейной промышленности.

[2] «U. S. News», April 29, 1963, p. 40.

[3] «Fortune», May 1963, p. 76, 104.

[4] «Magazine of Wall Street», April 20, 1963, p. 119.

цены за 1963 г. повысились на 3,5—4% примерно на $^3/_4$ всех видов стального проката. Президент и на этот раз ограничился заявлением, что «он следит за повышением цен на основные виды проката»[1]. Однако некоторые стальные компании в конце 1963 г. получили повестки о вызове в суд, а в апреле 1964 г. восьми крупнейшим компаниям было предъявлено обвинение в сговоре о ценах на листовой прокат, на долю которого приходится около четверти оборотов этих компаний.

Дела о поглощениях и слияниях. Излюбленным приемом, к которому в прошлом особенно часто прибегали финансисты для установления своего контроля, было создание холдинговых компаний, приобретавших акции других компаний. Для борьбы с ними в 1914 г. был проведен закон Клейтона, запрещавший американским компаниям покупать акции других фирм, если это вело к образованию монополий. На первых порах закон этот применялся редко, и суды своим толкованием лишили его действенности. Признавалась, например, правомерной покупка акций, если она делалась с целью помещения капиталов, а не для установления контроля. Тем не менее закон Клейтона помешал большому распространению системы участий и вынудил монополистов изыскивать иные приемы. Одним из таких приемов была покупка не акций конкурентов, а их активов (зданий, оборудования и пр.). Этим объясняется большое количество слияний и поглощений.

В 1950 г. в закон Клейтона было внесено изменение, запретившее покупать не только акции, но и активы других компаний, если такие действия могли повести к «существенному ущемлению конкуренции или к образованию монополии».

Наконец, при правительстве Кеннеди Верховный суд США снова сделал попытку установить преграды для дальнейшего развития процесса централизации. Так, в 1962 г. в решении по делу обувной компании «Браун шу» он провозгласил своей задачей «пресечение тенденции к концентрации в самом ее зародыше» и высказался против ущемления конкуренции «в любой отрасли торговли и в любой части страны»[2], а также против «вер-

[1] «The Economist», October 12, 1963, p. 137.

[2] Это означало, что суд может рассматривать вопрос о конкуренции не только с точки зрения целой отрасли и всего нацио-

тикальных» поглощений, т. е. ставящих целью захват нового производственного «этапа», или диверсификации. Эти меры не приостановили потока слияний и поглощений. Число их все увеличивалось. В обрабатывающей и добывающей промышленности в 1950—1954 гг. оно достигало в среднем 285 в год, в 1955—1959 гг. — 533, а в 1959—1961 гг. — 654, в 1962 г. — 684[1]. При правительстве Кеннеди темп централизации капитала уступал лишь показателям второй половины 20-х годов.

Корпорации проявляют изумительную изобретательность в поисках способов обхода закона. Одним из них является создание двумя или несколькими фирмами совместных компаний. Делаются лишь первые попытки помешать распространению подобного рода практики. Так, в 1963 г. была подана жалоба с целью добиться запрета организации химическими компаниями «Олин Мэтисон» и «Пенсолт кемикл» общего предприятия. Аналогичное дело в 1964 г. было начато против «Монсанто кемикл» и «Брайер» (ФРГ).

С 1914 по 1950 г. государство возбудило на основании закона Клейтона 60 исков, из которых оно выиграло только 6. За последние же годы число подобных дел значительно возросло. На начало 1963 г. их насчитывалось 110. Подавляющее число начатых государственными органами дел было ими выиграно. Судебному преследованию подверглась в среднем каждая девятая из отнесенных к 500 ведущим промышленным фирмам. Иски предъявлялись и против компаний средней величины[2].

Дело «Е. И. Дюпон де Немур энд компани» является одним из наиболее крупных. Его можно сравнить по значению с делом о расчленении рокфеллеровского нефтяного треста «Стандард ойл» в 1911 г. Оно было начато в 1949 г. и мотивировалось тем, что концерн «Дженерал моторс», 23% акций которого принадлежали «Дюпон де

нального рынка, но и отдельного вида производства (например, не всей обувной промышленности, а производства детской или женской обуви) и отдельного района.

[1] Журнал «Айрон эйдж» указывал, что число поглощений было значительно больше, чем это указывают официальные данные, которые учитывают лишь наиболее крупные слияния («Statistical Abstract of the U. S.», 1964; «Iron Age», February 7, 1963, p. 68).

[2] «Harvard Business Review», May — June 1963, p. 84; «Business Week», May 4, 1963, p. 92.

Немур», закупает у него химические товары по льготным ценам. В 1957 г. Верховный суд признал, что собственность на такой крупный пакет акций является нарушением антитрестовских законов. В 1961 г., уже при правительстве Кеннеди, он вынес решение, обязавшее «Дюпон де Немур» распределить среди своих акционеров акции «Дженерал моторс» или иным образом распорядиться ими. Распределение акций началось в 1962 г.[1], после того как конгресс принял закон, установивший специальные налоговые льготы для акционеров химической монополии. Решение Верховного суда распространяется на акции, принадлежавшие семье Дюпонов, и на их финансовую компанию «Кристиана секюритиз». Это решение нанесло серьезный удар по финансовой группе Дюпонов и их химической компании. До сих пор последняя могла вести широкое капитальное строительство, не прибегая к долгосрочной задолженности, ибо получала ежегодно по 300—500 млн. долл. в виде дивидендов от «Дженерал моторс». Теперь положение «Дюпон де Немур» сравняется с конкурентами, некоторые из которых, например «Юнион карбайд», быстро догоняют ее как по размерам оборотов, так и по стоимости производственного аппарата.

За последние годы в американской печати и конгрессе неоднократно обсуждался также вопрос о желательности ослабить мощь «Дженерал моторс»[2]. В одном из дел, начатых в 1956 г., «Дженерал моторс» обвиняется в незаконном захвате 80% производства автобусов. Во втором (1959 г.) министерство юстиции добивается аннулирования поглощения фирмы «Эвклид роуд машинери», на базе которой «Дженерал моторс» организовал производство машин для дорожного строительства. Наконец, в третьем деле, по которому обвинение предъявлено уже при Кеннеди в 1961 г., правительство потребовало исклю-

---

[1] Из всего пакета акций, принадлежавших «Дюпон де Немур», стоимостью (по рыночному курсу в июле 1962 г.) 3,4 млрд. долл. в 1962 г. было распределено 23 млн. акций стоимостью 1,3 млрд. долл., а в ноябре 1963 г. — 15 млн. акций на сумму 1,2 млрд. долл. За истекшие 16 месяцев курс акций «Дженерал моторс» повысился на 72%.

[2] «A Study of the Antitrust Laws. Report of the Committee on the Judiciary. U. S. Senate», Washington, 1956, p. 4; «A Study of the Antitrust Laws. P. I. Corporate Mergers», Washington, 1955, p. 362, 401.

чения из состава «Дженерал моторс» отделения, производящего дизельные локомотивы (85% их производства в стране). В ответ на предъявленные обвинения президент «Дженерал моторс» созвал в Детройте администраторов железнодорожных компаний и, ознакомив их с новой моделью тепловоза, заявил о своем намерении и впредь выпускать тепловозы и совершенствовать их конструкцию [1].

Кроме того, в настоящее время по жалобе министерства юстиции в суде присяжных [2] Нью-Йорка готовится к слушанию дело по обвинению «Дженерал моторс» в использовании незаконных средств для утверждения своих монопольных позиций в автомобильной промышленности. Утверждают, что конечной целью этого дела является расчленение концерна [3]. Однако, поскольку подготовка дела ведется с 1959 г. при закрытых дверях и обвинение до сих пор не предъявлено, можно предполагать, что оно будет положено под сукно. Но руководители «Дженерал моторс» не дремлют. По сообщениям прессы, монополия проводит у себя реорганизацию с таким расчетом, чтобы до крайности затруднить отторжение какого-либо из своих отделений [4].

В конце 1961 г. министерство юстиции предъявило иск и к «Форд мотор компани». Он был направлен на то, чтобы помешать поглощению монополией компании «Филко» и тем самым не допустить внедрения Форда в электронику. Дело затянулось, а «Форд мотор компани» тем временем полностью реорганизовала структуру и управление «Филко», превратив ее в свое отделение, а затем изменила и состав выпускаемой продукции. После этого, если суд и вынесет решение против нее, приведение в исполнение его решения будет невозможным.

---

[1] «Wall Street Journal», October 19, 1961.

[2] Дела возбуждались в суде присяжных, так как только он может потребовать от компаний представления нужных документов до начала открытого судебного разбирательства. При Кеннеди принят закон, ускоривший и упростивший разбор антитрестовских дел. Министерство юстиции получило право при подготовке разбора дела в гражданском суде требовать от компаний представления различных документов, а в случае их отказа обращаться в суд для получения приказа.

[3] «Business Week», December 1, 1962; «Wall Street Journal», September 7, 1961.

[4] «American Machinist», June 24, 1963, p. 39.

Министерство юстиции пыталось также повлиять на систему сбыта автомобилей монополиями через сеть собственных дилеров (розничных торговцев). Компания «Крайслер», не доводя дело до судебного разбирательства, согласилась (1963 г.) удовлетворить требования министерства юстиции и сообщила своим дилерам, что они вправе торговать автомобилями любой марки.

Дела о незаконных поглощениях и слияниях касаются теперь многих фирм. От компании «Ньюмонт майнинг», добывающей медь и нефть, министерство юстиции (1963 г.) потребовало ликвидировать принадлежащие ей пакеты акций двух медных компаний — «Магма коппер компани» и «Фелпс Додж». В 1961 г. министерство юстиции помешало «Стандард ойл» (Нью-Джерси) поглотить «Стандард ойл» (Кентукки), снабжающую бензином заправочные колонки и оптовые базы в юго-восточных штатах. Тем не менее правительство ничего не предприняло, когда указанную компанию поглотила «Стандард ойл оф Калифорния». Министерство юстиции помешало также «Стандард ойл» (Нью-Джерси) приобрести завод и торговый аппарат компании «Тайдуотер» (в западных штатах).

Министерство воспрепятствовало приобретению монополией «Тексако» нефтяной фирмы «Сюпириор ойл», а также заставило компанию «Филиппс петролеум» продать 14% акций «Юнион ойл оф Калифорния», владеющей торговой сетью на западном побережье.

Можно привести еще несколько примеров вмешательства министерства юстиции и Федеральной торговой комиссии в дела нефтяных компаний. Однако число поглощений и слияний в нефтяной промышленности не только не уменьшалось, но даже увеличивалось. Нефтяные компании, у которых накопились крупные капиталы, внедрялись в другие отрасли, поглощая существующие в них компании (например, в добычу серы, газовую промышленность, химическую промышленность, и в частности в производство удобрений). В результате этих поглощений многие средние специализированные компании теряют свою независимость, а положение остающихся становится весьма шатким. Залежи фосфатов штата Флориды, находившиеся в руках десяти компаний [1], частично пере-

[1] В том числе двух мясных трестов, двух химических монополий и шести фирм, производящих удобрения.

ходят к нефтяным компаниям. Слабые попытки министерства юстиции приостановить развитие процесса централизации не дают каких-либо существенных результатов.

В 1962 г. Верховный суд признал незаконным приобретение компанией «Браун шу» фирмы «Кинней», имевшей 570 розничных магазинов. Решение это, однако, привело к неожиданному результату: «Браун шу» продала магазины «Кинней» крупной торговой монополии «Вулворт». Министерством юстиции и Федеральной торговой комиссией возбуждены дела против алюминиевых компаний «Алкоа» и «Кайзер алюминум», поглотивших мелких производителей строительных деталей (1961 г.), против «Дженерал дайнэмикс», внедрившейся в производство промышленных газов посредством покупки нескольких фирм (1961—1962 гг.), против бумажной компании «Краун Зеллербах», «Дженерал фудс» (пищевая промышленность) и т. д. «Мартин Мариетта» подчинилась приказу Федеральной торговой комиссии[1] о продаже 75 заводов строительных материалов и карьеров (1963 г.). Кроме того, ей запрещено в течение 7—10 лет поглощать строительные фирмы в большинстве районов США. Стекольная компания «Оуенс Иллинойс гласс» согласилась (1963 г.) продать пять заводов, приобретенных в результате поглощения «Нэшнл контейнер корпорейшн». Отказалась от своих планов поглотить основного производителя искусственного шелка «Америкен вискоз» с оборотами 219 млн. долл. и компания «Стауфер кемикл» (1962 г.). Вскоре, однако, стало известно о намерениях другой фирмы — «Фаундри машинери» — приобрести активы «Америкен вискоз». Министерство юстиции вновь обратилось в суд, но компании оказались менее уступчивыми и, несмотря на протест министерства юстиции, заключили сделку о покупке активов. После неудачной попытки добиться судебного приказа о запрете данной покупки до разбора дела в суде министерство юстиции взяло в конце 1963 г. свой иск из суда, сознавая невозможность восстановить прежнее положение. Надо иметь в виду, что предъявление иска само по себе не может приостановить слияния. Поэтому большинство

---

[1] Федеральной торговой комиссии дано право выносить приказы, которые компании могут обжаловать в суде.

компаний идет на риск, считая, что сумеет довести дело до благополучного исхода. Однако, как это видно из приведенных примеров, компании теперь нередко отказываются от своих планов до судебного разбирательства при первом требовании министерства юстиции.

До последнего времени считалось, что государственные органы, регулирующие отдельные отрасли, например Комиссия по торговле между штатами (в отношении железных дорог) или контролер денежного обращения и Федеральное резервное управление (в отношении банков), должны разрешать и вопросы, связанные с антитрестовскими законами. Однако после прихода Р. Кеннеди в министерство юстиции последнее стало все чаще вмешиваться в неписаные прерогативы таких учреждений, добившись, в частности, признания своего права Верховным судом (1962 г.).

Вмешательство министерства юстиции затрагивает интересы всех крупных железнодорожных компаний, так как на рассмотрении Комиссии по торговле между штатами находятся дела о слияниях компаний, располагающих в общей сложности $^3/_4$ активов железнодорожного хозяйства США. Уже одна эта цифра дает представление о масштабах намечаемых компаниями слияний и говорит о наличии глубоких причин, требующих коренного и рационального переустройства железнодорожной сети США, в частности ликвидации параллельных дорог. Однако, в то время как наиболее мощные железнодорожные компании стремятся использовать критическое положение железных дорог для утверждения своей монополии, представители промышленных и других кругов, опасаясь усиления наиболее мощных железнодорожных компаний, противостоят этой тенденции. Вот почему в 1963 г., после того как Комиссия по торговле между штатами утвердила проект слияния двух компаний — «Чезапик энд Огайо» и «Балтимор энд Огайо» (активы их в общей сложности превышали 2 млрд. долл.), министерство юстиции обратилось в суд с просьбой вернуть дело в комиссию для нового рассмотрения. Вскоре, однако, оно изменило свою точку зрения и не противодействовало слиянию. Зато оно препятствовало другому, еще более крупному слиянию компаний «Пенсильвания рэйлроуд» и «Нью-Йорк сентрал» (с активами, равными 5 млрд. долл.). Сначала, в 1962 г., оно потребовало от «Пенсиль-

вания рэйлроуд» выполнения известных условий, а затем в решительной форме, выражая точку зрения междуведомственной комиссии, заявило, что, «по мнению правительства, слияние двух указанных компаний не отвечает общественным интересам», и выдвинуло свои собственные проекты реорганизации железных дорог в восточных штатах[1].

Еще большую активность проявило министерство юстиции в отношении банков. Как писал журнал «Джорнэл оф коммерс»[2], «Роберт Кеннеди возбудил против банков три иска, нарушавших прежнюю судебную практику». Попытки министерства юстиции помешать слияниям банков делались в период, когда процесс централизации развивался особенно высокими темпами и когда в противоположность судебной практике финансовые государственные органы отступали от своей прежней политики и поддерживали проекты слияния банков, несмотря на сильное противодействие министерства юстиции[3].

Наибольшее значение имело решение Верховного суда в 1963 г. по возбужденному министерством юстиции делу, в котором он признал незаконным слияние двух филадельфийских банков, хотя оно и было утверждено перед тем комиссией штата и Федеральным резервным управлением. Дело о слиянии двух крупных коммерческих банков Нью-Йорка («Манюфакчурерс траст» и «Хановер бэнк»), объединенные активы которых достигают 6 млрд. долл., находится в суде, но еще не рассмотрено. Вмешательство в дела банков переполнило чашу терпения заправил Уоллстрита и привело к отставке помощника министра юстиции по антитрестовским делам Л. Левингера. Но вскоре после этого министерство юстиции возбудило новое дело против слияния двух калифорнийских банков, несмотря на то что оно было одобрено Сэксоном — контролером денежного обращения. Вновь созданный на основе слияния банк должен был занять по величине активов двенадцатое место в стране[4]. В конце 1963 г. министерство юстиции впервые заключило с двумя банками штата Индиана соглашение, по которому банки отказались от слияния[5].

---

[1] «U. S. News», October 14, 1963, p. 8.
[2] «Journal of Commerce», November 13, 1961.
[3] «Economist», June 29, 1963, p. 1358; June 13, 1963, p. 469.
[4] «Business Week», October 12, 1963, p. 128.
[5] «The New York Times», 27. X. 1963.

В 1963 г. Верховный суд признал, что антитрестовские законы распространяются и на фондовую биржу. Комиссией по бирже и ценным бумагам было начато также расследование, вызвавшее поначалу немалую суматоху в финансовом мире. Однако это расследование закончилось изданием доклада, в котором наряду с громкими фразами содержатся рекомендации о реформах, ущемляющих права индивидуальных брокеров и расширяющих права крупных брокерских фирм[1]. Наступление правительства Кеннеди на биржу закончилось поражением.

В 1963 г. печать по-прежнему пестрела сообщениями об антитрестовских делах, однако все же наметился перелом. Приближение выборов 1964 г. заставило президента пойти на известные уступки. Помощник министра юстиции по антитрестовским делам Л. Левингер был переведен на работу в Федеральную комиссию связи. Печать объясняла отставку Левингера, в частности, тем, что он проявил излишнее рвение, особенно в делах против банков[2]. Назначенный на его место У. Оррик (в прошлом адвокат, обслуживавший крупные банки и богатые семьи Сан-Франциско) поспешил заявить, что впредь «министерство юстиции будет консультироваться с другими правительственными органами по вопросу о банковских слияниях» и «что он не ограничится обсуждением дел с одними только экономистами и сотрудниками министерства, а использует знания контролера денежного обращения» (намек на причастность к отставке Левингера контролера денежного обращения Сэксона, пользующегося доверием банков и выступающего против их преследования). Оррик обратился также к банкирам с предложением обсуждать предварительно с министерством юстиции свои планы о слияниях[3]. Орган компаний тяжелой промышленности «Айрон эйдж»[4] комментировал назначение Оррика следующим образом: «Намечаются перемены в антитрестовской политике правительства. Период «бури и натиска»

---

[1] «Finance», August 15, 1963, p. 29—30; «Newsweek», June 22, 1964, p. 47—48.

[2] «Проблема распределения власти в обществе, решению которой призваны помочь антитрестовские законы, — заявил Левингер в комиссии конгресса, — по своему значению для нашего поколения уступает только вопросу о сохранении жизни в атомный век» («Wall Street Journal», June 4, 1963).

[3] «Business Week», August 10, 1963, p. 40.

[4] «Iron Age», April 11, 1963, p. 39.

миновал». Другой журнал[1] добавлял, что «можно ожидать определенного сдвига в позиции и методах работы антитрестовского отдела министерства юстиции», а в конце 1963 г. «Уолл-стрит джорнел» отмечал, что «предстоят знаменательные перемены в антитрестовской политике правительства, которые... по всей видимости, придутся по вкусу бизнесменам и, напротив, повергнут в отчаяние сторонников твердого курса»[2].

Как выяснилось, этим изменениям предшествовали протесты против антитрестовской активности министерства юстиции не только со стороны монополий, но и от других ведомств, в частности от Федерального резервного управления, Комиссии по торговле между штатами, министерства торговли. Последнее, например, настаивало на предоставлении американским экспортерам особых льгот и даже изъятия их из-под действия антитрестовских законов, мотивируя это дефицитностью платежного баланса.

В 1962 г. был организован особый сектор по внешней торговле в составе министерства юстиции, и на него была возложена борьба с монополиями в международной сфере. Оррик неоднократно заверял бизнесменов, что он проявит максимальную гибкость и подчинит свою деятельность национальным интересам США. В частности, он обещал уделять больше внимания внешней экономической политике США и усилиям увеличить экспорт и инвестиции в экономически отсталых странах. Однако при этом Оррик сделал оговорку, что соглашения фирм о фиксировании цен и разделе рынков будут по-прежнему преследоваться[3]. Заявление это не было пустой угрозой, так как министерство юстиции вскоре предъявило иск к пяти компаниям, экспортирующим фосфатные удобрения.

В первые месяцы президентства Линдона Джонсона наступило затишье. Однако вскоре антитрестовские органы вновь активизировались. Это не понравилось бизнесменам. «До сих пор, — предостерегающе писал в мае 1964 г. журнал «Юнайтед стейтс ньюс», — лидеры деловых кругов воздерживались от порицания Джонсона... а направляли свои протесты по адресу Оррика, Роберта Кеннеди и Федеральной торговой комиссии». Такая сдержанность, намекал журнал, имеет пределы.

---

[1] «U. S. News and World Report», June 3, 1963, p. 35.
[2] «Wall Street Journal», November 6, 1963.
[3] Там же.

Антитрестовские дела не ослабили экономической мощи монополий, да и не могли этого сделать, поскольку ее основа — собственность на средства производства — осталась незыблемой и поскольку монополии продолжали загребать огромную долю прибавочной стоимости, создаваемой трудом всего общества. Из года в год, в том числе и при Кеннеди, 500 самых крупных промышленных компаний получают 70% прибылей всех промышленных корпораций, тогда как на их долю приходится только несколько больше половины оборотов[1]. Антитрестовские дела против «Дженерал моторс» не помешали ей побить в 1962 и 1963 гг. рекорд, получив прибыль более высокую, чем когда-либо получала какая-нибудь компания в США (1 459 млн. долл. в 1962 г. и 1 592 млн. долл. в 1963 г.). Она превзошла даже прибыль «Американ телефон энд телеграф» (1 384 млн. долл в 1962 г.). Накопление капитала является основным стимулом дальнейшей централизации капиталов, оно толкает монополии на путь комбинирования, диверсификации, создания новых предприятий, захвата торговой сети, транспортных средств и заставляет их устремляться за пределы США, развивая деятельность в других странах.

В то время как министерство юстиции и Федеральная торговая комиссия предъявляли к корпорациям антитрестовские иски, другие государственные органы, напротив, способствовали дальнейшему утверждению и усилению монополий (военные заказы, налоговая реформа и т. д.). Дела сталелитейных и электротехнических компаний лишний раз показывали, что в экономике США господствуют монополии и что они обладают мощью, достаточной для того, чтобы устанавливать монопольные цены. Буржуазное правительство в лучшем случае может добиться устранения наиболее вопиющих злоупотреблений, но оно не в состоянии подорвать господство монополий, да и не может ставить себе такой цели.

Было бы, однако, неправильно делать вывод, что антитрестовские дела не оказывают никакого влияния на экономику США. Они бесспорно влияют па формы концентрации и централизации производства, на характер сращивания промышленного и банковского капитала. Судебная практика по антитрестовским делам, поскольку она

---

[1] «Fortune», July 1963, p. 177.

была направлена в основном против сговоров о ценах, способствовала тому, что вместо картелей, как в Европе, в США возникла и утвердилась другая форма монополизации — тресты и концерны. Другим следствием антитрестовских дел было утверждение так называемой олигополии, т. е. господства в отдельных отраслях не одной компании, а нескольких крупных компаний, которые, как правило, устанавливали «правила игры», приемлемые для них всех.

Выступая в Хот-Спрингсе в октябре 1963 г. перед руководителями крупнейших монополий, Оррик заявил, что сотрудники антитрестовского отдела изучают новые условия и новые формы конкуренции, например межотраслевую конкуренцию. Это, по его словам, можно видеть из дела против компании «Континентал кэн»,[1] поглотившей фирму, изготовляющую стеклянную тару. Министерство юстиции, как сказал Оррик, намерено также бороться против концентрации экономической мощи в некоторых «олигополистических» отраслях: алюминиевой, сталелитейной, автомобильной, стекольной и др.[2] Однако до сих пор антитрестовские судебные дела, способствуя изменению соотношения сил внутри монополистической верхушки, приводили к утверждению господства в отраслях промышленности нескольких крупнейших корпораций. Так, место расчлененного в 1911 г. нефтяного треста Рокфеллера занял ряд мощных монополий. К подобным результатам приводят и нынешние антитрестовские дела. Дело «Дюпон де Немур», например, ослабило позиции одной монополии, но пошло на пользу ее конкурентам. К таким же результатам может привести запрет «Стандард ойл» (Нью-Джерси) приобрести компанию «Стандард ойл» (Кентукки) и мощности компании «Тайдуотер», а также патентные дела.

Антитрестовское законодательство не может остановить действие закона развития капитализма — концентрации и централизации производства и капиталов. Как писал В. И. Ленин, «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»[3].

---

[1] Дело это было решено Верховным судом в пользу министерства юстиции («The New York Times», June 23, 1964).

[2] «The New York Times», 20. X. 1963.

[3] *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315.

3. Частные монополии и государственное регулирование электроэнергетики

Правительство Кеннеди выдвинуло специальные программы лишь для некоторых отраслей промышленности, в частности для электроэнергетики. Выделение этой отрасли объясняется как наличием в ней довольно значительного государственного сектора, так и накоплением солидного груза противоречий, порожденных регулированием частных электрических компаний.

К началу деятельности правительства Кеннеди установленная мощность федеральных электростанций составляла 22,4 млн. *квт*, или 17% установленной мощности всех электростанций, а вместе с муниципальными, штатными, смешанными государственно-кооперативными[1] — 39,6 млн. *квт* (или 21,3%)[2]. Кроме того, государство уже более двух десятилетий осуществляет регулирование частных электрокомпаний: выдает лицензии на строительство гидростанций, утверждает тарифы на электроэнергию и т. д.

На выборах 1960 г. Кеннеди выступил с программой расширения государственного электроэнергетического строительства. Доклад, опубликованный незадолго до выборов Комитетом по природным ресурсам при консультативном совете демократической партии, сформулировал намерение будущего правительства форсировать наращивание мощностей на государственных тепло- и гидроэлектростанциях, расширить строительство федеральных линий электропередачи, создать региональные правительственные организации в речных бассейнах (по примеру Управления долины р. Теннесси), продолжить практику государственной поддержки сельской электрификации путем предоставления займов по низкой процентной ставке, усилить регулирование частных электрокомпаний со стороны Федеральной энергетической комиссии и т. д.

В феврале 1961 г. новый президент направил конгрессу специальное послание о природных ресурсах страны, в котором много внимания уделялось развитию электроэнергетики. Помимо расширения мощностей государствен-

---

[1] Кооперативы, созданные для электрификации сельских районов и получающие льготные кредиты от федеральных властей.

[2] Данные на конец 1960 г. («Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 529).

ных электростанций в нем говорилось также о необходимости объединить уже имеющиеся государственные энергосистемы в одну, поощрять кольцевание, создавать энергетические пулы, объединяющие как государственные, так и частные энергосистемы. Задача объединения государственных энергосистем была выдвинута впервые. Президент заявил, что электроэнергия, выработанная государственными станциями, будет по-прежнему предоставляться в первую очередь и на льготных условиях правительственным организациям, муниципалитетам, кооперативам. Президент предлагал провести изучение гидроресурсов речных бассейнов и составить планы их развития к 1970 г. Наконец, часть послания относилась к атомной энергетике.

«Электроэнергетика, — говорил Кеннеди, — основа развития экономики нашей страны... Нам необходимы стабильные высокие темпы развития энергетики всеми секторами экономики: государством, кооперативами и частными электрокомпаниями. Роль федерального правительства в снабжении большой части электроэнергии уже установлена и будет поддержана» [1].

Энергетическая программа Кеннеди не была «новым изобретением». Первая государственная электростанция в США была построена еще в 1906 г. Но до начала 30-х годов федеральное гидростроительство проводилось только на западе страны и главным образом для нужд орошения. Электроэнергия считалась побочным продуктом, доходы от ее продажи расходовались для дальнейшего развития орошения. Именно в связи с планами орошения было начато в 1928 г. строительство крупнейшей по тому времени гидростанции Боулдер-дэм (впоследствии переименованной в станцию Гувера) на р. Колорадо. К 1930 г. мощность государственных станций составила менее 1% общей мощности отрасли.

Однако с ростом противоречий экономики США и развитием государственно-монополистического капитализма характер государственного электростроительства резко изменился. Пытаясь найти выход из тяжелого экономического кризиса 1929—1933 гг., снизить катастрофически высокую безработицу, правительство Рузвельта организовало общественные работы, объектами которых было и строительство ряда крупных гидростанций, в частности

---

[1] «The New York Times», 24. II. 1961.

Бонвилл и Грэнд-Кули на р. Колумбии. В 1933 г. правительство создало Управление долины р. Теннесси — государственную организацию для комплексного развития водных и других природных ресурсов бассейна этой реки. В 1935 г. была учреждена Администрация по электрификации сельского хозяйства.

Хотя с началом мировой войны экономическая обстановка сильно изменилась и нужда в крупных общественных работах отпала, государственное энергостроительство продолжалось. Темпы строительства государственных электростанций до середины 50-х годов превосходили темпы строительства частных.

Таблица 14

Темпы государственного и частного электростроительства в США [1]

Президентство	Годы	Среднегодовой темп прироста (в %)	
		государственных электростанций	частных
Рузвельта (довоенный период) . .	1932—1940	10	1
Рузвельта (военный период) . . .	1940—1945	12	3
Трумэна (два срока)	1945—1952	9	7
Эйзенхауэра 1-й срок	1952—1956	14	9
2-й срок	1956—1960	8	9

Относительно высокие темпы строительства государственных электростанций в послекризисные годы свидетельствовали, что это строительство переросло рамки антикризисных мероприятий и приобрело самостоятельное значение. В связи с этим и вопрос о путях развития электроэнергетики — на государственных или частных началах — стал в США большой политической проблемой. Предвыборная платформа каждого кандидата в президенты стала обязательно содержать его отношение к развитию электроэнергетики. Для демократической партии традиционным стала поддержка государственного энергостроительства, для республиканской партии — поддержка частного и возведение препятствий для расширения го-

[1] «Barron's Weekly», March 13, 1961.

государственного сектора. (Характерно, например, что предвыборная платформа кандидата на пост президента на предстоящих выборах 1964 г. от республиканской партии сенатора Голдуотера одно время содержала обещание продать в частные руки государственную систему электростанций Управления долины р. Теннесси.) [1]

Эта политическая борьба имеет экономическую подоплеку. Дело в том, что государственные энергосистемы освобождены от налогообложения и пользуются относительно низкими процентными ставками на заемный капитал (от 2,5% до 4%). Управление долины р. Теннесси ежегодно выплачивает около 4% в виде «платы вместо налогов», тогда как налоги превышают 20% прибыли частных электрокомпаний [2]. Государственные энергосистемы устанавливают и более низкие тарифы на электроэнергию. Поскольку частные энергетические компании не хотят снижать тарифы, они рассматривают государственные станции как своего опасного конкурента и потому всячески добиваются свертывания их деятельности. Однако некоторые другие промышленные монополии, напротив, заинтересованы в низких ставках на электроэнергию и потому поддерживают государственно-монополистические мероприятия в данной отрасли.

В прошлом в США был принят ряд законов о преимущественном праве для муниципалитетов, кооперативов и государственных организаций на электроэнергию государственных энергосистем [3]. Эти законы создали большую популярность государственному электростроительству среди населения и обеспечили ему поддержку прогрессивных организаций и профсоюзов. Однако в последние 25 лет в число главных потребителей электроэнергии, в интересах которых и проводится крупное государственное электростроительство, вошли правительственная Комиссия по атомной энергии и другие государственные военные предприятия, а также промышленные монополии.

---

[1] «New York Herald Tribune», 28. VIII. 1963.

[2] *R. Caywood,* Electric utility rate economics, New York, 1956, p. 12; «Annual Report of the Tennessee Valley Autohority», 1960.

[3] «Hearings before a subcommittee of the Committee on the judiciary. The new power policy on marketing criteria of the Department of the Interior», Part 2, Washington, 1954, p. 490, 491.

Таблица 15

Распределение электроэнергии Управлением долины р. Теннесси и Бонвиллской энергетической администрацией в 1960/61 финансовом году по основным группам потребителей [1]

Потребители	Управление долины р. Теннесси		Бонвиллская энергетическая администрация (р. Колумбия)	
	млрд. *квт-ч*	% к общей продаже	млрд. *квт-ч*	% к общей продаже
Всего	60,1	100,0	28,3	100,0
В том числе:				
муниципалитеты	15,6	25,9	11,5	40,7
кооперативы	5,4	9,0		
федеральные организации	28,2	46,9		
промышленные компании	10,2	16,9	13,2 *	46,4
электрокомпании	0,05	0,08	3,5	12,6

* В том числе алюминиевая промышленность — 8,6 млрд. *квт-ч*.

Почти половина всей электроэнергии Управления долины р. Теннесси отпускается правительственным учреждениям, среди которых ведущее место занимают атомные комбинаты в Ок-Ридже и Падьюке. Солидна также доля потребления электроэнергии промышленными компаниями (почти 17%). Промышленные компании покупают также почти половину продукции Бонвиллской администрации. В электроэнергии государственных электростанций особенно заинтересованы промышленные монополии, связанные с электроемким производством. Государственные тарифы в 3—7 раз ниже частных и являются для промышленных монополий важным источником снижения себестоимости. Естественно, что для таких монополий, как «АЛКОА», имеющей алюминиевые заводы в бассейнах рек Колумбии и Теннесси, «Монсанто кемикл», «Юнион карбайд» и других химических компаний, имеющих предприятия в районах строительства государственных станций, низкие тарифы являются скрытой государствен-

[1] «Annual Report of the Tennesee Valley Authority», 1962, p. a 32 — a 35; «Moody's Public Utility Manual», 1962, p. a 53.

ной субсидией. По существу современный размах государственного энергетического строительства в США стал возможен лишь в силу поддержки определенных финансовых групп, заинтересованных в дешевой электроэнергии.

Однако, как отмечалось выше, в США имеются и противники государственного строительства электростанций. Это в первую очередь частные электрокомпании, затем владельцы нефтяных и угольных компаний. Так как в деятельности этих отраслей заинтересовано большинство финансово-олигархических групп США, к тому же поддерживающих республиканскую партию, их враждебность к государственному энергостроительству отразилась на позиции партии «большого бизнеса». Вместе с тем эта партия должна была учитывать интересы других монополистических группировок. Противоречивость ситуации сказалась, например, в непоследовательной линии правительства Эйзенхауэра. На годы его президентства пришелся пуск ряда крупных электростанций, строительство которых было начато еще при Трумэне [1]. Правительство республиканцев не решилось законсервировать эти стройки. Оно объявило, что не допустит «ни одной новой государственной электростанции», но не смогло воспрепятствовать принятию ряда законопроектов, по которым началось строительство новых станций. Сдерживая строительство электростанций на федеральные средства, правительство поощряло их создание на средства отдельных штатов, поскольку у частных электрокомпаний имелась большая возможность скупать дешевую электроэнергию таких станций.

Таковы были условия, в которых правительство Дж. Кеннеди выступило со своей программой решительного роста государственного электростроительства. На первых порах противники последнего были напуганы. «Политика «новых рубежей», — с тревогой писал «Бэрронс уиклн», — приведет к беспрецендентно огромным масштабам государственного строительства, неизвестным даже в триумфальные дни «нового курса»» [2]. Однако уже в 1962 г. стало ясно, что как предвыборные, так и последующие программы правительства выполняются далеко не полно-

---

[1] «Annual Report of the United States Federal Power Commission», Washington, 1962, p. 93, 94.

[2] «Barron's Weekly», March 13, 1961.

стью. Количество начатых гидросооружений возросло незначительно. В своем первом бюджете Кеннеди просил разрешения конгресса на финансирование только 43 объектов, а Эйзенхауэр — 46 в 1960/61 г. и 37 — в 1961/62 г. [1] Стоимость объектов, запрошенная на 1962/63 г., составила 586 млн. долл., при Эйзенхауэре в 1960/61 г. — 390 млн. долл. В 1963/64 г. Кеннеди попросил конгресс финансировать опять-таки 43 новых объекта, но требуемая сумма была сокращена на 25% [2].

Таким образом, объявив о большой программе строительства государственных электростанций, правительство оказалось не в состоянии обеспечить ее выполнение. Характерно, что заявления Кеннеди в 1963 г. заметно отличались от прежних и свидетельствовали о том, что он был вынужден отступить перед монополиями, препятствующими этому строительству. Так, выступая в Комитете по экономическому развитию, он, в частности, сказал: «Правило, которому я всегда следовал, состоит в том, что... если частная компания в состоянии использовать гидроэнергетический створ и обеспечить электроснабжение более удовлетворительно, чем федеральное правительство, предпочтение должно быть отдано частной компании...» [3]

Правительство Кеннеди ограничивало строительство государственных электростанций традиционными «старыми районами» (бассейны рек Теннесси, Колумбии и др.). В этом есть определенная логика — причинять минимум неудобств частным энергокомпаниям. Из новых районов была названа только Аляска. И все же в «старых районах» сделан известный шаг вперед. Это касается прежде всего Управления долины р. Теннесси, на которое приходится около 8% производства электроэнергии в стране. Оно эксплуатирует и строит также тепловые электростанции, составляющие в настоящее время около 70% его общей мощности. К 1965—1966 гг. мощности намечено увеличить до 15,8 млн. *квт*, или на $^1/_3$ по сравнению с 1960 г.

В другом важном районе государственного энергостроительства — бассейне р. Колумбии — государство пока может строить только гидростанции и атомные электро-

---

[1] «Engineering News Record», February 15, 1962, p. 171.
[2] «Engineering News Record», February 14, 1963, p. 34.
[3] «Magazine of Wall Street», June 1, 1963, p. 301.

станции (строительство государственных тепловых станций разрешено конгрессом только в долине р. Теннесси). Эта деятельность также тормозится. Президент внес в конгресс проект строительства крупной станции на р. Кутини, притоке Колумбии, но из-за отсутствия необходимого договора с Канадой (часть водохранилища будет на канадской территории) начало строительства откладывается. Три гидростанции в нижнем течении р. Снейк, которые должны были быть пущены соответственно в 1961, 1962 и 1963 гг., не имеют твердого срока окончания строительства. Разрешение конгресса на строительство станции Прист Рэпидс было отменено. Строительство станции Джон Дэй отложено, и ее пуск намечается не ранее 1968 г.

Министру внутренних дел Юдоллу правительство поручило составить долгосрочный план развития гидроресурсов в бассейне р. Колумбии. Пока этот план составляется, между учреждениями федерального правительства и частными компаниями идет борьба за право сооружения гидростанций (например, между департаментом внутренних дел и «Айдахо пауэр компани» об использовании энергоресурсов р. Снейк[1]). Ряд проектов государственного энергетического строительства застрял на стадии обсуждения в конгрессе.

Правительство Кеннеди предложило объединить Бонвиллскую энергетическую администрацию (она входит в Тихоокеанский северо-западный энергетический пул, объединяющий почти все электростанции района) с государственными гидростанциями Калифорнии и соединить их с энергосистемой р. Колорадо (штат Аризона). Затем электропередачи должны протянуться к бассейну р. Миссури и замкнуть кольцо с Бонвиллской энергетической администрацией в штате Монтана. В дальнейшем к этому энергетическому кольцу предполагается присоединить Юго-Западную энергетическую администрацию, распределяющую электроэнергию в штатах Канзас, Оклахома и Арканзас, которая уже имеет связи с Управлением долины р. Теннесси. Этот проект имеет несомненные технические и иные преимущества. Объединение государственных энергосистем значительно улучшило бы их эксплуатацию

[1] «Electrical World», June 10, 1963, p. 4.

и уменьшило имеющиеся потери [1]. Кеннеди просил конгресс ассигновать в 1963/64 г. на строительство федеральных линий электропередачи и на их объединение 125 млн. долл. [2] Но проект объединения государственных энергосистем вызвал наиболее острые нападки со стороны электрокомпаний, которые выдвинули контрплан строительства линий (частных) электропередачи стоимостью 8 млрд. долл., рассчитанный на целое десятилетие (до 1970 г.) [3]. В этих условиях правительство старалось не торопиться с осуществлением намеченного им проекта.

Правительство подверглось критике за то, что вместо одобрения долгосрочной программы строительства 20 атомных электростанций, выдвинутой Комиссией по атомной энергии в ноябре 1962 г. [4], президент предложил вначале провести межведомственное изучение энергетических ресурсов. Это предложение было расценено как желание оттянуть рассмотрение программы нового строительства. Правительство взяло курс на свертывание уже принятой программы создания трех реакторов и отложило строительство еще двух. Впервые на 1962/63 г. не были запрошены средства для атомной энергетики [5].

Такая позиция правительства объяснялась, с одной стороны, стремлением сэкономить средства для военной программы Комиссии по атомной энергии (что подтверждается заявлением председателя этой комиссии Сиборга [6]), а с другой — растущей заинтересованностью в строительстве атомных электростанций частными компаниями. Последние в настоящее время строят 5 крупных атомных электростанций общей мощностью 2,4 млн. *квт* [7].

Крупная неудача постигла правительство при решении вопроса об использовании построенного в 1958—1961 гг. на федеральные средства плутониевого реактора на атом-

---

[1] Потери Юго-Западной энергетической администрации достигали 6 млн. долл. в 1959 г., в бассейне р. Колумбии — 11 млн. долл. в 1960 г. В бассейне р. Миссури из-за отсутствия достаточной связи с потребителями половина наличной мощности в 2 млн. *квт* не используется («Barron's Weekly», March 13, 1961).

[2] «Electrical World», February 4, 1963, p. 18.

[3] «Edison Electric Institute Bulletin», September 1961, p. 295.

[4] «The New York Times», 21. II. 1963.

[5] Там же, 20. III. 1963.

[6] «The New York Times», 21. III. 1963.

[7] «The New York Times», 21. II. 1963.

пом комбинате в Ханфорде (штат Вашингтон) для производства электроэнергии. Правительство просило конгресс ассигновать 95 млн. долл. на оборудование для этой электростанции (700 тыс. *квт*). Предложение аргументировалось экономичностью использования выделяемого реактором тепла и снижением стоимости плутония, используемого для создания атомного оружия. Несмотря на это, предложение правительства встретило оппозицию со стороны частных электрических и угольных компаний. В 1962 г. конгресс разрешил договориться о строительстве необходимого оборудования, но только на средства частных электрокомпаний.

Правительство Кеннеди оказалось непоследовательным и в вопросах регулирования, которым занимается Федеральная энергетическая комиссия. Компании, осуществляющие оптовую торговлю электроэнергией между штатами, должны согласовать в каждом отдельном случае повышение своих тарифов с этой комиссией. Это правило имеет ограниченное значение ввиду своеобразной структуры отрасли: производство и распределение электроэнергии на больших территориях сосредоточено в руках только одной компании. Местное же распределение электроэнергии не подлежит такому регулированию. Незначительное влияние федерального регулирования на тарифы электрокомпаний признается и официальными кругами. Председатель Федеральной энергетической комиссии Дж. Свидлер заявил, что она, «по-видимому, не играет большой роли в определении тарифов, по которым электроэнергию покупает ее конечный потребитель» [1]. Электрокомпании в целом считают «атмосферу» регулирования благоприятной, хотя получить разрешение на увеличение тарифных ставок стало несколько труднее [2].

Правительство Кеннеди пыталось ввести новые формы регулирования. В конце декабря 1962 г. министерства внутренних дел и сельского хозяйства предложили предоставить право федеральным властям использовать излишки мощности в линиях электропередачи, если последние

---

[1] «Congressional Record», Vol. 108, N 84, May 25, 1962, p. 8672.

[2] Из 19 заявок, поданных в 1961 г., в девяти случаях был дан положительный ответ, в одном — отрицательный, остальные девять не были рассмотрены («Magazine of Wall Street», January 27, 1962, p. 513).

пересекают государственные земли[1]. При этом факт наличия излишка мощности должен по этому предложению определяться не компанией, которой принадлежит линия, а государственным чиновником. Это предложение затрагивает в основном интересы электрокомпаний Запада, где 80% земли находится в собственности государства. Естественно, что владельцы этих компаний оказали правительственному проекту яростное сопротивление, и он не был принят.

Подводя некоторые итоги выполнения энергетической программы правительства Кеннеди, можно сказать, что оно не осуществило значительной части этой программы. Встретив серьезное сопротивление со стороны определенных групп монополистического капитала, правительство не смогло добиться осуществления программы атомной энергетики, не пошло дальше разговоров о создании региональных государственных организаций по типу Управления долины р. Теннесси в других речных бассейнах. Поставлено под вопрос и гидроэнергетическое строительство в бассейне р. Колумбии. Осуществить правительственную программу помешали сложные и противоречивые условия развития американской энергетики. Борьба соперничающих групп монополистического капитала определяет непоследовательность государственно-монополистической практики в области энергетики.

4. Государство и транспортные монополии

Начало президентства Кеннеди совпало с обострением проблем американского транспорта. Хотя транспортная система США характеризуется высоким техническим уровнем, она в течение ряда лет переживает серьезные трудности, вызванные монополистической структурой экономики.

Постоянный рост тарифов железных дорог и других транспортных компаний общего пользования вынудил промышленные и торговые фирмы, фермеров и т. д. приобретать собственные транспортные средства. Если в 1946 г. лишь 21% грузооборота внутри страны выполнялся самими промышленными и прочими нетранспортными

[1] «California Electric Power Company», Annual Report, 1962, p. 7.

компаниями, то в 1962 г. их доля возросла до 33%[1] (в автоперевозках с 43% в 1950 г. до 85% в 1959 г.). Этот процесс имел несколько весьма серьезных последствий для транспортной системы в целом: тяжелый кризис железных дорог, переполнение автомобильных дорог, упадок городского общественного транспорта. К этому прибавились трудности гражданской авиации в связи с переходом на самолеты с реактивными двигателями, хронические трудности морского судоходства и т. д.

Особенно серьезным является положение железных дорог. За последние полтора десятка лет их грузооборот в абсолютном выражении сократился на 17%, а доля в общем грузообороте — с 67,3 до 43,3%[2]. Не менее половины железных дорог находится в неудовлетворительном финансовом состоянии. Чистый эксплуатационный доход, который американская статистика считает основным финансовым показателем их деятельности, сократился вдвое — с 1 084 млн. долл. в 1956 г. до 547 млн. в 1961 г. Сорок железных дорог восточного района окончили 1961 г. с дефицитом в 96 млн. долл.[3] Значительно сократилось морское судоходство США. Только за последнее десятилетие общий тоннаж американских судов, занятых внешними перевозками, уменьшился на 41%, в каботажных — в 3,1 раза. Объем перевозок авиалиний растет из года в год. Однако финансовые показатели гражданской авиации ввиду резкого увеличения издержек производства и капиталовложений заметно ухудшились. В 1961 г. по сравнению с 1951 г. чистый доход авиалиний от внутренних перевозок упал почти в 6 раз[4], а крупные авиалинии окончили год с балансовым дефицитом в 34 млн. долл[5]. В наихудшем положении городской общественный транспорт, переживающий хронический упадок. Общая протяженность линий всех его видов (трамвай, метро, надземные железные дороги, троллейбус, автобус) сократилась за 1950—1960 гг. на 30%, число перевезенных пассажиров — на 46%, чистый доход — в 2,1 раза. Все эти показатели теперь ниже, чем в 20—30-х годах[6]. Несмотря на большое

---

[1] «Dun's Review and Modern Industry», June 1962, p. 44.
[2] «Moody's Transportation Manual», 1962, p. a 12.
[3] «Dun's Review and Modern Industry», June 1962, p. 44.
[4] «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 583, 601.
[5] «Railway Age», February 4, 1963, p. 21—22.
[6] «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 578.

дорожное строительство и усовершенствования, бурное развитие автомобильного транспорта вызвало увеличение средней напряженности движения по автодорогам в 1,5 раза в 1960 г. по сравнению с 1950 г. и более чем в 3 раза по сравнению с 1940 г.[1]

Таким образом, несмотря на высокий уровень развития и технического оснащения, транспортная система США в ряде важнейших звеньев оказывается неэффективной. Огромная недогрузка одних участков при колоссальной перегрузке других, финансовые трудности свидетельствуют о крайней неравномерности и диспропорциях транспортной системы США.

Государственное вмешательство в деятельность транспорта началось еще в 80-х годах XIX в. под влиянием борьбы фермеров и мелких предпринимателей против гнета монополий. В сфере транспорта эта борьба была направлена в первую очередь против железных дорог как единственных в то время монополистических объединений в этой области. Борьбу против железнодорожных компаний поддерживали и некоторые крупные промышленные компании. Правительство вынуждено было ввести государственное регулирование железных дорог. Начиная с 1887 г. правительственная Комиссия по торговле между штатами стала регулировать отношения отдельных железнодорожных компаний друг с другом, отношения последних с грузовладельцами, устанавливать максимальные и минимальные границы тарифных ставок, контролировать новое строительство и расширение существующих железнодорожных линий, а также слияния железнодорожных компаний.

Другие виды транспорта также со временем попали в сферу правительственного регулирования, но по иным причинам. Крупное фермерство и промышленный капитал были заинтересованы в их скорейшем развитии, надеясь таким путем ослабить свою зависимость от железных дорог. Любопытно, что под давлением фермерства в закон 1933 г. о подчинении государственному регулированию автотранспортных компаний была внесена поправка, оставляющая вне регулирования автотранспорт, занятый перевозкой сельскохозяйственных продуктов. Промыш-

---

[1] Наш расчет по данным «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 551, 562.

ленные компании, заинтересованные в использовании дешевого речного флота для перевозки основных сырьевых грузов, добились от правительства исключения из сферы регулирования перевозок угля, руды, нефти, песка, зерна и т. д. на речных судах. $^2/_3$ автотранспортных компаний и $^9/_{10}$ линий внутреннего судоходства оказались вне сферы государственного воздействия. Транспорт, находящийся в собственности промышленных и торговых компаний и исключенный из сферы регулирования, также оказался в привилегированном положении. Если новые виды транспорта все же подпали в той или иной степени под государственное регулирование, то главным образом вследствие активности железных дорог, заинтересованных в известном «уравнении» условий конкурентной борьбы. Вследствие этих исторических особенностей государственное регулирование в настоящее время крайне неравномерно охватывает отдельные виды транспорта, создавая благоприятную почву для развития одних и препятствуя развитию других.

Государственно-монополистическое регулирование лишь усугубило неравномерное развитие транспортной системы. Вместе с тем если сначала оно играло известную роль в ограничении транспортных монополий, то в дальнейшем по мере приобретения новых видов транспорта промышленными монополиями стало ее терять.

В 50-х годах кризис отдельных видов транспорта принял угрожающие размеры, государство и монополии стали искать пути его ослабления и возможного преодоления. Усилия ведущих транспортных компаний в течение ряда лет направлены главным образом на так называемое оздоровление посредством объединения в более крупные тресты. Наибольший размах слияния и поглощения приобрели среди железнодорожных и авиационных компаний. В 1960 г. 23 крупные железные дороги ($^1/_3$ общей протяженности) были вовлечены в этот процесс[1]. В дальнейшем он распространился и на другие железнодорожные компании, охватив более половины железнодорожной сети[2]. В 1961 г. наиболее крупным было слияние «Тексас энд Нью-Орлеан» с «Сазерн пасифик». В конце 1962 — начале 1963 г. «Пенсильвания рейлроуд» установила конт-

---

[1] «U. S. News and World Report», April 18, 1960, p. 80.
[2] «Wall Street Journal», May 28, 1963.

роль над «Лехай вэли» и было подготовлено слияние железнодорожных систем «Балтимор энд Огайо» — «Чезапик энд Огайо» (объединенные активы свыше 2 млрд. долл.). Готовятся к объединению две крупные железнодорожные компании Юга — «Атлантик коуст лайн» и «Сиборд эрлайн». На Западе сливаются «Сазерн пасифик» и «Санта Фе» — давние соперники в борьбе за господство на Тихоокеанском побережье (общие активы свыше 4 млрд. долл.). В мае 1963 г. было объявлено о слиянии «Юнион пасифик» с «Рок Айленд» (свыше 2 млрд. долл.).

Объединение железнодорожных компаний преследует цель монополизировать перевозки в целых географических районах и отражает объективную потребность в более рациональной организации и эффективном использовании железнодорожного транспорта, в частности в ликвидации параллельных путей конкурирующих компаний. В настоящее время всего 10% эксплуатируемой железнодорожной сети США используется для перевозки 50% грузов, а 30% — менее 2% грузов [1]. Предполагается, что объединение железных дорог позволит в какой-то мере устранить дублирование, централизовать управление и более эффективно использовать станционное и путевое хозяйство, подвижной состав, увеличить дальность пробега грузов и т. д. [2] Общая экономия, ожидаемая от слияния железных дорог в восточном районе, оценивается в 200 млн. долл. в год [3].

Рост финансовых трудностей породил волну слияний и крупнейших компаний воздушного транспорта. Завершилось объединение «Юнайтед эрлайнз» с «Кэпитэл»; объединенная компания осуществляет 1/4 внутренних воздушных перевозок. «Пан-Американ уорлд эрлайнз» предполагает объединиться с «Трансуорлд эрлайнз», «Американ эрлайнз» — с «Истерн». В результате второго слияния будет сконцентрировано в одних руках 1/3 внутренних воздушных перевозок, предполагается сэкономить 55 млн. долл. в год [4].

Но попытка транспортных монополий преодолеть трудности на путях объединения чревата серьезными опасно-

---

[1] «Financial Times», July 26, 1962.
[2] «Magazine of Wall Street», October 20, 1962, p. 153.
[3] «Railway Age», July 9, 1962, p. 9.
[4] «Atlantic», September 15, 1962, p. 49.

стями. Во-первых, «рационализация», проводимая в ходе слияний, направлена против рабочего класса и предполагает лишения работы многих тысяч железнодорожников (за 1951—1961 гг. число занятых на железных дорогах уже сократилось на 572 тыс., или на 42%). Это вызывает обострение классовой борьбы на транспорте. Во-вторых, поскольку транспорт остается в частной собственности и под командованием главных финансово-олигархических групп, слияния ведут к резкому усилению монополизации транспорта, укреплению позиций монополистического капитала вообще в ущерб немонополистической буржуазии и народным массам. Протест немопополистической буржуазии выразился, в частности, в законопроекте, требовавшем запрещения слияний на год (предложен сенатором Кефовером в 1962 г.) [1].

До недавнего времени федеральное правительство вело себя крайне пассивно в отношении проблем, переживаемых транспортом. При правительстве Эйзенхауэра в 1958 г. был принят закон, ослабивший контроль над тарифами и разрешивший предоставлять временные правительственные гарантии по частным займам железным дорогам в размере до 500 млн. долл. [2] Кроме того, был отменен косвенный налог на грузовые перевозки, существовавший со времени второй мировой войны. Но этим дело и ограничилось.

В предвыборной кампании 1960 г. демократическая партия и ее кандидат Дж. Кеннеди обещали разрешить кризис на транспорте. Мыслилось это сделать путем дальнейшего ослабления государственного регулирования железных дорог, оказания большой правительственной помощи и стимулирования капиталовложений в железные дороги и городской транспорт. Однако первое время после прихода к власти правительство Кеннеди мало занималось транспортом. Лишь в апреле 1962 г. президент на-

---

[1] Он был отклонен как якобы противоречащий общественным интересам («Commercial and Financial Chronicle», July 17, 1962, p. 124). Тем не менее правительство и Верховный суд США вынуждены были запретить крупнейшее слияние среди железных дорог — «Нью-Йорк сентрал» и «Пенсильвании», которое привело бы к вытеснению и гибели многих мелких железнодорожных компаний в восточном районе.

[2] Срок действия гарантий истекал 31 марта 1961 г., но затем был продлен до середины 1963 г. («Railway Age», January 8, 1962, p. 95).

правил конгрессу специальное послание, в котором сформулированы конкретные предложения. В качестве основной меры Кеннеди предложил уменьшить «чрезмерное регулирование» железных дорог и специализированных автотранспортных компаний, ограничить субсидирование автомобильного, водного и воздушного транспорта [1]. Президент предложил предоставить свободу в установлении тарифов на перевозку насыпных массовых грузов, продукции сельского хозяйства и рыболовства всем транспортным компаниям общего пользования. Таким правом более 20 лет пользовались только автотранспортные компании и внутренний водный транспорт. Мера, предложенная Кеннеди, — крупная уступка железным дорогам, ибо освобождает от регулирования почти 70% перевозимых ими грузов. Другой важной мерой является предоставление железнодорожным компаниям права перевозить грузы по специальным пониженным тарифам по соглашению с крупными поставщиками, гарантирующими в течение года большой объем перевозок, а также поощрение «экспериментальных» тарифов, являющихся средством привлечения грузов на железные дороги. Резкое ослабление и во многих случаях отмена тарифного контроля являются исключительно важной уступкой железнодорожным монополиям. За это предложение «Мэгэзин оф Уолл-стрит» назвал Кеннеди «другом железных дорог» [2].

Американская печать установила небезынтересный факт: послание Кеннеди во многих пунктах совпадало с рекомендациями Д. Лумиса, являющегося президентом Ассоциации американских железных дорог — мощной организации «крупного бизнеса», где заправляют представители полутора десятка ведущих железнодорожных компаний. Предоставление тарифных льгот выгодно и промышленно-торговым компаниям, в значительной мере легализуя их сговоры с железнодорожными компаниями о тарифах. Поэтому организации промышленников также одобрили транспортную политику правительства. В поддержку программы Кеннеди выступили и организации, представляющие интересы крупного фермерства. Последние также надеются пожать плоды «тарифной свободы» [3].

---

[1] «Railway Age», April 16, 1962, p. 14—15.
[2] «Magazine of Wall Street», January 12, 1963, p. 448.
[3] «Wall Street Journal», March 22, 1963.

Однако предложенная президентом программа вызвала недовольство автомобильных, автотранспортных и отчасти авиационных компаний. Поэтому в принятый в 1963 г. транспортный закон вошли не все предложения Кеннеди. Чтобы сохранить основную часть предложений, правительству пришлось пойти на уступки. В частности, был отменен 10-процентный косвенный налог на автобусные билеты, налог на авиационные билеты уменьшен с 10 до 5% [1]. В апреле 1963 г. был ослаблен контроль над тарифами американских авиакомпаний на международных воздушных линиях. Эта мера имела целью приостановить падение доли монополий США в международных воздушных перевозках. Наибольшую выгоду получили «Пан-Америкен уорлд эрлайнз» и «Трансуорлд эрлайнз» [2].

Наряду с ослаблением регулирования правительство Кеннеди изменило практику финансирования и субсидирования транспорта. До недавних пор бóльшую часть государственных ассигнований на транспорт поглощало строительство автомобильных дорог. При новом правительстве эти расходы продолжают расти, тем не менее больше средств стало выделяться и для поддержки других видов транспорта. Так, расходы федерального правительства на сооружение портов, гаваней и каналов увеличились с 392 млн. долл. в 1957/58 г. до 621 млн. долл в 1961/62 г.; расходы на гражданскую авиацию увеличились с 315 млн. долл. до 811 млн. долл. [3] Государственные субсидии торговому флоту возросли с 49 млн. долл. в 1950 г. до 225 млн. долл. в 1963 г. В 1963 г. на строительство торговых судов федеральное правительство ассигновало 112 млн. долл. [4] Эти расходы намечено частично возместить за счет более высоких налогов на те виды перевозок, которые осуществляются по государственным автомобильным дорогам, водным путям, а также через порты и аэродромы. Осенью 1961 г., когда конгресс утверждал ассигнования на автодорожное строительство, правительство предложило увеличить для автотраспортных компаний налоги на дизельное топливо (для грузовых машин с 4 центов до 7 центов за галлон), шины (с 8 до

---

[1] «Railway Age», January 14/21, 1963, p. 100.
[2] «New York Herald Tribune», 24. IV. 1963.
[3] «The Budget of the U. S. Government. 1962», p. 1022.
[4] «Railway Age», April 16, 1962, p. 18.

10 центов) и ежегодный сбор с тяжелых грузовиков (с 1,5 долл. до 5 долл.). Предполагалось, что это даст дополнительно 300 млн. долл. в год[1]. Правительство ввело новый 5-процентный налог на авиационные грузы и билеты и повысило налог на горючее[2]. Аналогичные меры предусмотрены и в отношении внутреннего судоходства.

Увеличение налогов не является новшеством в государственной транспортной политике. Это имело место и прежде[3]. Но правительство Кеннеди использовало это средство значительно более широко, чем его предшественники. Вместе с тем оно добилось отмены 10-процентного косвенного налога на пассажирские перевозки железнодорожных компаний. Транспортные (особенно железнодорожные) монополии широко использовали и общие налоговые льготы для компаний всех отраслей, введенные в 1962 г. в целях стимулирования новых капитальных вложений. Только за 1962 г. они сэкономили благодаря этим льготам 150 млн. долл.[4] Двадцать восемь ведущих компаний с прибылями 753 млн. долл. выплатили налог в 149,5 млн. долл., или 20% против 32% в 1961 г.[5], рост чистой прибыли позволил увеличить капиталовложения железных дорог на 30% по сравнению с предыдущим годом[6].

В апреле 1962 г. правительство Кеннеди предложило ассигновать на трехлетний период 500 млн. долл. на улучшение пригородного пассажирского движения. В настоящее время транспорт общего пользования, осуществляющий связи крупных городов с пригородами, фактически задавлен личным автотранспортом. За период с 1955 по 1962 г. свыше 400 транспортных компаний общего пользования обанкротились и прекратили свою деятельность[7]. Однако, несмотря на действительную необходимость улучшения пассажирского сообщения из-за большой миграции городского населения в примыкающие к крупным промышленным центрам пригороды, предложенный прави-

---

[1] «Wall Street Journal», March 20, 1961.
[2] «Railway Age», April 16, 1962, p. 14.
[3] *J. Nelson,* Railroad Transportation and Public Policy, Washington, 1959, p. 78.
[4] «Barron's Weekly», March 25, 1963, p. 11.
[5] Там же, стр. 23.
[6] «Railway Age», January 14/21, 1963.
[7] «Economist», March 9, 1963, p. 890.

тельством закон был принят лишь через год, причем ассигнования были уменьшены до 375 млн. долл.[1] Видимо, автомобильные тресты и их представители в конгрессе опасались, что эта программа может нанести ущерб сбыту автомобилей частным лицам.

Вокруг нового законодательства развернулась острая борьба монополистических группировок, заинтересованных в развитии различных видов транспорта. Промышленные и торговые компании, имеющие собственный автомобильный парк, добились провала в конгрессе рекомендаций президента об увеличении налога за использование тяжелых грузовиков[2].

Несмотря на острое сопротивление некоторых монополистических кругов транспортной политике Кеннеди, новый президент Джонсон, придя к власти, стал продолжать осуществление намеченных Кеннеди мероприятий. Об этом он заявил в своем экономическом послании конгрессу, призвав принять транспортный законопроект, находящийся на обсуждении в конгрессе.

Свои мероприятия в сфере транспорта правительство Кеннеди мотивировало необходимостью проводить координированную политику в отношении всей транспортной системы страны, способствовать более равномерному развитию и рациональному использованию всех видов транспорта. Однако даже осуществление всех мероприятий, намеченных программой президента, не может обеспечить централизованного регулирования этой отрасли. На практике политика правительства свелась к увеличению субсидий крупнейшим транспортным монополиям и вызвала обострение борьбы между монополистическими группами. Принятое конгрессом транспортное законодательство отражает лишь нынешнее соотношение сил этих групп. Деятельность же правительства сводится к выработке компромиссного решения.

---

[1] «Wall Street Journal», April 5, 1963.
[2] «Railway Age», January 14/21, 1963.

Глава IV

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

«Чрезвычайная программа». Принудительное регулирование

Внешний рынок и тарифная война

Положение фермеров

1. «Чрезвычайная программа». Принудительное регулирование

Государственно-монополистическое регулирование сельского хозяйства США достигло размеров, с которыми не может сравниться ни одна другая отрасль американской экономики. Государство в значительной мере вторглось в сферу производства и держит под контролем сбыт важнейших видов сельскохозяйственной продукции. Насколько процесс воспроизводства в сельском хозяйстве США переплелся с экономической деятельностью государства, видно, например, из следующих данных: за последние 10 лет государство снимало со свободного рынка и брало на себя реализацию от 25 до 47% валового сбора пшеницы, от 9 до 16% кукурузы, от 4 до 32% ячменя, от 20 до 52% сорго, от 15 до 62% хлопка, от 9 до 48% риса и до 33% табака [1].

Начало государственного регулирования сельского хозяйства в США восходит к 20-м годам, когда страна вступила в длительный аграрный кризис. В 30-х годах, при правительстве Рузвельта, были выработаны и введены в действие основной механизм и приемы государственного воздействия на сельское хозяйство, которые с некоторыми изменениями действуют и поныне. Главное направление сельскохозяйственной политики определяется длительными кризисами перепроизводства, которые почти беспрерывно в течение уже четырех десятилетий не оставляют американское сельское хозяйство. Официальной целью всех государственных программ (с некоторыми

[1] «Agricultural Statistics», 1962, p. 18, 30, 44, 60, 69, 88, 140.

различиями применяемых средств) остается сбалансирование спроса и предложения, ликвидация «излишков», стабилизация фермерских цен и фермерских доходов.

В стране, где сельское хозяйство пережило бурную техническую революцию и по уровню производства, технической оснащенности и производительности труда стоит на первом месте среди развитых капиталистических стран, фермерская проблема является одной из наиболее острых социальных проблем. Американский фермер, который за последние 10 лет удвоил производительность своего труда и сейчас в состоянии один прокормить почти 30 человек, по-прежнему поставлен в менее выгодные экономические условия. «Сверхпроизводительность не принесла богатства среднему фермеру» [1], — признает буржуазная пресса. Доход фермеров резко отстает от дохода других классов американского общества. Даже в 1962 году, который считают одним из наиболее благополучных для фермеров, их чистый доход (на душу населения) составлял лишь немногим более половины дохода лиц, занятых вне сельского хозяйства.

«Сельская Америка охвачена бесшумным кризисом, — констатировал в 1963 г. меморандум министерства сельского хозяйства США. — В то время как наше сельское хозяйство стало чудом производительности, сельское общество деградирует. Половина той части нашего населения, которая страдает от нищеты, живет в сельских районах... Человеческие ресурсы расточаются в огромном масштабе, частичная безработица в сельской местности равна примерно 4 млн. полностью безработных» [2].

Не удивительно поэтому, что среди широковещательных обещаний в области социальных реформ, под флагом которых правительство Кеннеди пришло к власти, не последнее место занимали обещания найти наконец радикальное средство для решения фермерской проблемы.

От Бенсона, одного из наименее популярных в США министров сельского хозяйства (в правительстве Эйзенхауэра), демократы унаследовали провал политики ограничения сельскохозяйственного производства, а также чрезмерно громоздкий, но малоэффективный механизм

---

[1] «Saturday Evening Post», May 18, 1963.
[2] См. там же.

государственного регулирования сельского хозяйства, отягощенный растущими нереализуемыми «излишками». Тупик, в который зашло правительство республиканцев, был настолько очевиден, что демократическая партия не упускала случая в течение многих месяцев сваливать на Бенсона вину за все недостатки, промахи, неудачи в решении наболевших проблем сельского хозяйства.

Бенсон был сторонником максимального свертывания государственного вмешательства (в пользу механизма «свободного рынка»), уменьшения государственных расходов на антикризисные мероприятия в сельском хозяйстве, снижения уровня гарантируемых фермерских цен, ослабления контроля над производством и сбытом. Провести в жизнь эту концепцию правительству Эйзенхауэра не удалось. За восемь лет правления республиканцев ежегодные расходы правительства на поддержание сельского хозяйства выросли с 2,5 млрд. до 9 млрд. долл., причем ежегодно не менее 1 млрд. расходовалось на хранение сельскохозяйственных «излишков». Даже самые ретивые противники государственного вмешательства, отдавая себе отчет в том, насколько прочно американское сельскохозяйственное производство связано с механизмом государственного регулирования, признают, что одним ударом положить этому конец невозможно.

Правительство Кеннеди провозгласило, что решать фермерскую проблему оно будет, опираясь на энергичное государственное вмешательство, строгий и всеобъемлющий контроль над производством и сбытом и повышение уровня поддерживаемых цен. Такая доктрина довольно логично вписывалась в провозглашенный Кеннеди курс «новых рубежей». Руль государственной политики в сельском хозяйстве был передан в руки молодого и энергичного политика, бывшего губернатора штата Миннесота О. Фримена, одного из наиболее напористых и неутомимых членов нового кабинета[1].

Не дожидаясь, пока будет выработана основная программа мероприятий, рассчитанная на длительный срок, правительство Кеннеди обратилось в 1961 г. к так называемой чрезвычайной программе по кормовому зерну и

---

[1] Правой рукой Фримена является довольно известный экономист профессор У. Кохрейн. Он фактический автор основных документов правительства по сельскому хозяйству.

пшенице. Программа должна была приостановить угрожающее перепроизводство зерновых, непрекращающийся рост правительственных запасов и падение цен.

Хотя фермеру предоставлялось право добровольного участия в этой программе, уклонение от этого лишало его права сдавать свою продукцию в залог правительственной Товарно-кредитной корпорации (ТКК) по гарантированным твердым ценам [1]. Для участников программы цены были повышены: на кукурузу на 13% (до 1,20 долл. за бушель), на сорго — на 27% (до 2,30 долл. за бушель), на пшеницу — на 15% (до 2,20 долл. за бушель) [2]. За это фермер давал обязательство сократить посевы зерновых минимум на 20%. Для производителей пшеницы существовало и обязательное требование сокращения площади еще на 10%. За несобранный урожай фермеры получали от правительства компенсацию, равную 45—50% его предполагаемой стоимости. Сократив площадь еще на 20%, фермер мог рассчитывать на получение компенсации в размере 60% стоимости. Правительственные платежи за сокращение площади зерновых производились отчасти деньгами, а отчасти зерном из старых запасов ТКК. Половину вознаграждения фермер получал сразу после подписания контракта, задолго до фактического проведения сельскохозяйственных работ.

Министру сельского хозяйства закон давал право выбрасывать на рынок по любой цене кукурузу из запасов правительства. Вытекающая отсюда опасность столкнуться с возможным падением цен на свободном рынке должна была склонить фермеров к участию в добровольной программе сокращения площадей. Эта комбинация «кнута и пряника» не возымела все же решающего действия. Соответствующие контракты подписало лишь 45% фермеров из тех, кто имел право участвовать в программах по кормовому зерну и пшенице [3].

---

[1] Сдача в залог юридически отличается от продажи, так как фермер может в течение нескольких месяцев вернуть себе товар, оплатив правительству издержки хранения. Однако в условиях перепроизводства, когда рыночная цена ниже залоговой ставки, фермеры не пользуются правом выкупа и сданная продукция становится собственностью государства. Таким образом, сдача в залог является фактически формой государственных закупок, а залоговые ставки — твердыми закупочными ценами.

[2] 1 бушель пшеницы = 27,2 *кг*, кукурузы = 25,4 *кг*.

[3] «Cargill Crop Bulletin», September 20, 1962.

Результаты двухлетнего действия «чрезвычайной программы» далеко не соответствовали размерам затраченных усилий и средств. Правительству Кеннеди впервые за многие годы удалось несколько сократить производство, приостановить рост «излишков» зерна и даже добиться их незначительного сокращения. Но, несмотря на довольно значительное сокращение площадей под зерновыми, производство, общие ресурсы и переходящие запасы не удалось существенно сократить. При сокращении в 1962 г. площадей под четырьмя ведущими фуражными зерновыми культурами на 18% производство осталось почти на том же уровне, что и в 1961 г. Значительное расширение экспорта послужило одной из причин того, что переходящие запасы фуражного зерна оказались в начале 1962/63 г. на 12 млн. *т* меньше наиболее высокого уровня в 1961/62 г. (85 млн. *т*). Впервые за последние десять лет сократились принадлежащие ТКК нереализуемые «излишки» фуражного зерна на 13,6 млн. *т* и пшеницы — на 16,4 млн. *т* по сравнению с 1961 г. Общий переходящий остаток пшеницы сократился на 9% [1].

В других же отраслях сельского хозяйства перепроизводство продолжало нарастать. Правительственные закупки «излишков» молочных товаров выросли вдвое (с 300 млн. долл. в 1961 г. до 600 млн. долл. в 1962 г. [2]). Запасы хлопка на 15 марта 1963 г. были почти вдвое больше, чем на ту же дату 1962 г. Общая стоимость всех сельскохозяйственных «излишков» на складах ТКК (зерно, табак, сливочное масло, молочный порошок, сыр и т. д.) на конец 1962 г. достигла 8,5 млрд. долл. (рост за год 0,8 млрд. долл.).

«Сокращение производства, достигнутое под руководством сельскохозяйственного босса Орвилла Фримена, обошлось стране недешево», — сетовала «Уолл-стрит джорнэл». Операция по сокращению площадей под кормовым зерном и пшеницей стоила американским налогоплательщикам более 2 млрд. долл. Однако результаты двухлетних попыток путем резкого сокращения площадей добиться радикального разрешения проблемы перепроизводства и «излишков» зерна оказались весьма скромными. «Если мы будем двигаться такими темпами, —

---

[1] «Cargill Crop Bulletin», September 20, October 18, 1962.
[2] «Wall Street Journal», October 8, 1962.

замечала та же газета, — то проблема излишков будет сопутствовать нам до конца века».

Меры, предпринятые правительством Кеннеди в 1961—1962 гг., оказались выгодными крупным фермерам. Последние смогли без ущерба для себя отказаться от обработки наименее плодородных земель, интенсифицировать производство (увеличить внесение удобрений, повысить норму высева и т. д.) и получить почти такой же, а в некоторых случаях даже более высокий урожай, чем на прежних площадях. Именно крупные фермеры были основными участниками «чрезвычайной программы». Для мелких производителей сокращение площадей на 20% оказывалось зачастую настолько болезненным, что оставалось лишь бросать хозяйство и искать других средств существования.

Крупным фермерам досталась основная часть тех выплат, которые произвело правительство за сокращение площадей. Они же выиграли и от высоких закупочных цен. Повторялась и была значительно облегчена операция, к которой крупные фермы прибегали и раньше. Сдав весь урожай своего фуражного зерна на правительственные склады и получив за него высокую залоговую ставку, эти хозяйства покупали для откорма своего скота по значительно более низким ценам такое же количество зерна (либо прямо, либо через местные элеваторы) у мелких фермеров, не участвовавших в программе.

«Чрезвычайные программы» по фуражному зерну и пшенице использовались лишь как временные, переходные меры до принятия сельскохозяйственной программы, рассчитанной на длительный срок. Разработка такой программы была закончена к весне 1962 г. и представлена конгрессу в виде законопроекта. Советник министра земледелия профессор У. Кохрейн писал об этой программе: «Наш подход попросту заключается в следующем: резкое сокращение производства продовольствия ниже существующего потребления до тех пор, пока мы не используем накопленные товарные излишки. Затем мы будем управлять производством так, чтобы оно расширялось только в той мере, в какой этого требует спрос, повышающийся с ростом населения. Такова в двух словах суть дела» [1].

---

[1] «Saturday Evening Post», July 5, 1963.

Правительство предложило заменить добровольное участие фермеров в программе сокращения производства и поддержания цен *принудительным*. Помимо уже существовавших квот посевных площадей под пшеницей и кормовым зерном (кукурузой, сорго, ячменем) намечалось также ввести рыночные квоты, т. е. ограничить количество зерна, которое фермер имеет право продать на рынке. Предполагалось сократить площади под кормовыми культурами с 50,4 млн. *га* до 35,6 млн. *га* в течение одного года и путем ежегодного сокращения на 10% переходящих запасов кормового зерна довести их к 1966 г. до 48 млн. *т* (в 1962 г. — 84 млн. *т*). Предполагалось сократить на 10% в год запасы пшеницы.

Принятие программы принудительного регулирования, по уверениям правительства, должно было вызвать рост рыночных цен и доходов фермеров. Главным же аргументом в пользу законопроекта, с помощью которого рассчитывали привлечь на свою сторону «городских» конгрессменов, было обещание в течение 6 лет сократить на 5 млрд. долл. расходы на поддержание цен.

Законопроект был встречен в штыки конгрессменами от республиканской партии и южными демократами-расистами. Дело доходило до того, что его называли «попыткой социализировать» американское сельское хозяйство. Чтобы нейтрализовать южан, правительство пообещало сделать исключение в отношении принудительного регулирования для тех районов Юга, где крупные фермеры-скотоводы, не производя своих кормов, откармливают скот покупным кормом и поэтому заинтересованы в низких ценах на зерно. Но, добившись изменения позиции диксикратов, правительство поплатилось за заигрывание с ними потерей голосов части демократов Среднего Запада.

После весьма сложного маневрирования законопроект удалось при самом незначительном большинстве голосов протащить через сенат, но он был отвергнут палатой представителей. Резко отрицательную позицию к политике правительства заняла известная своей реакционностью влиятельная организация крупного фермерства — Американская федерация фермерских бюро. Эта организация использовала своих лоббистов, имеющих в конгрессе большое влияние, и по существу возглавила борьбу против правительственного законопроекта. Более широкий по

составу Национальный фермерский союз по основным положениям законопроекта поддержал правительство. Но этого оказалось недостаточно.

После провала законопроекта по существующим правилам должен был вновь вступить в силу закон 1958 г. Чтобы избежать этого, в конгрессе было предложено продлить еще на год «чрезвычайную программу» по зерну, снабдив ее некоторыми поправками. В сентябре 1962 г. конгресс наконец принял так называемый компромиссный закон, против которого в обеих палатах в блоке с республиканцами голосовали демократы южных штатов. Так закончилась длительная, почти девятимесячная борьба вокруг фермерского законодательства, сопровождавшаяся ожесточенной политической перестрелкой между республиканцами и демократами.

Закон о сельском хозяйстве 1962 г. сохранил для урожая 1963 г. основные положения «чрезвычайной программы». Как и прежде, право сдать в залог свою продукцию и получить гарантированную цену имели лишь те производители зерна, которые согласились добровольно сократить свои площади на 20—50% по сравнению со средней площадью 1959/60 г. За превышение посевной квоты фермер облагался штрафом из расчета 1,12 долл. за каждый бушель, собранный с «незаконной» площади. Залоговые ставки на пшеницу были понижены с 2 до 1,82 долл. за бушель и на кукурузу — с 1,20 долл. до 1,02 долл. за бушель. Соответственно снизились и гарантированные цены на сорго, ячмень и овес[1]. Общий размер ассигнований правительству на проведение мероприятий по поддержанию цен был установлен в размере 3 млрд. долл.

В законе 1962 г. содержался и долговременный план постепенного сокращения производства, площадей и запасов зерна на 1964—1965 гг. В частности, программа по пшенице предусматривала на 1964 г. следующие меры:

1) сокращение посевной площади под пшеницей до 19,8 млн. *га*, т. е. на 2,2 млн. *га* по сравнению с предыдущим годом; 2) обязательное сокращение на 10% квоты посевов каждому фермеру с выплатой компенсации в размере 30% стоимости потенциального урожая, т. е. около 36,5 долл. за 1 *га* забрасываемой или засеваемой травой

[1] «Wall Street Journal», September 29, 1962.

земли; 3) введение (впервые за все время) квот сбыта пшеницы как в общенациональном масштабе, так и для каждого фермера в отдельности (раньше фермеры имели право сдать в залог весь урожай, собранный с площади, не превышающей их посевную квоту); 4) установление гарантированной цены на уровне 2 долл. за бушель; из них 1,30 долл. фермер получает от правительства наличными, а 70 центов — в виде сертификатов. Предполагалось, что такие сертификаты подлежат выкупу банками, у которых их в свою очередь могут приобрести зерноторговые и мукомольные компании, заинтересованные в покупке пшеницы с правительственных складов. Оплата сертификатов по их номинальной стоимости гарантируется Федеральной резервной системой.

Как и в прошлые годы, программа по пшенице вступала в силу только в случае одобрения ее на референдуме производителей пшеницы двумя третями голосов фермеров, участвующих в голосовании. В течение последних десяти лет референдумы неизменно приносили нужное большинство голосов и тем самым одобрение правительственных программ. Правда, число фермеров, голосующих против этих программ, возрастало. Перевес голосов на референдуме 1962 г. был крайне мал.

В недели, предшествующие новому референдуму (он состоялся 21 мая 1963 г.), борьба развернулась с невиданным ожесточением. Исход голосования в значительной мере предопределял позицию как правительства, так и конгресса по другим аспектам сельскохозяйственной политики. В ходе этой борьбы сложился единый фронт крупного фермерства, представленного Федерацией фермерских бюро, с влиятельными группировками «большого бизнеса». Крупных фермеров не устраивали главным образом рыночные квоты, которые ограничили бы возможность увеличивать производство, сбыт и прибыли, несмотря на сокращение посевных площадей. Монополии, занятые куплей-продажей зерна, были недовольны системой сертификатов, которая в какой-то мере затрудняла бы их операции. Союзу монополий и крупного фермерства оказали поддержку все те, кто в провале правительственной программы видели возможность свести политические счеты с кабинетом Кеннеди. Большинство торговых палат штатов, Национальная ассоциация промышленников, а также, по словам О. Фримена, «все правые и берчистские

элементы в целом» объявили открытую войну правительству, стремясь провалить его программу.

Несмотря на предостережение министерства сельского хозяйства, что отклонение программы может вызвать резкое падение цен и хаос на рынке пшеницы, правительственная программа была провалена. Она не собрала не только нужных двух третей, но даже и половины голосов фермеров. Хотя многие мелкие фермеры и на сей раз поддержали правительство, но эта поддержка не была всеобщей. Сказалось разочарование сельскохозяйственной политикой Кеннеди — Фримена. Для мелких фермеров, как было сказано выше, систематическое сокращение посевных площадей рано или поздно означало неизбежность полного вытеснения из сельского хозяйства. Раньше фермерская масса имела возможность из двух зол выбирать меньшее — отказаться от сокращения площади, рассчитывая сбыть продукцию по ценам частного рынка в условиях, когда эти цены косвенно поддерживаются правительством. Теперь же перед фермерами была поставлена дилемма: либо дальнейшее принудительное сокращение площади, либо отказ правительства вообще поддерживать цены. Не удивительно, что поставленные перед таким выбором многие мелкие фермеры предпочли сказать «нет» ультиматуму правительства.

Противникам правительственной программы удалось провести комбинацию, которая нанесла ей окончательное поражение. Число производителей пшеницы, имеющих право участвовать в референдуме, было решением конгресса увеличено вдвое. Право голоса впервые получили фермеры, засевающие пшеницей менее 15 акров. На первый взгляд кажется, что это мелкие фермеры. В действительности более чем на две трети они представляют собой крупных фермеров, специализирующихся на других культурах. Производство пшеницы у них побочная отрасль, не влияющая серьезно на их общий доход. Некоторые из этих фермеров производят пшеницу не для продажи, а для личного потребления и на корм скоту. Для них, чем ниже рыночная цена пшеницы, тем лучше. Хотя на долю таких фермеров приходится менее пятой части урожая, они тем не менее составили почти половину принявших участие в референдуме 1963 г.[1] Естественно, что эта многочис-

[1] «Wall Street Journal», July 17, 1963.

ленная группа дружно проголосовала против правительственной программы по пшенице.

На следующий день после референдума представители республиканской партии заявили, что у них имеется собственный план по пшенице. Но правительство Кеннеди дало понять, что оно наложит вето на любой законопроект, «который означал бы возврат к старой порочной системе высоко поддерживаемых цен без соответствующего контроля над производством» [1].

Так сложные проблемы сельскохозяйственной политики, от которой непосредственно зависят судьбы не одного десятка тысяч фермеров, стали предметом беспринципной игры и политического торга между основными партиями монополистической буржуазии.

Комментируя исход референдума, американская печать предсказывала усиление перепроизводства зерна в ближайшие годы. Эти опасения были не лишены оснований. После отклонения правительственной программы залоговая ставка по существующему закону должна упасть с 2 до 1,25 долл. за бушель, причем продавать пшеницу Торгово-кредитной корпорации даже по этой низкой цене смогли бы только фермеры, подчинившиеся ограничению площадей, согласно квоты, вводимой правительством независимо от исхода референдума. Высказывались опасения, что большинство фермеров в попытке компенсировать для себя падение цен пойдут на резкое расширение площадей и производства (с 22 млн. *га* до 26 млн. *га* и с 30,1 млн. *т* до 38,4 млн. *т*). По мнению правительственных экспертов, это вызвало бы падение цены на пшеницу на свободном рынке до 1 долл. за бушель и резкое увеличение нереализуемых «излишков» пшеницы. Доход фермеров от продажи пшеницы, как предполагали, может упасть с 2,3 млрд. долл. до 1,6 млрд. долл., т. е. почти на $^1/_3$ за один год.

Дезорганизация рынка пшеницы создала бы угрозу и для производства кормового зерна. Если цена пшеницы упадет ниже 1 долл. за бушель, станет выгодным скармливать скоту продовольственное, а не фуражное зерно. Снижение фермерских цен не принесет облегчения потребителю, так как мукомольные, хлебопекарные и хлеботорговые компании присваивают почти 90% розничной цены

---

[1] «New York Herald Tribune», 27. V. 1963.

хлеба. В буханке пшеничного хлеба ценой в 21 цент на долю фермера остается лишь 2,5 цента[1]. Снижение фермерской цены вдвое означало бы при таких условиях понижение розничной цены менее чем на 5%.

Политическая ситуация предвыборного года заставила правительство Кеннеди срочно искать пути для предотвращения дезорганизации зернового хозяйства. «Президент Кеннеди, — писала «Нью-Йорк геральд трибюн», — вряд ли захочет вступить в предвыборный год с таким грузом за спиной, как катастрофически низкие фермерские цены»[2].

Контуры нового компромисса обозначились лишь осенью 1963 г. Министерство сельского хозяйства предложило следующий выход: сохранить основные положения прежних программ по кормовому зерну и пшенице, но добавить принципы «перекрестного участия» и «взаимозаменяемости». В первом случае производители пшеницы (они, как правило, выращивают и кормовое зерно) получили бы платежи по программе кормового зерна только при условии, если они не нарушили своих посевных квот по пшенице. Вторая идея сводилась к суммированию посевных квот под всеми видами зерновых и разрешению фермеру в пределах общего максимума засевать любую комбинацию этих культур. Оба эти предложения остались нереализованными. Окончательный компромисс суждено было выработать новому президенту.

Гибкий политик и признанный мастер компромиссов, Джонсон сохранил в новом законопроекте по пшенице все положения прошлогоднего варианта, отвергнутого на фермерском референдуме. В нем отсутствовало лишь положение о «принудительном» участии фермеров в программе сокращения площадей под пшеницей, т. е. как раз тот пункт, который вызвал наиболее ожесточенные нападки. Правительству Джонсона нельзя было тянуть с принятием новых законов. Их нужно было успеть провести через конгресс не позднее 1 марта, т. е. до начала посевной кампании.

Однако позорная обструкционистская тактика конгрессменов-расистов, пытавшихся сорвать принятие закона о гражданских правах негров, на много недель парализо-

---

[1] «Commercial and Financial Cronicle», June 20, 1963.
[2] «New York Herald Tribune», 26. V. 1963.

вала конгресс и задержала принятие законов о сельском хозяйстве. Лишь 9 апреля 1964 г. они были приняты палатой представителей 211 голосами против 203 и спешно направлены на подпись президенту. Вместе с законом по пшенице был принят также выработанный еще при Кеннеди закон о хлопковых субсидиях. Владельцы американских текстильных предприятий, покупавшие ранее хлопок по более дорогой, нежели импортеры, цене, отныне будут получать по 8,5 цента за каждый фунт покупаемого хлопка.

* *
*

Хотя основное содержание государственно-монополистического вмешательства в сельское хозяйство США определяется антикризисным его регулированием, некоторая часть государственных программ имеет отношение к таким сферам, как фермерский кредит, сельская электрификация и оказание помощи отсталым сельским районам. В отличие от политики Бенсона, который стремился ограничить и свернуть деятельность Администрации по делам фермеров, Администрации сельской электрификации и др., правительство демократов взяло курс на оживление и расширение их полномочий. Об этом, в частности, говорит тот факт, что операции первого из указанных учреждений по кредитованию мелких фермеров увеличены с 300 млн. долл. в 1960 г. до 1 млрд. долл. в 1963 г.[1]

Была перестроена и система оперативных органов министерства сельского хозяйства, занимающихся кредитом, сельской электрификацией, улучшением речных бассейнов, сохранением плодородия земли, жилищным строительством и т. д. Во всех штатах и 1800 графствах были созданы комитеты развития сельских районов. Эти мероприятия имели целью ослабить застойную безработицу в сельской местности, создать там более благоприятные условия для строительства промышленных предприятий, превратить часть сельскохозяйственных земель в «места отдыха» и т. д. Было запланировано перевести к 1980 г. под постоянное использование на несельскохозяйственные цели 20 млн. *га* обрабатываемой ныне земли (при правительстве Эйзенхауэра из обработки было изъято

[1] «Wall Street Journal», June 27, 1963.

11,5 млн. *га*). Ежегодные ассигнования на эти цели предполагается довести до 700 млн. долл. Министерство сельского хозяйства имеет возможность предоставлять техническую помощь и займы до 50 тыс. долл. сроком на 30 лет местным общественным организациям на осуществление проектов обновления сельских районов (борьба с наводнениями, развитие водных бассейнов, строительство дорог и парков и т. д.) [1]. Но все эти меры, естественно, не могли сколько-нибудь заметно улучшить положение в сельском хозяйстве США.

Положение осложняется невероятной коррупцией, царящей в аппарате, созданном для государственного регулирования сельского хозяйства, включая и аппарат министерства сельского хозяйства. Это вынужден был признать Фримен в меморандуме, который он представил Кеннеди в начале 1963 г. Громоздкая машина [2] государственного регулирования сельского хозяйства, созданная якобы для помощи фермерам, является, по словам Фримена, питательной средой для коррупции и иных беззаконий. В качестве примера он привел в меморандуме дело техасского нувориша Б. С. Эстеса. Последний под предлогом постройки элеваторов для хранения «излишков» зерна получил от правительства за три года в общей сложности 7,6 млн. долл. [3] Он занимался также спекуляцией правительственными разрешениями на засев площадей под хлопчатник, получением от частных фирм многомиллионных ссуд под залог несуществующего сельскохозяйственного оборудования, якобы приобретенного на государственные субсидии, и т. д. Расследование дела Эстеса бросило компрометирующую тень на министерство сельского хозяйства. Выяснилось, что получение Эстесом правительственных субсидий сопровождалось крупными взятками, а также что Эстес щедро субсидировал предвыборные кампании некоторых лидеров демократической партии. Нескольким высокопоставленным чиновникам министерства пришлось подать в отставку.

---

[1] «Saturday Evening Post», June 18, 1963.

[2] В системе министерства сельского хозяйства США числится более 104 тыс. человек, т. е. на каждые 67 человек, занятых в сельском хозяйстве, приходится один работник системы министерства.

[3] «Fortune», July 1962.

Но оказалось, что Эстес не исключение. Из 11 тыс. частных владельцев зернохранилищ, имеющих лицензии на хранение принадлежащего ТКК зерна, Эстес являлся не самым крупным, а лишь девятым по счету получателем федеральных средств. В течение многих лет этот список возглавляла техасская элеваторная компания «Си-Джи-Эй грейн компани», которая только за 1961 г. получила от правительства 25 млн. долл.[1] Семьдесят четыре зерноторговые компании получили по 500 тыс. долл. и более каждая[2].

«Во многих районах страны, — писал Дж. Олсон, — строительство хранилищ для федеральных сельскохозяйственных излишков стало излюбленным полем для спекулятивных инвестиций»[3]. «Злоупотребления и разоблачительные скандалы вокруг государственного механизма «поддержки» сельского хозяйства стали настолько частыми, — с горечью отмечала «Уолл-стрит джорнэл», — что ими трудно теперь удивить американскую публику»[4]. По признанию газеты, коррупцией заражена значительная часть из 150 тыс. членов комитетов графств, на которых возложено проведение в жизнь на местах операций по поддержанию фермерских цен. Наиболее богатые и влиятельные фермеры, входящие в эти комитеты, нередко бывают уличены в беззастенчивом надувательстве. Тут и произвольное, в пользу «друзей», определение размеров платежей за сокращение производства, и фальсификация данных об урожайности для получения незаконно высоких квот посевных площадей, и спекулятивная торговля посевными квотами, и завышение платежей по контрактам на изъятие земли из обработки, благодаря которому покровительствуемый фермер нередко получал за такие земли немного больше, чем они обходились ему самому. Безграничные возможности для злоупотреблений возникают во время неоднократных переоценок правительственных запасов, по многу лет хранящихся на складах ТКК.

---

[1] «U. S. News and World Report», May 28, 1962.

[2] «The News York Times», 13. V. 1963.

Понятно, что элеваторные и зерноторговые компании, наживающиеся на хранении сельскохозяйственных «излишков», не заинтересованы в коренном решении этой проблемы. Малейшее сокращение запасов ТКК вызывает у них тревогу и недовольство.

[3] «New York Herald Tribune», 28. V. 1962.

[4] «Wall Street Journal», October 10, 1962.

В июле 1963 г. было обнаружено крупное хищение государственного зерна, затмевающее аферы Эстеса. На этот раз бесследно исчез оцениваемый в 32 млн. долл. груз зерна, который правительство собиралось отправить в Австрию. Обстоятельства хищения остались «невыясненными». Официально же было заявлено, что зерно «не только никогда не прибывало на место назначения, но наше правительство (США. — *Авт.*) не знает, куда оно девалось». Лидер республиканцев в сенате Э. Дирксен в этой связи заметил, что по сравнению с организаторами этой аферы Эстес выглядит робким новичком.

2. Внешний рынок и тарифная война

Возможность дезорганизации зернового рынка в США серьезно встревожила партнеров Америки по ГАТТ и международному соглашению по пшенице. Перед ними выросла реальная угроза усиления американского демпинга пшеницы на мировых рынках. Чтобы внести успокоение, президент Кеннеди объявил, что министр сельского хозяйства уполномочен принять все меры, чтобы предотвратить экспорт американской пшеницы по бросовым ценам. Правительство США обещало, что в случае резкого падения внутренних цен на зерно оно либо введет лицензирование экспорта пшеницы, запрещая продавать ее вне страны по ценам ниже минимальной цены, предусмотренной международным соглашением по пшенице, либо прибегнет к передаче экспорта пшеницы целиком в руки государства и изъятию его из частных каналов.

Принятие правительством Кеннеди столь необычных мер объяснялось серьезным обострением в последние годы противоречий между США и странами «Общего рынка» в области торговли сельскохозяйственными товарами. «Несомненно, — писала «Нью-Йорк геральд трибюн», — что очевидное нежелание Общего рынка снизить свои тарифные барьеры и открыть доступ американской сельскохозяйственной продукции оказывает прямое воздействие и на внутреннюю сельскохозяйственную политику Вашингтона» [1].

---

[1] «New York Herald Tribune», 22. II. 1962.

Значение внешнего рынка для американского сельского хозяйства очень велико. В последние годы США экспортировали свыше 40% урожая пшеницы, 30—35% хлопка, 35% табака, 30% пищевых жиров и т. д.

Таблица 16

Экспорт сельскохозяйственных товаров к товарной продукции в 1962 г.[1]

(в %)

Пшеница	63	Сорго (зерно)	30
Рис	55	Кукуруза	26
Соя-бобы *	43	Хлопок	25
Жир животный	37	Табак	24
Ячмень	35	Лярд	17

* Включая соевое масло.

В товарном экспорте США продукты сельского хозяйства составляют около 25%, что в 2,5 раза больше удельного веса сельского хозяйства и общей занятости и в 8 раз больше, чем его доля в национальном доходе[2].

Очень велики масштабы государственного покровительства экспорту сельскохозяйственных товаров. Из 5 млрд. долл. сельскохозяйственной продукции, экспортированной из США в 1962 г., 1,6 млрд. долл. пришлось на товары, вывезенные по разного рода специальным правительственным программам, и еще 1,0 млрд. долл. — частными фирмами при помощи государства. Иначе говоря, правительственным учреждениям пришлось проталкивать на мировой рынок более половины всего сельскохозяйственного экспорта страны. Западноевропейский рынок в последние годы поглощал $^1/_3$ сельскохозяйственного экспорта США, принося ежегодно около 1,5 млрд. долл. Европа была ведущим и практически единственным покупателем американской сельскохозяйственной продукции на долларовую валюту. В других районах капиталистического мира США приходится прибегать к немалым ухищрениям, чтобы протолкнуть свои «излишки» с помощью «закона 480», закона о взаимном обеспечении безопасности и т. д.[3]

[1] «Agricultural Outlook Chartbook», 1963, p. 159.

[2] «Economic Almanach», 1962, p. 178, 182, 183, 464, 504.

[3] По этим законам разрешается в пределах определенных ассигнований передавать товары иностранным государствам в виде «даров» или продавать их за местную валюту.

Высокие таможенные барьеры и перспектива роста сельскохозяйственных цен в странах «Общего рынка» (последнее, как опасаются США, имеет целью стимулировать рост собственного производства и отказ от импорта американских продуктов) вызывают в США крайнее раздражение. В докладе конгрессу, подготовленном профессором Иельского университета Краузе, говорится, что такой ход событий приведет в течение ближайших восьми лет к потере США значительной части рынков сбыта пшеницы, мяса, птицы, шкур и цитрусовых в странах европейской «шестерки»[1]. «Срочная защита богатейшего американского рынка за границей» и была, по словам «Уолл-стрит джорнэл», целью поездки министра земледелия Фримена в Брюссель и Париж в ноябре 1962 г. Кроме призывов отказаться от ограничений импорта американской сельскохозяйственной продукции и воздержаться от установления высоких внутренних цен собравшимся в Париже министрам сельского хозяйства 20 стран Организации экономического сотрудничества и развития был преподнесен план создания группы новых межправительственных товарных картелей. Последние по замыслу правительства Кеннеди должны посредством жесткого регламентирования производства и торговли гарантировать США устойчивую долю на растущем западноевропейском рынке. Фримен предложил для начала создать картель по зерну (зерно составляет более 40% сельскохозяйственного экспорта США), а затем по молочным продуктам, мясу, птице и другим товарам, которые экспортируются из США и производятся в европейских странах.

США рассчитывали навязать участникам таких соглашений обязательство установить импорт на уровне не менее 90% от закупок предыдущих трех лет и резко ограничить торговлю с третьими странами. Вопреки элементарному здравому смыслу американские представители утверждали, что план нового картельного передела сельскохозяйственных рынков «не ограничивает мировой торговли» и не противоречит широковещательным «фритредерским» заявлениям правительства Кеннеди.

Европейская «шестерка» без восторга встретила эти американские предложения. Не проявляя готовности идти

---

[1] «New York Herald Tribune», 19. XI. 1962.

на уступки, она по-прежнему проводит жесткую тарифную политику в отношении американских сельскохозяйственных товаров. Летом 1963 г. дело дошло фактически до открытого конфликта, получившего в прессе название «куриной войны». Начало этого конфликта относится к лету 1962 г., когда страны «Общего рынка» повысили втрое ввозные пошлины на американскую птицу (с 4 до 13 центов за фунт). Импорт американских цыплят и индеек в Западную Германию, которая была основным их покупателем, сразу же упал с 20 млн. фунтов практически до нуля. Американские фермеры-птицеводы столкнулись с колоссальным затовариванием своей продукции.

Более полугода правительство Кеннеди добивалось снижения тарифа на птицу. Узкий, казалось бы, вопрос о цыплятах стал делом принципа, ибо любое его решение устанавливало прецедент, распространимый на всю сферу торговли сельскохозяйственными товарами между США и «Общим рынком». На самых различных уровнях, вплоть до государственного секретаря, официальные лица США угрожали европейской «шестерке» ответными репрессиями в отношении их промышленных товаров. Однако угрозы произвели противоположный эффект. Неожиданно для США министры сельского хозяйства стран «Общего рынка» приняли решение повысить пошлины еще на 1,25 цента за фунт. США не замедлили с репрессалиями. 6 августа 1963 г. специальный представитель президента по вопросам торговли с «Общим рынком» К. Гертер заявил, что в ответ на «куриную войну» США возьмут обратно тарифные уступки, сделанные в отношении ряда товаров, импортируемых из Западной Европы (в частности, вин, автобусов и грузовиков). Для ФРГ, которая является ведущим экспортером автомашин в США, эта мера — прямая репрессия за отказ покупать американскую птицу. Для Франции же ограничение американского импорта вина является предупредительной мерой, так как она и раньше не импортировала американскую птицу под предлогом карантина. В начале 1964 г. американские «ответные меры» вступили в силу.

Обострение внешнеторговых противоречий между США и странами «Общего рынка» и реальные перспективы постепенного свертывания сельскохозяйственного

экспорта в Западную Европу создают дополнительные трудности в решении внутренних проблем американского сельского хозяйства.

3. Положение фермеров

В начале 1963 г. Фримен представил Кеннеди меморандум, в котором подводились некоторые итоги аграрной политики правительства. Приводимый в этом документе перечень «успехов» оставлял грустное впечатление, и Фримен сделал упор не на реальные «достижения», а на перспективы сельскохозяйственного регулирования. Он утверждал, что создавшееся в сельском хозяйстве США положение можно якобы исправить только путем дальнейшего свертывания производства, изъятия из обработки сельскохозяйственных угодий, превращения их в «зоны отдыха», дальнейшего нажима на страны «Общего рынка» и других мер по форсированию экспорта. В его меморандуме обращалось также внимание на необходимость реорганизовать аппарат министерства сельского хозяйства.

Меморандум Фримена свидетельствовал о серьезных провалах и неудачах правительства Кеннеди. Фримен был вынужден признать, что положение подавляющего большинства американских фермеров исключительно тяжелое. «Половина нищеты в стране, — писал он, — приходится на сельские районы».

Факты говорят, что ни «чрезвычайная программа», ни другие мероприятия не вызвали заметных улучшений. Правда, чистый доход фермеров (валовой доход за вычетом производительных расходов, ренты, некоторых налогов) в 1961 г. увеличился, но это произошло главным образом вследствие возросших правительственных субсидий за изъятия земли из-под посева[1]. В 1962 и 1963 гг. чистый доход снова сократился.

Приведенные в таблице 17 официальные данные весьма красноречивы. Они говорят, что валовая продукция

---

[1] Впрочем, общий размер таких субсидий меньше, чем уплачиваемые фермерами налоги на собственность, не говоря уже о других налоговых поборах («автомобильный» налог, подоходный и т. д.).

Таблица 17

Основные показатели положения фермеров в США [1]

	1947—1949 гг. (среднее)	1952 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г. **
Число ферм * (в млн.)	5,8	5,4	4,1	3,9	3,8	3,7	3,58
Чистый доход фермеров (млн. долл.)	15,7	14,7	11,3	11,7	12,7	12,6	12,3
в том числе платежи правительства (млн. долл.)	0,25	0,26	0,7	0,7	1,5	1,9	1,75
Налоги на собственность, уплачиваемые фермерами (млн. долл.)	0,8	1,0	1,4	1,6	1,6	1,7	1,8
Валовая продукция сельского хозяйства (1947—1949 гг. = 100)	100	108	126	127	128	129	129
Чистый доход фермеров в расчете на единицу валовой продукции сельского хозяйства (1947—1949 гг. = 100)	100	85	57	59	63	62	60
Соотношение цен на товары, продаваемые и покупаемые фермерами (1910—1914 гг. = 100)	113	100	81	80	80	79	78
Розничная цена продовольствия (1947—1949 гг. = 100)	100	110	111	112	114	115	116
Доля фермеров в розничной цене продовольственных товаров (%)	50	47	38	39	38	38	37
Фермерская цена продовольствия (1947—1949 гг. = 100)	100	103	86	87	87	88	86
Фермерское население (среднегодовое) в млн. человек	24,6	21,7	16,6	15,6	14,8	14,3	...
В % ко всему населению	17,0	13,9	9,4	8,7	8,1	7,7	...

* Данные за 1959—1962 гг. приведены по старому определению «фермы», принятому в цензах сельского хозяйства до 1954 г. включительно. По новому определению ценза 1959 г. число ферм составляло в 1959 г. 3,7 млн., в 1961 г.— 3,5 млн., в 1962 г.—3,4 млн.

** Предварительные данные.

[1] «Agricultural Statistics», 1952, 1962; «Statistical Abstract of the U. S.», 1963; «Historical Statistics of the United States from the Colonial Times to 1957»; «Agricultural Outlook Chatrbook», 1963; «The Balance Shect of Agriculture», 1963.

американского сельского хозяйства не растет уже в течение четырех лет, а чистый доход в расчете на единицу продукции на 25% меньше, чем десять лет назад, и это при росте производительности труда на 100%.

Хотя в 1961—1963 гг. залоговые ставки Товарно-кредитной корпорации были повышены, это ни в какой мере не изменило условий эксплуатации фермерства монополиями. Цены, полученные фермерами за продовольственные культуры, в общем понизились, хотя розничные цены на продовольствие возросли. Другие «ножницы» — соотношение цен на товары, продаваемые и покупаемые фермерами, — также увеличились. В 1963 г. это соотношение было наихудшим за последние полвека, исключая только период 1931—1934 гг., и приблизительно таким же, как в 1938—1939 гг. То были наихудшие периоды аграрного кризиса. В результате как число ферм, так и фермерское население продолжали уменьшаться. Средний годовой темп падения числа ферм составляет теперь 140—150 тыс., темп сокращения фермерского населения — 800—900 тыс. человек.

Фермерская проблема в понимании правящих кругов США — это не только и не столько накопление «излишков» сельскохозяйственной продукции, сколько проблема «избытка» самих фермеров. «Суть дела, — писал Уолтер Липпман, — сводится к тому, что доходами от земли пытается прокормиться больше фермеров, чем это требуется для нашего современного научного сельского хозяйства. Наряду с излишками фермерской продукции существует излишек фермеров... Мы сталкиваемся с тем жестоким фактом, что у нас слишком много фермеров. Их почти вдвое больше, чем нужно» [1]. Избавиться от этого людского «излишка» — давнишняя мечта американского капитала. Прошлое и настоящее знает немало проектов подобного «прямого решения» фермерской проблемы.

Американские официальные лица в своих публичных выступлениях опасаются открыто затрагивать политически малопопулярную тему ликвидации миллионов фермерских хозяйств. Однако в печать проникли сведения о том, что в секретных документах министерства сельского хозяйства эти планы детально разработаны. В 1961 г. газета «Уолл-стрит джорнэл» сообщила о содержании

[1] «New York Herald Tribune», 22. II. 1962.

одного из таких документов, в котором на 84 страницах сформулированы (не для печати!) основные «принципы» политики в области сельского хозяйства. В их числе намерение правительства «перекроить заново всю экономику сельского хозяйства Америки», ускорив отлив сельской рабочей силы в промышленность, ликвидировать сотни тысяч мелких малопроизводительных ферм [1]. Правительство Кеннеди не решилось обнародовать этот документ. Зато представители крупнейших монополий действуют открыто. Весной 1962 г. Национальная ассоциация по вопросам планирования (частная организация крупного бизнеса) опубликовала доклад, в котором призвала правительство принять программу сгона с земли 2 млн. фермеров в течение ближайших пяти лет и свести к нулю систему поддержания фермерских цен. «Ни одна нынешняя сельскохозяйственная программа, — говорилось в докладе, — не в состоянии предотвратить накопление излишков в будущем» [2]. Под документом стояли подписи вице-президентов компаний «Форд мотор» и «Стандард ойл», одного из директоров торговой компании «Сирз, Робэк» и других представителей монополий.

Доклад вызвал негодование широких слоев фермерства, особенно на Среднем Западе. Перед компаниями, являющимися крупнейшими поставщиками сельскохозяйственного оборудования, удобрений, горючего и т. д., выросла реальная угроза организованного бойкота со стороны фермеров. Негодование фермеров было настолько велико, что «Форд мотор» и «Сирз, Робэк» официально отмежевались от своих менеджеров, заявив, что последние выступили как частные лица, а не как выразители точки зрения самих компаний.

Не говоря уже о бесчеловечности планов сгона с земли миллионов мелких фермеров, их реализация не только не разрешила бы проблем перепроизводства и «излишков», но несомненно вызвала бы резкое обострение борьбы за рынки между оставшимися крупнокапиталистическими фермерами. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к данным о концентрации производства в сельском хозяйстве США. На верхушке социальной пирамиды располагаются 9,7 тыс. ферм (2,8% их общего

---

[1] «Wall Street Journal», 18. IX. 1961.
[2] «The Economist», September 15, 1962.

числа) со средним годовым валовым доходом в 94 тыс. долл. каждая. Они дают $^1/_3$ товарной продукции сельского хозяйства США. Верхние 9% ферм производят столько же, сколько остальные — 91% — фермы. Основание пирамиды — это 2,3 млн. ферм со средним годовым валовым доходом менее 1800 долл. каждая. 61% американских ферм дает всего 13% продукции. «Не мелкий фермер производит излишки: он не в состоянии этого делать ни физически, ни с финансовой точки зрения»[1], — писала «Уолл-стрит джорнэл». Даже то незначительное (на 13%) сокращение производства, которое представляется как будто возможным после ликвидации более 2 млн. «лишних» ферм, было бы без труда перекрыто расширением оставшихся крупнокапиталистических хозяйств. Это тем более справедливо, что последние прибирают обычно к своим рукам землю «исчезающих» ферм, а имеющаяся у них сельскохозяйственная техника уже сейчас позволяет без существенных добавочных капитальных вложений осуществить немедленное расширение производства на 30—50%.

Возмущение планами «крупного бизнеса», а также неспособностью правительственных программ предотвратить систематическое падение фермерских цен вылилось осенью 1962 г. в энергичную забастовочную кампанию фермеров Среднего Запада, длившуюся около двух месяцев. Движение фермеров возглавила относительно молодая, но влиятельная среди фермеров Национальная фермерская организация (НФО). Она была создана в 1958 г. при содействии профсоюза автомобильных рабочих и теперь насчитывает более 150 тыс. членов. Объединяя фермеров в 16 наиболее важных фермерских штатах, НФО пользуется наибольшим влиянием в штатах Айова, Висконсин, Миссури, Канзас, Небраска. В организацию входят в основном мелкие и средние фермеры, однако ее поддерживают и некоторые крупные фермеры. В целом руководство НФО предполагает, что ее члены производят в своих штатах около 25% всего объема тех товаров, по вопросу о которых разгорелось забастовочное движение фермеров. НФО призвала задержать доставку скота на рынки и бойни, чтобы вызвать повышение цен и принудить крупнейших скупщиков фермерской продукции

[1] «Wall Street Journal», 14. VI. 1963.

заключить с фермерами долгосрочные контракты о ценах и объеме закупок фермерской продукции. «Члены организации понимают, — писала «Уолл-стрит джорнэл», — что нормальный рыночный механизм не в состоянии гарантировать им возможность выжить; они понимают также, что, какая бы партия ни стояла у власти, и конгресс, и правительство предают их интересы» [1].

Бастующие фермеры пикетировали дороги, ведущие к крупнейшим бойням, препятствуя перевозке скота, срывали открытие аукционов и т. п. Число товаров, подвоз которых бойкотировали бастующие фермеры, со временем возросло и стало включать не только скот, но и зерно и молочные продукты. В ходе забастовки сложилось боевое организаторское ядро НФО, состоящее из полусотни освобожденных работников и 250 фермеров-активистов. Несколько раз для расправы с бастующими фермерами власти прибегали к помощи полиции. Чтобы сломить антимонополистические действия фермеров и обратить против них недовольство городских потребителей, монополии повысили розничные цены на мясо в городах на 25—50%.

Протест американских фермеров наиболее выразительно характеризует итоги «новой» сельскохозяйственной политики администрации Кеннеди. «Сейчас, как и 29 лет тому назад, — писал в сентябре 1962 г. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — проблемы все те же, что и раньше. Цены продолжают далеко отставать от уровня, который мог бы удовлетворить фермеров. Все говорят о том, что разочарование самих фермеров политикой Вашингтона растет» [2].

Итоги пребывания правительства демократов у власти показывают, что, несмотря на внешне различный подход к фермерской проблеме республиканской и демократической партий, существо их сельскохозяйственной политики одинаково. Оно не выходит за рамки антикризисного государственно-монополистического регулирования в интересах крупной буржуазии.

Конечно, те или иные государственные меры приходят временами в столкновение с частными интересами определенных кругов земледельческого капитала. Так,

---

[1] «Wall Street Journal», 17. VIII. 1962.
[2] «U. S. News and World Report», September 24, 1962.

государственное вмешательство по линии ограничения и регламентации производства и сбыта на определенной стадии начинает противоречить стремлению крупнокапиталистических фермеров к расширению производства и получению максимума прибыли. Монополии, господствующие в сфере скупки и переработки сельскохозяйственных товаров, заинтересованы в низких ценах на сырье и поэтому недовольны системой искусственной поддержки и гарантии цен фермерам. Этим объясняется, что именно со стороны крупного фермерства и части монополий исходили наиболее резкие нападки на политику правительства Кеннеди, бесконечные сетования на «ограничения предпринимательской свободы» и т. п. Это делает понятным и тот внешне парадоксальный факт, что, хотя крупнокапиталистическая верхушка фермерства и монополии, господствующие в сфере так называемого агробизнеса, получают львиную долю средств казны, отпускаемых на «помощь» сельскому хозяйству, именно от них исходят призывы прекратить всякое государственное вмешательство и ликвидировать систему регулирования сельского хозяйства сразу или по частям.

Столкновение противоречивых интересов различных групп крупного капитала в сельском хозяйстве накладывает отпечаток на сельскохозяйственную политику любого буржуазного правительства США, будь то правительство республиканской или демократической партии. Однако в целом эта политика не только отвечает классовым интересам крупного фермерства, но и несет ему решающие преимущества и перевес по сравнению с мелким и средним фермерством. Свидетельство тому данные, опубликованные правительством: 22% наиболее крупных хозяйств получили в 1962 г. 93% всех выплат государства сельскому хозяйству. Менее 5% фермеров, участвующих в программе по контролю над хлопком, т. е. «очень узкая и крайне преуспевающая группа», получили в том же году более половины средств по этой программе[1]. Недаром «Уолл-стрит джорнэл» писала, что правительственные программы «помогают богатым стать еще богаче, а бедным — еще беднее»[2].

---

[1] «New York Herald Tribune», 27. V. 1963.
[2] «Wall Street Journal», June 14, 1963.

Тем самым государственно-монополистическое регулирование, с одной стороны, стимулирует рост и концентрацию капитала и производства в руках крупнокапиталистической верхушки фермеров, а с другой — ускоряет процесс экспроприации и вытеснения из сельского хозяйства трудящихся и эксплуатируемых масс мелких и средних фермеров. Последнее признают и буржуазные экономисты. «Годы наибольших государственных расходов были одновременно годами самого глубокого падения числа ферм и фермеров», — констатирует доклад «Фонда XX века», автором которого является профессор Э. Хигби, в прошлом высокопоставленный чиновник министерства сельского хозяйства [1].

Вместе с тем политика в области сельского хозяйства не может не нести на себе следы и частичных, вынужденных уступок мелкому и среднему фермерству. Без такого рода социальных уступок трудящимся монополистическая буржуазия в современных условиях вообще не в состоянии сохранять свое господство.

Некоторые конкретные мероприятия государственной политики, особенно поддержание фермерских цен, могут временами в определенной степени защитить среднего и мелкого фермера от наиболее резких ударов кризиса перепроизводства и дать им возможность временно удержаться на поверхности. Вот почему трудящееся фермерство США резко возражает против планов ликвидации системы поддержания цен. Но фермерские массы не могут не бороться против таких аспектов политики буржуазного государства, которые прямо и непосредственно направлены против их интересов и рассчитаны на поддержку крупного капитала и монополий в сельском хозяйстве.

Почти тридцатилетняя история антикризисного регулирования сельского хозяйства США оставила у американских фермеров мало иллюзий относительно возможности решения их наболевших проблем правящими партиями монополистической буржуазии. Деятельность правительства Кеннеди не была исключением из этого правила.

---

[1] «Wall Street Journal», June 14, 1963.

Глава V

ВНУТРЕННЯЯ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА

Рост государственных расходов. Гонка вооружений и ее последствия для федерального бюджета

Налоговая политика правительства и изменения в доходной части бюджета

Рост дефицитности бюджета и увеличение государственного долга

Основные изменения в области кредитной политики

Расчет влияния налоговой реформы на платежеспособный спрос населения США

Помимо тех исключительно серьезных проблем, о которых говорилось выше, правительство Кеннеди столкнулось с не менее серьезным положением, сложившимся в финансовой системе США. Замедление темпов роста национального дохода и огромные военные расходы, скопление растущей массы сельскохозяйственных «излишков», увеличение безработицы и т. д. — все это оказало непосредственное влияние на состояние государственного бюджета, а резкое ухудшение позиций США на мировом рынке налагало отчетливый отпечаток на развитие кредита и денежного обращения. С другой стороны, в современных условиях при резком обострении противоречий капиталистической экономики неизбежно усиливается вмешательство государства в процессы хозяйственного развития, ускоряется рост государственно-монополистического капитализма. Для осуществления различных форм государственного воздействия на экономику требуются существенные финансовые затраты. В условиях господства частнокапиталистической собственности на средства производства методы правительственного регулирования экономики лежат главным образом в сфере обращения, в частности в сфере финансовой и кредитной политики.

По принципиальным вопросам такого регулирования между политикой обеих партий монополистического капитала — республиканской и демократической — нет существенных расхождений; об этом свидетельствует весь ход

исторического развития государственных финансов и кредита США. Один из видных представителей демократической партии, Ч. Боулс, отмечает наличие так называемого национального согласия между обеими партиями по этим вопросам[1]. К аналогичным выводам приходит и представитель республиканской партии Э. Ларсон[2]. Вместе с тем со второй половины 50-х годов более отчетливо проявились некоторые различия в подходе обеих партий к проведению в жизнь тех или иных конкретных мероприятий финансовой и кредитной политики. Эти различия — следствие обострения противоречий между отдельными фракциями монополистической буржуазии.

Республиканская партия выступала за некоторое ограничение финансовых операций федерального правительства и уменьшение бюджетных дефицитов в периоды циклического подъема. По утверждению Эйзенхауэра, его правительство исходило из того, что федеральные власти «никогда не сумеют расходовать средства столь же разумно и целесообразно с экономической точки зрения, как их мог бы расходовать отдельный гражданин, налогоплательщик»[3]. Выступая за известное ограничение ведущего к инфляции дефицитного финансирования, правительство Эйзенхауэра пыталось расширить средства «косвенного регулирования» в первую очередь за счет разнообразных методов кредитной политики, предоставления гарантий (вместо прямых займов и субсидий) и т. п. Однако предпринимавшиеся правительством Эйзенхауэра меры в лучшем случае носили паллиативный характер. Достаточно вспомнить, например, что его антиинфляционная программа не предотвратила ни роста дефицита федерального бюджета в 1958/59 г. до рекордных размеров (12,4 млрд. долл.), ни повышения стоимости жизни (за 1953—1960 гг. более чем на 11%)[4]. Реальное состояние американской экономики и противоречивые интересы правящего класса заставляли то и дело отходить от первоначальных деклараций.

---

[1] *Ch. Bowles,* American Policy in a Revolutionary World, Cambridge, 1956, p. 47—55.

[2] *A. Larson,* A Republican Looks at His Party, New York, 1956.

[3] «The New York Times», 15. I. 1959.

[4] «The Handbook of Basic Economic Statistics», April 15, 1963, p. 101—102.

Демократическая партия, напротив, кардинальным вопросом считает проблему экономического роста в США, разрешить которую, по ее мнению, можно только с помощью более активных форм государственного вмешательства в экономику, более широкого использования системы государственных финансов. Уже в первом докладе Сэмюэлсона об экономической программе правительства Кеннеди подчеркивалась необходимость «более решительного использования финансовой политики» [1]. Упор на финансовую политику объяснялся также прогрессивным ухудшением платежного баланса [2], которое ограничивало возможности кредитной экспансии, и другими противоречиями в самой сфере кредитного регулирования.

Поддержание стабильности цен, по утверждению представителей демократической партии, не может быть центральной задачей правительственной политики. «Умеренная инфляция» является неизбежным спутником активной правительственной политики; это, по их словам, та цена, которую приходится платить за ускорение темпов экономического роста. Поэтому лозунг стабильности цен был заменен достаточно расплывчатыми фразами о «минимальной инфляции». Однако страх рядового избирателя перед угрозой дальнейшего роста дороговизны, а также критика внутри самого правящего класса заставили Кеннеди в ходе предвыборной кампании сделать ряд успокоительных заверений о своей приверженности идее сбалансированного бюджета [3] и ограничения инфляции. Последующее назначение деятеля республиканской партии Диллона на пост министра финансов, по свидетельству У. Липпмана, «укрепило мнение о том, что по самым общим экономическим взглядам не существует серьезных различий между Кеннеди и таким... республиканцем, как губернатор Рокфеллер» [4].

---

[1] «The Commercial and Financial Chronicle», January 19, 1961.

[2] Об этом см. главу VIII.

[3] «Чрезвычайно важно, — указывал Дж. Кеннеди в одной из своих предвыборных речей, — чтобы Соединенные Штаты, насколько это возможно, поддерживали сбалансированный бюджет» («Congressional Digest», January 1963, p. 309).

[4] «American Government Annual. 1961—1962», p. 18.

1. Рост государственных расходов. Гонка вооружений и ее последствия для федерального бюджета

Еще задолго до президентских выборов 1960 г. руководство демократической партии выдвинуло требование расширения сферы государственного вмешательства и увеличения правительственных расходов. Придя к власти, правительство Кеннеди стало быстро расширять масштабы государственных расходов. Общая сумма расходов федерального бюджета, местных органов власти и внебюджетных фондов в 1962 г. достигла 168,4 млрд. долл. против 143,0 млрд. долл. в 1960 г. Среднегодовой темп роста государственных расходов превысил 8,5%, тогда как в годы деятельности правительства Эйзенхауэра эти расходы увеличивались в среднем на 5,0% в год. Интенсивное расширение масштабов финансовой деятельности станет более очевидным, если учесть различную динамику цен: на протяжении 1952—1960 гг. объем государственных расходов, выраженных в неизменных ценах 1962 г., увеличивался ежегодно в среднем на 0,15%, а в 1961—1962 гг. — на 4,6% [1].

Увеличение государственных расходов опережало рост национального дохода, поэтому существенно расширились масштабы перераспределения национального дохода через государственную систему. Если в 1960 г. сумма государственных закупок товаров и услуг, по примерным подсчетам, составляла 32,5% национального дохода [2], то к 1962 г. это соотношение повысилось до 35,3%, т. е. до наивысшего в последнее время уровня, который ранее был достигнут лишь в период войны в Корее. За два года пребывания у власти правительства Кеннеди доля правительственных закупок товаров и услуг в национальном доходе выросла в значительно больших масштабах, чем за предшествующие четыре года деятельности правительства Эйзенхауэра [3].

---

[1] Расчет по данным «Survey of Current Business», July 1963, p. 24, 25, 37; «U. S. Income and Output», Washington, 1958, p. 164—165, 227. Для пересчета в неизменные цены использован индекс цен, исчисленный для государственного сектора.

[2] Здесь, как и в последующем изложении, используется примерная величина очищенного от повторного счета национального дохода.

[3] Расчет по данным «Survey of Current Business», July 1963, p. 12—17.

Таблица 18

Расходы федерального бюджета США [1]
(в млн. долл.)

Наименование расходов	1955/56 г.	1959/60 г.	1961/62 г.	1962/63 г.	1963/64 г.*
Военные расходы	40 723	45 961	51 103	52 755	55 297
Экономическая и финансовая помощь иностранным государствам	1 853	1 832	2 817	2 588	2 447
Исследования космоса	71	401	1 257	2 552	4 400
Субсидии и расходы па регулирование торговли и транспорта и др.	1 892	1 963	9 774	2 843	3 151
Сельское хозяйство	4 868	4 882	5 895	6 954	6 070
Консервация и развитие природных ресурсов	1 105	1 714	2 147	2 352	2 483
Жилищное строительство и переустройство городов	—10**	122	349	—67**	—191
Пенсии ветеранам войны	4 810	5 266	5 403	5 186	5 362
Проценты по государственному долгу	6 846	9 266	9 198	9 980	10 701
Общие административные расходы	1 576	1 542	1 875	1 979	2 238

* Предварительная оценка.
** Минус означает превышение доходов федерального правительства от данных операций над расходами.

[1] «Annual Report of the Secretary of the Treasury... 1961», p. 478—479; «Treasury Bulletin», July 1963, p. 8—9; «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 426—428; 1963, p. 132—139.

Данные таблицы свидетельствуют, что главным направлением, по которому развертывалось увеличение государственных расходов, являлась гонка вооружений. Более 60% общего прироста расходов федерального бюджета в 1961—1964 гг. приходится лишь на увеличение прямых военных расходов и затрат на космические исследования. Основной недостаток политики правительства Эйзенхауэра Кеннеди видел в том, что оно больше заботилось о состоянии государственных финансов, чем о состоянии вооруженных сил[1]. Вступив на пост президента, Кеннеди призвал конгресс отбросить «произвольные бюджетные ограничения» и резко увеличить военные ассигнования[2]. На протяжении первого же года пребывания у власти новое правительство ускорило расходование выделенных ранее военных ассигнований, расширило полномочия военных ведомств по закупке товаров с оплатой в последующий период и, кроме того, трижды обращалось к конгрессу за дополнительными военными ассигнованиями.

Выше (см. главу II) была уже дана характеристика структуры военных расходов и закупок. Здесь следует отметить, что подавляющая часть их прироста пришлась на перевооружение армии, на создание новых видов и образцов оружия, строительство сети новых баз для запуска ракет и т. д., тогда как расходы на содержание личного состава, поддержание материальной части увеличивались медленнее. В первые годы пребывания Кеннеди у власти примерно $^2/_3$ средств по дополнительным военным программам направлялись на наращивание стратегического вооружения[3]. Рост военных расходов казны был связан не только с увеличением объема закупок, но и со значительным удорожанием вооружения. Так, одна атомная подводная лодка, вооруженная ракетами «Поларис», стоит не менее 140 млн. долл., тогда как строительство надводных линейных кораблей (например, «Айова») обходилось в свое время менее чем в 100 млн. долл.[4] Общие расходы федерального правительства на оружие стратегического назначения (межконтинентальные ракеты, атомные под-

---

[1] *J. Kennedy*, The Strategy of Peace, New York, 1960, p. 40.

[2] «Special Message on the Defence Budget». «Congressional Record», March 28, 1961, p. 4653.

[3] «National Defence and Taxation». Proceedings of a Conference. Tax Foundation New York, 1961, p. 11.

[4] «Tribune», February 16, 1962.

водные лодки, ракетоносцы, стратегическую авиацию, оборудование ракетных баз) в 1962 г. достигли 9 млрд. долл[1].

Переход к новым видам военной техники требовал резкого увеличения расходов на соответствующие научно-исследовательские работы. Если общая сумма военных расходов в 1961—1964 гг. увеличилась примерно на $^1/_5$, то затраты министерства обороны на исследовательские работы возросли в 1,5 раза (с 4,7 до 7,1 млрд. долл.). До $^2/_3$ расходов на исследования, усовершенствования и испытания направлялось на изыскания в области ракетной техники[2].

Как известно, доктрина «гибкого реагирования», которой правительство Кеннеди отдало предпочтение, придает большое значение «обычным», неядерным вооруженным силам. Они предназначаются для военного подавления «освободительного движения» в Юго-Восточной Азии, на Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке[3]. В 1961—1962 гг. численность так называемых особых сил, получивших специальную подготовку для действий против отрядов национально-освободительного движения, возросла втрое[4]. Расходы на вооруженные силы общего назначения увеличились с 17,5 млрд. долл. в 1961/62 г. до 19,1 млрд. долл. в 1963/64 г.[5]. Увеличение обычных вооруженных сил сопровождалось их перемещением в Западную Европу, Юго-Восточную Азию и другие районы. А это в свою очередь влекло за собой не только дополнительные транспортные затраты, но и рост расходов на содержание вооруженных сил за границей, что еще более обостряло проблему платежного баланса США.

Сколь велико финансовое бремя, явившееся в значительной степени следствием курса правительства Кеннеди на активную гонку вооружений, видно из следующих данных. Если бы военный бюджет на 1963/64 г. не предусматривал ассигнований на наращивание ракетно-ядерных и обычных вооружений, а лишь на поддержание уровня военной техники, достигнутого ко времени прихода

---

[1] «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 62.

[2] Подсчет по данным «Aerospace Facts and Figures. 1962», p. 53.

[3] *R. Strausz-Hupe, W. Kintner* and *S. Possony*, A Forward Strategy for America, New York, 1961, p. 156.

[4] «Congressional Record», July 30, 1963.

[5] «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 62.

к власти этого правительства, то расходы на закупку вооружения сократились бы на 10 млрд. долл., на научно-исследовательские работы — на 7 млрд. долл., затраты Комиссии по атомной энергии — на 2 млрд. долл. и т. д. В общей сложности это составило бы 22,6 млрд. долл.[1], или более 6% всего национального дохода США. В целом при Кеннеди темпы роста расходов министерства обороны почти удвоились: в 1961—1964 гг. расходы увеличились на 21%, тогда как в 1957—1960 гг. (при Эйзенхауэре) они возросли на 12%.

Финансовое бремя гонки вооружений возросло также и вследствие значительного увеличения расходов на «освоение космоса». Опрокинув все предшествующие прогнозы[2], они в течение 1961—1964 гг. возросли в 10,5 раза и в настоящее время превратились в одну из крупнейших статей бюджета, превышающую расходы федерального правительства на здравоохранение, просвещение и жилищное строительство, вместе взятые. Президент Кеннеди призвал американских ученых первыми подготовить и осуществить до 1970 г. полет человека на Луну, что, по приблизительным подсчетам, должно обойтись не менее чем в 20—40 млрд. долл.[3] Быть может, эти расходы были бы оправданы, если бы «освоение космоса» Соединенными Штатами Америки носило мирный характер и преследовало только научные цели. Но дело в том, что космические программы США включены в общую систему гонки вооружений. Их формальное разделение на военные и гражданские, как отмечает журнал «Интеравиа», «зачастую оказывается нереальным»[4]. Достигнутое осенью 1963 г. соглашение об отказе от вывода на орбиту в космос ядерного оружия несколько ослабляет, но не отменяет общую военную направленность американских космических программ.

Несмотря на колоссальную дороговизну гонки вооружений, в том числе и военных исследований в космосе,

---

[1] «A Strategy for the American Security». Submitted by Group of Independent Specialists. Edit. by S. Melman, April 1963, p. 5.

[2] Так, например, еще в конце 50-х годов предполагалось, что к 1967 г. расходы на освоение космоса достигнут 2 млрд. долл. («The Defence Marketing in the 1960's. Dimensions of the Market and Guides for Selling in It», New York, 1961, p. 21). На деле же эта сумма была превышена уже в 1962/63 г.

[3] «The 1962 Aerospace Year Book», 43-th Annual Edition, p. 274.

[4] «Interavia», October 1962, p. 129.

предложения правительства об увеличении ассигнований на эти цели, как правило, не встречали возражений конгресса. Шумные кампании, организованные республиканцами по поводу «правительственного расточительства» и необходимости «экономии», мгновенно утихали, как только речь заходила об основной статье расходов федерального правительства. Английский журнал «Экономист» саркастически заметил: «Развернувшееся в конгрессе широкое движение за сокращение расходов подобно большинству периодически повторяющихся сражений при обсуждении бюджета на $^{9}/_{10}$ вообще представляет собой надувательство, а на $^{1}/_{10}$ оказывается обреченным на провал» [1]. Обсуждение военного бюджета развертывалось в обстановке нагнетания военной истерии. Выступавшие в конгрессе представители наиболее агрессивных кругов монополистического капитала требовали немедленной готовности к «ядерной войне на уничтожение» [2]. И конгресс с невиданной оперативностью утверждал правительственные проекты увеличения военных расходов.

Более того. Представители наиболее агрессивных политических кругов в конгрессе оказывали ожесточенное сопротивление даже исходившим от правительства попыткам несколько сократить затраты на устаревшие виды вооружения. Лидер «бешеных» сенатор Голдуотер заявил, что за предлагаемыми правительством изменениями в военных ассигнованиях в действительности скрывается идея всеобщего разоружения. Наиболее реакционным политическим кругам удалось в ряде случаев увеличить военные ассигнования сверх смет, предложенных правительством. Так, конгресс одобрил заказ на поставку самолетов RS-70, хотя правительство возражало против этого, ссылаясь на то, что самолеты окажутся устаревшими еще до того, как будут полностью готовы. По словам Дж. Олсопа, решение конгресса было продиктовано энергичным нажимом, «с которым особенно считаются в конгрессе», исходившим от поставщика самолетов RS-70 «Норс Америкэн авиэйшн» [3].

---

[1] «The Economist», April 6, 1963, p. 38.

[2] См., например, выступления Б. Голдуотера и Р. Рассела при обсуждении военного бюджета на 1962/63 г.

[3] «New York Herald Tribune», 7. III. 1962.

Рост военных расходов принял такие масштабы, что перед правящим классом США рано или поздно должен встать вопрос о его ограничении. Если раньше уверяли, что рост государственных расходов будет лучшим средством стимулирования роста экономики, то теперь правительству пришлось признать, что экономика не может позволить государству безгранично увеличивать свои военные расходы. К тому же эффективность военных расходов как средства поддержания конъюнктуры упала. Но правительство Кеннеди отнюдь не стало на путь решительного сокращения гонки вооружений. Оно попыталось лишь упорядочить закупки, осуществляемые разбухшей системой различных военных ведомств.

Как утверждали представители нового правительства, министерство обороны до 1961 г. распределяло средства между различными военными ведомствами, исходя из их запросов и общей суммы ассигнований. По решению нового правительства последующее распределение военных ассигнований должно было осуществляться исходя из программ освоения наиболее эффективных видов военной техники и наиболее целесообразной системы вооруженных сил[1]. Для «наведения порядка» было решено прибегнуть к помощи значительного числа специалистов из университетов и научно-исследовательских центров и использованию электронно-вычислительных устройств. В результате были приняты следующие мероприятия:

1) Министерство обороны отказывается от ряда устаревших видов военной техники (было предложено расформировать подразделения устаревших бомбардировщиков Б-47, прекратить дальнейшие закупки бомбардировщиков Б-52 и Б-58, отказаться от разработки ракеты «Скайболт», ограничить использование ракет «Титан», значительно урезать ассигнования на систему противоракетной обороны «Найк-Зевс», на разработку модели самолета с атомным двигателем, приостановить строительство нового авианосца и ряда других военных кораблей и т. д.). Аргументируя необходимость замены стратегической авиации баллистическими ракетами, министр обороны Макнамара ссылался не только на большую

---

[1] *A. Enthoven*, Economic Analysis in the Department of Defence. «American Economic Review. Papers and Proceedings», May 1963, p. 418—419.

скорость и живучесть ракет, но и на их сравнительную дешевизну [1].

2) Для борьбы с неразберихой и параллелизмом в деятельности различных ведомств в конце 50-х годов было создано учреждение, координирующее закупки военно-воздушных сил, армии и военно-морского флота. Вновь организованный координационный центр неоднократно прибегал к пересмотру контактов отдельных ведомств на поставку запасных частей и материалов и пытался изыскать различные пути использования складских излишков.

3) Правительство предприняло попытку изменить организацию закупок. Были введены новые формы закупок (так называемые заказы в два этапа), направленные на усиление роли открытых конкурентных торгов. Наряду с этим была расширена сфера использования «поощрительных» контрактов, заключающихся на условиях материального поощрения поставщиков при снижении издержек производства.

4) До известной степени активизировались так называемые антимонополистические расследования в сфере военных поставок. Это выражалось в том, что в некоторых случаях, когда колоссальные переплаты поставщикам вооружения получали скандальную известность, назначались специальные расследования, отчеты представителей данной корпорации заслушивались на заседаниях комиссий конгресса и т. д. [2]

Уже сам факт того, что государство США оказывается вынужденным прибегнуть к подобной системе мероприятий, свидетельствует прежде всего о серьезном углублении противоречий капиталистической военной экономики. Хозяйничанье монополистического капитала в сфере военного производства и закупок все более неблагоприятно отражается как на военном потенциале США, так и на их финансовом положении. В таких условиях правительство стремится расширить свои функции регулирования структуры и условий военных закупок. Однако, несмотря

---

[1] «The Aviation Week», February 11, 1963.

[2] «Pyramiding of Profits and Costs in the Missile Procurement Program». Hearings before the Subcommittee on Investigations of the Committee on Government Operations of Senate U. S. Congress, Parts I—II, Washington, 1962.

на все его усилия, оно в силу своей природы не в состоянии ни ликвидировать возрастающих переплат при покупке новой военной техники, ни освободиться от выплаты крупных сумм при аннулировании старых контрактов. К тому же политическое влияние, которым располагают военно-промышленные монополии, еще более ограничивает возможности правительства сокращать закупки устаревшего или излишнего вооружения.

Не смогло положить конец параллельным и излишним закупкам создание единого центра по координации закупок различных ведомств. Дело в том, что соперничество различных ведомств между собой и бессистемный характер закупок являются следствием острой борьбы отдельных группировок монополистического капитала, заинтересованных в расширении прибыльных казенных поставок. Первые результаты деятельности координирующего центра привели генеральную финансовую инспекцию к следующим выводам: «Координация закупок и снабжения отдельных ведомств оказалась не такой эффективной, как это требовалось. Отдельные ведомства отказываются от участия в общих программах, охватывающих все отделы министерства обороны, или же без всякого энтузиазма прибегают к участию в этих программах» [1].

Всякие мероприятия, направленные на подлинную экономию бюджетных расходов, должны были бы прежде всего обеспечить сокращение колоссальных переплат поставщикам вооружения. Однако правительство не нашло лучшего выхода, как повысить официально установленную прибыль по контрактам, заключаемым в порядке непосредственных переговоров. По официальным данным, до 1963 г. отношение прибыли к стоимости таких контрактов в среднем составляло 3%, а в августе 1963 г. оно было увеличено до 5—7%. В ряде случаев допускается прибыль, достигающая 20% стоимости заказа [2]. Обосновывая такое решение, министерство обороны заявило, что необходимым условием реорганизации является «улучшение использования прибыли в качестве стимула про-

---

[1] «Progress Made by the Department of Defense in the Reducing the Impact of Military Procurement on the Economy». Hearings before the Subcommittee on Defense Procurement Washington, 1961, p. 43.

[2] «Wall Street Journal», August 9, 1963.

изводства». Ясно, что подобная перестройка полностью соответствует интересам монополистического капитала. Именно такого рода мероприятия государственно-монополистического капитализма В. И. Ленин называл «узаконенным казнокрадством». Не случайно наибольшее увеличение прибылей среди всех отраслей американской промышленности показали в 1962 г. предприятия ракетостроительной и авиационной промышленности; отношение прибыли к чистой стоимости активов в этих отраслях за год увеличилось почти в 3 раза, тогда как в среднем по всей промышленности оно повысилось на 16% [1].

Что же касается финансовой эффективности подобной бюджетной «экономии», то о ней можно судить прежде всего по динамике военных расходов: осуществление всех мероприятий по перестройке вооруженных сил сопровождалось не сокращением, а рекордными, невиданными для мирного времени темпами расширения военных ассигнований.

К текущим военным расходам вплотную примыкает и финансовое бремя, связанное с военными затратами в прошлом. Американский налогоплательщик вынужден оплачивать расходы государства по военным займам. За период с 1961 по 1964 финансовые годы выплаты в виде процентов по государственному долгу увеличились с 9 198 млн. долл. до 10 103 млн. долл.

Правительство Кеннеди расширило также «помощь» США другим государствам. В 1956—1960 гг. расходы федерального правительства по программам экономической и финансовой «помощи» составляли в среднем 2 017 млн. долл. в год, а в 1961 —1964 финансовых годах — 2 219 млн. долл., т. е. увеличились на 11%. Свыше $^2/_3$ так называемой поддерживающей помощи («supporting aid») направляется марионеточным диктаторским режимам в странах Азии и Латинской Америки [2].

По сравнению с военной промышленностью финансовая поддержка корпораций других отраслей со стороны государства в абсолютном выражении была небольшой, но по своей относительной величине она за годы президентства Кеннеди в ряде случаев существенно возросла. Серь-

---

[1] «Monthly Economic Letter». First National City Bank of New York, April 1963, p. 40.

[2] «The Budget of the U. S. Government. 1964». Appendix, p. 68.

езное ухудшение валютных позиций США побуждало правительство резко увеличить затраты на создание более благоприятных условий для внешнеторговой экспансии монополий США. Так, расходы министерства торговли по регулированию внешней торговли в 1961—1964 гг. увеличились в 3,5 раза. Значительно расширились разнообразные прямые и скрытые субсидии частным корпорациям в судостроении и судоходстве, авиационным компаниям и т. д. Общая сумма бюджетных расходов, объединенных в разделе «торговля и транспорт», увеличилась на 72% (против 4% за предшествующие четыре года), причем наиболее быстро (на 130%) увеличивались расходы по статье «помощь развитию предпринимательства» [1].

Развертывание гонки вооружений и дальнейшее расширение сферы государственно-монополистического регулирования неизбежно вызывали значительный рост ассигнований на содержание разбухшего государственного аппарата. За два с половиной года пребывания у власти нового правительства число государственных служащих выросло на 140 тыс. человек [2]. Расходы по статье «общие административные расходы» в 1961—1964 гг. увеличились более чем на 45%, тогда как за восемь лет деятельности правительства Эйзенхауэра — на 6% [3].

Не менее показательна и политика правительства Кеннеди по вопросу об ассигнованиях на социальные и культурные нужды трудящихся. Динамика этих расходов определяется прежде всего потребностями дальнейшего развития производительных сил, которые порождают необходимость расширения образования и профессиональной подготовки, а усиление капиталистической эксплуатации влечет за собой расширение медицинского обслуживания и ряда других общественно полезных услуг. Вместе с тем рост производительности общественного труда в сфере материального производства создает экономическую основу для более интенсивного развития непроизводственной сферы и увеличения ее удельного веса в экономике страны.

---

[1] «The Budget of the U. S. Government. 1964». Appendix, p. 426—427.

[2] «Congressional Digest», May 1963, p. 152.

[3] Кроме того, существенная часть увеличения административных издержек, связанных с государственным регулированием промышленности, транспорта и торговли, была проведена по статье «торговля и транспорт».

В условиях капиталистической системы хозяйства господствующей формой отчуждения услуг неизбежно становится коммерческая продажа, обеспечивающая прибыль на капитал. Буржуазия использует расширение сферы услуг для приложения возрастающих масс капитала и реализации дополнительной прибыли. Расширение сбыта таких услуг в силу их дороговизны при капиталистической форме организации представляет довольно сложное дело. Основная масса населения может их оплачивать либо из собственных доходов (что требует соответствующего увеличения заработной платы), либо за счет каких-то средств, выделяемых монополиями или государством. Вследствие этого определенная часть капиталистического класса согласна переложить ряд «некоммерческих» услуг по подготовке квалифицированной рабочей силы, медицинской помощи и т. п. на государственный бюджет, т. е. в конечном счете на самих налогоплательщиков. Однако сам факт того, что потребности воспроизводства рабочей силы на современном этапе определяют необходимость известного расширения сферы общественно полезных услуг, еще отнюдь не означает превращения буржуазного государства в «государство всеобщего благосостояния». Крупной буржуазии социальные пособия, льготы и выплаты не нужны. Поэтому монополистический капитал стремится свести социально-культурные расходы бюджета к минимуму[1], а подавляющую часть ассигнований направить на обеспечение высокоприбыльных военных заказов, субсидий, процентов по государственным займам и т. п. Капиталистические отношения обрекают социально-культурные расходы на «третьестепенную» роль, а их рост неизменно наталкивается на чрезвычайно узкие границы. Лишь в самом лучшем случае они могут достигнуть скудного уровня, определяемого стоимостью рабочей силы, причем трудящимся удается реализовать и эту часть стоимости своей рабочей силы лишь в ходе упорной и ожесточенной борьбы. Поэтому стачечная борьба, направленная на

[1] Так, Национальная ассоциация промышленников в 1960 г. официально выдвинула требование сократить и без того скудные гражданские расходы федерального бюджета на 3 358 млн. долл., в том числе расходы по поддержанию сельскохозяйственных цен — на 1 326 млн. долл., на строительство школ и помощь системе просвещения — на 253 млн. долл., выдачу пособий населению — на 210 млн. долл. и т. д. («NAM News», February 19, 1960, p. 3).

повышение заработной платы, в настоящее время необходимо должна сочетаться с усилением борьбы за реализацию другой части стоимости рабочей силы через систему государственных финансов.

Усилению борьбы за расширение социально-культурных расходов в современных условиях в огромной степени содействуют успехи социализма, достигнутые им в ходе мирного экономического соревнования с капитализмом. Они способствуют значительному повышению активности трудящихся капиталистических стран в борьбе за свои жизненные права[1].

В условиях, когда свыше трети всего национального дохода США перераспределяется по каналам государственного бюджета, рабочий класс никак не может оста-

[1] В этом отношении известный интерес представляют данные выборочного опроса, проведенного в 1961 г. исследовательским центром Мичиганского университета (*E. Mueler*, Public Attitudes toward Fiscal Programs. «The Quarterly Journal of Economics», May 1963, p. 230).

Таблица 19

Число лиц, высказавшихся за увеличение социальных ассигнований по государственному бюджету (за вычетом лиц, предлагавших сокращение ассигнований)

(в % к общему числу опрошенных)

Вид ассигнований	Размеры годового дохода в опрошенных семьях		
	до 3 тыс. долл.	с 3 до 7,5 тыс. долл.	свыше 7,5 тыс. долл.
На помощь престарелым	68	67	64
На помощь наиболее нуждающимся	63	51	39
На улучшение медицинской помощи	54	45	33
На расширение страхования от безработицы	26	17	—2*

* Процент лиц, высказавшихся за сокращение ассигнований (за вычетом лиц, предлагавших увеличить ассигнования).

Несмотря на серьезные пороки в методологии, на неточность сведений и приведенных группировок, эти данные тем не менее говорят, что преобладающая часть опрошенных трудящихся выступает за расширение государственной социальной помощи, медицинского и других видов общественно полезного обслуживания и что буржуазия и примыкающие к ней более состоятельные слои американского населения не только не проявляют заинтересованности в увеличении указанных расходов, но даже выступают за их сокращение.

ваться безразличным к вопросам финансовой политики империалистического государства. Под напором массовых требований даже бюрократическая верхушка крупнейших профсоюзных объединений, проповедующая фальшивые идеи «классового сотрудничества», вынуждена все настойчивее ставить вопрос об увеличении пособий по безработице, размеров пенсий, ассигнований на медицинское обслуживание и т. д. Распределение бюджетных расходов постепенно превращается в один из чрезвычайно важных вопросов классовой борьбы, а это в немалой мере способствует перерастанию экономической борьбы трудящихся в борьбу политическую.

Новое соотношение классовых сил на мировой арене и внутри страны вынуждает более дальновидных, реалистически мыслящих представителей правящего класса прибегнуть к маневрированию. С помощью небольших, частичных уступок они рассчитывают предотвратить усиление массовой политической борьбы в стране. Тенденцию такого политического маневрирования можно отчетливо проследить и в финансовой политике правительства Кеннеди. Несмотря на большую шумиху, поднятую вокруг мероприятий правительства Кеннеди в области безработицы [1], фактические расходы федерального бюджета в этой области увеличились лишь в небольшой степени.

Другой, не менее важной проблемой было состояние медицинского обслуживания и народного образования. По приблизительным подсчетам, в стране не хватает 1 211 100 больничных коек [2], а число врачей на тысячу человек населения к началу 60-х годов сократилось [3]. 87% всех детей, посещающих школу, нуждаются в немедленной помощи зубного врача [4]. Стоимость медицинского обслуживания растет быстрее общей стоимости жизни: за 1945—1962 гг. она увеличилась примерно вдвое [5]. По сведениям авторитетной медицинской комиссии смертность среди малоимущего населения США гораздо выше, чем среди богатых семей [6].

---

[1] См. главу VI.
[2] «Labor Fact Book. XV», p. 70.
[3] «Statistical Abstract of the U. S. 1962», p. 74.
[4] «Congressional Record», February 20, 1961, p. 2284.
[5] Расчет по данным «Federal Reserve Bulletin», May 1963, p. 704.
[6] «Monthly Review», September 1960.

Вот почему предвыборная программа демократической партии не могла обойти эти проблемы. В ней содержалось обещание существенно улучшить медицинское обслуживание, и в частности расширить программу медицинской помощи престарелым. Однако, придя к власти, новое правительство ограничилось лишь проектом частичных изменений в медицинском обслуживании отдельных категорий населения. Предусматривалось расходы престарелого населения на медицинское обслуживание частично покрывать за счет государственных фондов социального страхования. И хотя эти предложения, по признанию самого Кеннеди, носили «самый скромный характер» [1], конгресс выступил против них. Предложение о частичном медицинском обеспечении престарелых было отвергнуто, а другие дополнительные ассигнования на медицинские цели урезаны. В итоге за годы президентства Кеннеди расходы федерального правительства на медицинское обслуживание населения увеличивались в целом даже несколько медленнее, чем при Эйзенхауэре. Немногим лучше обстояло дело и с народным образованием. В США не хватает 600 тыс. классных комнат [2], но, несмотря на это, строительство школ к началу 60-х годов стало сокращаться. Система школьных учреждений в США, признавал Кеннеди, совершенно недостаточна для того, чтобы обеспечить всеобщую грамотность [3]. В 1960 г., по данным переписи, в стране насчитывалось свыше 3 млн. американцев, не умеющих ни читать, ни писать [4]. Проведенное в 1962 г. обследование показало, что 51% обследованного населения не смог выдержать элементарных испытаний на так называемую функциональную грамотность, т. е. не мог в достаточной степени грамотно читать, писать и производить арифметические расчеты [5].

Проблемы образования и развития науки в США приобрели особую остроту в свете выдающихся достижений советской науки и техники. Пытаясь отыскать причины

---

[1] «Congressional Record», February 9, 1961, p. 1904.

[2] *S. Harris,* The Economics of the Political Parties, New York, 1962, p. 256.

[3] «Congressional Record», February 20, 1961, p. 2284—2285.

[4] «U. S. Census Bureau Estimates of Illiteracy by States. 1960»; «Current Population Reports», February 12, 1963.

[5] «Illiteracy Is High, Relief Study Finds». «Chicago Daily News», 21. IX. 1962.

отставания США, американская печать, в частности, указывает на то, что система высших учебных заведений в США ежегодно готовит в 3 раза меньше инженеров, чем Советский Союз. В последние годы, как свидетельствует ряд расчетов, американская промышленность начинает ощущать существенный недостаток инженерных кадров [1]. «Подготовка среднего технического персонала в США... — писала «Нью-Йорк геральд трибюн», —находится в еще более плачевном состоянии, чем подготовка инженеров» [2].

Стремление удержать свои позиции в соревновании двух систем в области науки вынуждает правящие круги США несколько расширять ассигнования на просвещение и гражданские научные исследования. В динамике расходов федерального бюджета на просвещение можно отчетливо различать «доспутниковый» и «послеспутниковый» периоды. Если в 1954—1957 гг. на просвещение в среднем в год расходовался 371 млн. долл., то в 1958—1960 гг. — 713 млн. долл. С приходом к власти правительство Кеннеди официально провозгласило эти расходы одним из важнейших мероприятий по обеспечению длительного экономического роста. Расходы на просвещение продолжали увеличиваться и составляли в 1961—1964 гг. в среднем 1 230 млн. долл. в год, иначе говоря, возросли по сравнению с 1957—1960 гг. на 72% [3].

Но это все же не означало, что положение резко улучшилось. Подавляющая часть средств, ассигнованных на развитие науки, как указывалось выше, продолжала направляться на разработку новых видов вооружения. В расходах на просвещение наиболее быстрый рост обнаруживали ассигнования на финансирование университетов и научно-исследовательских центров, ведущих «фундаментальные исследования». Расходы федерального правительства на помощь школьному обучению продолжали оставаться чрезвычайно мизерными — менее $^1/_{200}$ общей суммы бюджетных расходов. К тому же по ряду статей финансовая помощь федерального правительства местным органам власти на строительство и содержание школ

---

[1] «The Nation's Engineering Research Needs. 1965—1985», New York, 1962.

[2] «New York Herald Tribune», 19. V. 1963.

[3] Подсчет по данным «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 426—427.

была уменьшена (например, помощь «школьным районам» и др.). При нынешних темпах строительства школьных зданий даже самые минимальные потребности в них не смогут быть удовлетворены в течение ближайших 11 лет. В течение первых 2 лет пребывания у власти правительства Кеннеди около 7,5 млн. школьников вынуждены были бросить учебу, не окончив средней школы[1], а 1,7 млн. юношей и девушек продолжали учиться в неудовлетворительных школьных помещениях[2]. По свидетельству председателя национальной комиссии по вопросам образования Макмэррина, при таких размерах правительственных расходов на обучение потребуется много десятков лет, прежде чем американское общество сможет разрешить проблему неграмотности[3].

Отмечая ограниченность финансовых мероприятий Кеннеди в области просвещения и в других сферах государственного обслуживания, было бы неверным игнорировать известное влияние, которое оказывает политическое маневрирование правительства на часть американского населения. Так, например, экономическое значение повышения заработной платы правительственным служащим было весьма невелико (увеличение общего фонда примерно на 2%[4]), но оно коснулось нескольких миллионов человек. Так же обстояло дело и с некоторым улучшением продовольственной и медицинской помощи. Тактика мелких подачек большому кругу людей — таково средство, с помощью которого правительство старалось привить миллионам рядовых американцев веру в политику «новых рубежей».

Но и эти весьма скромные программы вызывали ожесточенную политическую борьбу внутри буржуазии. Конгресс, который, ничтоже сумняшеся, вотировал новые десятки миллиардов долларов на гонку вооружений, устраивал длительные дебаты по поводу в сотни раз меньших расходов на просвещение, медицинское обслуживание и социальное страхование. Сенатор республиканец Б. Голдуотер заявил, что предложения об увеличении ассигнований на просвещение являются не чем иным, как

---

[1] «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 101.
[2] «New York Herald Tribune», 9. I. 1963.
[3] «Editorial Research Reports», May 1, 1963, p. 337.
[4] Расчеты по данным «Congressional Digest», January 1963, p. 298; «Survey of Current Business», July 1963, p. 19.

опасным проникновением идей марксизма, и отнес их в разряд «антиамериканской деятельности»[1]. Лидер республиканцев в сенате Э. Дирксен утверждал, что правительство Кеннеди стремится «расширить бюрократический контроль во всех направлениях»[2].

В свое время, характеризуя мероприятия буржуазного государства, К. Маркс отмечал, что «бросается в глаза, с одной стороны, вынужденная у парламента господствующих классов необходимость принять в принципе столь чрезвычайные и широкие меры против крайностей капиталистической эксплуатации, а с другой стороны, половинчатость, неохота и mala fides [недобросовестность], с которыми парламент потом осуществлял их на практике»[3]. Это в полной мере относится и к политике правительства Кеннеди. Широко используя тактику политического маневрирования, оно вносило в конгресс ряд заведомо обреченных на провал законопроектов. Более того, часто оно не прилагало особых усилий для их осуществления[4]. Во многих случаях создавалось впечатление, что основная цель правительства состояла лишь в том, чтобы переложить вину за положение с просвещением, медицинским обслуживанием и т. д. на оппозиционную партию. Такая политика привела к тому, что расходы на социальные и культурные цели в действительности оказывались еще меньшими, чем это предусматривалось правительственными законопроектами.

На практике дело выглядело следующим образом. Из колоссального прироста расходов федерального бюджета за 1961—1964 гг., исчислявшегося в 22,3 млрд. долл., основной «куш» — не менее $^4/_5$ — приходился на долю

---

[1] «The New York Times», 15. V. 1963.

[2] «Congressional Digest», January 1963, p. 313.

[3] *К. Маркс,* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 505.

[4] Даже Харрис, который с таким рвением защищает экономическую политику Кеннеди, должен был признать, что президент «не проталкивал законопроекты так, как он мог бы это сделать» (*S. Harris,* The Economics of the Political Parties, p. XXX). Другой американский публицист, характеризуя деятельность правительства Кеннеди в этой области, иронически заметил: «Чрезвычайно часто использовались дрибблинг и передачи мяча, но удары по щиту были немногочисленными» (*P. Studensky, H. Krooss,* Financial History of the United States, New York — San-Francisco — Toronto — London, 1963, p. 526).

таких расходов, которые были вызваны агрессивным курсом американского империализма, внешнеторговой экспансией, различными прямыми и скрытыми субсидиями монополиям и административными издержками государственно-монополистического регулирования. В то же время на расширение социально-культурных ассигнований федерального правительства — расходов на образование, медицинское обеспечение, выплату пособий и т. д. — приходилось лишь около $^1/_{10}$ части прироста расходов. Отказываясь удовлетворить массовые требования о значительном увеличении социально-культурных расходов, правительство прямо ссылалось при этом на то, что все возможности увеличения ассигнований исчерпаны резким ростом военных расходов [1].

Как известно, в США значительная часть гражданских расходов перелагается на местные бюджеты. Прирост совокупных расходов федерального правительства и местных органов власти за вычетом военных расходов, выплаты процентов по военным займам и общих административных расходов в 1961—1962 гг. исчислялся менее чем в 1,5% национального дохода. Доля этих расходов в национальном доходе в 1962 г. находилась примерно на предвоенном уровне 1938—1939 гг. [2]

Таким образом, подлинные результаты политики «новых рубежей» в области социально-культурного обслуживания оказываются весьма скромными. В большинстве случаев они не выходят за пределы мероприятий, ранее осуществлявшихся правительством Эйзенхауэра. Наибольший рост в составе этих расходов показывают ассигнования на просвещение и развитие науки, однако и в данной области увеличение расходов составляет, как уже отмечалось, совершенно ничтожную величину в сравнении с теми средствами, которые требуются для подлинной перестройки всей системы образования в США. В богатейшей стране буржуазного мира капитализм демонстрирует свою неспособность избавить миллионы людей от лишений, решить проблему неграмотности, обеспечить удовлетворение самых необходимых потребностей в сфере медицинского и других видов обслуживания.

---

[1] См., например, выступление президента Кеннеди на пресс-конференции 30 августа 1961 г. и др.

[2] Подсчитано по данным «U. S. Income and Output», Washington, 1958; «Survey of Current Business», July 1963.

2. Налоговая политика правительства и изменения в доходной части бюджета

В первое время после прихода к власти правительство Кеннеди видело главный рычаг финансовой политики в увеличении государственных расходов. Что же касается налоговой политики, то в докладе о задачах экономической политики нового правительства (в докладе Сэмюэлсона) она была отнесена ко «второй линии обороны против спада» [1]. Кеннеди в послании конгрессу о состоянии системы налогового обложения в начале 1961 г. отмечал, что облегчение бремени налогов для населения следует связывать не со снижением ставок налогового обложения, а с общим экономическим ростом страны [2]. В то же время уже в этом послании содержались отдельные предложения о предоставлении налоговых льгот предпринимателям (например, налоговой скидки при условии обновления основного капитала и др.).

Однако последующий ход событий продемонстрировал безосновательность расчетов на ускорение темпов экономического развития. Замедленные темпы роста национального дохода ограничивали возможности увеличения налоговых доходов. Серьезное расхождение между намеченными на 1962/63 г. суммами налоговых поступлений и фактическим объемом бюджетных доходов послужило одним из самых ярких свидетельств того, что радужные перспективы значительного расширения налоговых поступлений оказались нереальными. В бюджетном послании конгрессу в 1963 г. Кеннеди должен был отметить: «Вялый экономический рост на протяжении последних лет не обеспечил такой суммы доходов, которая требуется для возникновения бюджетных излишков... Главной причиной такой нехватки средств было то, что экономика попрежнему не могла достигнуть того уровня, который считается удовлетворительным» [3]. Как свидетельствуют данные таблицы 20, в 1962/63 г. разрыв между бюджетными предположениями и фактическими доходами исчислялся в 6,6 млрд. долл. (недовыполнение на 7%).

---

[1] «New Frontiers of Kennedy Administration», Washington, 1961, p. 36—37.

[2] «Congressional Record», April 20, 1961, p. 5592.

[3] «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 10.

Таблица 20

Предполагаемые и фактические доходы федерального бюджета[1]
(в млрд. долл.)

	1961/62 г.	1962/63 г.
Предполагаемая сумма . .	82,3	93,0
Фактические доходы	81,4	86,4
Разница	0,9	6,6

Если первоначально правительство предполагало, что само расширение государственных расходов даст такой толчок экономике, который автоматически приведет в соответствие с ними и доходы бюджета, то обнаружившаяся неэффективность государственных расходов как рычага финансово-экономического регулирования требовала новых решений. Теперь центр тяжести было решено перенести с кейнсианских программ «компенсирования» совокупного спроса при помощи государственных расходов на рекомендованное буржуазными теориями экономического роста маневрирование ставками налогового обложения. Большинство комиссий, созданных правительством с целью разработки программ стабилизации экономики и обеспечения экономического роста, высказалось против дальнейшего увеличения государственных расходов, за снижение ставок налогового обложения предпринимателей. Представитель Комиссии по вопросам денежного обращения и кредита Р. Натан, выступая в конгрессе, заявил: «Все большее число экономистов приходит к выводу, что для целей срочной стабилизации доходная часть бюджета оказывается более важной и более мощной силой, чем его расходная часть»[2]. Влиятельная организация либеральных экономистов — Комитет экономического развития — утверждала: «В современ-

[1] Расчет по данным «The Budget of the U. S. Government. 1962»; «The Budget of the U. S. Government. 1963»; «Treasury Bulletin», July 1963.

[2] «Review of Report of the Commission on Money and Credit». Hearings before the Joint Economic Committee, Washington, 1961, p. 169.

ных условиях именно налоги являются наиболее мощным орудием, которое может быть использовано для улучшения создавшегося положения с инвестициями»[1].

Отвергая программы увеличения гражданских расходов, буржуазные экономисты ссылались, в частности, на «неоперативность» таких расходов как рычага финансового регулирования. Проведение общественных работ или строительство школ и больниц требует, утверждал Натан, длительного планирования, предварительной подготовки и т. д. уже после того, как выделены дополнительные ассигнования, между тем как снижение налоговых ставок на корпорации, по его мнению, сразу может оказать желаемое воздействие. Однако это противоречило элементарным фактам. В ходе обсуждения в конгрессе доклада Комиссии по вопросам денежного обращения и кредита указывалось, что к началу 60-х годов только местные органы власти располагали уже полностью подготовленными проектами строительства коммунальных учреждений, дорог, школ и т. д. на сумму не менее 20 млрд. долл., но не имели средств для их осуществления. Осуществление всех этих проектов можно было бы начать не позже чем через 30 дней после получения ассигнований и завершить в пределах одного года[2]. Доводы Натана и тех, кто разделяет его точку зрения, не выдерживают критики и в теоретическом отношении, ибо снижение налоговых ставок на прибыли корпораций также не ведет к автоматическому росту общих налоговых сборов, как и увеличение государственных расходов. И то и другое средство бюджетного регулирования при известных условиях может оказаться одинаково непригодным.

Переход правительства Кеннеди к новым формам финансового регулирования был следствием крушения попыток стимулировать экономику с помощью роста военных расходов. Вместе с тем он отражал резко обострившуюся в условиях медленного роста прибылей борьбу между различными монополистическими группировками за перераспределение прибавочной стоимости. За последнее десятилетие вследствие изменений в структуре военного спроса

---

[1] U. S. Committee for Economic Development. «Reducing Tax Rates for Production and Growth», December 1962, p. 20.

[2] «Review of Report of the Commission on Money and Credit», Hearings, p. 187.

от государственной кормушки были оттеснены некоторые мощные монополистические объединения. Из 100 ведущих поставщиков вооружения были исключены 8 фирм, изготовлявших автомобили, тягачи и автотракторное оборудование, и более 30 крупных машиностроительных, судостроительных и других корпораций. Даже таким мощным корпорациям, как «Дженерал моторс», «Форд», «Дюпон», «Крайслер», пришлось сильно потесниться. Поскольку новые виды военной техники носят чрезвычайно сложный и специфический характер, преобладающая часть контрактов оказывается сосредоточенной у нескольких крупнейших специализированных ракетостроительных и радиоэлектронных компаний. Обследование 44 компаний, являющихся крупными поставщиками вооружения, показало, что примерно $^2/_3$ всех их военных контрактов находилось у тех компаний, у которых 80—100% всего производства составляли специальные виды военной техники [1].

Рост прибыли монополий в гражданских отраслях промышленности сопровождается известным увеличением их отчислений в бюджет, а в условиях дальнейшей гонки вооружений и усиливающейся монополизации военных заказов это ведет к расширению масштабов перераспределения прибавочной стоимости в пользу узкой группы военно-промышленных монополий. В 1960/61 г. 20 крупнейших корпораций — поставщиков вооружения смогли захватить половину всех военных заказов, выплатив в бюджет менее 5% всей суммы налогов на корпорации [2]. Это означает, что свыше 95% налоговых поступлений от корпораций направлялось прежде всего на закупку военных товаров, которые производили не эти, а другие фирмы. Поэтому все более широкий круг предпринимателей тяжелой промышленности, в том числе и ряд влиятельных группировок финансового капитала, включался в борьбу за пересмотр всей системы обложения корпораций и уменьшение своих налоговых выплат.

---

[1] «Impact of Defense Procurement». Hearings before the Subcommittee on Defense Procurement Joint Economic Committee 86-th Congress 2-d Session, Washington, 1960, p. 533; «Department of Defense Appropriations for 1960», Hearings before the House of Representatives, Part I, p. 238.

[2] Расчет по данным «Magazine of Wall Street»; «Moody Industrial Manual».

Генри Форд, автомобильная компания которого в годы второй мировой войны и войны в Корее входила в число крупнейших военных подрядчиков, а в последние годы оказалась оттесненной от казенных заказов, заявил, что самая настоятельная необходимость, которую испытывает страна, — это необходимость снижения налогов на корпорации по меньшей мере на 10% [1]. Президент «Рипаблик стил» Т. Пэттон утверждал, что «высокие налоги делают все более затруднительной задачу поддержания рентабельности производства — задачу, от осуществления которой зависят жизнеспособность и возможности роста наших коммерческих фирм» [2]. С аналогичными высказываниями выступили представители крупнейших судостроительных, химических, машиностроительных и других компаний. Национальная ассоциация промышленников требовала «защитить» от чрезмерного обложения прибыль, которая является, по ее утверждению, «источником роста и прогресса» [3]. В вышедшем в конце 1961 г. издании той же ассоциации предлагалось ввести налоговые льготы для предпринимателей, обновляющих свое оборудование, сократить предусмотренный налоговым законодательством срок списания основного капитала на 25% и ставок подоходного налога на корпорации — с 52 до 47% [4].

Против дальнейшего роста государственных расходов и за снижение налогов активно выступила также большая часть банкиров, которые опасались слишком быстрого нагромождения бюджетных дефицитов и подрыва позиций доллара как внутри страны, так и за рубежом. Ежемесячный бюллетень «Ферст нэшнл сити бэнк» указывал, что основным недостатком финансовой политики правительства является непрерывное увеличение государственных расходов, и призывал «к реальной самодисциплине» и сокращению «несущественных правительственных расходов» [5]. В то же время оказалось, что представителей

---

[1] «Wall Street Journal», May 16, 1963; First National City Bank of New York. «Monthly Economic Letter», June 1963, p. 64.

[2] *T. Patton,* Business Survival in the Sixties, New York, 1961, p. 13—14.

[3] «NAM News», February 19, 1960, p. 1.

[4] «Taxation, Capital and Economic Growth. National Association of Manufacturers» (New York), November 1961.

[5] First National City Bank of New York. «Monthly Economic Letter», February 1963, p. 20—21.

крупнейших банков отнюдь не страшат «умеренные» бюджетные дефициты, если они вызваны предоставлением широких налоговых льгот монополистам. «Меня не пугает, — заявил вице-председатель «Морган гаранти траст» Т. Ламонт, — вопрос о том, насколько велико может быть временное увеличение бюджетного дефицита, вызванное постепенным снижением налоговых ставок» [1]. Представитель «Меллон нэшнл бэнк энд траст К°» Дж. Беллз выдвинул возражения не против снижения налогов вообще, а лишь против того, чтобы снижались низшие ставки личного подоходного налога. Он указал, что надо добиваться резкого снижения ставок налога на корпорации [2]. Председатель рокфеллеровского «Чейз Манхэттен бэнк» Дж. Чэмпион потребовал снизить ставки налогов на корпорации до 45% [3]. Один из важных доводов в пользу налоговой реформы многие банки видели в том, что такая программа стимулирования экономического роста позволит ограничить использование политики «дешевых денег», т. е. обезопасить их от возможных мер правительства, направленных на снижение банковского процента [4]. Правительство, естественно, не могло не учитывать этих «пожеланий» «большого бизнеса». В своих посланиях по вопросам налоговой политики в 1962—1963 гг. Кеннеди обосновывал необходимость снижения налогов тем, что налоги «выкачивают из частной экономики слишком большую часть предпринимательских доходов», что они «подрезают стимулы для капиталовложений и тем самым сковывают технический прогресс и рост экономики» [5]. Все основные налоговые предложения президента почти полностью повторяли программу, выдвинутую «большим бизнесом», в частности Национальной ассоциацией промышленников.

В свое время при обсуждении в конгрессе налоговой реформы 1954 г., когда демократическая партия выступала в оппозиции, ряд влиятельных представителей этой партии подвергли правительственный законопроект резкой критике. Указывая на то, что налоговая реформа была ориентирована в преобладающей части на «стиму-

---

[1] «Journal of Finance», May 1963, p. 125.
[2] «Commercial and Financial Chronicle», June 13, 1963, p. 34.
[3] «New York Herald Tribune», 1. V. 1963.
[4] «Monthly Economic Letter», April 1963, p. 90—91.
[5] «Congressional Digest», April 1963, p. 99.

лирование инвестиций» путем предоставления налоговых льгот крупным предпринимателям, представители демократической партии квалифицировали ее как несправедливую в отношении беднейших слоев населения. Но как только демократическая партия пришла к власти, она стала придерживаться в своей налоговой политике по существу того же курса. Первые же налоговые мероприятия, осуществленные правительством Кеннеди в 1962 г., предусматривали льготы монополиям для стимулирования новых капиталовложений. В частности, было предоставлено право ускоренной амортизации, которая оформляется как некоторая отсрочка налоговых платежей. Предполагалось, что связанное с этими мероприятиями сокращение налоговых поступлений должно компенсироваться ростом их после того, как стоимость оборудования будет полностью списана. Но на практике дело обстоит далеко не так просто. Свидетельство тому — опыт налоговой реформы 1954 г., предусматривавшей либерализацию амортизационных списаний. По расчетам, потери федерального бюджета, вызванные переходом к ускоренным списаниям, должны были начать сокращаться в 1961 г.[1] Но этого, как известно, не произошло. Более того, пересмотр в 1962 г. «бюллетеня Ф» и расширение амортизационных льгот привели к дальнейшему росту потерь федерального бюджета. На протяжении первого же года действия нового закона эти потери, по подсчетам министерства финансов, составляли около 1,5 млрд. долл.[2]

Принятый в 1962 г. закон о 7-процентной налоговой скидке означал новое сокращение поступлений в федеральный бюджет (см. табл. 21). Президент Конференции за экономический прогресс Л. Кайзерлинг с полным основанием характеризовал эти налоговые реформы как «золотое дно» для предпринимателей[3].

Расширяя налоговые льготы монополиям, правительство провело мероприятия по увеличению сборов с населения. Так, в 1962/63 г. были повышены почтовые

---

[1] «A Report of 5-year Amortization of Emergency Defense Facilities under Sec. 168 of IRC of 1954», Washington, December 1956.

[2] «State of Economy and Policies for Full Employment». Hearings before the Joint Economic Committee 87-th Congress, 2-d Session, Washington, 1962, p. 664.

[3] «The New York Times», 6. II. 1962.

Таблица 21

Потери федерального бюджета, вызванные законом о 7-процентной налоговой скидке[1]
(в млн. долл.)

Календарный год	Сумма потерь	Календарный год	Сумма потерь
1962	1 400	1968 *	1 870
1964 *	1 540	1970 *	2 060
1966 *	1 700	1972 *	2 270

* Предварительные расчеты.

тарифы: плата за отправление авиапочтой письма (внутри страны) повышена с 7 до 8 центов, обычного письма — с 4 до 5 центов, открытки — с 3 до 4 центов[2]. Новый тариф увеличивает доходы федерального правительства на 700—800 млн. долл. в год[3], что составляет примерно 6—7% общей суммы доходов федерального бюджета от косвенных налогов. Наряду с этим были повышены ставки акцизов на продукцию резиновой и некоторых других отраслей промышленности.

Чрезвычайно острая борьба развернулась вокруг так называемых налоговых лазеек. Если при введении новых налоговых послаблений для предпринимателей правительство пользовалось почти единодушной поддержкой правящего класса, то в вопросе о ликвидации «налоговых лазеек» дело обстояло иначе. Появление и существование «лазеек» связано с тем, что правительство должно было в свое время предоставлять ряд налоговых льгот, чтобы обеспечить известную структурную перестройку экономики или временную поддержку той или иной отрасли. Такие льготы, как правило, оказывались «необратимыми»

[1] «Revenue Act of 1962». Hearings before the Committee of Finance, Washington, 1962, p. 376.

Реальность таких расчетов на много лет вперед весьма условна, поскольку они основаны на ненадежных длительных прогнозах капиталовложений. Тем не менее по приведенным данным можно в известной мере судить о масштабах потерь федерального бюджета.

[2] «Congressional Digest», January 1963, p. 312.

[3] Подсчет по данным «The Budget of the U. S. Government. 1964», Appendix, p. 623.

и продолжают существовать по сей день, причем нередко даже расширяются [1].

«Налоговые лазейки» постепенно подрывают систему обложения крупных доходов: все большая часть доходов просачивается через «лазейки», и государственный бюджет недополучает крупные суммы. Серьезность этой проблемы признают многие буржуазные экономисты. «Постепенно развивающаяся эрозия базы подоходного налога ведет к сравнительному уменьшению роли обложения доходов... — указывает Р. Лампман. — Система подоходного обложения полна субсидий богачам» [2]. Аналогичное мнение выражал в свое время и нынешний председатель Совета экономических консультантов при президенте США У. Геллер [3]. Но дело не только в этом.

В условиях развитого государственно-монополистического капитализма широкое распространение получает значительная дифференциация фактических налоговых ставок. Обложение одинаковых доходов капиталистов по неравным ставкам означает вовлечение в процесс перераспределения через государственную финансовую систему возрастающей части прибавочной стоимости, а это создает экономическую основу непрерывно обостряющейся борьбы между различными группировками монополистического капитала по вопросу о дальнейшем сохранении тех или иных «налоговых лазеек». Ведя упорную борьбу против всевозможных налоговых льгот монополиям, рабочий класс США самым решительным образом требует увеличить налоги на доходы монополий, покончив с системой «налоговых лазеек». Эти требования приняли столь значительный размах, что и руководство АФТ — КПП в последнее время вынуждено ставить вопрос о ликвидации ряда «лазеек».

Все это побудило правительство Кеннеди выдвинуть ряд проектов ограничения некоторых из этих «лазеек». Содержание того или иного проекта определялось в

---

[1] «Попытаться закрыть какую-либо «лазейку», даже если она относится к числу крупнейших, — пишет Д. Трумэн, — это значит обречь себя на невероятно трудный политический шаг» (*D. Truman,* The Policy of New Collectivism. «Trends in Modern American Society», Philadelphia, 1962, p. 138—139).

[2] *R. Lampman,* Taxation and the Size Distribution of Income. «Tax Revision Compendium», Vol. 3, p. 2242—2243.

[3] «Conference on Taxation», Washington, 1953, p. 23.

каждом отдельном случае соотношением сил в правящем классе, политической обстановкой, состоянием федерального бюджета и т. д.

Речь шла прежде всего об изменении порядка обложения процентов и дивидендов. Американское законодательство позволяет буржуазии укрывать от обложения большую часть процентных доходов и значительную часть дивидендов. Это превратилось, по словам министра финансов Диллона, в «хроническую проблему» [1]. Правительство Кеннеди предложило взыскивать этот вид налога «у источника», т. е. непосредственно при выплате дохода (как это делается в отношении заработной платы рабочих), полагая, что это поможет исправить положение. И хотя предполагалось налог взыскивать «у источника» не целиком, а лишь по низшей ставке в 20%, а выплату остальной части откладывать до «выяснения» общего дохода данного лица, это предложение вызвало резкое недовольство крупной буржуазии. Большинство сенаторов расценили его как неслыханное посягательство на права частных предпринимателей и чуть ли не как «попытку установления социалистического контроля над бизнесом». Финансовая комиссия сената отклонила принятый палатой представителей законопроект под тем предлогом, что его принятие повело бы к «чрезмерному усложнению» правительственной деятельности [2]. Было лишь решено, чтобы корпорации, банки, страховые общества, инвестиционные тресты, брокерские фирмы и т. д. в 1963 г. назвали органам министерства финансов все выплаты процентов и дивидендов свыше 10 долл. и имена лиц, получивших эти доходы. В отношении более крупных доходов такой порядок существовал и раньше. Но так как регистрацию доходов осуществляют банковские монополии, а они не заинтересованы в сообщении точных сведений о наиболее «ценных» своих клиентах, то этот порядок не препятствовал укрытию доходов. Новые положения также не могут решить вопрос. Более того, по свидетельству «Уолл-стрит джорнэл», они «породили бесчисленное множество новых способов уклонения от налогов» [3]. Аналогичной оказалась и судьба попыток ограничить спи-

---

[1] «Revenue Act of 1962». Hearings before the Committee on Finance, p. 90.

[2] «The New York Times», 12. VII. 1962.

[3] «Wall Street Journal», June 19, 1963.

сания прибылей по статьям административных расходов, расходов «на содержание обслуживающего персонала» и «расходов на представительство» [1]. Предложения правительства Кеннеди были крайне умеренными. Речь шла лишь о том, чтобы уменьшить такие списания не более чем на 500 млн. долл. [2] Тем не менее конгресс отверг бо́льшую часть даже столь умеренных предложений и лишь несколько ограничил списание расходов на ночные клубы, покупку и содержание яхт, посещение театров, скачек и тому подобные развлечения плутократии. Правда, закон предусматривал ограничения и в отношении некоторых других расходов подобного рода, но они не шли далее расплывчатых рекомендаций. Так, о расходах по приему гостей новые правила гласят: «В каждом данном случае эти расходы не должны быть расточительными или экстравагантными». В то же время конгресс разрешил корпорациям включать в не подлежащие обложению налогом расходы издержки «лиц, информирующих своих нанимателей и акционеров о том законодательстве, в котором данные предприниматели непосредственно заинтересованы», т. е. расходы на содержание лоббистов, а также взносы в соответствующие лоббистские организации и др. [3] Представитель фирмы «Форд» Т. Рейд охарактеризовал это нововведение как «здоровую меру», необходимую для дальнейшего расширения лоббистских операций [4].

Проекты правительства предусматривали также некоторые изменения в ставках обложения доходов в форме дивидендов, в форме «прибыли от продажи капитальных активов», доходов отдельных групп предприятий и учреждений, кооперативов, компаний по страхованию имущества, взаимных сберегательных банков, ссудно-сберегательных ассоциаций, а также доходов от недвижимого

---

[1] Существующее законодательство давало право крупным корпорациям списывать в качестве издержек по указанным статьям не только огромные оклады высших должностных лиц, их «премии», «тантьемы» и т. п., но и их транспортные расходы, расходы на гостиницы, обеды в ресторанах, подарки, взносы в клубы, затраты на содержание персональных автомобилей, самолетов, яхт, загородных имений и т. д.

[2] «Revenue Act of 1962». Hearings before the Committee on Finance, p. 106.

[3] «The Revenue Act of 1962», Sec. 3.

[4] «National Civic Review», September 1962, p. 422.

имущества, от иностранных инвестиций и др. Но конгресс отказался принять преобладающую часть этих предложений.

Программа реформ, предложенная правительством на 1962 г., предусматривала сокращение налоговых льгот приблизительно на 1 млрд. 960 млн. долл.[1], между тем как лишь официально предоставленные монополиям налоговые льготы дали им к началу 60-х годов, по примерным подсчетам, не менее 18—20 млрд. долл. Отвергнув большинство предложений правительства, конгресс в то же время провел ряд новых законопроектов, позволяющих монополиям уменьшать налоги на свои доходы. В целом изменение налогового законодательства в 1962 г. привело не к увеличению налоговых поступлений от корпораций и наиболее состоятельных налогоплательщиков, а к их сокращению примерно на 2,5 млрд. долл. в год.

Проекты различных налоговых реформ, и в том числе ограничения «налоговых лазеек», выдвигались и при Трумэне, и при Эйзенхауэре[2]. Однако они имели существенные отличия от проектов правительства Кеннеди. Правительство Эйзенхауэра главный упор делало на «автоматическое» функционирование уже действующей системы налогового обложения и стремилось избежать новых широких изменений налогового законодательства. Как известно, налоговая реформа 1954 г. была вызвана главным образом необходимостью перестроить финансовую систему в связи с новыми условиями, сложившимися после окончания войны в Корее, и исходившими от монополий требованиями отменить налог на сверхприбыли. Призывы же использовать налоговую политику в качестве активного орудия хозяйственного регулирования правительство Эйзенхауэра обычно отвергало.

Правительство Кеннеди сочло систему «автоматических налоговых стабилизаторов» недостаточной и приняло

---

[1] «Revenue Act of 1962». Hearings before the Committee on Finance, p. 106.

[2] Так, предположения об обложении доходов «у источника» обсуждались в конгрессе в конце 40-х годов, а затем при Эйзенхауэре. В 1953—1954 гг. правительство Эйзенхауэра предложило ограничить льготы, по которым проданные капитальные активы не облагались налогом. В ноябре 1957 г. казначейство выступило против чрезмерных списаний корпорациями личных доходов по статьям административных издержек и т. д. («Annual Report of the Secretary of the Treasury... 1950», p. 242; 1954, p. 376).

решение дополнить ее более активной, так называемой гибкой, налоговой политикой. В 1961—1962 гг. Кеннеди представил конгрессу проект закона, предусматривавший расширение оперативных полномочий президента в период кризиса. Проект исходил из того, что в такие периоды необходимы оперативные мероприятия правительства в сфере налоговой политики, и в частности немедленные изменения налоговых ставок. В соответствии с этим законопроектом президент получал бы право снижать ставки налогов на срок до шести месяцев (с правом последующего продления еще на шесть месяцев) до обсуждения указанных вопросов в конгрессе. Конгресс отклонил это предложение, усмотрев в нем ущемление своих прерогатив.

Но, несмотря на неудачи в конгрессе, правительству Кеннеди все же удалось более интенсивно по сравнению со своими предшественниками использовать налоговые средства для достижения поставленных экономических и политических целей. Особенно активно оно пыталось использовать налоговую политику как средство стимулирования экономического роста. В этой связи достаточно напомнить о том, что впервые после войны был предпринят пересмотр всех официально установленных средних сроков функционирования основного капитала. Предоставление дополнительных налоговых льгот крупнейшим корпорациям администрация Кеннеди пыталась теснее связать с условием обновления основного капитала, о чем, в частности, свидетельствует закон о 7-процентной налоговой скидке.

Наиболее четко стремление правительства Кеннеди активно использовать налоговую политику проявилось при обсуждении бюджета на 1963/64 г. Новые изменения в налоговом законодательстве предусматривали снижение ставок подоходного налога на корпорации; это являлось в сущности лишь продолжением общей линии правительства на снижение налогов с прибыли корпораций. Закон, принятый конгрессом в феврале 1964 г., снизил высшую ставку этого налога с 52 до 48%. В результате всех налоговых льгот, предоставленных предпринимателям за время пребывания у власти демократов, норма прибыли (после вычета налогов) у крупнейших корпораций повысилась в среднем почти на $^1/_3$. Не удивительно поэтому, что проект налогового закона сразу же после своего опубликова-

ния встретил, по свидетельству Г. Форда, поддержку более чем тысячи «ведущих предпринимателей страны» [1].

Предложение снизить налоговые ставки на личные доходы касалось самых различных слоев населения. Проект всеобщего снижения ставок личного подоходного налога был внесен впервые за последние 40 лет. Известную роль, несомненно, сыграло стремление нажить политический капитал к предстоящим в 1964 г. выборам президента. Но причины, побудившие правительство предложить снижение личного подоходного налога, конечно, не ограничивались этим. Важнейшим политическим фактором явился рост и углубление массовой борьбы американских трудящихся против налогового гнета. В последние годы темпы роста номинальных доходов населения существенно замедлились, тогда как налоговые вычеты из заработной платы значительно выросли. В связи с этим доля налоговых изъятий в доходах большинства населения значительно возросла. Семьи с доходами до 6 тыс. долл. в год должны в настоящее время выплачивать в виде налогов до 28% своего дохода [2]. Опрос, проведенный институтом Гэллапа в 1962 г., показал, что 68% опрошенных, высказавших определенное мнение по вопросам финансовой политики, требовали снижения налогов [3]. Это требование поддерживали профсоюзы. Выступая в конгрессе, представитель профсоюзных организаций заявил: «В самой богатой стране мира необходимо изменение налогового обложения миллионов американских граждан, чьи доходы оказываются недостаточными для того, чтобы поддерживать достойный уровень жизни и продолжать выплачивать федеральный подоходный налог» [4]. Выдвигая проект налоговой реформы, правительство рассчитывало сдержать нарастание политического недовольства в стране, укрепить позиции демократической партии среди профсоюзов и населения.

Впервые за многие годы правительство оказалось вынужденным прибегнуть к снижению налогов не в

---

[1] *H. Ford II,* Taxes and Prosperity. «Vital Speeches of the Day», September 15, 1963, p. 718.

[2] «Tax Revision Compendium», Vol. 3, p. 2239.

[3] «New York Herald Tribune», 5. VIII. 1962.

[4] «Fiscal Policy Implications of the Economic Outlook and Budget Developments». Hearings before the Subcommittee on Fiscal Policy of the Joint Economic Committee, Washington, 1958, p. 169.

период кризиса, а даже в фазе циклического подъема. Это объяснялось следующими обстоятельствами. В той мере, в какой налоговое стимулирование капиталовложений, осуществляемое за счет личного потребления широких масс населения, оказывается эффективным, оно неизбежно способствует дальнейшему обострению противоречия между накопленными производственными мощностями и размерами платежеспособного спроса. Антагонистические противоречия капиталистического воспроизводства на современном этапе достигают такой остроты, что непосредственно выдвигают перед буржуазным государством проблему регулирования индивидуального спроса. В условиях серьезной недогрузки производственного аппарата в США перед всякой политикой, направленной на ускорение темпов экономического роста, неизбежно встает проблема недостаточности индивидуального спроса. Поскольку значительная часть доходов трудящихся изымается в форме налогов, буржуазное государство располагает рычагами для известного финансового воздействия на развитие капиталистического рынка [1]. Однако то обстоятельство, что главной целью налоговой политики империалистического государства остается перераспределение национального дохода в пользу монополий, делает все попытки увеличения личного спроса за счет снижения налогового бремени внутренне противоречивыми и непоследовательными, а финансовое регулирование в этой области сводит к паллиативным мероприятиям и небольшим частичным уступкам.

Выдвигая такое предложение, Кеннеди не рисковал вызвать недовольство монополистической буржуазии: ведь такие реформы на практике выгодны главным образом крупному капиталу. Под предлогом всеобщего снижения налоговых ставок монополии получают подавляющую часть послаблений. Поскольку же в результате подобных изменений удельный вес монополистического капитала в общей сумме налоговых платежей, как правило, снижается, это ведет в конечном счете (через механизм государственного кредита и др.) к последующему переложению бремени правительственных расходов на рабочий класс, трудящееся фермерство, городские средние слои.

---

[1] См. прилагаемый в конце данной главы расчет влияния, оказываемого изменениями ставок подоходного налога в США на потребительную силу общества.

Реформа личного подоходного налога в наибольшей степени снизила ставки обложения высших доходов. В предшествующий период в силу ряда «чрезвычайных» условий федеральное правительство должно было ввести сравнительно высокие ставки обложения крупных доходов. Пытаясь обосновать новый налоговый закон, правительство ссылалось на то, что существующие ставки налогового обложения наиболее крупных доходов якобы носят «конфискационный» характер и полностью подрывают частную инициативу. Такая аргументация совершенно безосновательна. Утверждения, что богатые налогоплательщики выплачивают 91% своих доходов в форме налогов, даже буржуазные финансовые эксперты (например, профессора Масгрэйв, Лампман и др.) называют наивными [1]. Возможности укрытия доходов многообразны. Однако даже те доходы крупных капиталистов, которые фигурируют в налоговой декларации, отнюдь не подвергаются «конфискационному обложению». Благодаря непрерывно расширяющейся системе «налоговых лазеек» налогоплательщики с доходами свыше 100 тыс. долл. в 1952 г. изымали из суммы облагаемых доходов 15%, а в 1958 г. — 20% своего валового дохода [2]. Постепенно изменяется также и сама структура крупных доходов, подлежащих обложению: в 1937 г. доходы от «продажи капитальных активов» составляли лишь 6%, а в 1958 г. — уже 23% всей суммы доходов выше 100 тыс. долл. [3] У налогоплательщиков, располагающих годовым доходом в 1 млн. долл. и выше, прибыль от «продажи капитальных активов» составляла 42% общей суммы доходов [4]. Но ведь это означает, что возрастающая часть доходов выступает в такой форме, которая фактически облагается налогом в 25, а не в 91%.

В результате действительная ставка налогового обложения оказывается гораздо ниже номинальной и при этом испытывает тенденцию к неуклонному снижению. Так, например, высшая группа налогоплательщиков, выделяемая по статистике министерства торговли США, — семьи

[1] «Tax Revision Compendium», Vol. 3, p. 2223—2226.

[2] Подсчитано по данным «The Federal Revenue System: Facts and Problems. 1961»; «Materials Assembled by the Committee Staff for the Joint Economic Committee», Washington, 1964, p. 194.

[3] «Statistical Abstract of the United States. 1940», p. 183; «The Statistics of Income. 1959». «Individual Income Returns».

[4] «Survey of Current Business», May 1961, p. 14.

с годовыми доходами в 50 тыс. долл. и выше — фактически облагалась в 1955 г. по ставке в 35,3%, в 1956 г. — 34,7, в 1957 г. — 34,0, в 1958 г. — 32,0, в 1959 г. — 31,6 и в 1960 г. — 31,0% [1]. Фактическая ставка обложения доходов в 100 тыс. долл. и выше, исчисленная по данным Бюро внутренних доходов США, не превышает 45—47% [2]. Отдельные подсчеты показывают, что если учесть и ту часть дохода, которую наиболее состоятельные налогоплательщики прячут в составе своих издержек, то фактическая ставка личного подоходного налога на самые крупные доходы окажется ниже 30% [3].

Таким образом, ставки обложения крупных доходов отнюдь не носили «конфискационного» характера. Тем не менее, несмотря на развивающуюся «эрозию» прямого обложения крупных доходов, правительство ориентировало налоговый закон 1964 г. прежде всего на обеспечение дополнительных льгот наиболее состоятельным налогоплательщикам. По подсчетам профсоюза электриков, семья, получающая годовой доход в 1 млн. долл., сможет в результате нового закона сэкономить на налоговых платежах 188 тыс. долл., или почти 19% своего дохода [4]. Кроме того, наиболее состоятельные налогоплательщики смогут увеличить свои доходы в связи с тем, что сокращение налога на корпорации позволило последним выплачивать большие дивиденды, а стало быть, повысило капитальную стоимость акций, сосредоточенных в своем подавляющем большинстве именно у этих групп налогоплательщиков [5]. Характеризуя содержание налоговой реформы, бюллетень «Ферст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» подчеркивал, что, «без сомнения, эту реформу охарактеризуют как «подарок богачам»» [6].

---

[1] «Survey of Current Business», April 1963, p. 20.

[2] Подсчитано по данным U. S. Treasury Department. «Statistics of Income. 1959». «Individual Income Returns».

[3] *R. Lampman*, Taxation and the Size Distribution of Income, p. 2238.

[4] «The U. E. News», February 10, 1964, p. 6.

[5] Так, в соответствии с рядом подсчетов увеличение капитальной стоимости акций в ряде случаев в 15—50 раз превышает общую стоимость прямых налоговых льгот предпринимателям. Такой рост рыночных курсов акций образует также «источник наживы для биржевых ловкачей и спекулянтов за счет массы мелких акционеров» («Revenue Act of 1962». Hearings before the Committee on Finance, Part 2, p. 824).

[6] «Monthly Economic Letter», February 1963, p. 18.

Что же касается столь широко разрекламированных льгот большинству рядовых налогоплательщиков, то они оказываются очень небольшими. По подсчетам того же профсоюза, доход семейного рабочего, получающего 6 тыс. долл. в год, увеличивается в 1964 г. примерно на 1,6% и в 1965 г. — на 2,6%. Поскольку стоимость жизни растет не менее чем на 1—2% в год, то такая налоговая льгота в значительной степени окажется сведенной на нет уже в период осуществления реформы. «Общая экономия на налогах для лиц, получающих доходы от 5 тыс. до 10 тыс. долл. в год, должна составить в последующие три года поразительно малую величину» [1], — отмечала газета «Нью-Йорк геральд трибюн». Контраст между широковещательными заявлениями правительства о необходимости коренной перестройки всей налоговой системы и предложенными им мизерными льготами большинству налогоплательщиков оказывается настолько очевидным, что даже один из наиболее реакционных американских публицистов, Д. Лоуренс, выразил опасения, как бы налоговая политика правительства не оказалась в конечном счете «политическим бумерангом».

Вообще надо иметь в виду, что пересмотр ставок одного лишь подоходного налога в современных условиях не может полностью приостановить рост бремени массовых налогов. Дело в том, что в последние десятилетия значительно возросла роль таких вычетов из доходов трудящихся, как взносы в фонды социального страхования и налоги местных органов власти (муниципалитетов и штатов).

На протяжении послевоенного периода взносы наемных рабочих и служащих в фонды социального страхования увеличились почти в 5 раз. В 1962 г. они составляли 5,7% общей суммы доходов федерального правительства и местных органов власти против 3,8% в 1946 г. [2] Удержания в фонды страхования по старости взимаются лишь с определенного установленного законом максимума заработной платы (с 1959 г. 4,8 тыс. долл. в год), поэтому остальная часть более высоких доходов не затрагивается указанной формой обложения. В то же время ставки взно-

---

[1] «New York Herald Tribune», 28. I. 1963.

[2] Подсчет по данным «U. S. Income and Output», p. 164, 165, 170; «Survey of Current Business», July 1963, p. 22, 26.

сов непрерывно возрастают. Только в 1963 г. они увеличены с $3^1/_8$ до $3^5/_8$% облагаемой заработной платы. В некоторых штатах увеличены ставки взимаемых с рабочих платежей по системе страхования от безработицы. В официальном отчете правительственной комиссии указывается, что «после окончания войны в Корее увеличение взносов в фонды страхования на практике вело к усилению налогового бремени, лежащего на менее состоятельных слоях населения» [1].

В послевоенный период отмечается существенный рост налогов, взимаемых правительствами штатов и местными органами власти. При правительстве Кеннеди этот рост лишь еще ускорился. В 1961—1962 гг. федеральные налоги увеличились на 9%, а налоги правительств штатов и местных органов власти — на 17,2%. Удельный вес местных налогов в общей сумме всех государственных доходов увеличился к 1962 г. до 35,9% против 34,3% в 1960 г. и 25,0% в 1946 г. [2]

В последние годы власти штатов стали шире использовать свой собственный подоходный налог, удерживаемый из заработной платы рабочих и служащих. Поступления от личного подоходного налога, взимаемого правительствами штатов, в 1953 г. составляли 3,2%, в 1958 г. — 4,5, а в 1961 г. — 5,7% суммы федерального личного подоходного налога [3]. К подоходному обложению теперь стали прибегать и многие местные органы власти. Так, в одном лишь штате Пенсильвания его применяют 1100 муниципалитетов и других местных органов власти [4].

Создались такие условия, при которых всякое снижение ставок федерального подоходного налога неизбежно будет до некоторой степени поглощено ростом местных налогов. В некоторых штатах это даже предусматривается местным законодательством. Так, в 19 штатах (в основном на юге и западе) из дохода, облагаемого прямыми местными налогами, плательщику разрешается вычитать сумму своего федерального подоходного налога. Ясно, что в

---

[1] «Federal Revenue System: Facts and Problems. 1961», p. 18.

[2] Подсчет по данным «U. S. Income and Output», p. 164—165; «Survey of Current Business», July 1963, p. 22—23.

[3] «Tax Overlapping in the United States. 1961». The Advisory Commission on Intergovernmental Relations, Washington, 1961, p. 66.

[4] *W. Dickinson, jr.*, State and Local Taxation. «Editorial Research Reports», February 13, 1963, p. 119.

таких случаях уменьшение налоговых платежей федеральному правительству неизбежно будет означать повышение местных налогов. Но и вне зависимости от этого порядка местные власти всегда стараются использовать послабление федеральных налогов для увеличения собственных. Участники состоявшегося в 1963 г. очередного съезда губернаторов штатов недвусмысленно заявили о своей решимости и на сей раз прибегнуть к подобной практике. По некоторым оценкам, свыше четверти общей суммы снижения федерального подоходного налога — примерно 3 млрд. долл. — будет поглощено в результате роста местных налогов [1].

Основным источником доходов штатов продолжает оставаться косвенное обложение. В 1963 г. так называемый универсальный акциз (налог с оборота) существовал в 37 штатах, тогда как 10 лет тому назад — лишь в 28 штатах. В начале 1950 г. ставки налога с оборота составляли около 2%, а в 1962 г. — 3—3,5%. В 1962—1964 гг. во многих штатах обсуждался вопрос о повышении их до 4—5%. На протяжении 1962—1963 гг. ставки налога с оборота были повышены в 7 штатах [2]; в 1963 г. ставки налога с оборота в штате Нью-Йорк были повышены с 3 до 4%, в штате Пенсильвания — с 4 до 5% [3]. За счет налога с оборота в 1962 г. формировалась почти четверть всех налоговых доходов, взимаемых правительствами штатов [4]. В 12 штатах, кроме того, налог с оборота используют также местные органы власти. Непрерывно повышаются ставки акцизов на отдельные товары. В 1961 г. 16 штатов увеличили акциз на сигареты. В настоящее время в большинстве штатов налоговые сборы с пачки сигарет составляют 6 центов, тогда как в начале 50-х годов они не превышали 3 центов. Бремя универсального акциза становится все ощутимей: в 1962 г. поступления от этого налога составили уже 2,6% всей суммы розничного оборота в США против 1,6% в 1952 г. [5]

Косвенные налоги, как известно, являются самыми несправедливыми налогами, падающими основной своей

---

[1] «U. S. News and World Report», March 9, 1964, p. 95.
[2] «Wall Street Journal», February 17, 1964.
[3] «The New York Times», 11. 30. V. 1963.
[4] «Facts and Figures on Government Finance. 1962—1963», p. 182.
[5] «The Journal of Finance», May 1964, p. 376.

тяжестью на наименее состоятельных налогоплательщиков. Поэтому структура местного налогового обложения носит регрессивный характер. Исследования американских ученых показывают, что фактическая ставка обложения местными налогами составляла (по данным 1954 г.) 11,2% для семей с доходами менее 2 тыс. долл. и только 7,7% для семей с доходами свыше 10 тыс. долл. в год[1].

На прирост взносов по социальному страхованию и косвенные налоги приходилось в общей сложности около $^2/_3$ всего прироста государственных доходов в первые годы пребывания правительства Кеннеди у власти[2]. Дальнейший рост налогов на трудящихся неизбежно сводит на нет мелкие уступки, предусмотренные для беднейших слоев населения налоговой реформой этого правительства.

Финансовая политика правительства Кеннеди оказала существенное влияние на структуру налоговых поступлений в федеральный бюджет (см. табл. 22).

Как свидетельствуют вышеприведенные данные, в 1960/61 — 1962/63 гг. налоговые доходы увеличились на 15,3%. Это лишь немного уступает темпам роста федеральных налогов в предшествующий период: в 1960/61—1962/63 гг. среднегодовые темпы увеличения налогов составляли 4,85% против 5,20% в 1956/57—1959/60 гг. Однако средние данные не дают полного представления о происшедших изменениях. Так, поступления от налога на прибыль корпораций в 1960/61—1961/62 гг. абсолютно сократились и в 1962/63 г. лишь на 0,7% превысили уровень 1959/60 г. В 1962 г. сумма объявленных прибылей до вычета налогов была ниже уровня 1960 г., а после вычета налогов — выше[3]. В результате произошло уменьшение удельного веса налога на корпорации в формировании доходов федерального бюджета с 23% в 1959/60 г. до 20% в 1962/63 г. Причем это происходило в основном еще до вступления в силу решений о новом сокращении налогов на корпорации, принятых в 1962—1964 гг. Кроме того, сохранение существующего порядка обложения нетрудовых доходов и дивидендов, процентов, доходов от продажи

---

[1] *R. Musgrave,* The Incidence of the Tax Structure and Its Effect on Consumption. «Federal Tax Policy for Economic Growth and Stability». Papers Submitted by Panelists, p. 98.

[2] Подсчитано по данным «Survey of Current Business». July 1963, p. 22, 23, 26.

[3] «Survey of Current Business», July 1963, p. 35.

Таблица 22

Налоговые поступления в федеральный бюджет США [1]
(в млн. долл.)

Вид налогов	1955/56 г.	1959/60 г.	1960/61 г.	1961/62 г.	1962/63 г. *
Личный подоходный налог, взимаемый в форме вычета из заработной платы и жалованья	24 012	31 675	32 978	36 246	38 719
Прочие поступления от личного подоходного налога	11 322	13 271	13 175	14 403	14 269
Налог на прибыль корпораций	21 299	22 179	21 765	21 296	22 336
Взносы в фонды социального страхования	7 296	11 159	12 502	12 708	15 005
Акцизы	10 004	11 865	12 064	12 752	13 410
Таможенные пошлины	705	1 123	1 008	1 171	1 241
Налоги с наследств и дарений	1 171	1 626	1 916	2 035	2 187
Всего**	75 814	92 898	95 409	100 612	107 167

* Предварительные данные.
** Включая прочие налоги.

[1] «Treasury Bulletin», July 1963, p. 2; «The Budget of the U. S. Government. 1965», p. 62—67.

капитальных активов и т. д. позволило буржуазии сократить долю своих платежей в форме личного подоходного налога (см. так называемые прочие поступления личного подоходного налога, указанные в табл. 22) в общей сумме налоговых поступлений федерального правительства с 13,7% в 1959/60 г. до 12,8% в 1962/63 г.

Происходившее в 1960/61—1962/63 гг. относительное уменьшение доли налогов на корпорации и на личные доходы буржуазии явилось продолжением длительных изменений структуры налоговой системы в послевоенный период. Доля поступлений от налогов на корпорации в общей сумме федеральных доходов за период с 1945/46 по 1959/60 г. сократилась с 28,4 до 22,9%, а «прочих поступлений от личного подоходного налога» — с 20,0 до 13,7% [1].

Совершенно иная картина с налогами, основную массу которых выплачивают трудящиеся. В конце 50-х годов подоходный налог взимался с заработной платы и жалованья 50,5 млн. американцев (84% всех налогоплательщиков) [2]. Его удельный вес в общей сумме федеральных доходов достиг в 1962/63 г. 34,7% против 32,6% в 1959/60 г. и 24,2% в 1945/46 г.[3] Общая сумма подоходного налога с заработной платы и жалованья достигла к настоящему времени таких размеров, что она значительно превышает расходы всего населения США на одежду, обувь и ряд предметов культурно-бытового назначения (часы и др.), вместе взятые [4].

Таким образом, активное использование правительством Кеннеди налоговой политики дало резкий толчок дальнейшему развитию тех же основных тенденций, которые выявились еще в период деятельности прежних правительств: расширились масштабы налоговых льгот корпо-

---

[1] Расчет по данным «Annual Report of the Secretary of the Treasury... 1959», p. 430—435.

[2] «The Federal Budget as Economic Document». Prepared for the Subcommittee on Economic Statistics of the Joint Economic Committee, 87-th Congress, 2-nd Session, Washington, 1962, p. 37.

В действительности число таких плательщиков оказывается еще большим, так как во многих случаях так называемые объединенные доходы включают доходы двух человек, получающих заработную плату.

[3] Подсчет по данным «Treasury Bulletin», July 1963, p. 2; «Annual Report of the Secretary of the Treasury... 1959», p. 430—435.

[4] Расчет по данным «Survey of Current Business», July 1963, p. 14, 20.

рациям и наиболее состоятельным налогоплательщикам, с одной стороны, и налогового ограбления трудящихся — с другой.

Весьма характерно, что указанные мероприятия не встречали существенных возражений со стороны республиканской партии. Лидер «бешеных» сенатор Голдуотер активно поддерживал требование налоговых льгот предпринимателям еще в 1961 г.[1], а в утверждении этих льгот в 1962 г. усмотрел даже «отход» правительства от прежнего курса, носившего якобы «антипредпринимательский характер»[2]. В ходе обсуждения налогового закона 1964 г. представители крайне реакционных кругов республиканской партии также в основном поддержали правительственный законопроект, выступив лишь против некоторого снижения низших ставок личного подоходного налога. Однако, поскольку и в самом правительственном законопроекте снижение налогов на широкие массы трудящихся не играло основной роли, после годичного обсуждения в различных комиссиях конгресса удалось достигнуть приемлемого для обеих сторон компромисса. Одним из важнейших условий этого компромисса являлось дальнейшее расширение налоговых льгот наиболее состоятельным налогоплательщикам[3]. Добившись этого, большинство представителей республиканской партии также выступили в поддержку правительственного законопроекта[4]. В связи с этим сложилась любопытная ситуация: развертывание предвыборной борьбы сопровож-

---

[1] *B. Goldwater,* The Economy of the United States. «Vital Speeches of the Day», August 15, 1961, p. 644—645.

[2] «New York Herald Tribune», 17. IV. 1962.

[3] Так, например, первоначальные проекты предусматривали некоторое ограничение налоговых льгот при обложении доходов от капитальных активов (акций, земельных участков и др.). В ходе последующего обсуждения в конгрессе эти предложения не только были полностью отвергнуты, но их заменили новыми — такими, которые расширяют возможности уклонения от налогов. Выгода от новых послаблений, исчисляющаяся примерно в 260 млн. долл. в год, даже по официальному признанию правительства, достанется наиболее богатым налогоплательщикам за счет тех групп населения, которые располагают меньшими доходами («New York Herald Tribune», 20. II. 1964).

[4] При окончательном голосовании законопроекта в палате представителей за его принятие голосовало 108 представителей республиканской партии, а против — лишь 63 («Wall Street Journal», 26. II. 1964). Голосование в сенате показало, что 21 предста-

далось все большим единением между демократами и республиканцами по вопросу о предоставлении налоговых льгот предпринимателям и другим наиболее состоятельным налогоплательщикам.

3. Рост дефицитности бюджета и увеличение государственного долга

Развертывание гонки вооружений и расширение сферы государственно-монополистического регулирования экономики резко ускорили рост правительственных расходов. В то же время экономический кризис 1960—1961 гг. и замедленные темпы увеличения национального дохода в последующий период сдерживали увеличение налоговых поступлений, а предоставление новых широких льгот монополиям и развивающаяся «эрозия» системы обложения крупных доходов еще более ограничивали возможности покрытия возросших расходов федерального правительства.

Эти процессы привели к значительному усилению напряженности в системе государственных финансов и росту дефицита федерального бюджета. Если в 1959/60 г. правительству Эйзенхауэра удалось свести бюджет с некоторым превышением доходов над расходами, то начиная с 1960/61 г. он был неизменно и в возрастающей степени дефицитен (см. табл. 23). Средние размеры годовых дефицитов после окончания войны в Корее (1953/54—1958/59 гг.) составляли 3,2 млрд. долл.[1] Этот уровень был превзойден уже в 1960/61 г. В 1961/62—1962/63 гг. превышение правительственных расходов над доходами оказалось больше, чем дефициты любого из федеральных бюджетов после окончания войны в Корее, за исключением бюджета 1958/59 г. А по смете на 1963/64 г. размеры дефицита вплотную приблизились к рекордному уровню 1958/59 г.

Начиная с 1961/62 г. помимо статистических данных, характеризующих административный бюджет, президент стал представлять конгрессу данные о кассовом бюджете. В бюджетном послании на 1963/64 г. Кеннеди указывал:

витель республиканской партии выступал в поддержку законопроекта, а против — лишь 10 («New York Herald Tribune», 8. II. 1964).

[1] Подсчет по данным «Annual Report of the Secretary of the Treasury... 1961».

Таблица 23

Основные показатели развития административного федерального бюджета [1]

(в млн. долл.)

	1959/60 г.	1960/61 г.	1961/62 г.	1962/63 г. *	1963/64 г. **
Расходы федерального правительства	76 539	81 515	87 787	92 642	98 405
Доходы федерального правительства	77 763	77 659	81 409	86 376	88 400
Дефицит (—) или излишек доходов федерального бюджета над расходами (+)	+ 1 224	—3 856	— 6 378	— 6 266	—10 005

* Предварительные данные.
** Смета.

«Представляя данный бюджет... я делаю основной акцент на показателях консолидированного кассового бюджета» [2].

Изменение практики бюджетной статистики объяснялось прежде всего тем, что административный бюджет теперь уже не охватывает некоторых важных сторон финансовой деятельности федерального правительства. Широкое распространение правительственных операций, не проходящих (или неполностью проходящих) по сметам административного бюджета, стало одной из важных особенностей развития финансовой системы США на протяжении последних десятилетий. К настоящему времени федеральное правительство использует около 150 различных внебюджетных фондов [3]. Финансовое положение правительства определяется не только состоянием административного бюджета, но и во все более значительной степени движением внебюджетных фондов.

[1] По данным «Treasury Bulletin», July 1963; «The Budget of the U. S. Government. 1965».

[2] «The Budget of the U. S. Government. 1964», p. 9.

[3] «The Federal Budget as Economic Document». Prepared for the Subcommittee on Economic Statistics of the Joint Economic Committee, 87-th Congress, 2-d Session, p. 115.

Консолидированный кассовый бюджет начал составляться в США со времени второй мировой войны, однако лишь при правительстве Кеннеди он стал официально использоваться в качестве основной финансовой сметы. Помимо указанных выше причин правительство стремилось таким путем несколько смягчить впечатление от крупных дефицитов федерального бюджета. На протяжении последних лет общие доходы правительственных внебюджетных фондов (в частности, пенсионного фонда государственных служащих, фонда страхования по безработице и др.) превышали их выплаты. Кроме того, кассовый бюджет не учитывает те расходы федерального правительства, которые не влекут за собой текущих выплат, а реализуются на данном этапе в накоплении правительственных обязательств (накопление процентов по сберегательным облигациям, размещение государственных ценных бумаг вместо наличных выплат и др.). В результате этого по кассовому бюджету дефицит оказывается несколько меньше, чем по административному: в 1960/61 г. дефицит кассового бюджета составлял 2 286 млн. долл., в 1961/62 г. — 5 796 млн. долл., в 1962/63 г. — 4 125 млн. долл., по смете на 1963/64 г. — 10 281 млн. долл. Однако и эти данные говорят о значительном росте дефицита.

Росли дефициты и в бюджетах штатов и местных органов власти. Если в 1960 г. их совокупный кассовый бюджет показал превышение доходов над расходами в 0,4 млрд. долл., то в 1961 г. возник дефицит в 0,6 млрд. долл., а в 1962 г. он достиг 1,3 млрд. долл. [1] Увеличению дефицитности местных бюджетов способствовала и финансовая политика федерального правительства. Доходы правительств штатов и местных органов власти опираются на финансовую поддержку со стороны федерального правительства. Ассигнования федерального бюджета на «помощь» правительствам штатов и местным органам составляют несколько миллиардов долларов в год. Однако правительство Кеннеди обнаружило сдержанность при оказании такой поддержки. В 1957—1960 гг. помощь местным органам увеличивалась в среднем на 18,1% в год, а за первые годы деятельности правительства Кеннеди — на 10,3% [2].

---

[1] Оценки Совета экономических консультантов при президенте («Economic Report of the President. 1963», p. 241).

[2] Подсчет по данным «U. S. Income and Output», Washington, 1958, p. 164—165; «Survey of Current Business», July 1963, p. 22—23.

Иначе говоря, федеральное правительство частично перелагало бремя резкого увеличения военных расходов и дефицит собственного бюджета на местные бюджеты.

В прошлом (исключая военные годы) бюджетные дефициты приходились главным образом на периоды экономических кризисов. Увеличение национального дохода в фазах оживления и подъема позволяло правительству, хотя бы на короткий период, значительно уменьшить или ликвидировать вовсе бюджетные дефициты. Так, в 1955/56—1956/57 гг. федеральный бюджет удалось свести с минимальным превышением доходов над расходами. В 1957/58—1958/59 гг. под влиянием экономического кризиса в бюджете опять возник большой дефицит, а в 1959/60 г. федеральный бюджет был сведен с «символическим» активным сальдо.

Такое развитие государственных финансов создавало условия для распространения концепции так называемого циклического балансирования бюджета, согласно которой дефициты, возникающие в периоды кризисов, компенсируются активным сальдо в периоды подъема, в целом же бюджет балансируется на протяжении экономического цикла. Президент Эйзенхауэр неоднократно заявлял о своей поддержке идей «циклического балансирования бюджета». Однако в начале 60-х годов переход экономики США к фазам оживления и подъема не только не устранил бюджетные дефициты, но, напротив, сопровождался дальнейшим ухудшением финансового положения правительства. Даже в условиях циклического подъема 1962—1964 гг. дефицит достиг таких размеров, какие раньше были в периоды экономических кризисов.

Провал концепций «циклического балансирования бюджета» и рост дефицитов создали почву для некоторой модификации финансовых теорий. Теперь американские экономисты и официальные лица пытаются представить хронические бюджетные дефициты как источник «силы» и залог ускорения экономического роста. В послании конгрессу на 1963 г. президент Кеннеди уже не писал, как в послании 1962 г., о том, что бюджетный дефицит в фазе подъема таит в себе инфляционную опасность. «Если предпринятое нами увеличение бюджетного дефицита, — утверждал он в послании 1963 г., — выступает как побочный продукт позитивной налоговой политики, направленной на стимулирование экономического роста, то

такой дефицит будет служить источником силы, а не слабости»[1].

В действительности систематические дефициты — показатель существенного ослабления всей финансовой системы, отражение общей экономической неустойчивости и обострения противоречий американской экономики. Это должны были признать даже некоторые буржуазные экономисты[2]. Если дефицит бюджета — благо, то почему правительство все время заявляет о стремлении его ликвидировать? Раньше оно обещало достичь этой цели к 1962/63 г.[3] В начале 1963 г. оно официально заявило о том, что ликвидировать дефицит федерального бюджета, может быть, удастся лишь к 1966/67 г.[4]

Широкое использование правительством дефицитного финансирования обострило борьбу в лагере монополистической буржуазии. Представители крупных коммерческих банков, поместивших значительную часть своего капитала в твердопроцентные государственные бумаги, а также представители страховых компаний выступили против инфляционистского курса правительственной политики. Ассоциация американских банкиров на своей ежегодной конференции призывала к «финансовому благоразумию» и урезыванию «сравнительно менее необходимых» государственных расходов[5]. Председатель финансовой комиссии сената Г. Бэрд отметил, что «состояние внутренних финансов подрывает доверие к американскому доллару»[6], и потребовал резкого сокращения бюджетного дефицита.

---

[1] «Economic Report of the President. 1962», p. 72, 84; «Economic Report of the President. 1963», p. XIV. Доклад президента составлен штатом Совета экономических консультантов и отражает господствующие теоретические воззрения буржуазной науки.

[2] «Ясно.., что бюджетные дефициты в США на протяжении последних лет были больше, чем они могли бы быть в том случае, если бы экономика функционировала на уровне полной занятости» (*B. Sprinkel,* Relative Economic Growth Rates and Fiscal — Monetary Policies. «The Journal of Political Economy», April 1963, p. 155).

[3] См., например, выступление министра финансов Д. Диллона («Wall Street Journal», October 18, 1961).

[4] «Congressional Record», January 29, 1963, p. A—380.

[5] «Economic Growth. Balance of Payments». Discussions by H. Abs, G. Hauge, R. Roosa and Resolutions of 88-th Annual Convention of the A. B. A. September 25—28, 1962, Atlantic City, 1962, p. 36.

[6] «Commercial and Financial Chronicle», January 18, 1962.

Протест части монополистической буржуазии против использования политики дефицитного финансирования наглядно проявился в обострении борьбы вокруг вопроса о законодательном лимите государственного долга, разгоревшейся при правительстве Кеннеди.

На протяжении последних десятилетий происходил неуклонный рост государственного долга. Пересмотр конгрессом устанавливаемых в законодательном порядке пределов задолженности федерального правительства стал одним из традиционных элементов бюджетного процесса. В послевоенные годы этот лимит пересматривался свыше 10 раз[1]. В условиях быстрого увеличения бюджетных дефицитов при правительстве Кеннеди борьба вокруг пересмотра ранее установленного «потолка» государственного долга значительно обострилась.

Размеры займов, к которым правительству Кеннеди пришлось прибегнуть в 1961—1962 гг., оказывались больше дефицитов кассового бюджета. Это объяснялось увеличением кассовых остатков на счетах федерального правительства. На протяжении двух лет (1961/62—1962/63) федеральное правительство должно было разместить новые займы на сумму свыше 15 млрд. долл.[2]

К весне 1963 г. федеральный долг вплотную приблизился к установленному ранее лимиту в 305 млрд. долл. По свидетельству заместителя министра финансов Р. Роуза, правительство в начале мая не могло уже осуществить сколько-нибудь значительных новых займов[3]. Сторонники пересмотра лимита встретили в палате представителей сильное сопротивление. Многие конгрессмены отказывались голосовать за новое повышение и предлагали правительству «по одежке протягивать ножки» (из выступления члена палаты представителей К. Брауна)[4]. Лишь незначительным большинством голосов[5] правительству удалось добиться принятия закона о временном повышении «потолка» до 307 млрд. долл. (на 2 млрд.) на май — июнь и до 309 млрд. долл. (еще на 2 млрд.) на июль —

---

[1] «Congressional Record», May 28, 1963, p. 9190.
[2] Расчеты по данным «Treasury Bulletin», July 1963, p. 15.
[3] «The New York Times», 6. V. 1963.
[4] «New York Herald Tribune», 16. V. 1963.
[5] При окончательном голосовании в палате представителей за повышение лимита высказалось 213 депутатов, против — 204 («The New York Times», 19. V. 1963).

август 1963 г. Однако дальнейший быстрый рост государственной задолженности делал и эти лимиты недостаточными. Как отмечал министр финансов Диллон, новые ограничения являются «узкими, настолько узкими, что они не оставляют или почти не оставляют резерва для удовлетворения каких-либо непредвиденных потребностей» [1].

Повышение лимита обеспечивало лишь юридические возможности увеличения государственного долга. Что касается экономических условий для размещения крупных сумм новых займов, то они определялись значительным увеличением к началу 60-х годов массы свободного ссудного капитала. Вялые темпы восстановления экономики после кризиса 1960—1961 гг. ограничивали спрос на ссудный капитал для новых капиталовложений, а предоставление щедрых финансовых льгот монополиям за счет государственного бюджета еще более усиливало эту тенденцию. Внутренние источники финансирования корпораций (амортизационные отчисления плюс нераспределенная прибыль) увеличились с 1957 по 1963 г. с 28,0 млрд. долл. до рекордной цифры — 37,4 млрд. долл. [2]

Поскольку непрерывная дефицитность государственного бюджета диктовала необходимость размещения все новых правительственных займов, избыточный капитал устремлялся по каналам государственного кредита. Лишь за три года (с 1 января 1961 г. по январь 1964 г.) задолженность федерального правительства увеличилась с 290,4 млрд. долл. до 310,1 млрд. долл., т. е. на 19,7 млрд. долл., тогда как за предшествующие четыре года она возросла на 13,7 млрд. долл. [3] Наряду с этим чрезвычайно быстро увеличивались долги правительств штатов и местных органов власти. За два с половиной года пребывания у власти правительства Кеннеди эта задолженность увели-

---

[1] «Monthly Review». Federal Reserve Bank of New York, June 1963, p. 93.

[2] «Economic Report of the President. 1962», p. 283; «Survey of Current Business», May 1964, p. 11.

[3] «Treasury Bulletin», July 1963, p. 25; «Economic Report of the President. 1962», p. 269. На практике расширение обязательств федерального правительства несколько превышало приведенные выше данные, так как, наталкиваясь в отдельные периоды на установленный законом лимит увеличения государственного долга, казначейство прибегало к различным скрытым формам займов.

чивалась даже быстрее, чем долги федерального правительства, и возросла более чем на $^1/_4$ — с 68,7 млрд. долл. до 87,2 млрд. долл.[1]

Рост правительственной задолженности ведет к существенному ослаблению всей системы государственных финансов. Все большую часть своих расходов правительство должно отчислять в форме процентных выплат. Сумма платежей федерального правительства по государственному долгу в 1963/64 г. превысила 10 млрд. долл. В 1945/46 г. правительство направляло на оплату процентов по своей задолженности 8%, а в 1962/63 г. — уже 11% всей суммы своих расходов[2]. Рост выплат по государственному долгу в 1959/60—1962/63 гг. означает для трудящихся увеличение налогов примерно на 400 млн. долл. в год. Перераспределение национального дохода через систему государственного кредита является в настоящее время одним из важнейших источников обогащения монополий. До первой мировой войны выплата процентов по государственному долгу составляла менее $^1/_{20}$, а теперь — примерно $^1/_5$ по сравнению со всей прибылью американских корпораций до вычета налогов[3]. Это может служить одним из свидетельств усиливающегося паразитизма капиталистической экономики.

Увеличение процентных платежей федерального правительства опережает в послевоенный период рост государственного долга. Это связано с постепенным повышением средней процентной ставки по правительственным займам. Средняя ставка процента по ценным бумагам, выпущенным федеральным правительством, в 1960/61 г. составляла 3,072%, в 1961/62 г. — 3,240 и в 1962/63 г. — 3,361%[4]. В период кризиса 1929—1933 гг. и последующей депрессии наличие относительного избытка ссудного капитала при сравнительно большой устойчивости государственного кредита позволило казначейству США осуществить конверсионные операции, уменьшившие процентные выплаты по государственному долгу. В современных усло-

---

[1] «Wall Street Journal», February 18, 1964; «Economic Almanach, 1962», p. 420.

[2] «Annual Report of the Secretary of the Treasury. 1959», p. 372—373; «The Budget of the U. S. Government. 1964».

[3] «Statistical Abstract of the U. S. 1923», p. 703; 1932, p. 163; «Survey of Current Business», July 1963, p. 26.

[4] «Treasury Bulletin», July 1963, p. 25.

виях состояние государственных финансов в этом отношении также оказывается менее благоприятным: даже в периоды экономических кризисов процентные выплаты по государственному долгу продолжают расширяться.

Одной из наиболее сложных финансовых проблем, стоящих перед правительством США, является изменение структуры государственного долга и неуклонное нарастание в его составе краткосрочных обязательств. Обязательства сроком до одного года в конце 1951/52 г. составляли 33,0%, в 1959/60 г. — 38,3, а в 1962/63 г. — уже 45,1% всей суммы рыночных обязательств [1]. Кроме того, в составе государственной задолженности накопилась огромная масса так называемых специальных и других нерыночных обязательств, которые по истечении небольшого срока с момента их выпуска могут быть предъявлены к выплате по желанию владельца.

Развитие тенденции к увеличению краткосрочной задолженности объясняется ухудшением позиций долгосрочных государственных бумаг на рынке ссудного капитала. Вместе с тем на структуру государственного долга в последние годы существенное влияние оказывала и финансовая политика правительства. Стремясь предотвратить значительное понижение процентных ставок по краткосрочным ссудам и тем самым воспрепятствовать дальнейшему бегству краткосрочных капиталов за границу, правительство Кеннеди интенсивно расширяло продажу краткосрочных обязательств, главным образом казначейских векселей. В результате этого масса выпущенных казначейских векселей разбухала и в конце февраля 1964 г. достигла 53,5 млрд. долл. против 33,4 млрд. долл. в конце 1959/60 г. Даже в годы второй мировой войны наибольшая сумма таких векселей не превышала $^1/_3$ этого объема.

Рост удельного веса краткосрочных обязательств неблагоприятно отражается на финансовом положении государства. Увеличение бюджетных дефицитов требует размещения все более крупных займов, а разбухание краткосрочной задолженности означает, что одновременно предъявляются к выплате старые обязательства. Поскольку бюджет сводится с дефицитом и казначейство не может погасить старую задолженность из текущих доходов,

[1] Подсчет по данным «Annual Report of the Secretary of the Treasury. 1959», p. 452; «Treasury Bulletin», July 1963, p. 26.

оно должно обращаться к денежному рынку не только для получения новых средств, но и для рефинансирования (продления) старой задолженности. Рефинансирование отнюдь не осуществляется автоматически, успех этой операции зависит от условий на рынке ссудных капиталов, финансового положения кредиторов, размеров текущего бюджетного дефицита и др. Даже те буржуазные экономисты, которые относятся к числу наиболее активных защитников дефицитного финансирования (например, С. Харрис), признают, что в сфере государственного кредита к настоящему времени возникли «самые серьезные финансовые проблемы, с которыми казначейству вообще когда-либо приходилось сталкиваться в мирные годы XX в.» [1].

Быстрое нарастание краткосрочной задолженности заставило казначейство более активно изыскивать пути хотя бы частичной консолидации государственного долга. Стремление правительства укрепить на денежном рынке позиции долгосрочных государственных бумаг явилось одним из важных факторов, вызвавших переход Федеральной резервной системы (ФРС) к скупке среднесрочных и долгосрочных государственных обязательств [2]. Опираясь на поддержку ФРС, казначейство в 1961—1963 гг. значительно расширило выпуск долгосрочных ценных бумаг, однако размещать их удавалось лишь ценой значительного повышения процентов. Правительство Эйзенхауэра воздерживалось от эмиссии долгосрочных обязательств в периоды расширения производства, опасаясь того, что такая политика повела бы к нежелательной конкуренции правительства с частным капиталом в области долгосрочного кредита, а вместе с тем вызвала бы значительное повышение процентных платежей по этим обязательствам [3]. Но в начале 60-х годов, как отмечал печатный орган совета управляющих ФРС, наблюдалось «сильное стремление банков к приобретению ценных бумаг с целью увеличения своих доходов» [4]. Правительство Кеннеди

---

[1] *S. Harris,* The Economics of the Political Parties, p. 159.

[2] Более подробно об этом см. следующий параграф.

[3] «Investigation of the Financial Conditions of the United States». Hearings before the Committee on Finance, Part I, Washington, 1957, p. 170; «Annual Report of the Secretary of the Treasury... 1960», p. 282—284.

[4] «Federal Reserve Bulletin», March 1963, p. 308.

решило использовать рост относительного избытка ссудного капитала для консолидации государственного долга. Главным средством консолидации было избрано так называемое предварительное рефундирование («advance refunding»).

Финансовая техника «предварительного рефундирования» заключается в том, что казначейство предоставляет владельцам тех государственных бумаг, по которым в скором времени подходит срок погашения, возможность досрочно обменять эти бумаги на новые обязательства, приносящие более высокие процентные доходы. Обычно «предварительное рефундирование» осуществляется в два этапа: на первом этапе (так называемое junior refunding) краткосрочные государственные обязательства обмениваются на среднесрочные, а на следующем этапе (так называемое senior refunding) среднесрочные бумаги обмениваются на долгосрочные. В результате часть краткосрочного долга оказывается замещенной долгосрочными займами.

Причина обращения правительства Кеннеди к этому методу в следующем. Спрос кредиторов на долгосрочные правительственные бумаги сравнительно узок прежде всего ввиду того, что процент по частным облигациям достигает более высокого уровня. Все предшествующие попытки казначейства выпустить на денежный рынок значительную массу новых долгосрочных обязательств (например, в 1953—1954 гг. и др.) неизбежно завершались резким падением курсов этих бумаг и серьезным подрывом позиций долгосрочных государственных облигаций на рынке. Поэтому теперь правительство стремится свести к минимуму свои продажи долгосрочных государственных бумаг на свободном рынке, а также сократить рыночные продажи этих бумаг со стороны прежних инвесторов, прибегая для этого к непосредственному обмену старых обязательств на новые. Но такая операция возможна лишь в том случае, если процент по новым облигациям значительно выше, чем по старым. Это оказывается весьма выгодным для денежных капиталистов и невыгодным для казначейства.

Однако операции «предварительного рефундирования» не смогли привлечь большие массы частного капитала в долгосрочные государственные суммы. Средние ежегодные размеры этих операций не превышали 2—3% общей сум-

мы государственного долга. Этого едва хватало для того, чтобы воспрепятствовать уменьшению объема долгосрочных государственных облигаций, находящихся у частных владельцев. Доля таких обязательств (сроком в 10 и более лет) в общей сумме задолженности федерального правительства к концу 1959/60 г. составляла 7,2%, а к концу 1962/63 г. увеличилась лишь до 7,5%. В то же время доля текущей задолженности — рыночных обязательств сроком до одного года и тех нерыночных бумаг, которые могут быть в любое время предъявлены казначейству, — существенно повысилась и составляла на конец 1962/63 г. не менее 70% [1]. Ясно, что в таких условиях не приходится говорить о сколько-нибудь серьезной консолидации государственной задолженности.

Когда выяснились ограниченные возможности «предварительного рефинансирования», казначейство решило использовать и другой метод — размещение части своих долгосрочных займов через систему аукционов, в которых участвовали бы крупнейшие инвестиционные банки Уоллстрита. В январе 1963 г. новые облигации правительства были куплены с аукциона синдикатом банков и дилерских фирм во главе с «Ферст Бостон корпорейшн». Размещение бумаг прошло удачно, но правительству не только пришлось установить по ним повышенный процент, но и оплатить высокие комиссионные доходы банкиров. «Сливки», связанные с переплатами казначейства, доставались горстке денежных капиталистов. Сумма проданных облигаций была по масштабам государственного кредита сравнительно небольшой — 250 млн. долл., т. е. менее 0,1% всей задолженности. Но и этот объем, по свидетельству финансовых обозревателей, «практически составлял почти предельную величину» [2]. Таким образом, существенного расширения рынка своих долгосрочных бумаг правительству добиться не удалось.

В апреле 1963 г. правительство вторично прибегло к продаже с аукциона долгосрочных бумаг. Размещение займа шло вяло, и сразу после завершения аукциона курс новых бумаг резко упал. «Большинство финансовых экспертов полагают, что казначейству пришлось хуже, чем

---

[1] Подсчет по данным «Treasury Bulletin», December 1963.

[2] First National City Bank of New York. «Monthly Economic Letter», February 1963, p. 22.

синдикату (скупившему государственные облигации. — *Авт.*)... За много времени это было первое поражение государственных облигаций»[1], — писала «Нью-Йорк таймс». Представитель министерства финансов официально заявил, что после столь неудачного опыта правительство намерено на длительное время отказаться от этого способа размещения своих обязательств[2]. В свое время, оценивая реформу английского правительства Гладстона в области управления государственной задолженностью, К. Маркс писал, что это самая маленькая попытка «справиться с гигантским чудовищем, именуемым государственным долгом»[3]. В современных условиях финансовые операции буржуазного государства значительно расширились, но, несмотря на активное использование разнообразных методов, правительство не может справиться с еще более гигантским чудовищем своей текущей задолженности.

Использование «предварительного рефундирования» не может предотвратить дальнейшего снижения курсов государственных облигаций. Курс долгосрочных государственных облигаций в 1961—1963 гг. снижался, хотя средний курс облигаций частных корпораций в тот же период повышался.

Таблица 24

Движение курсов частных и государственных ценных бумаг в 1961—1963 гг. (в долл. за 100-долларовую облигацию)[4]

	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Средний курс долгосрочных государственных облигаций	87,55	86,94	86,31
Средний курс облигаций частных корпораций	95,2	96,2	96,8

Рынок ссудного капитала — чуткий барометр «пульса» заемщика — выражал явное доверие к финансовому состоянию частных монополий и столь же явное недоверие к государственному кредиту.

[1] «The New York Times», 28. IV. 1963.
[2] «Finance», May 15, 1963, p. 13.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, стр. 49.
[4] «Survey of Current Business», July 1963, p. S — 20; May 1964, p. S — 20.

Об усилившихся трудностях в реализации государственных займов свидетельствуют и основные сдвиги в структуре их владельцев.

Таблица 25

Размещение задолженности федерального правительства США в 1960—1963 гг. [1]

(в млрд. долл., на конец соответствующего периода)

	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г. *
Федеральные резервные банки	27,4	28,9	30,8	33,6
Резервы страховых и пенсионных фондов федерального правительства	55,1	54,5	55,6	58,0
Коммерческие банки	62,1	67,2	67,2	4,1
Страховые компании	11,9	11,4	11,5	11,0
Сберегательные банки	6,9	6,3	6,1	5,8
Корпорации	20,1	19,7	20,0	20,7
Частные лица	64,7	65,0	65,9	66,9
Резервы фондов местных органов власти	18,7	18,7	19,5	20,8
Иностранные инвесторы	13,0	13,4	15,3	15,9
Прочие кредиторы	11,2	11,6	12,7	13,3

* Предварительные данные.

В составе кредиторов государства продолжал уменьшаться удельный вес страховых компаний и сберегательных банков. Прирост краткосрочной задолженности был размещен большей частью среди наименее «прочных» кредиторов — иностранных инвесторов и американских корпораций, помещающих в государственные бумаги свободные ликвидные резервы. В этой связи необходимо отметить одно из внутренних противоречий финансового регулирования. Размещение краткосрочных правительственных обязательств у корпораций опирается прежде всего на высвобождающиеся на короткий срок денежные средства, предназначенные для последующей выплаты налогов. Не случайно портфель таких ценных бумаг у крупнейших корпораций примерно соответствует сумме ее налоговых обязательств. Так, например, одна из крупнейших американских корпораций, «Дженерал моторс», к началу 1964 г. владела правительственными бумагами на сумму 1 143,7 млн. долл., тогда как ее налоговые обя-

[1] «Treasury Bulletin», July 1963, p. 62; «Federal Reserve Bulletin», May 1964, p. 600.

зательства составляли 1 258,8 млн. долл.[1] Поэтому резкое расширение налоговых льгот корпорациям в 1961—1964 гг. неминуемо ограничивало возможности дальнейшего размещения краткосрочных правительственных бумаг и среди этой группы кредиторов.

Приведенные в таблице 25 данные свидетельствуют о том, что размещение государственных займов должно было в возрастающей степени опираться на мобилизацию резервов государственных страховых и пенсионных фондов. Иначе говоря, федеральное правительство должно было использовать для их размещения те средства, которые находились в его же распоряжении!

Операции казначейства потребовали активной поддержки со стороны ФРС. В 1961—1963 гг. наибольшие вложения в государственные бумаги показывают федеральные резервные банки; на них приходится около четверти всего прироста государственной задолженности. Удельный вес ФРС среди кредиторов государства возрос до 10,8%. Приобретение федеральными резервными банками государственных ценных бумаг могло осуществляться главным образом за счет эмиссии дополнительных платежных средств. Постепенно развивающаяся «монетизация» части государственного долга чревата угрозой последующего усиления инфляционных процессов.

4. Основные изменения в области кредитной политики

В ходе предвыборной кампании 1960 г. политика кредитных ограничений, осуществлявшаяся правительством республиканцев, была подвергнута острой критике представителями демократической партии как слишком односторонняя и «жесткая», создающая серьезные препятствия для роста производства. В противоположность этому правительство Кеннеди выдвинуло принцип так называемого гибкого кредитного регулирования. В одном из экономических посланий президента конгрессу необходимость перехода к «гибкому» кредитному регулированию мотивировалась тем, что «осуществление правительственной политики предполагает процесс непрерывного приспособления к изменяющимся условиям, поэтому и общие принципы, подразумевающие обязательное проведение при всех усло-

[1] «New York Herald Tribune», 18. II. 1964.

виях политики «дорогих» или «дешевых» денег, не имеют смысла» [1].

Стремясь ускорить темпы экономического роста, правительство Кеннеди выдвинуло в центр кредитного регулирования мероприятия, направленные на стимулирование кредитной экспансии. «Политика, ориентированная на то, чтобы обеспечить экономический рост, — писал Сэмюэлсон, предлагая программу действий нового правительства, — должна обеспечивать сочетание низких процентных ставок и широкой доступности кредита» [1]. Более активной кредитной политики требовали резкое обострение противоречий в сфере государственных финансов, быстрый рост процентных платежей и предпринимаемые казначейством безуспешные попытки консолидировать хотя бы часть разбухшей текущей задолженности. Снижение рыночной ставки процента могло бы несколько ограничить рост затрат на управление государственным долгом и вместе с тем оказало бы поддержку казначейству, пытавшемуся разместить на денежном рынке новые долгосрочные облигации.

В последние годы за снижение процентных ставок стали все более активно выступать представители промышленных монополий. Дело в том, что известное увеличение капиталовложений, связанное с циклическим обновлением основного капитала, порождало заинтересованность промышленных корпораций в обильном и дешевом долгосрочном кредите. Значение этого фактора, правда, несколько уменьшается в связи с широким развитием среди крупнейших промышленных монополий процессов самофинансирования. Однако были и другие, не менее веские причины, заставлявшие монополистов в промышленности добиваться политики «дешевых денег» в сфере долгосрочного кредита.

В современных условиях кредитные ограничения оказывают существенное влияние на процессы реализации значительной части промышленной продукции. Многие местные органы власти, располагающие скудными финансовыми ресурсами именно вследствие резкого повышения процентов по их займам, должны отказываться от проектов нового строительства. Поскольку основная часть жи-

[1] «Economic Report of the President. 1963», p. 55.

[2] «New Frontiers of Kennedy Administration», Washington, 1961, p. 34.

лищного строительства финансируется за счет ипотечного кредита, который особенно чутко реагирует на изменения условий кредита, высокая процентная ставка весьма неблагоприятно сказывается на рынках строительных материалов и оборудования. Ограничивается также спрос на приобретаемые в кредит сельскохозяйственную технику, удобрения, потребительские товары длительного пользования и т. д. В настоящее время, когда монополистический капитал все более широко использует для «проталкивания» товаров кредитование покупателя, промышленные монополии рассчитывают с помощью политики «дешевых денег» в сфере долгосрочного кредита расширить рынок сбыта для важнейших видов продукции.

При этом надо подчеркнуть, что, даже если благодаря последовательному осуществлению экспансионистской политики удалось бы добиться снижения процентных ставок по ипотечному и потребительскому кредиту, это отнюдь не уменьшило бы существенно бремени дороговизны для населения. Речь идет лишь об известном перераспределении прибавочной стоимости: промышленные монополии добиваются увеличения своей прибыли за счет некоторого сокращения процентных доходов монополистов кредита. Если же сбыт их продукции увеличивается в результате применения этих мер, то возрастают абсолютные размеры как прибыли, так и процентных доходов. К. Маркс показал, что две формы прибавочной стоимости — «процент и предпринимательский доход существуют лишь в своей противоположности» [1] и это образует экономическую основу для непрерывной борьбы внутри класса капиталистов за дело каждой группы в совокупной прибавочной стоимости. В современных условиях с возникновением дополнительных форм эксплуатации трудящихся в кредитной сфере соотношение между процентом и предпринимательским доходом стало более сложным, пополнилось рядом новых опосредствующих звеньев, в соответствии с этим более многообразными стали формы борьбы между промышленным и денежным капиталом. Поскольку же уровень процента продолжает оказывать важное влияние на распределение прибавочной стоимости между различными группами капиталистов, в условиях серьезных хозяйст-

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. I, стр. 416.

венных затруднений борьба между различными группировками финансового капитала вокруг вопросов кредитной политики значительно усиливается. Противоречия в данной области образуют один из существенных элементов обострившейся за последние годы борьбы внутри правящего класса.

Многие группировки денежных капиталистов ожесточенно сопротивляются всяким мероприятиям, направленным на снижение процентных ставок. Представители денежного капитала и не думают выступать против большинства мероприятий кредитного регулирования до тех пор, пока речь идет о дальнейшем увеличении процентных доходов. Однако, если речь заходит о понижении рыночного уровня процента, они ссылаются на нарушение государством рыночного механизма и требуют резко сократить сферу государственного вмешательства. Весьма характерно в этой связи, что Ассоциация американских банкиров выразила свое недовольство попытками правительства Кеннеди установить, по ее словам, «искусственно заниженный уровень процентных ставок». «Следует обеспечить такие условия, — гласит резолюция конференции американских банкиров, — когда рыночные ставки процента, включая проценты по долгосрочным займам, смогут сами устанавливаться на том уровне, который точно отражает влияние рыночных сил» [1].

Борьба между различными группировками финансового капитала наложила существенный отпечаток на характер кредитной политики нового правительства. В этой политике можно отчетливо выделить два этапа. К началу 1961 г. состояние рынка ссудных капиталов определялось прежде всего развертыванием очередного экономического кризиса. Под влиянием кризиса еще правительство Эйзенхауэра в 1960 г. должно было перейти от кредитных ограничений к политике «дешевых денег». С 1 сентября 1960 г. минимум обязательных резервов для банков, расположенных в центральных городах, был снижен с 18 до $17^1/_2$%, а с 1 декабря 1960 г. — до $16^1/_2$%. Кроме того, с 24 ноября 1960 г. вся кассовая наличность банков также стала зачисляться в состав обязательных резервов, что дало возможность банкам повысить размеры показываемых резер-

---

[1] «Economic Growth and Balance of Payments». 88-th Annual Convention of American Bankers Association, Atlantic City, 1962, p.38.

вов еще примерно на 1,3 млрд. долл.[1] Совет управляющих ФРС еще летом 1960 г. снизил учетную ставку с $3^1/_2$—4 до 3%.

Кредитная политика правительства Кеннеди в этих условиях была прямым продолжением указанных «антикризисных» мер, однако среди рычагов этой политики ведущее место заняли операции на открытом рынке. В течение 1961 г. Комитет по операциям на открытом рынке осуществлял интенсивное «вливание» дополнительных средств в каналы денежного рынка путем закупки значительной массы казначейских векселей. В результате этих операций сумма наличных резервов банков — членов ФРС увеличилась примерно на 1 млрд. долл.[2]

Кроме того, правительство Кеннеди, стремясь стимулировать активность в сфере жилищного строительства, осуществило ряд мероприятий, направленных на либерализацию условий ипотечного кредита. Максимальный уровень процента по гарантированным закладным был снижен с $5^3/_4$ до $5^1/_4$%, а сроки погашения ссуд по некоторым программам были увеличены с 35 до 40 лет. В ряде случаев были расширены размеры ссуд, выдаваемых под незавершенное строительство[3]. Со второй половины 1961 г. федеральная организация, осуществляющая операции с закладными на денежном рынке (FNMA), усилила поддежку этих ценных бумаг. Федеральный банк по финансированию жилищного строительства (FHLB) снизил процентные ставки по своим ссудам для того, чтобы усилить заинтересованность ссудо-сберегательных ассоциаций в расширении их кредитных операций. Размеры ссуд указанного банка за год возросли примерно наполовину и в 1961 г. достигли 2 882 млн. долл. против 1 943 млн. долл. в 1960 г.[4] Наконец, правительство расширило программы страхования займов, выдававшихся на перестройку и «длительное улучшение» домов. Следует отметить, что подавляющая часть этих мероприятий составляет уже как бы обычный арсенал послевоенной антикризисной политики в области жилищного строительства; аналогич-

---

[1] «47-th Annual Report of the Board of the Governors of the F. R. S.», p. 87.

[2] «Economic Report of the President.1962», p. 88.

[3] «15-th Annual Report Housing and Home Financing Agency», Washington, 1961.

[4] «Statistical Abstract of the U. S. 1962», p. 461.

ные мероприятия предпринимало и правительство Эйзенхауэра в ходе предшествовавших экономических кризисов перепроизводства.

Осуществлявшаяся в 1960—1961 гг. кредитная политика была направлена на то, чтобы с помощью «вливания» дополнительных средств вызвать значительный подъем хозяйственной активности. Однако действительное развитие экономики продемонстрировало несостоятельность подобных расчетов. Спрос на коммерческие ссуды продолжал оставаться вялым: прирост банковских кредитов частным «нефинансовым» корпорациям в 1961 г. составил 1,6 млрд. долл. против 2,6 млрд. долл. в 1960 г. и 3,8 млрд. долл. в 1959 г.[1] Примерно $^2/_3$ всех дополнительных резервов, полученных коммерческими банками — членами ФРС в результате политики «вливания денег», были использованы в связи с усилившимся отливом золота за границу, а остальная часть либо пошла на погашение задолженности федеральным резервным банком, либо осела в коммерческих банках в форме неиспользованных резервов. Если к концу 1959 г. обязательные резервы коммерческих банков — членов ФРС превышали сумму наличных собственных средств банков на 430 млн. долл., то через два года, к концу 1961 г., их собственная наличность превосходила объем требующихся резервов примерно на 400 млн. долл.[2]

Серьезное обострение противоречий американской экономики вызвало дальнейшее расширение государственного вмешательства в денежно-кредитную сферу.

Непрекращающийся отлив золота за границу побуждал ФРС к проведению более активной политики, направленной на предотвращение дальнейшего бегства краткосрочных капиталов из США. К. Маркс отмечал, что «страх современной банковской системы перед отливом золота превосходит все, что когда-либо грезилось представителям монетарной системы, для которых благородный металл — единственное истинное богатство»[3]. Банковские монополии, встревоженные резким уменьшением золотых запасов, развернули кампанию за привлечение краткосрочных

---

[1] Показатели исчислены по статистике «денежных потоков». «Federal Reserve Bulletin», May 1963, p. 709.

[2] Подсчет по данным «Federal Reserve Bulletin», July 1963, p. 900.

[3] *К. Маркс,* Капитал. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. I, стр. 497.

вкладов путем поддержания высоких процентных ставок по краткосрочным ссудам. Так, председатель финансовой комиссии сената Г. Бэрд заявил, что опасность дальнейшей утечки золота «угрожает безопасности страны подобно атомной бомбе» [1], и потребовал чрезвычайных мер, направленных на защиту золотого запаса.

Добиваясь повышения доходности краткосрочных кредитных операций, заправилы банков преследовали, однако, и более непосредственные интересы увеличения своих прибылей: ведь лишь за один 1961 г. коммерческие банки увеличили свой портфель краткосрочных государственных обязательств примерно наполовину — с 14,7 млрд. долл. до 21,2 млрд. долл. [2], а в составе банковских ссуд в настоящее время большую роль играют краткосрочные кредиты. В повышении процента по краткосрочным займам проявляли заинтересованность также и крупнейшие промышленные корпорации, требовавшие «дешевых денег» в сфере долгосрочного кредита (следует учитывать, что в настоящее время около 80% всех государственных бумаг, принадлежащих таким корпорациям, составляют обязательства сроком до одного года). Кроме того, промышленные монополии в современных условиях выступают в качестве крупнейших кредиторов в сфере краткосрочного коммерческого кредита. Сумма обязательств по краткосрочному кредиту к началу 1963 г. составляла около 100 млрд. долл. [3], т. е. более чем в 2 раза превосходила размеры всех выданных банками коммерческих ссуд.

Таким образом, администрация Кеннеди, столь усиленно рекламировавшая лозунг «дешевых денег», должна была с самого начала отказаться от последовательного проведения этой политики во всех секторах рынка ссудного капитала. Как управление государственным долгом, так и кредитная политика ФРС были подчинены задаче поддержания сравнительно высокого уровня процентных ставок по краткосрочным займам. В качестве основного средства для достижения этой цели могли использоваться опять-таки лишь операции на открытом рынке. ФРС должна была перейти от покупки к продаже казначейских векселей. Поскольку же быстро расширявшийся избыток

[1] «The New York Times», 14. V. 1962.
[2] «Federal Reserve Bulletin», July 1963, p. 981.
[3] «Fortune», February 1963, p. 122.

ссудного капитала обнаруживался прежде всего в обилии краткосрочного кредита, казначейству и ФРС пришлось непрерывно расширять предложение краткосрочных обязательств.

Попытки ограничить утечку золота путем продажи краткосрочных бумаг на открытом рынке сами по себе отнюдь не являются нововведением; к ним прибегало, в частности, и правительство Эйзенхауэра в период экономического кризиса 1957—1958 гг. Однако обращают внимание масштабы подобных операций, предпринятых ФРС в начале 60-х годов. В предшествующие годы продажа принадлежавших ФРС казначейских векселей носила сравнительно ограниченный характер. В целом же происходило постепенное увеличение портфеля векселей у федеральных резервных банков. Так, например, на 30 июня 1959 г. стоимость размещенных у федеральных резервных банков казначейских векселей составляла 2 032 млн. долл., на 30 июня 1960 г. — 2 513 млн. долл., на 30 июня 1961 г. — 2 840 млн. долл. и на 30 ноября 1961 г. — 3 742 млн. долл. В последующий период продажа этих обязательств на открытом рынке приняла столь широкие масштабы, что привела к резкому сокращению портфеля казначейских векселей. С ноября 1961 г. по январь 1963 г. он сократился почти на 40% и к началу февраля 1963 г. составлял уже лишь 2 262 млн. долл. [1] Такого рода размах операций с краткосрочными бумагами может свидетельствовать о серьезной напряженности, сложившейся в сфере валютных отношений. Характерно, что особенно большой размах получила продажа ФРС казначейских векселей иностранным кредиторам. Так, в 1962 г. их продажа за границу достигла 2 367,2 млн. долл., а покупка за границей — 1 395,7 млн. долл., т. е. сумма чистой продажи этих бумаг достигла почти 1 млрд. долл. [2]

Как известно, с 1953 г. руководство ФРС официально ограничило все операции на открытом рынке только самими краткосрочными обязательствами — казначейскими векселями (так называемый принцип только казначейские векселя — bills only). На практике ФРС с самого начала оказалась не в состоянии последовательно осуществлять

---

[1] «Federal Reserve Bulletin», February 1962, p. 203; March 1963, p. 363.

[2] «Federal Reserve Open Market Operations in 1962». «Federal Reserve Bulletin», April 1963, p. 442.

такую политику. Дело в том, что она должна была в ряде случаев приходить на помощь казначейству и скупать среднесрочные и долгосрочные государственные обязательства, поддерживая тем самым расшатывающееся здание государственного кредита. Однако до начала 60-х годов скупка среднесрочных и долгосрочных обязательств являлась скорее исключением, чем общим правилом. Переход в 1961—1962 гг. к широкой продаже краткосрочных бумаг с целью поддержания позиций доллара окончательно подорвал возможность осуществления принципа «только казначейские векселя».

Вследствие продажи казначейских векселей на сумму, превышающую миллиард долларов, неизбежно произошло сокращение свободных резервов банков — членов ФРС, а это вступало в противоречие с общим направлением кредитной политики — «вливанием денег» — и могло неблагоприятно отразиться на финансировании экономики. В таких условиях возникла необходимость в распространении операций на открытом рынке на более широкий круг ценных бумаг. Расширяя сферу кредитного регулирования, ФРС должна была перейти к непосредственному воздействию на условия не только краткосрочного, но и долгосрочного кредита.

В феврале 1961 г. Комитет по операциям на открытом рынке поручил Нью-йоркскому федеральному резервному банку закупить на сумму до 500 млн. долл. государственные обязательства сроком до десяти лет. В конце марта 1961 г. руководство ФРС разрешило Нью-йоркскому резервному банку приобретать государственные бумаги сроком свыше десяти лет. Наряду с этим Нью-йоркский банк мог в определенных пределах (до 75 млн. долл., или до 10% всей суммы обращающихся акцептов) приобретать на открытом рынке первичные банковские акцепты[1]. Все это явилось официальным признанием того, что прежние принципы осуществления операций на открытом рынке потерпели крушение.

Выход из кризиса 1960—1961 гг. не сопровождался быстрым ростом новых капиталовложений. Это побудило правительство предпринять шаги, направленные на стимулирование экспансии в сфере долгосрочного кредита

---

[1] «48-th Annual Report of the Board of the Governors of the F. R. S.», Washington, 1962.

путем расширения закупок государственных облигаций с более длительными сроками погашения. Выступая в конгрессе, председатель Совета экономических консультантов при президенте У. Геллер говорил: «Необходимо предпринять эксперимент... Экономика нашей страны остро нуждается в стимулах, которые может дать более низкая эффективная ставка по долгосрочным и коммерческим займам» [1]. В основе таких расчетов лежала кейнсианская идея стимулирования инвестиций с помощью низкого процента по долгосрочному кредиту. Для правильной оценки такой политики, которую Геллер именует «экспериментом», а ряд других американских экономистов — «революцией в кредитной политике», уместно напомнить следующие обстоятельства. Еще в конце 20-х годов Д. Кейнс рекомендовал в качестве главного средства кредитной политики, направленной на стимулирование новых инвестиций, использовать операции на открытом рынке, и в частности массовые закупки именно «капитальных» (долгосрочных) государственных ценных бумаг [2]. Политика «дешевых денег» интенсивно осуществлялась в период кризиса 1929—1933 гг. Однако она не смогла вызвать резкого увеличения инвестиций и подъема хозяйственной деятельности.

В результате закупок на открытом рынке сумма принадлежащих ФРС государственных обязательств сроком от одного до пяти лет увеличилась в 1962 г. более чем на 23% (с 8,7 млрд. долл. до 10,8 млрд. долл.) и стала составлять более $^1/_3$ всего портфеля государственных бумаг [3]. Наряду с этим для покупки самих долгосрочных облигаций были использованы находящиеся в распоряжении казначейства резервы фондов социального страхования, правительственных пенсионных фондов и др. Вложения этих фондов в государственные облигации сроком от 10 до 20 лет увеличились за первые два с половиной года пребывания у власти правительства Кеннеди на 43% (с 1 461 млн. долл. до 2 083 млн. долл.), а вложения в облигации сроком более 20 лет возросли на 120%

---

[1] «January 1961 Economic Report of the President and the Economic Situation and Outlook». Hearings before the Joint Economic Committee U. S. Senate, Washington, 1961, p. 299.

[2] *J. Keynes*, A Treatise on Money, London, 1930, p. 225, 371.

[3] «Federal Reserve Bulletin», September 1963, p. 1289.

(с 1 140 млн. долл. до 2 514 млн. долл.) [1]. Поскольку эти обязательства приобретались на открытом рынке, т. е. у частных инвесторов, такие операции по существу означали высвобождение денежного капитала монополий, замороженного в долгосрочных государственных облигациях, за счет средств налогоплательщиков и кредитных ресурсов, находящихся в распоряжении ФРС. Вместе с тем они обеспечивали более выгодные условия для финансирования корпораций на рынке ссудного капитала.

Кроме того, одной из важных причин, побудивших ФРС и администрацию правительственных фондов перейти к широким закупкам среднесрочных и долгосрочных государственных бумаг, являлось значительное ослабление системы долгосрочного правительственного кредита. Комментируя рекомендации относительно перехода к закупкам долгосрочных государственных бумаг, выдвинутые Комиссией по вопросам денежного обращения и кредита [2], представитель этой комиссии Уайлд заявил: «Одним из аргументов (в пользу отказа от политики «только казначейские векселя». — *Авт.*), на котором в докладе не акцентируется внимание, является следующее обстоятельство: рынок таких бумаг желательно время от времени поддерживать. Нынешнее состояние рынка для долгосрочных обязательств оставляет желать лучшего» [3]. Необходимость его поддержки еще более усиливалась в связи с предпринятыми в 1961—1963 гг. попытками частичной консолидации государственного долга [4].

О масштабах поддержки долгосрочного правительственного кредита можно судить по следующим данным. В 1961 г. закупки ФРС государственных ценных бумаг сроком от пяти до десяти лет составили примерно 0,9 млрд. долл., а общий объем продаж этих бумаг дилерами (за вычетом внутридилеровского оборота) — 4,4 млрд. долл., т. е. за счет ФРС было размещено около 20% всех обязательств. Закупки ФРС государственных облигаций сроком свыше десяти лет составили в среднем

---

[1] Подсчет по данным «Treasury Bulletin» за соответствующие годы.

[2] «Money and Credit. Their Influence on Jols, Prices and growth», p. 64.

[3] «Review of the Report of the Commission on Money and Credit». Hearings before the Joint Economic Committee, 87-th Congress, 1-st Session, Washington, 1961, p. 28.

[4] См. предыдущий параграф.

примерно 30% дилеровского оборота[1]. Если учесть к тому же крупные закупки этих бумаг государственными страховыми и пенсионными фондами, то окажется, что в отдельные периоды ФРС и правительственные фонды поглощали свыше половины текущего оборота долгосрочных государственных бумаг. Такое размещение долгосрочных правительственных облигаций может свидетельствовать лишь об ослаблении государственного кредита.

Наконец, расширение закупок государственных бумаг в 1961—1963 гг. вызывалось тем, что ухудшение валютного положения оказывало неблагоприятное влияние на размеры свободных резервов коммерческих банков. ФРС расширяла покупки государственных бумаг на открытом рынке с целью компенсировать сокращение свободных резервов, вызванное отливом золота из США.

Таким образом, в 1962—1963 гг. окончательно оформился переход ко второму этапу кредитной политики — поддержанию высоких процентных ставок по краткосрочным обязательствам и параллельное осуществление экспансионистской политики в сфере среднесрочного и долгосрочного кредита. Окончательный разрыв с прежним принципом «только казначейские векселя» и переход к закупке среднесрочных и долгосрочных ценных бумаг вызвали новое обострение борьбы внутри монополистической буржуазии. Опасаясь, что снижение процентных ставок по долгосрочным ссудам вызовет уменьшение дохода банков, ряд финансовых группировок выступил с критикой кредитной политики нового правительства. Серьезно обострились и трения в составе самого руководства ФРС. Ряд прежних руководителей должен был выйти из совета управляющих ФРС[2]. Однако и нынешний состав руководства ФРС, выражая требования банковских монополий, оказывает заметное сопротивление требованиям дальнейшего снижения процента по долгосрочным ссудам.

---

[1] «January 1962 Economic Report of the President». Hearings before the Joint Economic Committee, 87-th Congress, 2-nd Session, Wishington, 1962, p. 178, 201.

[2] Так, например, из Совета управляющих ФРС вышел У. Рифлер, являвшийся одним из наиболее активных сторонников политики «только казначейские векселя» (*W. Riefler,* Open Market Operation in Long Term Securities. «Federal Reserve Bulletin», November 1958).

К концу 1962 г. председатель совета управляющих ФРС У. Мартин заявил: «По моему убеждению, в настоящее время уровень ликвидности наших банков и всей экономики в целом является настолько высоким, что предоставление дальнейших стимулов в форме снижения процента вряд ли окажет какую-либо пользу, а скорее может оказать существенный вред» [1]. Хорошо осведомленный журнал «Файнэнс» писал, что «в Комитете по операциям на открытом рынке большинство, возглавляемое председателем совета управляющих У. Мартином, в настоящее время не заинтересовано в реальном осуществлении политики дешевых денег» [2]. Незначительным большинством голосов — шесть против пяти [3] — противникам политики «дешевых денег» во главе с У. Мартином летом 1963 г. удалось провести через совет управляющих решение о повышении учетной ставки. С другой стороны, деятели, тесно связанные с промышленным капиталом, требуют активизировать политику кредитной экспансии. Это вызывает дальнейшее усиление грызни внутри правящих кругов США, а также во всем капиталистическом лагере. Так, в связи с подготовкой к переизбранию председателя совета управляющих ФРС всю американскую печать обошло сообщение о том, что если правительство сумеет добиться отстранения У. Мартина, то западноевропейские финансовые круги намерены ответить на это отзывом части своих капиталов из США. В экономическом послании конгрессу на 1964 г. президент США Джонсон в довольно резкой форме выступил против планов новых кредитных ограничений, указав, что «было бы пагубным подрывать стимулы, предоставленные налоговой реформой, усиливая кредитные ограничения» [4].

Отмечая существенные изменения, предпринятые правительством Кеннеди в сфере кредитного регулирования, и в частности окончательный отход от прежних принципов осуществления операций на открытом рынке, вместе с тем, по-видимому, не следует переоценивать различий между новой кредитной политикой и политикой предшествовавшего правительства. Как отмечалось выше, обе основные

---

[1] *W. Martin jr.*, Monetary Policy and International Payments. «The Journal of Finance», March 1963, p. 7.

[2] «Finance», April 19, 1963, p. 13.

[3] «New York Herald Tribune», 17. II. 1964.

[4] «Economic Report of the President. 1964», p. 11.

тенденции — продажа краткосрочных векселей с целью поддержания золотого запаса и закупка долгосрочных обязательств — начали развиваться еще в предшествующий период. В новых условиях резкого обострения противоречий ускорилась «эрозия» старых форм кредитной политики и развитие описанных тенденций необходимо должно было получить более широкий размах. Известный английский финансовый эксперт Уилсон вынужден отметить, что в области кредитной политики «все то, что предприняла администрация Кеннеди, сводилось просто к изменению темпов развития. Она продвигалась в том же самом направлении, но только подталкивала развитие событий более быстрыми темпами» [1].

Резкое расширение среднесрочных и долгосрочных кредитов требует серьезного изменения структуры банковских пассивов, и в частности увеличения удельного веса срочных депозитов. Поэтому в последнее время чрезвычайно важную роль в кредитной политике стали играть мероприятия, направленные на стимулирование накопления денежного капитала и сбережений в форме срочных вкладов.

На протяжении последних десятилетий в кредитной системе США происходили важные структурные изменения, связанные с быстрым развитием различных специализированных кредитных и страховых учреждений — компаний по страхованию жизни, ссудо-сберегательных ассоциаций, частных пенсионных фондов и др. Это вело к обострению конкурентной борьбы между различными видами кредитных учреждений за привлечение денежных капиталов и сбережений населения. «Конкурентная борьба за привлечение вкладов между финансовыми институтами приняла самый острый характер за всю историю страны», — отмечается в издании одного из крупнейших банков США — «Чейз Манхэттен» [2].

На протяжении примерно двадцатилетнего периода (до середины 50-х годов) фактические процентные ставки, выплачиваемые коммерческими банками по срочным вкладам, были ниже законодательного предела, установленного еще в 1935 г. Таким образом, в тот период сохранялся резерв для повышения ставок этими банками. Однако

---

[1] «The Banker», July 1962, p. 445.
[2] «Business in Brief», January — February 1964.

постепенное усиление кредитной напряженности во второй половине 50-х годов вызвало дальнейшее обострение конкурентной борьбы за привлечение срочных депозитов. Ставки по вкладам достигли законодательного максимума. Банкиры стали требовать таких изменений в существующем законодательстве, которые позволили бы им более эффективно конкурировать с другими кредитными учреждениями. С 1957 г. было разрешено повысить процентную ставку по сберегательным вкладам и другим вкладам на срок более полугода с $2^1/_2$ до 3%. Но вскоре выяснилось, что новый лимит процентных ставок недостаточен.

С приходом к власти правительства Кеннеди проблема регулирования срочных депозитов приобрела, очевидно, некоторые дополнительные аспекты. Важнейшее условие роста капиталовложений новая администрация видела в обильном предложении долгосрочных кредитов под низкие проценты. Для этого же, в частности, требовалось значительно расширить приток денежных капиталов и сбережений в форме срочных вкладов. Кроме того, привлечение на более длительный срок части свободного денежного капитала, ранее помещавшегося в краткосрочные ценные бумаги, позволило бы удерживать на более высоком уровне ставку процента по краткосрочным займам и тем самым сдерживать бегство краткосрочных капиталов за границу. Это побудило новую администрацию осуществить ряд мероприятий, специально направленных на создание благоприятных условий для дальнейшего быстрого накопления срочных вкладов.

С 1 января 1962 г. руководство ФРС повысило максимальные процентные ставки по сберегательным вкладам и прочим вкладам на срок в один год и более с 3 до 4%, а по вкладам на срок от шести месяцев до одного года — с 3 до $3^1/_2$%. С 17 июля 1963 г. было предпринято дальнейшее повышение максимального процента по вкладам, помещаемым на сравнительно более короткий срок; для вкладов сроком от трех месяцев до одного года они были также подняты до 4%. Вскоре после постановлений ФРС федеральная корпорация по страхованию банковских депозитов опубликовала аналогичные распоряжения для тех банков, которые не входят в состав ФРС, но охватываются системой страхования депозитов.

Разрешение поднять процентные ставки распространялось также на сертификаты по срочным депозитам.

В связи с этим следует отметить новую важную черту в развитии пассивных операций коммерческих банков. Сертификаты по срочным депозитам выпускались банками и в предшествующий период, однако лишь к началу 60-х годов они стали играть важную роль на денежных рынках. В феврале 1961 г. к выпуску обращающихся на рынке сертификатов впервые перешел один из крупнейших американских банков — «Ферст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», а вслед за ним и другие крупные банки[1]. Сертификаты располагают преимуществами перед обычными срочными вкладами: они могут быть немедленно обращены в наличность путем продажи на денежном рынке. Вторичный рынок для этих сертификатов стали поддерживать находящаяся в совместном владении крупнейших нью-йоркских банков «Дискаунт корпорэйшн», а также ряд крупных дилерских фирм. Но дальнейшее распространение сертификатов по срочным депозитам сдерживалось существовавшим «потолком» процентных выплат по таким обязательствам. Так, по сертификатам сроком от трех до шести месяцев в 1961 г. разрешалось выплачивать $2^1/_2$%, а от шести месяцев до одного года — 3%, тогда как процентные ставки по государственным бумагам с аналогичными сроками находились обычно примерно на том же или даже на более высоком уровне.

Пересмотр прежних ограничений процентных выплат по сертификатам дал толчок их более интенсивному распространению. Если к концу 1960 г. общая сумма всех выпущенных банками сертификатов по срочным депозитам составляла немногим более 1 млрд. долл., то к концу марта 1964 г. она достигла уже почти 11 млрд. долл.[2] Таким образом, исключительно быстрый рост банковских сертификатов превратил их в последние годы в одну из важнейших форм привлечения новых срочных вкладов крупнейшими банками. Основным покупателем

---

[1] «Обращающиеся сертификаты в большинстве случаев принадлежат тем банкам, которые играют наиболее важную роль на денежном рынке, поскольку казначеи корпораций обычно намерены покупать сертификаты по срочным депозитам лишь у таких банков, а в ряде случаев лишь у тех банков, в которых они уже хранят свои депозиты», — отмечает журнал «Бэнкер» («The Banker», September 1962, p. 590).

[2] «Federal Reserve Bulletin», April 1963, p. 458; May 1964, p. 551—552.

сертификатов по срочным вкладам выступают частные промышленные корпорации, на долю которых к концу 1962 г. приходилось свыше $^2/_3$ всех размещенных банковских сертификатов[1]. Корпорации предпочитают такие сертификаты бессрочным депозитам, ибо по последним они, согласно закону, не могут получать процентного дохода.

Пересмотр законодательного лимита процентной ставки оказал существенное влияние на фактический уровень процента, выплачиваемого по срочным вкладам. Проведенное в начале 1962 г. выборочное обследование банков показало, что примерно $^2/_3$ их общего числа сразу же повысили выплаты по сберегательным вкладам выше прежнего максимума в 3%[2]. Средняя ставка в 1962 г. составила 3,23% против 2,73% в 1961 г.[3] В связи с этим дальнейшее развитие получила тенденция к перемещению части денежных капиталов и сбережений из бессрочных вкладов в срочные депозиты. После введения в действие с 1 января 1962 г. новых максимальных процентов ставок по срочным вкладам за полтора года общая сумма частных депозитов до востребования (за вычетом межбанковских вкладов) не только не обнаружила обычного роста, но даже уменьшилась на 11 470 млн. долл., или на 8%. Специальное исследование, предпринятое группой сотрудников нью-йоркского финансового института Девайна, привело к выводу, что повышение процентных ставок вызвало дополнительное перемещение значительных сумм ликвидных активов в срочные депозиты[4] (см. табл. 26).

Накопление срочных вкладов развертывалось невиданными для послевоенного периода темпами. За два года общая сумма срочных депозитов возросла на 28 635 млн. долл., или в среднем на 16,1% в год, тогда как в 1958—1960 гг. они увеличивались менее чем на 3% в год. В основе столь быстрых темпов роста срочных депозитов лежали прежде всего объективные факторы ускоренного накопления денежного капитала: значительный рост денежных доходов монополистической буржуазии, нераспределенной прибыли корпораций и особенно происхо-

---

[1] «Federal Reserve Bulletin», April 1963, p. 462—463.

[2] «Interest Rate and Individual Saving». «The Bulletin of the Devine Institute of Finance» N 20, June 1962, p. 9.

[3] «Federal Reserve Bulletin», May 1963, p. 601.

[4] «Interest Rate and Individual Saving», p. 10—11.

Таблица 26

Динамика депозитов коммерческих банков США [1]

(в млн. долл., на конец соответствующего года)

	1956 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Общая сумма депозитов (исключая межбанковские вклады)	179 923	210 965	230 295	245 579	259 327
Бессрочные депозиты федерального правительства США	3 733	5 945	5 946	6 829	6 729
Прочие бессрочные депозиты	125 282	133 379	141 920	141 041	141 534
Срочные депозиты	50 908	71 641	82 429	97 709	111 064

дившее в последние годы резкое увеличение амортизационных отчислений. Однако тот факт, что бо́льшая часть новых накоплений устремилась в срочные депозиты, а, кроме того, существенная доля накопленного ранее денежного капитала переместилась из других сфер приложения в срочные вклады, безусловно, в немалой мере связан с повышением процентных выплат по этим вкладам. К концу 1963 г. удельный вес срочных вкладов в общей сумме депозитов (за вычетом межбанковских вкладов) достиг 44%, т. е. впервые за последние 30 лет было восстановлено соотношение между вкладами до востребования и срочными вкладами, существовавшее до кризиса 1929—1933 гг.

Быстрый рост срочных депозитов побудил руководство ФРС снизить размеры обязательных резервов для срочных вкладов, с тем чтобы нормы обязательных резервов не сдерживали дальнейшего накопления этих вкладов. С конца октября 1962 г. обязательные резервы банков — членов ФРС по срочным вкладам были снижены с 5 до 4% [2].

Для оценки того, насколько эффективной оказалась описанная система мероприятий, прежде всего необходимо рассмотреть ее воздействие на процессы, протекающие внутри кредитной системы. Усиление конкуренции за привлечение срочных вкладов побудило сберегательные банки, ссудо-сберегательные ассоциации и другие частные

[1] «Federal Reserve Bulletin», December 1957, p. 1377; October 1961, p. 1197; September 1963, p. 1272; May 1964, p. 584.

[2] «49-th Annual Report of the Board of the Governors of the F. R. S.», Washington, 1963, p. 119—120.

кредитные учреждения в свою очередь повысить (в ряде случаев в скрытой форме) уровень выплат по вкладам. Так, в начале 1962 г. около трети всех ссудо-сберегательных ассоциаций пересмотрели размеры дивидендов, выплачиваемых вкладчиками, и условия выплаты[1] по сравнению с 3,23% по срочным депозитам. К апрелю 1962 г. основные ссудо-сберегательные ассоциации выплачивали по своим акциям дивиденд в 4,75%[2]. Коммерческим банкам не удалось отвлечь и существенной части вкладов из сберегательных банков; быстрое накопление срочных депозитов смогло лишь несколько замедлить рост капитала, привлекаемого сберегательными банками. С начала 1962 г. до начала 1964 г. депозиты сберегательных банков увеличились на 16%. Сберегательный капитал ссудо-сберегательных ассоциаций продолжал накапливаться еще более быстрыми темпами: за указанный период он возрос на 29%[3]. Президент американской лиги ссудо-сберегательных ассоциаций отметил, что эти ассоциации сталкиваются на практике с рядом проблем, более серьезных, чем конкуренция со стороны коммерческих банков в деле привлечения срочных вкладов[4].

Пересмотр прежних ограничений процентных выплат явился победой крупного капитала, он способствовал дальнейшему обострению конкурентной борьбы, направленной против мелких банков, и усиленной централизации банковского капитала. После того как крупнейшие банки повысили выплачиваемые по срочным вкладам доходы с 3 до 4%, конкуренция поставила мелкие банки перед необходимостью аналогичного увеличения выплат. Однако, как указывал профессор Ж. Боген, «многие мелкие банки, у которых большую часть депозитов составляют сберегательные вклады, а активные операции приносят низкие доходы, решительно сопротивляются повышению максимальных процентных ставок, поскольку у них нет средств для того, чтобы выплачивать более 3%, а в ряде случаев не хватает денег и для 3% выплат»[5].

---

[1] «The Bulletin of the Devine Institute of Finance», June 1962, p. 10.

[2] «The New York Times», 8. IV. 1962.

[3] «Federal Reserve Bulletin», September 1963, p. 1284—1285.

[4] «American Banker», 2. III. 1962.

[5] «Conference on Savings and Residential Financing. 1960. Proceedings», Chicago, 1960, p. 111.

Интенсивное накопление срочных и сберегательных вкладов, сочетавшееся с предпринятыми ФРС и правительственными фондами массовыми операциями на открытом рынке, смогло оказать известное воздействие на уровень процента по долгосрочным ссудам, но и это влияние было весьма ограниченным. Наиболее отчетливо оно проявилось в динамике дохода по облигациям частных корпораций. Для наиболее надежных частных облигаций (разряд «ААА», по классификации Муди) фактический процентный доход снизился с 4,4% в 1960 г. лишь до 4,33% в 1962 г. К началу 1963 г. развитие понижательной тенденции приостановилось, а с весны 1963 г. сменилось новым значительным повышением рыночных процентных ставок. Основное влияние, которое политика «дешевых денег» оказала на развитие долгосрочного кредита, вообще выражалось не столько в непосредственном снижении процентных ставок, сколько в несколько замедлившемся их росте в условиях циклического подъема.

Факты говорят о том, что такая политика не обеспечила желаемого результата — кредитную экспансию, сопровождающуюся резким ростом капиталовложений. Несмотря на несколько более благоприятные условия финансирования для крупных корпораций, общая сумма валовой эмиссии ценных бумаг (акций и облигаций) частными корпорациями в 1961 г. исчислялась в 9,6 млрд. долл., в 1962 г. — 7,1 млрд. долл., а в 1963 г. — 5,9 млрд. долл.[1], т. е. обнаруживала тенденцию к неуклонному снижению. Расширение ссуд частным фирмам, занятым в промышленности и торговле, в 1961—1963 гг. отставало от общего роста ресурсов банков. Вследствие этого происходило дальнейшее снижение доли коммерческих ссуд в активных операциях банков.

Развитие экономики США в начале 60-х годов вновь подтвердило, что размеры текущих капиталовложений определяются прежде всего условиями воспроизводства, изменениями в структуре материального производства, ходом развития цикла и другими глубинными процессами. Уровень ссудного процента никогда не играл решающей роли в развитии капиталистического производства, а в современных условиях его влияние на динамику инвестиций оказывается еще более ограниченным. Поэтому и

[1] «Survey of Current Business», May 1964, p. 11.

попытки регулирования инвестиций с помощью понижения или повышения уровня ссудного процента были обречены на провал. Вот почему система мероприятий правительства, направленных на стимулирование спроса со стороны крупных предпринимателей на долгосрочные ссуды, не могла достигнуть желаемой цели. Спрос на заемные средства для финансирования новых капиталовложений попрежнему оставался вялым. Даже в той мере, в какой циклическое расширение инвестиций все же имело место, крупные корпорации могли в возрастающей степени использовать для покрытия своих капитальных расходов внутренние источники — огромные суммы накапливаемых амортизационных отчислений и нераспределенной прибыли.

Массовые продажи краткосрочных государственных бумаг казначейством и ФРС, которые сочетались с повышением процентных ставок по банковским сертификатам, бесспорно, оказали существенное влияние на рыночный уровень процента по краткосрочным ссудам. Однако и в данной области основными факторами, определявшими движение процентной ставки, являлись процессы стихийного развития капиталистической экономики. Наиболее наглядным свидетельством этого является снижение рыночного процента по краткосрочным ссудам в 1961 г. Никакие мероприятия кредитного регулирования не могли предотвратить падения уровня процента по краткосрочным займам, вызванного экономическим кризисом 1960—1961 гг.: средний рыночный доход по трехмесячным казначейским векселям в 1961 г. снизился до 2,36% против 2,87% в 1960 г.[1] По мере того как в последующий период экономика переходила к циклическому подъему, уровень краткосрочного процента, который чрезвычайно чутко реагирует на изменения хозяйственной конъюнктуры, стал постепенно возрастать. Средний уровень процента по первоклассным коммерческим векселям, составлявший в 1961 г. 2,97%, в 1962 г. повысился до 3,26%, а к августу 1963 г. — до 3,72%[2].

Кредитная политика ФРС и проводимая казначейством политика управления государственным долгом значительно способствовали повышению процентных ставок по

[1] «Economic Indicators», July 1963, p. 33.
[2] «Federal Reserve Bulletin», September 1963, p. 1282.

краткосрочным казначейским векселям. На протяжении 1962 г. рыночная доходность трехмесячных казначейских векселей обычно не снижалась ниже 2,65—2,75%.

Поскольку на некоторых заграничных денежных рынках норма процента по краткосрочным ссудам в данный период снижалась, такое увеличение процента могло обеспечить некоторое сокращение разрыва в процентных ставках. Так, например, если в 1961 г. разница в уровнях рыночного процента между трехмесячными казначейскими векселями США и Англии в отдельные периоды достигала 70 пунктов, то к 1962 г. максимальные различия между ними уменьшились до 30—35 пунктов. Однако в ряде других стран Западной Европы, например в ФРГ, рост процента по краткосрочным ссудам оказывался не менее значительным, чем в США. Правительству не удалось полностью приостановить дальнейший отлив краткосрочных капиталов за границу. В 1962 г. бегство из США краткосрочного капитала, принадлежащего частным кредиторам, составляло 467 млн. долл., причем его отлив в Западную Европу в 1962 г. увеличился по сравнению с 1961 г. более чем в 2 раза[1]. В последнее время платежный баланс из года в год сводится со значительным дефицитом, а ухудшение внутреннего финансового положения США усиливает недоверие иностранных кредитов к прочности доллара. В таких условиях уровень процента по краткосрочным ссудам в США оказывает еще более ограниченное влияние на международное движение золота.

Приведенные факты свидетельствуют, что, несмотря на расширение государственного вмешательства в кредитно-денежной сфере, границы воздействия кредитной политики на развитие важнейших экономических процессов оказались довольно узкими. Приведя в действие развернутую систему мероприятий кредитного регулирования, правящие круги все же не смогли ни добиться перелома в развитии спроса на заемные средства, используемые для новых производственных капиталовложений, ни приостановить дальнейшую утечку золота из США.

Однако из этого отнюдь еще не следует, что активное использование правительством кредитной политики вообще не оказывало никакого влияния на ход экономи-

---

[1] «Survey of Current Business», March 1963, p. 22—23.

ческого развития. Операции ФРС и казначейства на открытом рынке позволили крупнейшим банковым и промышленным корпорациям дополнительно высвободить часть своего капитала из старых выпусков долгосрочных и среднесрочных государственных бумаг, не подвергаясь при этом существенным курсовым потерям. Кроме того, в результате осуществления операций на открытом рынке и изменения лимита процентных выплат по срочным вкладам значительно расширились кредитные ресурсы банков. В 1962—1963 гг. срочные и сберегательные депозиты банков впервые за послевоенный период не только не замедлили, но, напротив, ускорили свой рост в фазе циклического подъема. В условиях ограниченного спроса на заемные средства со стороны промышленного капитала дополнительные массы денежного капитала устремлялись по каналам государственного и ипотечного кредита, финансирования коммерческих операций с ценными бумагами и др. Общий прирост задолженности федерального правительства и местных органов власти, ипотечных займов, банковских ссуд под ценные бумаги и потребительского кредита за три года пребывания у власти правительства Кеннеди составил огромную сумму — порядка 100 млрд. долл.[1] Следовательно, финансовые магнаты использовали новые кредитные ресурсы прежде всего для дальнейшего развертывания весьма прибыльных операций с ценными бумагами федерального правительства и местных органов власти и для интенсивного расширения сферы дополнительной эксплуатации трудящихся, опутанных кабальной сетью ипотечного и потребительского кредита.

При указанных формах движения ссудный капитал не направляется непосредственно на расширение производства, но он оказывает существенное влияние на развитие капиталистического рынка, а следовательно, на структуру и размеры производства. Кредитование ряда различных категорий спроса в известных условиях может способствовать расширению текущего производства. Однако нельзя забывать и о том, что интенсивное разбухание кредитной надстройки покоится либо непосредственно (потребительский кредит и большая часть ипотечных займов), либо в

[1] Подсчет по данным «Survey of Current Business», May 1964; «Federal Reserve Bulletin», April 1964.

конечном счете через опосредствующий механизм перераспределения национального дохода (государственный кредит) на таком шатком основании, как текущие доходы трудящихся. Это неизбежно усиливает неустойчивость складывающихся форм реализации и таит в себе угрозу последующего резкого сокращения платежеспособного спроса.

Ухудшение экономического положения США придает все более противоречивый характер всей системе мероприятий государственно-монополистического регулирования, в том числе и кредитной политике. Серьезное замедление темпов расширения производства и развивающийся «кризис доллара» вынудили администрацию Кеннеди ставить перед кредитной политикой сразу две совершенно различные задачи. Принцип «только казначейские векселя» был отвергнут как «негибкий»; поскольку этот принцип исходил из предпосылки о тесном взаимодействии между рынком краткосрочных ссуд и рынком долгосрочных ссуд, он исключал возможность одновременного осуществления на этих рынках противоположных по своему характеру задач. «Гибкая» кредитная политика нового правительства пыталась проводить дифференцированное кредитное регулирование — политику «дешевых денег» в одной части рынка ссудного капитала и «дорогих денег» — в другой. Переход к «гибкой» политике определил и использование операций на открытом рынке в качестве главного рычага кредитного регулирования.

Однако при всем своем внешнем многообразии рынок ссудных капиталов в действительности обладает внутренним единством; единство рынка ссудных капиталов ставит узкие границы осуществлению подобной «гибкой» политики. Стихийные процессы приводят к установлению определенных соотношений между процентными ставками по краткосрочным и долгосрочным ссудам.

Поскольку государству путем операций на открытом рынке удается искусственно повысить норму процента по краткосрочным ссудам выше данного уровня, это неизбежно должно вызвать усиленный прилив денежного капитала в такие бумаги, противодействующий дальнейшему повышению процента по краткосрочным займам. В таких условиях, для того чтобы поддерживать повышенную норму процента по краткосрочным ссудам, казначейство должно выпускать на денежный рынок все новые серии трехмесячных векселей. Это особенно ярко должно было

проявиться в условиях циклического сокращения спроса на ссудный капитал. Так, если в 1960 г. казначейству еще удалось несколько сократить объем выпущенных казначейских векселей, то в 1961 г. их количество возросло на 4 млрд. долл., а в 1962 г. — на 4,8 млрд. долл.[1] Кроме того, в 1962 г. большое количество казначейских векселей выбросила на денежный рынок ФРС. Но этого оказалось недостаточно, и в июле 1963 г. руководству ФРС пришлось прибегнуть к первому после прихода к власти нового правительства повышению учетной ставки резервных банков с 3 до 3½%. Это мероприятие, как официально должна была признать администрация ФРС, было продиктовано продолжающимся отливом краткосрочного капитала[2].

С другой стороны, интенсивный прилив свободного денежного капитала в краткосрочные ссуды до известной степени сдерживает снижение процента по долгосрочным займам. Денежные капиталисты в ряде случаев уклонялись от покупки большого количества долгосрочных бумаг, они предпочитали выгодно поместить средства в казначейские векселя, доход по которым поддерживался на повышенном уровне. Это вызывало снижение рыночных курсов долгосрочных государственных облигаций и повышение процентной ставки по этим бумагам. Тем самым подрывались основы «гибкого» дифференцированного кредитного регулирования процентных ставок по различным видам ссуд. Как свидетельствует Шлезингер, «несмотря на усилия, направленные на понижение процентной ставки по долгосрочным ссудам... рыночный уровень процента по этим ссудам на протяжении всего спада 1961 г. оставался сравнительно высоким»[3]. В последующий период ставки по долгосрочным государственным облигациям обнаружили отчетливую тенденцию к повышению; в июле 1963 г. они достигли 4,01% против 3,87% в ноябре 1962 г.[4] Процент по долгосрочным государственным облигациям к середине 1963 г. оказался даже выше, чем в период, предшествовавший осуществлению политики «дешевых денег» на рынке долгосрочных капиталов.

---

[1] «Treasury Bulletin», July 1963.
[2] «Federal Reserve Bulletin», July 1963, p. 946.
[3] «The Review of Economics and Statistics», May 1962, p. 186.
[4] «Economic Indicators», July 1963, p. 33.

Наряду с этим в 1963 г., как отмечалось выше, стал повышаться также и процент по облигациям частных корпораций.

Конечно, в движении процентных ставок по краткосрочным и долгосрочным ссудам с указанным переливом части ссудного капитала перекрещивалось действие ряда других важнейших факторов, и прежде всего циклическое развитие спроса на свободный денежный капитал. Но нельзя забывать, что частная эмиссия в рассматриваемый период не обнаруживала быстрого расширения, да и предпринятая казначейством частичная консолидация государственного долга характеризовалась весьма умеренными размерами. Если политика «дешевых денег», проводившаяся на рынке долгосрочных ссуд, и в таких условиях все же не смогла предотвратить повышения рыночного процента по долгосрочным государственным облигациям, то это может свидетельствовать лишь о том, что серьезная внутренняя противоречивость, присущая «гибкой» кредитной политике, еще более ограничивает возможности такого регулирования.

Кредитная политика ФРС способствовала дальнейшему ухудшению финансового положения казначейства. Повышение процента по краткосрочным ссудам в условиях, когда краткосрочная задолженность составляет бóльшую часть всех правительственных рыночных обязательств, неизбежно влечет за собой значительное увеличение общей суммы процентных выплат. В то же время политика «дешевых денег» не смогла обеспечить снижения процентных выплат по долгосрочным облигациям федерального правительства и местных органов власти. Курс долгосрочных государственных обязательств продолжал снижаться, несмотря на крупные закупки этих бумаг правительственными фондами и ФРС. Средний курс долгосрочных государственных облигаций продолжал снижаться.

Рост процентных ставок по государственным обязательствам оказался чрезвычайно выгодным для кредиторов государства, и в частности для банков. При этом необходимо иметь в виду следующее немаловажное обстоятельство. В период предшествующего циклического подъема банки, нуждавшиеся в кредитных ресурсах, должны были сбрасывать на рынке существенную часть своего портфеля государственных бумаг. В новых условиях проводимая ФРС политика «вливания» дополнитель-

ных резервов позволяет банкам расширять круг своих операций, прибегая к значительно меньшим продажам государственных бумаг. К началу 1964 г. общие размеры активных операций коммерческих банков — членов ФРС расширились более чем на одну четверть по сравнению с началом 1961 г.[1] В то же время сумма принадлежащих им государственных бумаг практически почти не уменьшилась за этот период.

Общая прибыль банков — членов ФРС в 1961—1963 гг. составляла после вычета налогов в среднем 1 746,0 млн. долл., тогда как во второй половине 50-х годов (1956—1960) она в среднем равнялась 1 309,8 млн. долл.[2] Таким образом, доходы банкиров в первые три года пребывания у власти правительства Кеннеди оказались на 34% выше, чем в предшествующие годы. Как явствует из приведенных данных, широко рекламировавшаяся администрацией Кеннеди политика «дешевых денег» в действительности не таила в себе какой-либо серьезной угрозы для банковских прибылей.

Закупка резервными банками большого количества государственных ценных бумаг, лежавшая в основе программ кредитной экспансии, носит отчетливо выраженный инфляционный характер. За период с начала 1961 г. по конец марта 1964 г. сумма государственных обязательств, размещенных в резервных банках, увеличилась более чем на 6 млрд. долл. (с 27 384 млн. долл. до 33 770 млн. долл.). В соответствии с этим и сумма обращающихся федеральных банкнот увеличилась за тот же период примерно на 18%. Благодаря закупкам ФРС были созданы дополнительные возможности для расширения чекового обращения. Наряду с этим проводившаяся администрацией Кеннеди политика повышения процентных ставок по краткосрочным ссудам способствовала значительному увеличению скорости обращения платежных средств. Средняя скорость обращения средств по бессрочным вкладам в банках крупных городов США (кроме Нью-Йорка) увеличилась с 28,2 в 1960 г. до 35,7 в апреле 1964 г., а в нью-йоркских банках — с 60,0 до 93,6[3].

---

[1] «Federal Reserve Bulletin», September 1963, p. 1272; May 1964, p. 584.

[2] «Federal Reserve Bulletin», May 1963, p. 599—600; May 1964, p. 630.

[3] «Federal Reserve Bulletin», May 1964, p. 580, 601.

На развитие денежного обращения известное влияние оказывает и сама структура портфеля ФРС. В предшествующий период резервные банки приобретали на открытом рынке главным образом краткосрочные казначейские векселя. Это позволяло им более широко маневрировать, прибегая в отдельные периоды к продаже этих бумаг на рынке (или отказываясь от подписки на новые векселя, выпускаемые взамен старых). Теперь же, когда резервные банки перешли к широким закупкам среднесрочных и долгосрочных бумаг, возможности последующей реализации этих бумаг на открытом рынке представляются весьма сомнительными. Спрос кредиторов на долгосрочные государственные облигации в послевоенный период неизменно оказывался весьма узким, и, следовательно, всякие попытки ФРС продать значительную партию указанных бумаг в таких условиях могут привести к еще более резкому падению их курсов и тем самым полностью расстроить механизм долгосрочного государственного кредита. Поэтому рост денежного обращения, вызванный увеличением закупок долгосрочных государственных обязательств, как правило, носит необратимый характер, а это неизбежно означает накопление предпосылок для последующего быстрого развития инфляции.

5. Расчет влияния налоговой реформы на платежеспособный спрос населения США

Трудности в экономике объясняются главным образом отставанием покупательной силы общества, и прежде всего потребительной силы масс, от производственных возможностей. Это признают некоторые буржуазные экономисты и официальные лица [1]. Так, в экономическом докладе конгрессу (январь 1962 г.) Кеннеди признавал, что «недостаточность спроса была в последние годы основной причиной безработицы и недогрузки производственных мощностей» [2]. В том же духе он высказывался и в

---

[1] «U. S. News and World Report», February 18, 1963, p. 43.
[2] «Economic Report of President Transmitted to the Congress», January 1962. Together with the Annual Economic Report of the Council of Economic Advisers, p. 37—38.

экономическом докладе 1963 г.[1], и в бюджетном послании от 18 января 1963 г. «Наша экономика, — говорилось в бюджетном послании, — на протяжении более пяти лет отстает от своего производственного потенциала потому, что совокупный спрос на товары и услуги, предъявляемый потребителями и деловыми фирмами, не был достаточным, чтобы поддерживать функционирование экономики на всю ее мощность»[2].

Увеличению этого разрыва в послевоенные годы в немалой степени содействовала экономическая политика правительств Трумэна и Эйзенхауэра. Возросшие по сравнению с периодом 30-х годов государственные закупки товаров и услуг создали известный прирост к совокупному платежеспособному спросу на рынке. Прирост этот, однако, не может увеличиваться пропорционально росту государственного бюджета, ибо денежные средства государства более чем на три пятых составляются из налогов с трудящихся. Таким образом, оборотной стороной роста государственных закупок является урезывание общей потребительной силы населения, следовательно, сокращение рынка.

Общая сумма государственных расходов по отношению к конечному общественному продукту страны[3] составляет

---

[1] «Economic Report of the President Transmitted to the Congress», January 1963. Together with the Annual Economic Report of the Council of Economic Advisers, p. 22.

[2] «The Budget of the United States. 1964», Washington, 1963, p. 7.

[3] На росте номинальных размеров государственных расходов весьма сильно отражается рост цен и обесценение доллара. Поэтому такие данные не сопоставимы за разные годы. Сопоставимые масштабы государственных расходов выявляет процентное отношение их к общественному продукту (рассчитанному также в текущих ценах). Наш расчет сделан на основе данных официальной американской статистики национального дохода. Государственные расходы рассчитаны как сумма федеральных расходов и расходов бюджетов штатов и местных властей при устранении двойного счета федеральных субсидий штатам и местным властям. Конечный общественный продукт рассчитан путем вычитания из официального американского показателя конечного национального продукта (Gross National Product) «государственных расходов на услуги», за исключением расходов на ремонт (учитываемых официальной американской статистикой как разновидности услуг), личных услуг нематериального характера (за исключением материальных затрат на эти услуги) и дополнительного труда по обслуживанию личного потребления.

в США теперь 40% (1961 и 1962 гг.) в отличие от 26% в предвоенном 1939 году и 24% в первые послевоенные годы, тогда как покупательная способность населения на рынке потребительских товаров (его потребительная сила) во все большей мере урезывается налоговыми сборами. В предвоенные годы при рузвельтовском «новом курсе» государственные выплаты населению превышали налоги с трудящихся, так что результатом экономической политики правительства было некоторое приращение к потребительной силе населения. В послевоенные годы картина прямо противоположная. Осуществляется большое урезывание покупательной способности населения[1].

Правительство Кеннеди в качестве главного мероприятия по увеличению платежеспособного спроса выдвинуло снижение подоходного налога. Какое воздействие окажет эта мера на емкость внутреннего рынка? В известной мере ответ на этот вопрос может дать экстраполяция влияния на общую потребительную силу населения государственных выплат и налогов с трудящихся при снижении подоходного налога согласно президентскому законопроекту и при снижении его в соответствии с фактически принятым законом, утвержденным президентом 26 февраля 1964 г. При расчете за основу примем данные по всему государственному бюджету США — федеральному и бюджетам штатов и местных властей. Для получения сопоставимых за разные годы показателей влияния на потребительную силу населения отнесем их (в процентах) к сумме личных потребительских расходов в стране (из статистики национального дохода, с устранением повторного счета личных потребительских услуг нематериального характера).

В правительственных документах США, в буржуазной прессе влияние проводимой налоговой реформы на покупательную способность населения, на емкость внутреннего рынка сильно преувеличивается. Считается там, что вся сумма снижения подоходного налога и есть сумма расширения рынка. В связи с первоначальным законопроектом Кеннеди указывались следующие цифры расширения рынка: для 1963 г. — на 2,8 млрд. долл., для

[1] Об этом расчете подробнее см. в статье «Государственные расходы и проблема рынка в США» («Мировая экономика и международные отношения» № 12, 1962, стр. 38—48).

1964 г. — на 8,3 млрд. долл., для 1965 г. — на 11 млрд. долл.[1] Теперь, когда закон принят, указываются следующие цифры расширения рынка от снижения подоходного налога: для 1964 г. — на 6 млрд. долл. и для 1965 г. — на 9 млрд. долл.[2]

Анализируя эти данные, нужно прежде всего учесть, что далеко не вся сумма подоходного налога падает на трудящихся и сокращает их потребительную силу. Часть подоходного налога уплачивается капиталистами. Прямое же увеличение платежеспособного спроса могут вызвать лишь более низкие ставки налогов с трудящихся. Поэтому влияние налоговой реформы на потребительную силу населения можно определить соответственно удельному весу прямого налога с заработной платы в общих поступлениях от федерального подоходного налога. Доля налога на заработную плату возрастает. В первые послевоенные годы она составляла 52—55%, а в 1953 г. — 66, в 1956 г. — 69,4, в 1961 г. — 71,7 и в 1962 г. — 71,9% суммы поступлений подоходного налога. Эта доля в 1957—1962 гг. повышалась в среднем на 0,6% в год. Полагая, что такой темп возрастания сохранится в 1963—1965 гг., получим для 1964 г. 72,8% и для 1965 г. — 73,2%. Следовательно, подоходный налог, взимаемый с трудящихся, проектировалось по первоначальному законопроекту фактически снизить в 1964 г. на 6 млрд. долл. и в 1965 г. — на 8 млрд. долл. Согласно принятому закону, снижение прямого налога с трудящихся составит в 1964 г. 4,4 млрд. долл. и в 1965 г. — 6,6 млрд. долл.

Далее, нужно принять во внимание возрастание общей суммы налоговых сборов с трудящихся (включая прямые налоги, удерживаемые из заработной платы, и уплачиваемые трудящимися косвенные налоги и взносы в государственные фонды социального страхования). Прямые налоговые поступления с трудящихся растут «автоматически» по мере обесценения доллара и повышения номинальных размеров заработной платы. В условиях прогрессивного обложения рост номинальной заработной платы ведет к возрастанию удельного веса заработной платы, облагаемой по более высоким налоговым ставкам. Доля прямых

[1] «Economic Report of the President Transmitted to the Congress», January 1963, p. XIII—XVIII, p. 43—46; «Business Week», January 26, 1963, p. 23.

[2] «Survey of Current Business», March 1964.

налогов с трудящихся в общей сумме заработной платы (по статистике национального дохода) при неизменных налоговых ставках возросла с 10,6% в 1955 г. до 12,2% в 1961 г. и 12,7% в 1962 г. В 1957—1959 гг. номинальная сумма налога с заработной платы возрастала в среднем на 6,28% в год, в 1960—1962 гг. — на 6,72%. При расчете примем среднегодовой темп возрастания суммы налога с заработной платы в 1960—1963 гг. — 6,6%. За базу возьмем имеющиеся уже данные по 1963 г. (393 млрд. долл.). Таким образом, общую сумму поступлений от налога на заработную плату (без учета снижения ставок подоходного налога) можно предвидеть для 1964 г. в 42,5 млрд. долл. и для 1965 г. — в 45,3 млрд. долл.

Еще быстрее растут поступления от косвенных налогов с трудящихся (в федеральный и местные бюджеты). Распространим на 1964—1965 гг. среднегодовой темп возрастания этих налогов за 1960—1962 гг. (7,5%). Тогда поступления от этого источника составят в 1964 г. 47,5 млрд. долл. и в 1965 г. — 51,0 млрд. долл. (В 1963 г., по предварительным подсчетам, эти поступления составили 44,2 млрд. долл.) Что касается взносов трудящихся в государственные фонды социального страхования, то среднегодовой темп их роста (за 1960—1962 гг., распространяем на последующие несколько лет) составляет 10,74%.

Для оценки влияния бюджетных мероприятий на потребительную силу населения важно определить размеры государственных выплат населению (пенсий, пособий, жалованья государственных служащих, военных и т. д.). Среднегодовые темпы возрастания таких выплат за 1960—1962 гг. составили: жалованье в государственных учреждениях — 8,39%, пенсионные выплаты — 8,52, жалованье военнослужащих — 3,10%. Можно считать, что общие размеры государственных выплат населению составят в 1964 г. 96,0 млрд. долл. и в 1965 г. — 103,5 млрд. долл. (В 1963 г., по предварительному подсчету, они составили 89,1 млрд. долл.)

Для расчета сопоставимых показателей влияния реформы подоходного налога на потребительную силу населения требуется еще определить на 1964—1965 гг. общую номинальную сумму личных потребительских расходов (с устранением двойного счета личных потребительских услуг нематериального характера). Для экстра-

поляции возьмем среднегодовой темп увеличения этих расходов (в текущих ценах) в течение 1960—1962 гг. — 3,64%. Личные потребительские расходы, согласно этому допущению, составят для 1964 г. 271,4 млрд. долл., для 1965 г. — 281,3 млрд. долл. (В 1963 г., по предварительным расчетам, они составили 261,8 млрд. долл.)

Теперь привлечем к нашим расчетам показатели снижения подоходного налога с трудящихся. Чтобы их определить, сначала отнесем сумму снижения прямого налога с трудящихся по закону о налоговой реформе 1964 г. к общей сумме налога с заработной платы в 1963 г. (к 39,9 млрд. долл.); равным образом сумму снижения прямого налога с трудящихся по первоначальному законопроекту отнесем к общей сумме налога с заработной платы в 1962 г. (к 37,6 млрд. долл.). Увидим, что снижение ставок подоходного налога по налоговой реформе составит для 1964 г. 11,03% и для 1965 г. 16,54% суммы прямого налога с трудящихся. Соответственно по первоначальному законопроекту снижение прямого налога с трудящихся предполагалось для 1963 г. 7,45%, для 1964 г. — 22,10% и для 1965 г. — 29,29% суммы прямого налога с трудящихся. Приложим эти проценты к определенным нами для этих лет суммам прямого налога с заработной платы с учетом их «автоматического» возрастания на 6,6% в год (к 39,9 в 1963 г., 42,5 в 1964 г. и 45,3 млрд. долл. в 1965 г.). Тогда увидим, что прямой налог с трудящихся по первоначальному законопроекту предполагалось снизить в 1963 г. на 3 млрд. долл., в 1964 г. — на 9,4 млрд. долл. и в 1965 г. — на 13,3 млрд. долл. По принятому закону этот налог снижается в 1964 г. на 4,7 млрд. долл. и в 1965 г. — на 7,5 млрд. долл.

Представим результаты всего расчета в виде таблицы, в которой укажем также распространяемые на 1964—1965 гг. среднегодовые темпы возрастания по каждому элементу расчета. Приведем в таблице оценки влияния бюджетной политики на потребительную силу населения в трех вариантах: при существующих ставках подоходного налога, при изменении ставок, согласно первоначальным наметкам президента, и при снижении ставок, согласно принятому закону.

Сделанный расчет не претендует на безупречную точность. Он показывает общее направление влияния бюджетной политики монополистического государства США

на потребительную силу населения, и в этом его главное назначение. Расчеты исходят из допущения, что в 1964—1965 гг. не будет экономического кризиса. Кризис изменил бы приводимые данные в направлении, неблагоприятном для трудящихся.

Таблица 27

Влияние государственных выплат и налогов на потребительную силу населения [1]

(в млрд. долл.)

	1962 г.	1963 г. (предварительный расчет)	Распространяемые на 1964—1965 гг. среднегодовые темпы возрастания	Экстраполяция	
				1964 г.	1965 г.
1. Личные потребительские расходы	252,6	261,8	3,66	271,4	281,3
2. Государственные выплаты населению	82,6	89,1	—	96,0	103,5
Влияние на потребительную силу без учета реформы подоходного налога					
3. Налог на заработную плату	37,5	39,9	6,6	42,5	45,3
4. Косвенные налоги с трудящихся	41,1	44,2	7,5	47,5	51,0
5. Взносы трудящихся в государственные фонды социального страхования	20,5	22,7	10,74	25,1	27,8
6. Все налоги с трудящихся (3 + 4 + 5)	99,4	107,4	—	115,1	124,1
7. Влияние на потребительную силу (2—6)	—16,5	—17,7	—	—19,1	—20,6
8. Сопоставимый показатель этого влияния (7 в % к 1)	—6,5	—6,8	—	—7,0	—7,3

[1] «Survey of Current Business», July 1963; «Business Week», January 26, 1963; «Time», August 23, July 1963; «Federal Reserve Bulletin», Vol. 47, 48, 49, 50; «Survey of Current Business», March 1964.

	1962 г.	1963 г. (предварительный расчет)	Распространяемые на 1964—1965 гг. среднегодовые темпы возрастания	Экстраполяция	
				1964 г.	1965 г.
Влияние на потребительную силу при предложенном Кеннеди снижении подоходного налога					
9. Снижение подоходного налога с трудящихся	—	3,0	—	9,4	13,3
10. Влияние на потребительную силу (7—9)	—	—14,7	—	9,7	—7,3
11. Сопоставимый показатель этого влияния (10 в % к 1)	—	—5,6	—	—3,6	—2,6
Влияние на потребительную силу при снижении подоходного налога, согласно принятому закону					
12. Снижение подоходного налога с трудящихся	—	—	—	4,7	7,5
13. Влияние на потребительную силу (7—12)	—	—	—	—14,4	—13,1
14. Сопоставимый показатель этого влияния (13 в % к 1)	—	—	—	—5,3	—4,7

Таким образом, налоговая реформа окажет некоторое влияние на потребительский спрос, уменьшив размеры его урезывания через государственный бюджет. Но это влияние будет незначительным. И после завершения реформы налоги на трудящихся будут по-прежнему значительно превышать государственные выплаты населению. Без снижения подоходного налога урезывание потребительной силы населения возросло бы к 1965 г. до 7,3% к сумме личных потребительских расходов (по сравнению с 6,5% в 1962 г.). Снижение ставок налога уменьшит это урезывание до 4,7%, т. е. на 2,6% общей суммы личных потребительских расходов населения США.

Нужно иметь в виду, что наряду со снижением подоходного налога отменяются некоторые скидки и льготы

при его уплате. Бо́льшая часть льгот касалась доходов капиталистов, но некоторые, как, например, налоговая скидка в связи с расходами на лечение, относятся и к отдельным группам населения. Кроме того, в ряде штатов увеличиваются налоговые ставки после того, как федеральное правительство снизило ставки подоходного налога. Если учесть все это, то влияние налоговой реформы на объем потребительского спроса окажется еще меньшим.

Глава VI

ПРАВИТЕЛЬСТВО И РАБОЧИЙ КЛАСС

Основы и тенденции союза профбюрократии и буржуазного государства

Проблема безработицы

Вмешательство правительства в отношения между трудом и капиталом

«Социальное законодательство» и рост борьбы рабочего класса

Отношение Коммунистической партии США к экономической политике правительства

1. Основы и тенденции союза профбюрократии и буржуазного государства

Вмешательство государства США в отношения между трудом и капиталом возрастает по мере общего развития государственно-монополистического капитализма, усиления классовых антагонизмов, роста влияния мировой социалистической системы. Выступая в целом в интересах монополистической буржуазии, государство маскирует свою служебную роль псевдонейтральными, якобы надклассовыми мероприятиями.

Средства и методы государственного вмешательства в область трудовых отношений за последние 30 лет становились все более многообразными и изощренными. В арсенале таких средств наряду с прямым принуждением и подкупом особое место занимает теперь использование государством профсоюзной бюрократии в качестве своей социальной опоры в рабочем классе и союзника по осуществлению буржуазной политики в рабочем вопросе.

В США нет сколько-нибудь влиятельных соглашательских социал-демократических партий, а их роль играет профсоюзная бюрократия, занимающая господствующее положение в массовом рабочем движении. Она является непосредственным помощником буржуазного государства монополий в проведении линии на так называемое классовое сотрудничество. Сотрудничество профсоюзной бюрократии с правящими кругами особенно усилилось

с приходом к власти правительства Кеннеди. Союз профбюрократии и правительства в решении важнейших экономических проблем и политика классового сотрудничества имеют принципиально новые качественные стороны.

В настоящее время в США насчитывается около 200 профсоюзов, объединяющих свыше 18 млн. рабочих и служащих (55% всех занятых в обрабатывающей промышленности, 80% в строительстве и на транспорте, 75% рабочих угольной и горнорудной промышленности и т. д.). В них насчитывается 450 тыс. функционеров различного ранга. Группа в 50 тыс. чиновников имеет оклады в несколько раз выше заработной платы рядовых членов профсоюзов. Несколько сот профсоюзных боссов получают в виде жалованья и различных дополнительных выплат из профсоюзной кассы (на представительство, путешествия, проживание в отелях и прямые подарки) в общей сложности по 50—100 тыс. долл. в год каждый. Высшая профбюрократия опирается на массу средней и низшей профбюрократии. Последняя (прямо или косвенно она также подкармливается из профсоюзной кассы) имеет тесные контакты с администрацией предприятий. Через нее практически осуществляется предоставление капиталу рабочей силы на условиях, благоприятствующих ее эксплуатации и «нормальному» функционированию американской экономической системы.

Сотрудничество профбюрократии с государством и выполнение ею роли пособника монополий не могут устранить ни того объективного факта, что профсоюзы являются классовыми организациями пролетариата, ни объективных причин антагонизма между рабочим классом и буржуазией, между рабочим классом и буржуазным государством. Важнейшей чертой современного профсоюзного движения США является то, что рабочий класс, борясь с монополиями, объективно, вопреки политике профбюрократии выступает против буржуазного государства. Это обстоятельство определяет и двойственность в тактике профсоюзной бюрократии. Став по существу частью экономического и политического механизма монополистического государства, она в то же время не может полностью игнорировать интересы возглавляемых ею масс. Логика классовой борьбы ставит ее, даже вопреки ее желанию, в оппозицию монополистическому капиталу.

Выродившись в промежуточный социальный слой, профсоюзная бюрократия приобрела свои особые интересы, вследствие которых она зачастую расходится не только с профсоюзной массой, но и имеет «свои счеты» с буржуазией и органами государства, когда дело касается ущемления ее прав или экономических интересов.

В среде самой профсоюзной бюрократии нет единства. Существуют острые противоречия между руководством цеховых и более боевых производственных профсоюзов, между профбюрократией АФТ — КПП и руководителями независимых профсоюзов (железнодорожников, водителей грузовых автомашин и др.). Борьба внутри профбюрократии влияет на ее сотрудничество с государством и различными кругами монополистического капитала. Тредюнионистская практика неизбежно ведет к вовлечению профбюрократии в схватки, разгорающиеся на почве монополистической конкуренции. Но главным остается все же то, что сила американского рабочего класса толкает своих «вождей» к выторговыванию более выгодных условий продажи рабочей силы эксплуататорам. Это вносит серьезные коррективы в политику союза профбюрократии с органами государства, ведет к коллизиям и трещинам в этом союзе.

Сложившаяся за последнее десятилетие обстановка обострила эти коллизии и углубила трещины; значительно увеличилась армия хронически «излишней» рабочей силы. Рост производительности труда не сопровождается соответствующим ростом реальной заработной платы. Заработная плата подавляющего большинства промышленных рабочих вследствие систематического роста цен значительно ниже прожиточного минимума. Разрыв между заработной платой и прожиточным минимумом в послевоенные годы возрастает. Согласно данным американской исследовательской организации экономических проблем, во главе которой стоит бывший председатель Совета экономических консультантов при президенте США Л. Кайзерлинг, в 1960 г. более 40% американцев, в том числе значительная часть рабочего класса, жило в бедности[1]. Даже такой откровенный защитник капитализма, как пре-

---

[1] «Poverty and Deprivation in the U. S. The Plight of two-fifths of a Nation». Conference on Economic Progress, Washington, 1962, p. 2.

зидент АФТ — КПП Дж. Мини, вынужден был признать: «...мы создали в нашем обществе все растущую группу, которую можно назвать «рабочие бедняки», — миллионы мужчин и женщин, которые выполняют полезную производительную работу, но которые обречены в силу недостатков закона жить в нищете всю свою жизнь» [1].

Все эти процессы вели к росту забастовочного движения на протяжении почти всего послевоенного периода, а обострение классовой борьбы в свою очередь повлекло за собой изменение в методах государственного регулирования трудовых отношений. Политика «дружбы с профсоюзами», установленная при правительстве Ф. Рузвельта, претерпела серьезные изменения при Трумэне и Эйзенхауэре. Тогда регулирование трудовых отношений имело целью поставить трудящихся в такое положение, которое бы исключало их успешное сопротивление хозяевам.

Принятые конгрессом антирабочие законы расширили права исполнительных органов власти по предупреждению, ограничению и запрещению массовых забастовок, запрещению боевых методов стачечной борьбы, в частности пикетирования и бойкота предприятий, где прекращена работа. Одним из наиболее серьезных ударов по рабочему движению был принятый в 1947 г. «закон о трудовых взаимоотношениях в промышленности» (закон Тафта — Хартли), послуживший базой для последующего развития антирабочего законодательства (федерального и в отдельных штатах). «Мы пытались, — писал один из авторов закона, конгрессмен Ф. Хартли, — ограничить власть рабочих лидеров, чтобы право на забастовки применялось таким образом и в соответствии с такими правилами, которые могли быть желательными в интересах общества» [2]. Закон Тафта — Хартли запретил профсоюзам заниматься политической деятельностью, наделил президента США правом обращаться в суд с просьбой о запрещении забастовки, если такая забастовка, по его заявлению, угрожает «безопасности США» и «интересам нации», а судам — право принуждать бастующих к возобновлению работы под страхом жестоких имущественных и мате-

---

[1] См. «Правда», 19 марта 1960 г.

[2] *F. Hartley*, Our New National Labour Policy, New York, 1948, p. 113.

риальных репрессий. Статья 14-б закона Тафта — Хартли разрешала отдельным штатам принимать дополнительные антипрофсоюзные законы и стала широко применяться для отмены гарантированного еще в 30-х годах законом Вагнера права рабочих заключать коллективные договоры с предпринимателями через профсоюзы. В 50-х годах во многих штатах реакция пыталась протащить так называемые законы о праве на работу, которые под предлогом защиты «прав личности» лишали профсоюзы права представлять рабочих и вести среди них работу. Такие законы были приняты примерно в 20 штатах[1]. Факты показывают, что в штатах, где действуют такие законы, заработная плата значительно ниже, чем там, где их нет.

Другим серьезным ударом по рабочему движению был принятый конгрессом США в 1959 г. антирабочий закон Ландрама — Гриффина «об отчетности и раскрытии фактов в отношении между трудящимися и предпринимателями». Несмотря на демагогические рассуждения о защите прав членов профсоюзов от мошенников и рэкетиров, он дал государству еще более широкие права вмешательства во внутренние дела профсоюзов, установил политическую дискриминацию членов компартии, запретив им занимать в профсоюзах выборные или исполнительные должности. Закон Ландрама — Гриффина запретил некоторые наиболее острые формы бойкотов и пикетирования, еще более ограничил права профсоюзов на забастовки и коллективные договоры. Он обязал профсоюзы представлять властям регулярные отчеты о своей деятельности, финансах и т. д. За неточные данные руководители профсоюза подвергаются штрафу и тюремному заключению. Министру труда предоставлены широкие полномочия расследовать положение в отдельных профсоюзах. Он может составить обвинение против профсоюза и передать дело в суд. Были введены новые правила для защиты штрейкбрехерских «профсоюзов».

---

[1] В штате Айова, например, такой закон объявил не имеющим силы любой договор, по которому предприниматель предоставляет какие-либо привилегии профсоюзу. Предпринимателям запрещается входить в переговоры с профсоюзом по вопросу о его праве представлять рабочих. За нарушение этих требований закон предусматривает определение наказания в виде штрафов и особых судебных предписаний («The American Federationist» N 1, 1952, p. 14).

Характерной чертой послевоенных законов, регулирующих трудовые отношения, является обязательное наличие в них ограничительных мер против коммунистической партии. Свод реакционного законодательства: закон Смита 1940 г., Тафта — Хартли 1947 г., Маккарэна — Вуда 1950 г., Маккарэна — Уолтера 1952 г., закон «О контроле над коммунистической деятельностью» 1954 г., Ландрама — Гриффина 1959 г., а также десятки других антирабочих и антидемократических законов в отдельных штатах — звенья единой цепи усиления реакции в общественно-политической жизни США. Преследования коммунистов и прогрессивных деятелей в профсоюзах — наглядное выражение глубокого кризиса конституционных свобод и демократических прав для всего американского народа.

Все это не могло не повлиять на союз профбюрократии и буржуазного государства. Профсоюзная бюрократия в своем большинстве поддерживала репрессии против коммунистической партии и других прогрессивных организаций, используя их в своих собственных корыстных интересах. Но профсоюзная бюрократия понимала, что это законодательство направлено и против нее. Откровенно антирабочая политика партии «большого бизнеса» поставила профсоюзы в оппозицию к правительству Эйзенхауэра. Союз профбюрократии и правительства временно распался[1]. Между тем коалиция руководства профсоюзов с демократической партией не ослабла, а еще более окрепла. На выборах 1960 г. большинство профсоюзов поддержало эту партию и ее кандидата на пост президента. Была развернута небывалая кампания «политического просвещения» рабочих в пользу демократической партии и предприняты шаги, чтобы убедить рабочих не только принять участие в голосовании (в прошлом значительная часть рабочих уклонялась от участия в выборах), но и отдать свои голоса демократической партии. Комитет политического просвещения АФТ — КПП обсуждал каждую кандидатуру, выставленную в конгресс, и решал, сколько средств нужно выделить в избирательный фонд того или

---

[1] В отдельных штатах профсоюзы блокировались и блокируются с организациями республиканской партии. В 1958 г. благодаря такому блоку Н. Рокфеллер добился своего избрания губернатором штата Нью-Йорк.

иного кандидата. Раньше члены профсоюза могли голосовать по своему усмотрению. Теперь же профбюрократия не просто агитировала рабочих, а предписывала, за кого надлежит голосовать. Она стремилась убедить массы, что демократическая партия в случае победы на выборах примет меры по обеспечению занятости и ликвидации хронической массовой безработицы, расширит социальное обеспечение и страхование, введет бесплатное или льготное медицинское обслуживание, обеспечит нуждающихся жильем за счет государства. Вместе с тем рабочих уверяли, что будущее правительство гарантирует демократические права профсоюзов, не допустит нового антирабочего законодательства и ослабит действующее. «Избрание Джона Кеннеди президентом США, — заявлял Дж. Мини, — является важнейшим делом профсоюзов, которому мы должны посвятить и подчинить всю нашу деятельность» [1].

Для Кеннеди и его партии поддержка профсоюзов была выгодной в двояком отношении. Во-первых, без нее победа на выборах малоизвестного молодого сенатора была бы невозможна. Во-вторых, приверженность профбюрократии к капитализму считалась хорошим средством удержания рабочего класса в плену буржуазной политики и идеологии. В предвыборной кампании Кеннеди оперировал демагогическими лозунгами о возврате к политике Ф. Рузвельта, рассчитывая, что именно такие фразы привлекут рабочие массы на его сторону.

Сближение Кеннеди с профсоюзными лидерами началось еще до выборов. Во время заключительной работы по подготовке закона Ландрама — Гриффина в 1959 г. Кеннеди (в то время председатель согласительного комитета сената и палаты представителей) постоянно консультировался с Мини, Рейтером. Он старался включить в закон также положения, которые, усиливая позиции бюрократии в профсоюзах, ограничили бы в то же время роль последних как боевых организаций рабочего класса. Это, судя по всему, устраивало профсоюзную верхушку.

В ходе избирательной кампании 1960 г. Кеннеди неоднократно встречался с Мини и Рейтером и некоторыми другими профсоюзными боссами. С ними он обсуждал не только проблемы отношений между предпринимателями

---

[1] «The New York Times», 28. VIII. 1960.

и рабочими, политику нового правительства, но и другие проблемы внутренней и внешней политики. В октябре 1960 г. после очередной беседы Кеннеди с Мини и Рейтером было опубликовано заявление, в котором в виде ответов на вопросы Мини Кеннеди изложил свою программу. Касаясь проблемы безработицы, он заявил: «Мы будем способствовать созданию многих тысяч новых рабочих мест, организуем действенные меры для переобучения и занятости выталкиваемых автоматизацией рабочих. Будет повышен минимум заработной платы, расширена сфера его распространения. Необходимо отменить некоторые статьи действующего антирабочего законодательства и предотвратить принятие новых антирабочих законов. Я, в частности, против так называемых законов о праве на работу» [1].

Со стороны лидера буржуазной партии обещание этих реформ было не просто обычной предвыборной демагогией. Последние годы были свидетелями значительной активизации американского рабочего класса, выдвижения им новых экономических и политических требований. На новую ступень поднялась борьба за гражданские и демократические права, за мир, разоружение и мирное сосуществование, за отмену антирабочего и антидемократического законодательства. Усилилось нарастание классовых антагонизмов, размежевание между профсоюзной бюрократией и рядовыми членами профсоюзов. В этой обстановке ни у профсоюзной бюрократии, ни у буржуазного лидера, сделавшего ставку на союз с ней, не было иного выхода, как выдвинуть программу реформ в интересах рабочего класса. Разумеется, она была значительно у́же подлинных требований рабочего движения. Это был продукт компромисса между крупной буржуазией и верхушкой рабочего класса. Тем не менее она отражала тот объективный факт, что американский народ требует серьезных перемен, а правящий класс не может полностью игнорировать эти требования. «Кеннеди, — говорил в интервью агентству Пренса Латина генеральный секретарь компартии США Гэс Холл, — избран потому, что народ хочет изменений...».

Ряд профсоюзов, главным образом не входящих в АФТ — КПП, отказался поддержать Кеннеди. Профсоюзы

---

[1] «The American Federationist» N 11, 1960, p. 3—20.

плотников, горняков, водителей грузовых машин не поддержали ни Кеннеди, ни его противника. Не поддержали Кеннеди и такие прогрессивные профсоюзы, как объединенный профсоюз рабочих электро- и радиопромышленности, профсоюз рабочих металлорудной промышленности и плавильщиков, профсоюз складских рабочих и портовых грузчиков. Председатель последнего Гарри Бриджес писал в газете своего союза «Диспетчер»: «Какой бы ни был избран кандидат, не приходится сомневаться в том, что он будет проводить антирабочую политику». Деятельность правительства Кеннеди подтвердила это.

2. Проблема безработицы

К началу 60-х годов безработица в США достигла наибольших размеров за послевоенный период и стала для рабочего класса «проблемой № 1». Среднегодовое число безработных неуклонно росло от одного кризиса к другому.

Таблица 28

Безработица в США[1]

Периоды	Среднегодовое число полностью безработных (в тыс.)	В % к самодеятельному населению
1950—1954 гг.	2 522	4,0
1955—1958 гг.	3 336	4,9
1959—1961 гг.	4 183	5,9

Как видно из таблицы, после кризиса 1957—1958 гг. безработица превысила тот уровень (5% самодеятельного населения), который министерство труда считает водоразделом между более или менее «нормальным» (с буржуазной точки зрения) и критическим положением на рынке труда.

Американские экономисты, профсоюзы, как и официальные учреждения, не сомневались, что в течение 60-х годов число «излишних» рабочих рук будет катастро-

[1] «Statistical Abstract of the U. S.» за ряд лет.

фически возрастать, так как, во-первых, научно-технический прогресс будет развиваться быстрыми темпами и в широких масштабах, захватывая все новые отрасли хозяйства, а, во-вторых, на рынок труда выйдут те поколения пролетариев, которые родились в 40-е годы, когда рождаемость в США была наиболее высокой. По подсчетам буржуазных экономистов, чтобы не допустить повторения «великой катастрофы» 30-х годов, США в 60-х годах потребуется создать небывалое число новых рабочих мест — 31 млн. (в 40-х годах их было создано 17 млн., а в 50-х годах — 20 млн.). Это значит, что каждую неделю необходимо создавать более 60 тыс. новых рабочих мест, из них более 33 тыс. для людей, вытесненных из производства в результате применения новой техники, и около 27 тыс. — для вновь поступающих на рынок труда [1].

По подсчетам Л. Кайзерлинга, за девять лет (с конца войны в Корее до середины 1962 г.) в результате безработицы страна не смогла использовать около 24 млн. человеко-лет труда. Этот потерянный труд мог бы произвести продукции на 375 млрд. долл. (в ценах 1960 г.). «Но если хронический рост безработицы будет продолжаться, — указывает Кайзерлинг, — мы можем в ближайшие 4 года (1962—1965) поплатиться еще 18 млн. человеко-годами труда и понести материальный ущерб дополнительно на 300 млрд. долл. К 1965 г., — предупреждает он, — безработица при нынешних темпах ее роста может быть на 50% выше, чем сейчас, даже если этот год не будет годом спада» [2].

Кроме перспективы дальнейшего роста общего числа безработных чрезвычайную остроту приобрели проблемы застойной безработицы и бедствующих, или «депрессивных», районов. Продолжительно безработными официально считаются те, кто совершенно не имеет заработка в течение 15 и более недель. К бедствующим относят города и районы, где безработица в течение длительного времени сохраняется на уровне выше «нормального».

Рост застойной безработицы непосредственно вызван изменениями в структуре производства США в связи с быстрым научно-техническим прогрессом. При общем

---

[1] «U. S. News and World Report», April 16, 1962, p. 44—46.
[2] «New York Times Magazine», August 5, 1962, p. 10.

росте населения и числа людей, ищущих работу, общие размеры занятости на производстве за последнее десятилетие не только не увеличились, но в ряде случаев даже сократились.

Таблица 29

Число рабочих и служащих в сфере материального производства США [1]
(в тыс.)

Отрасль	1950 г.	1961 г.	Изменение
Добывающая промышленность	901	667	—234
В том числе производственные рабочие	816	527	—289
Обрабатывающая промышленность	15 241	16 268	+1 027
В том числе производственные рабочие	12 523	12 046	—477
Строительство (подрядное)	2 333	2 760	+427
В том числе производственные рабочие	2 069	2 345	+276
Транспорт, связь, электроэнергетика, газ	4 034	3 923	—111
В том числе железные дороги	1 391	819	—572

Число производственных рабочих в промышленности США (включая строительство) за это время абсолютно уменьшилось на 500 тыс., между тем как физический объем продукции вырос примерно в 1,5 раза. В этих условиях потеря рабочего места в большинстве случаев не просто конъюнктурное явление, а связана с длительными поисками работы, с невозможностью получить работу по специальности, с переходом на значительно ниже оплачиваемую, с необходимостью прибегать к случайным, кратковременным заработкам и т. д. Число лиц, не имевших работы свыше 15 недель, составило в кризисный 1958 г. 31% общего количества полностью безработных, в 1960 г. — 24,3, в 1961 г. — 31,9% [2]. В 1960—1961 гг. от 22

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 220—222.
[2] «Monthly Labor Review», June 1961, p. 602—603.
Официальные данные о застойной безработице значительно занижены. В них не включаются те лица, которые в течение года были несколько раз безработными, но каждый раз менее 15 не-

до 25% всех лиц, не имевших работы свыше 15 недель, составляли негры, несмотря на то что их доля в общем числе занятых не превышала 10—11%[1].

Районы так называемой хронической депрессии образуются там, где велико сосредоточение предприятий застойных отраслей промышленности. Лет 8—10 назад такими отраслями были угольная и текстильная. Во второй половине 50-х годов экономически бедствующие города и большие районы из нескольких городов образовались также в центрах металлургии и некоторых отраслей машиностроения. В их числе оказались такие города, как Детройт и Флинт (Мичиган) — автомобилестроение и прочее машиностроение, Эвансвилл (Индиана) — транспортное машиностроение и газовое оборудование, Эри (Пенсильвания) — общее и транспортное машиностроение, Питтсбург (Пенсильвания) — металлургия и металлообработка, и многие другие. Общее число «депрессивных» городов и районов выросло с 78 в марте 1955 г. до 144 в декабре 1959 г. и 174 в декабре 1960 г.[2]

Во время предвыборной кампании Кеннеди обещал принять решительные меры для ликвидации массовой безработицы. Но, придя к власти, его правительство ограничилось в основном лишь попытками ослабить остроту проблемы застойной безработицы и депрессивных районов. В марте 1961 г. был принят закон о временном продолжении пособий по безработице, в мае — закон о преобразовании районов; в марте 1962 г. — закон о развитии и подготовке людских ресурсов, а в сентябре — закон об ускорении общественных работ. Правительство обещало провести до конца 1963 г. закон об улучшении всей системы страхования по безработице.

В США нет единой общегосударственной системы пособий на случай безработицы. Эта область регулируется законами отдельных штатов. Общий принцип таков, что работающий по найму американец страхуется от безра-

---

дель, хотя общая продолжительность рабочего времени, потерянного в течение всего календарного года, была у них намного больше 15 недель. Можно полагать, что застойная безработица достигает ныне примерно половины общего среднегодового числа лиц, не имеющих работы.

[1] «Monthly Labor Review», June 1961, p. 605—606.

[2] См. «Мировая экономика и международные отношения» № 5, 1961, стр. 126.

ботицы, платя специальный налог в размере трех и более процентов от заработной платы в особый фонд. Приблизительно столько же за него платит в этот фонд предприниматель. Понятно, что «участие» последнего носит чисто формальный характер, так как его взнос производится за счет трудящихся. Распоряжаются фондами власти штата. Однако право получения помощи имеют далеко не все безработные.

Таблица 30

Положение с правом на получение помощи по безработице в 1961 г. [1]

Имеют право	46,2	млн. человек
В том числе:		
по законам штатов	40,4	» »
военнослужащие	2,6	» »
служащие федерального правительства	2,4	» »
железнодорожники	0,8	» »
Не имеют права	14,3	» »
В том числе:		
служащие органов власти штатов и муниципалитетов	6,2	» »
домашняя прислуга	2,6	» »
сельскохозяйственные рабочие	1,9	» »
работники мелких фирм	1,8	» »
работники бесприбыльных организаций	1,5	» »
прочие	0,3	» »

Таким образом, в 1961 г. право на помощь не имела почти четверть всех лиц наемного труда.

Продолжительность выплаты пособий в различных штатах разная. К началу 1961 г. в 15 штатах она составляла 27 недель, в 27 штатах — 26 недель, в 9 — менее 26 недель. Размеры пособий также различны. С учетом всех выплат по коллективным договорам [2] в 9 штатах они равнялись 50% и более от среднего заработка, в 26 штатах — от 40 до 49% и в 16 штатах — менее 40%. Однако только в 6 штатах размеры пособий действительно поставлены в зависимость от величины заработка, в остальных же 44 штатах установлен твердый максимум в долларах.

[1] «Employment Security Review», August 1962, p. 30.

[2] Недавнее обследование, проведенное правительственными органами, показало, что на такие дополнительные пособия в 1962 г. имели право лишь 4% всех рабочих и служащих частных фирм («Employment Security Review», August 1962, p. 52).

Рост застойной безработицы наглядно показал явную недостаточность этой системы как с точки зрения ее охвата и размеров пособия, так и в особенности с точки зрения срока его выплаты. Оказалось, что даже сравнительно неглубокие кризисы перепроизводства стали приводить к массовому прекращению выплаты пособий сотням тысяч безработных как раз в такие периоды, когда они более всего нуждались в поддержке.

Во время кризиса 1957—1958 гг. при правительстве Эйзенхауэра впервые был принят федеральный закон, временно продливший сроки пособий. Но действие этого закона прекратилось в 1959 г. Между тем к началу 1961 г. застойная безработица превысила уровень 1958 г. В 1960 г. положение было настолько тяжелым, что в таких штатах, как Мичиган, Пенсильвания, Аляска, Делавер, Орегон, Западная Виргиния и других, полностью иссякли фонды выдачи пособий безработным. Мичиган, Пенсильвания и Аляска заняли у федерального правительства по 100 млн. долл. и более на эти цели.

Таблица 31

Положение безработных (на декабрь 1960 г.) [1]

Общее число безработных	4,5	млн. человек
В том числе:		
получают пособия	2,3	» »
не получают пособий	2,2	» »
Из них:		
исчерпали срок	0,5	» »
не охвачены страхованием	0,9	» »
вновь вступившие на рынок	0,5	» »
дисквалифицированные и др.	0,3	» »

В начале 1961 г. более 2 млн. полностью безработных не получало пособий. Если же учесть иждивенцев, то эта цифра вырастает минимум вдвое. Это обстоятельство и побудило пришедшее к власти правительство Кеннеди принять в марте 1961 г. закон, который продлил примерно на три месяца в среднем (в каждом штате в зависимости от основного срока пособий) получение пособия для безработных, лишившихся права на него в период с 1 июля 1960 г. по 1 апреля 1961 г. Этот закон был в силе с 8 апреля 1961 г. по март 1962 г.

---

[1] «Monthly Labor Review», March 1961, p. 244.

Таблица 32

Выплата пособий по безработице в период действия нового закона[1]

Всего выплачено пособий	812	млн.	долл.
Из них по новому закону	767	»	»
Дополнительные суммы, выданные штатам на их программы пособий	45	»	»
Общее число лиц, исчерпавших право на пособия с июля 1960 г. по март 1962 г.	3 845	тыс.	долл.
Из них получили пособия по новому закону	2 800	»	»
Общее число безработных, исчерпавших право на пособия по новому закону	1 760	»	»
Средний размер недельных пособий по новому закону	31	долл.	
Средний размер недельных пособий по обычному законодательству	34	»	
Средняя продолжительность пособий по новому закону	9	недель	

Как видно из этих данных, 2,8 млн. безработных получали дополнительные пособия[2], однако больше 1 млн. человек по разным причинам не получили такой помощи, хотя и имели на нее право. Характерно, что к марту 1962 г. 1,76 млн. человек исчерпали и дополнительные пособия, т. е. оставались безработными без права на государственную помощь уже после истечения действия данного закона, тогда как ко времени принятия нового закона таких людей было менее 1 млн. Временное удлинение выдачи пособий лишь позволило ослабить на короткий период проблему застойной безработицы, но не смогло даже уменьшить остроту этой проблемы, а тем более решить ее. Конечно, он помог части безработных перенести несколько месяцев испытаний. Но очень многие продолжали оставаться без поддержки со стороны государства — те, кто исчерпали свои пособия до июля 1960 г. (таких было более полумиллиона) или вообще не подпадали под законы о пособиях (почти 2 млн.). В общей сложности

[1] «Congressional Record» N 178, 1962, p. 20342.

[2] Более половины безработных, претендовавших на дополнительные пособия, приходилось на шесть наиболее промышленно развитых штатов — Калифорнию, Иллинойс, Мичиган, Нью-Йорк, Огайо и Пенсильванию. На обрабатывающую промышленность, строительство и торговлю падало 83% таких безработных, 60% их были полуквалифицированными и неквалифицированными работниками («Monthly Labor Review», December 1962, p. 1229—1233).

более чем 3 млн. полностью безработных новый закон ничего не дал.

Принятый в мае 1961 г. закон о «преобразовании районов» предусматривал правительственную помощь районам «хронической депрессии». В частности, было разрешено предоставлять частным фирмам, которые хотели бы основать предприятия в этих районах, долгосрочные займы с низким процентом. Были выделены средства на займы и субсидии коммунальному хозяйству, увеличение помощи переустройству городов, предоставление технической помощи в целях планирования экономического развития районов, находящихся в тяжелом положении. Закон включал также программу профессиональной переподготовки безработных в таких районах[1].

Эти меры можно рассматривать как шаг вперед лишь по сравнению с полным игнорированием проблемы бедствующих районов правительством Эйзенхауэра, которое не желало вмешательства во «внутренние колонии» монополистического капитала, откуда он черпает дешевую и бесправную рабочую силу. Но мероприятия правительства Кеннеди не внесли коренного изменения в положение таких районов. Во-первых, правительство постаралось взять на себя как можно меньше действительных забот и побоялось затронуть «суверенитет» частного бизнеса в районах «депрессии». На основании нового закона было создано управление по преобразованию районов при министерстве торговли. Но его наделили лишь правом координировать и согласовывать деятельность частных предпринимателей. Естественно, что и результаты были скромные. К концу 1962 г., т. е. в течение первых полутора лет своей деятельности, управление одобрило 559 проектов в 46 штатах на общую сумму 71 млн. долл. По официальным расчетам, выполнение этих проектов позволит (в будущем!) создать 26,5 тыс. новых рабочих мест в отраслях, к которым относятся эти проекты, и около 19 тыс. рабочих мест в других отраслях. В области сельского хозяйства намечалось осуществить 640 проектов, что даст 20 тыс. рабочих мест. Таким образом, всего предполагается дать работу 65,5 тыс. человек. Между тем число полностью безработных в этих районах превышает 1 млн. человек плюс приблизительно столько же полубезработных. Не удивительно, что в

[1] «Economic Report of the President», January 1963, p. 139—140.

начале 1963 г. (почти через два года после издания закона) общее число «депрессивных районов», по данным министерства труда, достигло 563[1].

Закон о «преобразовании районов» предусматривал ассигнование нескольких миллионов долларов на обучение 15 тыс. безработных новым профессиям. Это было дополнено принятым в марте 1962 г. законом, согласно которому к июню 1965 г. предполагается обучить 400 тыс. человек, не имеющих шансов получить работу по старой профессии. Вмешательство государства в эту область — для США новое явление. В США обычно считалось, что приобретение профессии — дело самих трудящихся и что они должны получать профессиональные знания за свой счет. Исключение составляли предприятия, где по коллективным договорам рабочим иногда удавалось заставить капиталистов оплачивать обучение или переподготовку трудящихся. Впервые в истории США правительство было вынуждено принять такой закон. Закон предусматривает переподготовку безработных глав семейств, имеющих минимум трехлетний трудовой стаж. В послании президента конгрессу в 1963 г. указывалось, что министерство труда одобрило проекты на переобучение первых 16 тыс. человек. Безработным, которые не получают пособий по безработице, предоставляется денежная помощь на период обучения в размере не выше такого пособия и сроком до одного года. Но конгресс не пропустил ни одного из нескольких специальных законопроектов о профессиональном обучении и занятости американской молодежи. Между тем эта проблема приобрела очень острый характер. Число не находящих применения своим силам молодых людей велико и растет из года в год.

Подписанный президентом в сентябре 1962 г. закон об ускорении общественных работ распространяется в основном на «депрессивные» районы и является дополнением к майскому закону 1961 г. Его осуществление возложено на то же управление по преобразованию районов. В октябре 1962 г. конгресс выделил на общественные работы 400 млн. долл., а в декабре одобрил проекты на сумму 165 млн. долл. По мнению Комитета экономических советников при президенте, осуществление этих проектов даст

---

[1] «The Labor Market and Employment Security», February 1963, p. 20.

возможность занять более 200 тыс. человек в течение одного месяца, а выполнение общественных работ на все 400 млн. долл. — примерно 500 тыс. человек на тот же срок (менее 25 тыс. в год). Все это не дает практически ощутимых результатов: армия безработных насчитывает миллионы людей.

Таблица 33

Динамика безработицы в США[1]

Периоды	Число полностью безработных (в тыс.)	В % к «рабочей силе»
В среднем за год		
1958	4 681	6,8
1959	3 813	5,5
1960	3 931	5,6
1961	4 806	6,7
1962	4 007	5,6
1963	4 166	5,7
В среднем за полугодие		
1962 — I	4 252	6,0
1962 — II	3 762	5,2
1963 — I	4 511	6,2

За время пребывания правительства Кеннеди у власти лишь дважды — осенью 1962 г. и осенью 1963 г. — безработица была ниже 5% от «рабочей силы», остальное же время она постоянно превышала этот уровень. После кризиса 1960—1961 гг. безработица не только рассасывалась крайне медленно, но и достигла низшей точки лишь через полтора года после выхода из этого кризиса. С осени 1962 г., несмотря на отсутствие кризиса и продолжение фазы подъема, безработица вновь стала расти, составив в первой половине 1963 г. 6,2%. Это было лишь немногим ниже, чем в кризисные 1958 и 1961 гг. Между тем «благополучный» 1962 год был намного хуже любого другого послевоенного некризисного года. В докладе советников президента конгрессу об использовании рабочей силы (март 1963 г.) указывалось, что в течение 1962 г. на

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 216; «Survey of Current Business», August 1963.

положении полностью безработных побывало 14 млн. рабочих и служащих (каждый пятый!), а число не имевших работы более 15 недель составляло 4 млн. человек (при среднегодовом их количестве всего в 1,1 млн.). Кеннеди признал, что безработица остается по-прежнему «проблемой № 1» и что, если не удастся ускорить темпы развития экономики, безработица достигнет 7% в 1964 или 1965 г. даже при отсутствии кризиса.

Одно время правительство попыталось разрешить эту проблему «статистическим» способом. Президент назначил комиссию во главе с профессором Калифорнийского университета Р. Гордоном для выяснения вопроса, насколько верна статистика о занятости и безработице, не преувеличивает ли она размеры безработицы в США. Была детально изучена методология статистики занятости в Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Японии, Канаде и Швеции, и комиссия пришла к выводу, что способы сбора и обработки информации об «избыточной» рабочей силе в США совершенно не повинны в высоком уровне безработицы. Напротив, в докладе, изданном в сентябре 1962 г., комиссия признает, что официальная американская статистика занижает размеры безработицы (временами до 40% от действительного числа безработных) [1]. На это обстоятельство указывал не только доклад. Газета «АФТ — КПП ньюс» писала летом 1962 г., что «месячные отчеты министерства труда о занятости и безработице... представляют собой нечто вводящее в заблуждение» [2]. Бывший председатель Совета экономических консультантов при президенте Трумэне Л. Кайзерлинг указывал, что летом 1962 г. «истинный уровень безработицы был равен примерно 8%, а среднегодовая цифра составляла около 6 млн. человек» [3]. По официальным же данным [4], безработица была на уров-

---

[1] «Labor Fact Book, 16», New York, 1963, p. 24.

[2] «Business Week», July 21, 1962, p. 86.

[3] «The New York Times Magazine», August 5, 1962, p. 10.

[4] В США существует три правительственные статистики в этой области: одна — по линии Бюро цензов (министерство торговли), другая — по линии Бюро обеспечения занятостью (министерство труда). На основании сведений этих двух бюро свои собственные подсчеты публикует Бюро статистики труда (министерство труда). Сравнительно полные данные о безработице представляет Бюро цензов. Но бюро не считает безработными тех, кто проработал в течение недели хотя бы один час на случайной и временной работе. Данные Бюро цензов выборочные, базирую-

не примерно 5% самодеятельного населения, а число безработных — 4 млн. человек, т. е. в 1,5 раза меньше. По оценке группы видных американских экономистов (Х. Сони, Ч. Саймингтон, Р. Уоткинс и др.), в феврале 1961 г. безработица в США достигала 8,1—8,6 млн. человек. Согласно же официальной статистике, в стране насчитывалось 5,7 млн. безработных[1].

Неудавшаяся попытка правительства пересмотреть данные о безработице в сторону их понижения лишний раз подчеркнула то, о чем неоднократно говорили американские коммунисты, а именно необходимость коренным образом улучшить государственную статистику занятости.

Мероприятия правительства Кеннеди в области занятости немногим отличаются от того, что предлагала республиканская партия[2]. Она также за продление пособий безработным в отдельные периоды, и за помощь экономически бедствующим районам, и за реформу в целом всей системы пособий по безработице, и за некоторую помощь отдельным группам безработных в переквалификации и т. д. В этом совпадении нет ничего необычайного. Все идеи «по борьбе» с безработицей, которые проводило или обещало провести в жизнь правительство Кеннеди, родились еще при предыдущих президентах.

щиеся на сведениях, поступающих лишь от 35 тыс. адресов. Сведения о безработице, публикуемые Бюро обеспечения занятостью, еще более искажают положение. В списки этого бюро включаются только регистрирующиеся (active file) безработные и те, кто получают пособия по безработице (insured). Бюро не считает безработными лиц, потерявших работу в отраслях, не подпадающих под действие законов о страховании по безработице, рабочих и служащих без достаточной суммы заработка и, следовательно, без необходимого взноса в фонд страхования по безработице, «дисквалифицированных» рабочих и служащих (отказавшихся от «подходящей» работы, уволенных за «плохое поведение», оставивших работу по своей воле без всяких оснований, участвующих в забастовке или оказавшихся без работы в результате локаута), лиц, исчерпавших пособия по безработице, лиц, не регистрирующихся постоянно. По данным американского буржуазного экономиста Г. Парнеса, Бюро обеспечения занятостью даже в сравнении с неполными сведениями Бюро цензов не учитывает примерно трети всех безработных (*H. Parnes,* Unemployment Data... The Measurement and Behavior of Unemployment, Washington, 1957, p. 144—145).

[1] «The Rise of Chronic Unemployment», Washington, 1961, p. 5—6.

[2] «87 Million Jobs: A Dynamic Program to End Unemployment», Washington, 1962.

16 марта 1964 г. Л. Джонсон предложил конгрессу проект борьбы с бедностью, что явилось широким официальным признанием остроты этой проблемы в США.

Законопроект предусматривает около 1 млрд. долл. ассигнований (962,5 млн. долл.) главным образом для обеспечения положения юношества, не имеющего никаких прав в области социального законодательства (и из числа которого около 1 млн. человек являются сейчас безработными), и субсидии для помощи местным властям в осуществлении планов здравоохранения, образования, повышения занятости и помощи мелким фермерам.

Предложенные Л. Джонсоном меры и объем ассигнований не только не затрагивают корней нищеты в США. В качественном отношении они очень незначительны. Однако даже эта ограниченная программа встретила сопротивление со стороны реакционного крыла монополистической буржуазии.

Поэтому конгресс, быстро одобрив ассигнования 52 млрд. долл. на военные цели в 1964/65 г., сильно затянул принятие закона по борьбе с бедностью в США.

Постоянная массовая безработица, как известно, порождается внутренними закономерностями и противоречиями капитализма, законом капиталистического накопления, противоречием между общественным характером производства и частным способом присвоения. Изменить эти закономерности ни одно буржуазное правительство, в том числе и США, не в силах.

3. Вмешательство правительства в отношения между трудом и капиталом

Став президентом, Кеннеди назначил министром труда главного юрисконсульта АФТ — КПП и профсоюза сталеплавильщиков А. Гольдберга. Это была не только плата за поддержку на выборах. Назначая А. Гольдберга на столь высокий пост, Кеннеди стремился укрепить союз с профбюрократией и использовать его в интересах правящего класса. Взгляды Гольдберга не шли вразрез с его собственными. Выступая на съезде Национальной ассоциации промышленников в декабре 1960 г., Гольдберг говорил: «Задача 60-х годов состоит в том, чтобы поло-

жить конец холодной войне, ведущейся в Америке между профсоюзами и предпринимателями. Задача нового времени состоит в том, чтобы заключить между ними мир, ибо есть еще другая «холодная война», которую нужно вести с общим врагом — с Советским Союзом — лидером международного коммунизма»[1]. «Наше общество, — подчеркивал Гольдберг, излагая свою программу перед сенатской комиссией по труду и общественному благосостоянию, — не является классовым, и министерство труда не является и не должно быть классовым департаментом... Я буду соблюдать и осуществлять все трудовые законы, в том числе и законы Тафта — Хартли и Ландрама — Гриффина... Право на забастовку должно быть использовано осторожно, с чувством ответственности... Нужно уладить все споры в трудовых отношениях, ибо в период холодной войны, который может продлиться в течение жизни целого поколения, нужна такая же мобилизация всех сил населения, как и в годы войны... Мы живем в такое время, когда нужно всеобщее согласие со стороны рабочих и предпринимателей и всех элементов нашего общества»[2]. Подобная программа пришлась по душе предпринимателям. Гольдберг получил поздравления от торговой палаты и Национальной ассоциации промышленников. Эти заявления Гольдберга были одобрены и верхушкой АФТ — КПП.

Назначением Гольдберга министром труда было положено начало личной унии американской профбюрократии с правительством крупной буржуазии. Это в свою очередь было незамедлительно использовано правительством Кеннеди. Так начался новый этап вмешательства государства в коллективные договоры, политику цен и заработной платы. Кеннеди пытался создать впечатление, что он будет проводить по отношению к рабочему классу «новую линию». Судя же по его заявлениям, эта линия сводилась к попыткам обеспечить сотрудничество и классовый мир между пролетариатом и буржуазией в интересах монополистического капитала. Выступая в марте 1961 г. на приеме в Национальном совете промышленных конференций, Кеннеди говорил: «Правительство призывает рабочих и предпринимателей к «творческому сотрудниче-

---

[1] «NAM News», December 10, 1960.
[2] «American Federationist» N 2, 1961, p. 6—8.

ству» с правительством в проведении здоровой политики заработной платы и цен... Какие бы ни существовали в прошлом разногласия, мы не хотим ни просто перемирия, ни просто соглашения. Мы хотим иметь полное сотрудничество на основе трех общих интересов: а) повышения темпов экономического роста, б) плановой модернизации производства, в) стабильности цен»[1].

В январе 1961 г. исполком АФТ — КПП направил президенту перечень мер, необходимых для выполнения соглашения, достигнутого между профсоюзами и Кеннеди во время избирательной кампании. Такими мерами, по мнению исполкома, должны были быть: повышение темпов роста производства с целью ликвидации массовой хронической безработицы; повышение минимума заработной платы до 1,25 долл. в час и распространение его на все категории низкооплачиваемых; увеличение помощи населению бедствующих районов, пораженных хронической безработицей; увеличение срока выплат пособий по безработице до 39 недель и повышение их размера до 50% среднего заработка; увеличение правительственных ассигнований на строительство жилищ, школ, госпиталей; введение государственной системы профессионального обучения рабочей силы, вытесняемой автоматизацией; принятие законопроектов о бесплатной медицинской помощи и расширении социального обеспечения; пересмотр налоговой системы в целях облегчения положения низкооплачиваемых категорий трудящихся; пересмотр закона Тафта — Хартли; отмена статьи 14-б этого закона, допускающей существование в отдельных штатах законов «о праве на работу»; отмена статей закона Ландрама — Гриффина, запрещающих такие формы борьбы рабочего класса, как бойкоты и пикетирование.

Выше говорилось, как правительство Кеннеди выполняло пункты этой программы по проблеме безработицы. Что же касается других, не менее важных положений о регулировании заработной платы, увеличении расходов на гражданские нужды, пересмотре антирабочего законодательства, то они, если и стали предметом внимания нового правительства, решались прежде всего с учетом интересов правящего класса. Кеннеди потребовал от профсоюзов «умеренности и сдержанности» в вопросах о росте зара-

---

[1] «Monthly Labor Review», April 1961, p. 412—413.

ботной платы и снижении продолжительности рабочей недели. «Я против сокращения рабочей недели, — заявил он в марте 1961 г., — я полагаю, что мы должны сохранить традиционную для нашей страны рабочую неделю (40 часов. — *Авт.*), если мы хотим продолжать рост нашей экономики и выполнять наши обязательства дома и за рубежом»[1]. Он заявил также, что стоит за установление государством жестких рамок для коллективных договоров между профсоюзами и предпринимателями и за активное вмешательство правительственных органов в переговоры о заключении таких договоров. Формально не являясь участником двухсторонних переговоров о коллективных договорах, правительство стало осуществлять жесткий контроль за тем, чтобы эти переговоры не выходили за рамки правительственной политики, чтобы ежегодное повышение номинальной заработной платы не превышало 2—3%.

В начале 1961 г. при президенте был создан совещательный комитет по вопросам взаимоотношений между профсоюзами и предпринимателями[2]. В него вошли министр торговли, министр труда, несколько профессоров, предпринимателей, руководители крупных корпораций (в том числе мультимиллионеры Г. Форд, Т. Уотсон — глава «Интернэшнл бизнес машинз») и профсоюзов (в том числе Дж. Мини, У. Рейтер, руководитель профсоюза дамских портных Д. Дубинский, железнодорожных служащих Дж. Гаррисон, рабочих сталелитейной промышленности Д. Макдональд). Инициатива создания комитета исходила от лидеров АФТ — КПП. Еще в январе 1960 г. Мини в письме Эйзенхауэру предложил создать орган для предотвращения «дорогостоящих конфликтов» вроде 116-дневной забастовки металлургов в 1959 г. Профлидеры полагали, что им удастся использовать этот комитет в своих интересах. На деле же комитет оказал правительству серьезную помощь в антирабочих мероприятиях.

Затем президент своей властью расширил полномочия министра труда по предотвращению и срыву забастовок. Кроме того, правительство постаралось активизировать деятельность «примирительных и посреднических» орга-

---

[1] «Monthly Labor Review», April 1961, p. 412—413.
[2] Там же.

нов, в частности федеральную службу посредничества и примирения, созданную в 1947 г. Услуги этой службы по закону считаются «добровольными» и необязательными для спорящих сторон. Но правительство Кеннеди в ряде случаев наделяло этот орган функциями принуждения, используя его также для вмешательства в переговоры о коллективных договорах и для срыва стачек. В 1961 г. в результате вмешательства этой службы были предотвращены забастовки, в которых могли бы участвовать в общей сложности 5 725 тыс. рабочих и служащих[1] (в 3,5 раза больше, чем фактически бастовало в этом году). Считается, что государственные органы «посредничества и примирения» «помогают урегулировать» примерно 1/3 всех возникающих забастовок и предотвращают 90% всех трудовых конфликтов.

Не ограничившись этим, правительство Кеннеди бросило прямой вызов рабочему классу. В 1961 г. оно применило против бастующих моряков закон Тафта — Хартли. Конфликт возник между владельцами 850 судов и профсоюзом моряков, которых поддерживали 5 тыс. грузчиков Нью-йоркского порта (они провели однодневную забастовку солидарности) и рабочие нефтеочистительных заводов Техаса, Нью-Джерси и др. Судовладельцы отказывались распространить условия коллективных договоров на суда американских компаний, плавающие под иностранными флагами (Либерии, Гондураса, Панамы и т. д.). Заработная плата на таких судах в 3—4 раза меньше, чем на обычных, матросов не обеспечивают медицинской помощью, плохо кормят. Вмешательство правительства, которое было одобрено профбюрократией, привело к запрещению этой забастовки.

Летом 1962 г. комитет по вопросам взаимоотношений между профсоюзами и предпринимателями представил президенту доклад, в котором рекомендовал расширить права государства по вмешательству в трудовые споры без принятия соответствующего закона. В частности, рекомендовалось облегчить процедуру назначения правительством чрезвычайных комиссий для вмешательства в любые виды трудовых конфликтов, «угрожающих национальным интересам». Такие комиссии предлагалось наде-

---

[1] «Federal Mediation and Conciliation Service». Fourteenth Annual Report, Washington, 1962, p. 21—25.

лять правом предписывать сторонам обязательные условия решения спора. Появление доклада комитета развязывало руки правительству: рекомендации, содержавшиеся в докладе, были выработаны совместно профбюрократией и представителями монополий. Он санкционировал запрещение забастовок и введение так называемых охладительных периодов без обращения к суду. (По закону Тафта — Хартли президент должен получить на это одобрение судебных органов.) Рекомендации комитета, таким образом, шли в этом отношении значительно дальше антирабочего закона 1947 г. Предложенную комитетом процедуру правительство Кеннеди применило уже в 1962 г. в конфликте между авиационными компаниями и объединенным профсоюзом рабочих автомобильной и авиационной промышленности (его возглавляет У. Рейтер) [1]. Так был создан прецедент внесудебного вмешательства государства в трудовые споры.

Этот прием правительство повторило и для срыва всеобщей забастовки на железнодорожном транспорте. В 1959 г. владельцы железных дорог выдвинули план широкого сокращения «излишней» рабочей силы. Профсоюзы обратились в суды с просьбой наложить запрет на это сокращение. Речь шла о судьбе 40 тыс. кочегаров, 25 тыс. других работников поездных бригад, которых компании собирались уволить немедленно, и еще 200 тыс. железнодорожников, которых это ожидало в недалеком будущем. Дело дошло до Верховного суда, который в 1963 г. признал право компаний провести сокращение.

В связи с этим железнодорожные профсоюзы приняли решение начать всеобщую забастовку. Кеннеди назначил комиссию во главе с министром труда для посредничества. Но предприниматели не шли на уступки. Правительство предложило сторонам согласиться на принудительный

---

[1] Этот конфликт возник вследствие нежелания предпринимателей (в частности, военно-промышленной компании «Боинг») признать право профсоюза представлять всех рабочих, а также их отказа пойти на некоторые уступки в вопросах заработной платы. Назревала мощная забастовка, грозившая парализовать авиационные заводы Калифорнии. Кеннеди назначил специальную правительственную комиссию для урегулирования спора, но ей не удалось примирить стороны. Тогда Кеннеди, не обращаясь в суд (хотя это противоречило закону Тафта — Хартли), объявил о запрещении забастовки до тех пор, пока спор не будет улажен государственными посредническими органами.

арбитраж, который должен был провести по его уполномочию член Верховного суда бывший министр труда Гольдберг. Профсоюзы отвергли это предложение, заявив, что «он всегда на стороне предпринимателей» [1]. Тогда Кеннеди запретил забастовку, объявив, что спор передается на рассмотрение Комиссии конгресса по вопросам торговли между штатами. Профсоюзы все же объявили о начале забастовки 29 августа. 28 августа 1963 г. обе палаты конгресса в срочном порядке приняли новый антирабочий закон о принудительном правительственном арбитраже на железнодорожном транспорте, и в тот же день его подписал президент. Забастовка была запрещена.

Примечательно, что руководство АФТ — КПП заняло позицию сторонних наблюдателей. Опасаясь открыто выступить против той или иной забастовки (такого рода выступления связаны с «потерей лица» перед рабочими), проффбюрократия АФТ — КПП заведомо соглашается на то, чтобы такое запрещение исходило от правительства.

Решение трудовых споров путем административного вмешательства создает базу для значительного расширения произвола буржуазного государства и представляет собой логическое развитие антирабочего законодательства. Отмечая «эффективность» такой практики, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Давление Белого дома, личное вмешательство Кеннеди и министра труда в забастовочную борьбу, создание специальных комиссий в трудовых конфликтах — таковы основные методы правительства. Они могут нанести большой ущерб забастовочной борьбе... Исполнительная власть трактует и расширяет антирабочее законодательство в соответствии с обстановкой и требованиями» [2].

Линия правительства Кеннеди, одобрявшаяся руководством АФТ — КПП, состояла в том, чтобы сократить число забастовок до минимума, не допускать крупных забастовок вообще, создать такую систему взаимоотношений между проффбюрократией и руководством корпораций, которая обеспечивала бы достижение «взаимоприемлемых» соглашений мирным путем. С этой целью правительство стало поощрять создание «комитетов человеческих отношений». Такие комитеты — новая уловка в тактике пред-

---

[1] «Woker», July 14, 1963; July 21, 1963.
[2] «U. S. News and World Report», March 6, 1962, p. 102—103.

отвращения забастовок. Они уже действуют в сталеплавильной, автомобильной, резиновой, строительной, электротехнической и ряде других отраслей промышленности. Их деятельность сводится к «непрерывным» переговорам и консультациям между профсоюзами и предпринимателями. Их начинают задолго до истечения срока действующего коллективного договора и заключения нового. Полезность круглогодичного ведения таких переговоров с точки зрения монополий и профбюрократии объясняется значительным усложнением и расширением круга проблем, которые при этом приходится обсуждать. Они включают не только вопросы повышения часовой заработной платы, но также вопрос о том, как предотвратить массовое увольнение рабочих в связи с автоматизацией, как поставить переобучение рабочей силы, вопрос о сокращении рабочей недели без уменьшения заработной платы и многие другие. Роль правительства сводится к тому, что оно назначает своих представителей в «комитеты человеческих отношений», добивается, чтобы обе стороны (прежде всего профсоюзы) не выходили за рамки правительственных установок (в частности, установки о недопущении роста заработной платы более чем на 3% в год).

О том, как конкретно осуществляется эта новая тактика, показывает пример сталелитейной промышленности. Руководство профсоюза и крупнейшие сталелитейные компании в мае 1962 г., за год до истечения действующего коллективного договора, создали «комитет человеческих отношений», который выработал новое соглашение еще до того, как могла возникнуть угроза забастовки. О том, кому был выгоден этот договор, говорят такие факты: профсоюз отказался от повышения заработной платы и сокращения рабочей недели в обмен на согласие предпринимателей предоставить дополнительный отпуск рабочим, имеющим большой стаж.

Созданы и активно действуют «комитеты человеческих отношений» из представителей электротехнического концерна «Дженерал электрик» и профсоюза электриков, входящего в АФТ — КПП. В автомобильной промышленности такой «комитет человеческих отношений» создан из представителей профсоюза и компаний «Дженерал моторс», «Форд мотор», «Крайслер».

25 мая 1963 г. был учрежден новый комитет при президенте США для консультации предпринимателей и

профсоюзов. Этот комитет должен использовать ту же тактику «человеческих отношений». В его состав вошло по шесть представителей от предпринимателей и профсоюзов (в основном второстепенные лица — вице-президенты или заведующие отделами ряда корпораций и профсоюзов). Члены этого комитета, как писал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», зарекомендовали себя специалистами по «мирному улаживанию» споров между профсоюзами и монополиями [1]. Задача правительственного комитета — координировать действия «комитетов человеческих отношений» в различных отраслях промышленности и поощрять создание новых. Правительство полагало, что это поможет в дальнейшем изменить всю систему трудовых отношений в США, добиться разрешения всех споров без забастовок и локаутов. Руководство АФТ — КПП активно сотрудничало с правительством Кеннеди в осуществлении его «новой стратегии» по ликвидации забастовочной борьбы.

Линия правительства неполностью удовлетворяла наиболее реакционно настроенную часть крупной буржуазии. Эта часть буржуазии не только не ослабила, но еще более усилила наступление на демократические права и экономические интересы рабочего класса. Она считала, что правительство недостаточно решительно подавляет борьбу трудящихся масс. Был внесен ряд проектов антирабочих законов. Их внесли такие правые, как сенаторы Макклелан, Голдуотер, Мундт, Кэртис и др. Об усилении наступления на трудящихся говорил и факт назначения в 1963 г. нового министра труда. Им стал Виртц — адвокат из Чикаго. Он открыто пригрозил профсоюзам, что, если они не ослабят забастовочную борьбу, правительство поддержит новые антирабочие законы. О том же говорило и принятие закона о принудительном арбитраже на транспорте.

Правительство Кеннеди усилило гонения на прогрессивные элементы в рабочем движении. Под давлением министра юстиции Р. Кеннеди Верховный суд признал соответствующими конституции положения законов Смита и Маккарэна о «преступном членстве» в Коммунистической партии США, регистрации ее членов и так называемых организаций коммунистического фронта в Управле-

---

[1] «U. S. News and World Report», July 10, 1963.

пии по контролю над подрывной деятельностью. Был проведен суд над компартией за отказ зарегистрироваться в качестве «подрывной организации». Более 600 различных общественных организаций было обвинено в связях с компартией, и против них начато следствие. Преследование компартии создало угрозу для всех демократических, прогрессивных сил. Правительство угрожает репрессиями всем организациям рабочего класса, в том числе и профсоюзам. В 1962 г. министерство юстиции объявило профсоюз рабочих горнорудной промышленности и плавильщиков организацией, в которую «проникли коммунисты». На основании этого министерство труда запретило предпринимателям вступать в отношения с этим профсоюзом. Это было сделано в то время, когда профсоюз предъявил компаниям требования о повышении заработной платы, сокращении рабочей недели и обеспечении работой лиц, выталкиваемых автоматизацией.

Активизировалась антирабочая деятельность сенатской комиссии под руководством сенатора демократа Макклелана. Выступая по телевидению, Макклелан заявил: «Мой штат Арканзас имеет закон «о праве на работу», и я буду настаивать на принятии подобного же федерального закона». Помимо расследования «коррупции» в профсоюзах для подготовки новых антирабочих законов эта комиссия участвует в выявлении так называемых саботажников военного производства. В мае 1961 г. в Вашингтоне она провела расследование деятельности рабочих организаций на предприятиях «Боинг», «Дженерал дайнэмикс» и других военно-промышленных компаний. Профсоюз был обвинен в том, что он якобы тормозил осуществление космической и ракетной программы. Было объявлено, что забастовки, проходившие на заводах этих корпораций, — это часть «коммунистического заговора». На заседании комиссии представитель компании «Боинг» Дж. Эсарк предложил, чтобы конгресс принял закон, санкционирующий внесение в «черные списки» рабочих, участвующих в забастовках на предприятиях, занятых выполнением «космической программы». В ответ сенатор Макклелан заявил: «Вы и я мыслим одинаково».

История борьбы американских капиталистов с рабочим классом знает много случаев использования частной полиции и сыскных агентств для борьбы против трудящихся и расправы с боевыми вожаками рабочего класса. Любо-

пытно, что именно в последние годы впервые осуществлена идея создания всеамериканского центра антирабочей тайной полиции в виде «Американского совета безопасности» (АСБ). В 1961 г. на страницы американских газет попало конфиденциальное письмо одного из членов правления этой организации, президента крупной чикагской компании «Моторола» миллионера Р. Гэлвина, в котором говорилось, что услугами АСБ пользуется свыше тысячи корпораций. В начале 1962 г. их было уже три тысячи[1]. Большинство сотрудников АСБ в прошлом работники федерального бюро расследования. Во главе его «планового комитета» стоит М. Лэдд, бывший заместитель директора ФБР Э. Гувера. Это обеспечивает сращивание частной и государственной тайной полиции, обмен агентурными кадрами, «черными списками» рабочих, заподозренных в «подрывной деятельности» (таких АСБ насчитывает более двух миллионов), координацию деятельности и т. д. Во главе частных филиалов ФБР находятся люди, тесно связанные с фашистскими организациями, и отставные деятели из Пентагона. «Правые организации, — писал «Ньюсуик», — пользуются повышенным вниманием многих отставных генералов и адмиралов. Причины этого совершенно ясны. По своему образованию и наклонностям военные — люди действия. Многие из этих отставных военных работают в «Американском совете безопасности»». Один из вдохновителей последнего, генерал Р. Вуд, бывший руководитель торговой монополии «Сирз, Робэк», был в свое время в числе создателей фашистских организаций «Америка прежде всего» и «Американские действия»[2].

Крайняя реакция самым серьезным образом рассматривает вопрос о введении фашистских методов правления, если «демократические методы» не смогут предотвратить подъем рабочего движения. При правительстве Кеннеди еще более активно стало действовать фашистское «общество Джона Бёрча», оппрающееся на крупный капитал и военщину и ставящее своей целью установление открытой фашистской диктатуры. Помимо «общества Джона Бёрча» активно действуют и такие организации реакционеров, как «Христианский крестовый поход против

---

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения» № 8, 1962, стр. 115.

[2] «Newsweek», December 4, 1961.

коммунистов», «Минитмены», «Американская нацистская партия», «Конвенция национального негодования» и др. Всего в США насчитывается до тысячи различного рода организаций фашистского типа. Все эти организации открыто требуют подавить рабочее движение и разгромить профсоюзы. Руководство же АФТ — КПП не принимает всерьез этих требований, более того, оно считает, что они даже полезны, ибо их можно использовать для усиления антикоммунистической кампании в профсоюзах [1].

4. «Социальное законодательство» и рост борьбы рабочего класса

«Социальная деятельность» правительства Кеннеди не ограничилась мероприятиями в области безработицы и регулирования взаимоотношений между трудом и капиталом. Правительство понимало, что эти мероприятия не могут удовлетворить трудящихся. Чтобы сдержать борьбу трудящихся масс, правительство Кеннеди вынуждено было предпринять некоторые другие шаги в области «социального законодательства».

В 1961 г. принимается закон о повышении гарантированного минимума заработной платы. Минимальная почасовая заработная плата повышалась с 1 долл. в 1960 г. до 1,15 долл. в 1961 г., 1,20 долл. в 1962 г. и 1,25 долл. в 1963 г. Новый закон давал право на получение такого минимума еще 4,3 млн. человек, до него такое право имели 23,5—24,5 млн. человек. Закон, однако, не распространялся на наиболее низкооплачиваемую часть пролетариата (примерно на 20 млн. человек).

Правительство внесло законопроект о предоставлении медицинской помощи престарелым (60—65 лет) за счет государства; их насчитывается более 15 млн. Но конгресс

---

[1] Для борьбы с прогрессивными элементами в профсоюзах руководство АФТ — КПП прибегает к помощи государства. В июне 1962 г. в Вашингтоне состоялось секретное совещание группы лидеров профсоюзов с представителями ФБР и министерства юстиции. Обсуждались задачи борьбы с прогрессивными элементами в профсоюзах. Были разработаны совместные меры по выявлению и изгнанию из профсоюзов лиц, симпатизирующих коммунизму («New York Miror», June 26, 1962).

отклонил это предложение. Правительство предложило также проект налоговой реформы.

Общие итоги «социального законодательства» правительства Кеннеди на фоне усиления прямого наступления крупного капитала на экономические и политические интересы рабочего класса не могли не создать обстановку «брожения» в умах рядовых членов профсоюзов, усугубить противоречия между интересами рабочего класса и политикой профбюрократии и буржуазного государства.

После прихода к власти правительства Кеннеди многие профсоюзы вначале заняли выжидательную позицию, полагая, что правительство, которое они поддержали на выборах, станет защищать интересы трудящихся. Это оказало некоторое сдерживающее влияние на развитие стачечной борьбы. Но уже 1962 год отмечен значительной активизацией стачечной борьбы, несмотря на то что правительство прибегло к жестким мерам для подавления забастовок. Всего в 1962 г. в США было проведено 3550 забастовок. В них участвовало 1 250 тыс. рабочих. В 16 наиболее крупных забастовках участвовало более чем по 10 тыс. человек в каждой [1]. В автомобильной промышленности забастовка продолжалась 26 дней (в феврале — марте 1962 г.), в строительной промышленности — 57 дней. В августе 1962 г. закончилась победой стачка 16 тыс. рабочих на 22 заводах компаний «Алюминум компани оф Америка» и «Рейнолдс алюминум компани». Забастовщики добились увеличения оплаты отпусков, пенсий и пособий по безработице. Начавшаяся в декабре 1962 г. забастовка рабочих типографий нью-йоркских газет продолжалась 114 дней. Она закончилась в конце марта 1963 г. Эта забастовка особенно ясно показала провал политики установления «классового мира», проводимой профбюрократией и правительством. Подводя итоги за 1962 г., газета «Уолл-стрит джорнел» писала, что «забастовки становятся все более многочисленными и их все труднее урегулировать... В 1962 г. на каждого забастовщика приходилось 15,2 рабочего дня, а в 1961 г. — только 11,2 рабочего дня. За весь 1962 г. потеряно 19 млн. рабочих дней. Что же будет дальше?» [2]

---

[1] «News U. S. Department of Labor», January 4, 1963, p. 1.
[2] «Wall Street Journal», January 15, 1963.

В 1963 г. стачечная борьба усилилась. Более шести месяцев продолжалась забастовка 10 тыс. голодающих шахтеров юго-восточных районов штата Кентукки. Шахтеры вопреки запрещению профсоюза вели настоящую войну с шахтовладельцами. Власти прибегли к арестам руководителей забастовки, а шахтовладельцы — к помощи бандитских шаек. Дома некоторых забастовщиков были подорваны динамитом. Рабочие, выходя из шахт, вынуждены были вооружаться ружьями и пистолетами. Выше уже говорилось о том, как в последний момент была сорвана всеобщая стачка на железных дорогах. Размах забастовочной борьбы, самоотверженность и стойкость трудящихся — все это свидетельствует об их высоких боевых качествах в отстаивании экономических интересов.

Активная забастовочная борьба трудящихся повела к углублению противоречий между верхушкой профбюрократии, с одной стороны, и рядовыми членами профсоюзов и низовыми профсоюзными функционерами — с другой. В американских профсоюзах с момента их зарождения борются две тенденции — прогрессивная и консервативная. Как бы профсоюзная бюрократия ни пыталась использовать профсоюзы для политики классового сотрудничества, они остаются крепостями рабочих, помогающими сохранять завоевания и добиваться новых. Особая роль в этой борьбе принадлежит прогрессивным независимым профсоюзам. В отличие от руководства АФТ — КПП они ведут последовательную наступательную борьбу с капиталом. В марте 1963 г. в Детройте состоялась профсоюзная конференция, посвященная задачам мобилизации сил трудящихся для борьбы против попыток реакции в конгрессе США принять новые антирабочие законы. Конференция была созвана независимыми профсоюзами водителей грузовых автомашин, электриков и др. Руководство АФТ — КПП запретило своим членам принимать в ней участие. Тем не менее в конференции приняло участие более 6 тыс. человек, в том числе многие рядовые члены и функционеры местных отделений профсоюзов, входящих в АФТ — КПП. Конференция, закончившаяся массовой демонстрацией, показала рост солидарности масс. Искусственные преграды, создаваемые верхушкой профбюрократии на пути масс, не могут помешать объективному процессу борьбы за единство всех профсоюзов, всех трудящихся.

* *
*

1961—1963 годы были периодом невиданного подъема негритянского движения. Борьба трудящихся негров приобрела поистине общенациональный характер. В мае — июле 1963 г. состоялись массовые демонстрации протеста в Бирмингеме; в них приняло участие в общей сложности свыше 40 тыс. человек, т. е. более 45% негритянского населения города. Негры Бирмингема организовали бойкот предприятий и учреждений, применяющих сегрегацию. Летом и осенью 1963 г. были проведены многочисленные забастовки против расовой дискриминации на Севере и в солидарность с негритянским движением на Юге. После событий в Бирмингеме в 196 городах страны, расположенных в 35 штатах, состоялась в общей сложности 841 демонстрация против расовой дискриминации. В июне 1963 г. 250 тыс. человек участвуют в «марше свободы» в Детройте, а 10 тыс. человек — в демонстрации в Бостоне. В июле в Кливленде был организован митинг, на нем присутствовало 15 тыс. человек. В том же месяце были проведены демонстрации в Лос-Анжелосе (70 тыс. человек) и Чикаго (50 тыс. человек). Август 1963 г. ознаменовался походом негров на Вашингтон. В нем приняло участие 250 тыс. человек. Поход прошел под лозунгами: «Равенство», «Труд», «Справедливость».

Небывалый размах борьбы негров против расовой дискриминации в США был прямым следствием быстро прогрессирующей пролетаризации негров. За последние два-три десятилетия произошли глубокие качественные изменения структуры негритянского населения. Еще недавно подавляющее большинство негров представляло собой крестьян-издольщиков («кропперов»), подвергавшихся на плантациях Юга жестокой эксплуатации в полуфеодальных формах, которые были наследием рабовладельческих порядков. Техническая революция в сельском хозяйстве в 30—50-х годах привела к массовому сгону с земли «кропперов» и превращению их в сельскохозяйственный и промышленный пролетариат. Слабое развитие промышленности на Юге США вызвало миграцию миллионов негров в промышленные штаты Севера, Среднего и Дальнего Запада, где они влились в ряды наиболее обездоленной части американского рабочего класса. За десятилетие

(1950—1960 гг.) негритянское население США увеличилось в целом с 15 045 тыс. до 18 872 тыс. человек. Но число негров, живущих в сельских местностях, сократилось за это время на 600 тыс., а число негров, проживающих в городах, выросло на 4,5 млн. Негритянское население в южных штатах увеличилось лишь на 1,1 млн. человек, а в промышленных штатах Севера, Среднего и Дальнего Запада — на 2,7 млн. человек[1].

Таблица 34

Структура занятости «небелого» населения США[2]

	1948 г.	1955 г.	1962 г.
Всего занятых (в тыс.)	5 944	6 496	7 098
В том числе (в % к итогу):			
В сфере материального производства	47,5	41,5	36,2
в сельском хозяйстве	21,1	15,7	11,7
в добывающей промышленности	3,0	0,7	0,4
в обрабатывающей промышленности	18,9	19,7	18,4
в строительстве	4,4	5,3	5,7
В сфере услуг	52,5	58,5	63,8

Хотя приток негров в промышленность за последнее десятилетие был значительным, они все еще составляют немногим более 10% промышленного пролетариата страны. Это в значительной мере объясняется дискриминационной практикой, применяемой против негров при приеме на работу как предпринимателями, так и реакционными профсоюзами, стремящимися сохранить за «белыми» рабочими наиболее высокооплачиваемые работы. Среди негров, занятых в промышленности, удельный вес мастеров и квалифицированных рабочих составляет лишь 8—9%, тогда как среди белых рабочих — 19%[3]. Значительно больше негров занято в сфере услуг. Здесь ставки заработной

[1] «U. S. News and World Report», March 20, 1961, p. 60—61.
[2] «Monthly Labor Review», July 1963, p. 781.
[3] См. *Джордж Моррис,* Основные проблемы рабочего движения в США, М., 1961, стр. 112.

платы значительно ниже, чем в промышленности, а система страхования по безработице и другие системы социального обеспечения развиты наиболее слабо или отсутствуют совсем.

В 50-х — начале 60-х годов эксплуатация негритянского пролетариата усилилась. Это было связано с принятием в ряде штатов (главным образом в южных) законов о «праве на работу» и ростом безработицы. Законы «о праве на работу» запретили заключение коллективных договоров, и многие трудящиеся негры стали еще более бесправными и беззащитными перед произволом предпринимателей. Средняя заработная плата рабочих-негров в таких штатах резко сократилась. Рост безработицы, особенно застойной, наиболее сильно ударил по неграм. И в прошлом безработица среди негров была значительно выше, чем среди белых, за последние же 10—15 лет этот разрыв еще более увеличился.

Таблица 35

Число полностью безработных среди негров и белых [1]
(в % к общей численности рабочей силы)

Год	Среди белых	Среди негров
1947	3,3	5,4
1948	3,2	5,2
1949	5,2	8,2
1950	4,6	8,5
1951	2,8	4,8
1952	2,4	4,6
1953	2,3	4,1
1954	4,5	8,9
1955	3,6	7,9
1956	3,3	7,5
1957	3,9	8,0
1958	6,1	12,6
1959	4,9	10,7
1960	5,0	10,2
1961	6,0	12,5
1962	4,9	11,0

[1] «Monthly Labor Review», July 1963, p. 787.

Застойная безработица среди негров к началу 60-х годов приобрела поистине трагические размеры, обрекая на абсолютное обнищание значительную часть семей негритянских трудящихся. К этому следует добавить усиление дискриминации негров в области жилищных условий, образования, в общественных местах и т. д. Таким образом, пролетаризация негритянских масс сопровождалась усилением их нищеты и бесправия. Если переход значительной части негров в ряды рабочего класса расширил их классовое самосознание и организованность, то усиление эксплуатации и расовой дискриминации увеличило их решимость бороться за экономические и политические права.

В ходе предвыборной кампании 1960 г. лидеры демократической партии обещали добиться принятия законов, которые покончили бы с нарушением гражданских прав негров, зафиксированных в конституции США. Эти обещания содействовали тому, что значительная часть трудящихся негров за пределами южных штатов (на Юге негры фактически лишены избирательных прав) поддержала на выборах кандидатов демократической партии. Придя к власти, правительство Кеннеди не торопилось с выполнением своих обещаний, ограничиваясь лишь словесными декларациями в пользу гражданских прав негров. Это, естественно, повело к тому, что трудящиеся негры поднялись на активную борьбу за свои права.

Гигантский размах, который эта борьба приняла к середине 1963 г., вызвал замешательство в правящих кругах. Пресса монополистической буржуазии заговорила о непосредственной угрозе «негритянской революции». Идеологи монополистической буржуазии требовали от правительства принятия срочных мер, с тем чтобы не допустить открытого революционного взрыва. Особенно беспокоило правящие круги то, что борьба негров не ограничилась южными штатами, а стала все более распространяться в других районах страны. Разгул расистского террора на Юге подрывает престиж США в молодых национальных государствах Африки и Азии, грозя сорвать проводимый Вашингтоном курс заигрывания с этими странами.

В этой обстановке президент Кеннеди выступил с рядом заявлений, в которых призвал в кратчайшее время ликвидировать экономическое и политическое неравноправие негров. Кеннеди принял в Белом доме руководите-

лей массового похода негров на Вашингтон и в беседе с ними вновь подтвердил свою решимость покончить с расовой дискриминацией и сегрегацией. Показательно, что президент назвал движение негров «мирной революцией», предупредив, что если конгресс не примет срочных законодательных мер, то «усилятся гражданская рознь и уличная борьба».

В июне 1963 г. правительство внесло в конгресс законопроект о гражданских правах, который американская печать назвала наиболее решительным из всех актов против расовой дискриминации, предпринятых федеральными правительствами со времен окончания гражданской войны между Севером и Югом. Правительственный законопроект предписывал отменить расистские законы в тех штатах, где они имеются, объявлял незаконной практику расовой сегрегации вообще и в особенности в общественных местах и учреждениях, при голосовании и регистрации для участия в выборах, при найме на работу и поступлении в учебные заведения.

Законопроект предусматривал предоставление министру юстиции США права возбуждать дела против тех муниципальных школ и учебных заведений (кроме частных), которые отказываются принимать негров на учебу. Законопроект предусматривал правовое закрепление статуса правительственного комитета по обеспечению равных возможностей в области занятости. Этот комитет создан постановлением президента (при Кеннеди его возглавлял вице-президент Л. Джонсон). Его деятельность ограничивалась проведением совещаний с руководителями корпораций и профсоюзов в целях выработки согласованных мер по ликвидации расовой дискриминации на предприятиях. Новым законопроектом предусмотрено право этого комитета осуществлять свои решения в принудительном порядке. Законопроект предписывал федеральным властям расторгнуть контракты, допускающие расовую дискриминацию.

Несмотря на неоднократные заявления Кеннеди о необходимости принять этот закон в экстренном порядке, коалиция расистов из южных штатов и реакционных деятелей республиканской партии, имеющая в конгрессе большинство голосов, в течение длительного времени упорно отказывалась дать ход законопроекту о граждан-

ских правах, пытаясь похоронить его в дебрях парламентской процедуры. Реакционеров в конгрессе поддерживали расистские и фашистские организации, развязавшие против правительственного законопроекта истерическую, злобную кампанию. В обстановке этой кампании и прозвучали выстрелы в Далласе, оборвавшие жизнь президента Кеннеди.

Закон о гражданских правах вследствие упорного сопротивления расистов был принят лишь в июле 1964 г. Этот закон не является такой мерой, которая в случае ее осуществления привела бы к действительно быстрой и действительно полной ликвидации национального угнетения в США. И все же, как это показали события последних месяцев, этот закон является весьма ощутительным и серьезным ударом по ультраправым, расистским силам. Не случайно прогрессивные круги страны, прежде всего Коммунистическая партия США, указывая на непоследовательность и ограниченный характер этого закона, тем не менее высказались в его поддержку. Вместе с тем КП США подчеркнула, что одних законодательных мер буржуазного правительства и конгресса недостаточно, что необходимо дальнейшее развертывание на местах массовой борьбы трудящихся масс против расизма и реакции.

5. Отношение Коммунистической партии США к экономической политике правительства

Формулируя свое отношение ко всей внутренней, и в частности к экономической, политике правительства в 1961—1963 гг., Коммунистическая партия США прежде всего исходила из того, что правительство Дж. Кеннеди и демократическая партия являются такими же представителями монополистического капитала, и прежде всего «большого бизнеса», как и республиканская партия и ее правительства. Однако компартия США учитывала два важных обстоятельства. Во-первых, Кеннеди смог одержать победу на выборах в 1960 г. в значительной степени в результате поддержки, которую ему оказали профсоюзы, негритянское население и силы, выступающие за мир и прогресс. Именно эти слои населения более решительно, чем в 1948, 1952 и 1956 гг., выразили свое отрица-

тельное отношение к политике, проводимой республиканской партией. Выборы свидетельствовали о поражении крайней реакции и ее ультраправых представителей. Правительство Кеннеди не могло не считаться с давлением широких масс населения, которые способствовали его избранию. Компартия США считала необходимым опираться на эти силы в осуществлении программ борьбы за мир, гражданские права и социальный прогресс. После победы на выборах Кеннеди трудно было игнорировать свои обязательства в области социального законодательства.

Во-вторых, деятельность правительства Кеннеди совпала с активизацией крайне реакционных и ультраправых сил, что явилось отражением обострившихся экономических и политических противоречий американского империализма. В условиях растущей неустойчивости экономического развития США, изменяющегося соотношения сил в мире в пользу стран социализма, растущего давления трудящихся масс правительство Кеннеди следовало противоречивому курсу. Оно в ряде случаев проводило политику «холодной войны», пошло на ограничение демократических прав, организовав новую кампанию преследования коммунистов, и т. д. Такая политика отвечала интересам крупного финансового капитала и его реакционным кругам. Однако Кеннеди свойственна была реалистическая оценка расстановки мировых сил. Поэтому он не отрицал важности переговоров между руководителями государств различных систем, сыграл большую роль в заключении Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия. По одному из центральных вопросов, вокруг которого развернулась борьба между демократическими силами и силами реакции, — негритянскому — правительство Кеннеди склонялось в сторону закрепления за неграми их гражданских прав. Такая позиция Кеннеди вызывала резкую озлобленность со стороны реакционных сил — правого крыла республиканцев, диксикратов и организованного движения фашистского типа, финансируемого наиболее шовинистическими и агрессивными кругами «большого бизнеса».

Вот почему компартия считала необходимым учитывать различные течения в рядах буржуазии и проводить различие между правительством Кеннеди и ультраправыми. «Ситуация требует, — писал Г. Холл, — чтобы ос-

новное острие борьбы направлялось против поджигателей войны и фашистских сил, которые оказывают давление вправо на правительство Кеннеди. В то же время каждое политическое действие, или мероприятие, которое играет на руку правым, должно встречать остро отрицательное отношение и критиковаться. Необходимо оказывать давление на правительство для изменения политики в сторону мирного сосуществования и защиты демократии» [1]. Таким образом, компартия США в своей политической борьбе исходила из учета противоречивости курса правительства Кеннеди. Критикуя половинчатые и нерешительные шаги в области уступок широким слоям населения, которые нисколько не затрагивали интересов правящей олигархии, компартия США считала необходимым бороться в первую очередь против ультраправой опасности, открывающей путь к фашизму и термоядерной войне.

Активность реакционных сил, приведшая к злодейскому убийству Кеннеди, свидетельствует об остром кризисе буржуазной демократии. В заявлении, сделанном генеральным секретарем компартии США Г. Холлом, отмечалось: «Пуля убийцы не только сразила президента нашей страны, но была нацелена на подрыв и уничтожение политики, направленной на то, чтобы ослабить международную напряженность, ускорить запрещение расовой дискриминации, обратить внимание на экономические нужды народа, развивать далее перспективу, начертанную в соглашении о запрещении испытаний ядерного оружия, и укреплять наши отношения с ООН».

Компартия США активно выступала против дальнейшей милитаризации экономики, которая была следствием военных программ правительства Кеннеди. В заявлении компартии «Дорога, по которой пойдет американский рабочий класс» отмечалось, что период упадка и застоя, который переживает экономика США, вызван в значительной степени политикой «холодной войны». Кроме того, как заявил Г. Холл, «16 долгих лет «холодной войны» обошлись американскому народу с точки зрения материальных средств и утраты демократических прав дороже, чем общая сумма потерь во всех больших войнах, вместе взятых» [2].

---

[1] «Political Affairs», August 1961, p. 18.
[2] «Проблемы мира и социализма» № 2, 1963, стр. 12.

Коммунистическая партия США соглашалась с заявлениями президента о том, что необходимы решительные меры, чтобы покончить с периодом застоя в экономике, направить страну на путь экономического роста, покончить с растущей массовой безработицей, что необходимо найти работу для миллионной армии молодежи, вступающей на рынок труда, и т. д. Но коммунисты разоблачали попытки правительства оправдать гонку вооружений нуждами американской экономики. В этой связи Г. Холл писал: «Хорошо говорить о политике «новых рубежей», как это делает Кеннеди. Однако на пути холодной войны не может быть никаких новых рубежей... Мы твердо убеждены, что новые рубежи, несомненно, существуют для Соединенных Штатов, но их можно найти только на пути, ведущем к прекращению политики холодной войны, на пути перехода к политике мирного сосуществования, ликвидации колониализма, на пути разоружения и мира» [1].

Компартия США считает своей важнейшей задачей организацию широких слоев населения для борьбы за мир. С этой целью она считает необходимым «сделать ясным для каждого американца, что именно «крупный бизнес» США является главной силой, выступающей за развязывание войны, что те самые монополисты, которые эксплуатируют американский народ посредством высоких цен, высоких налогов и огромных военных бюджетов, являются теми силами, которые стремятся к мировому господству» [2]. Организация массового движения за мир, борьба за сокращение военных расходов рассматриваются компартией США как необходимые меры в деле улучшения материальных условий и обеспечения работой трудящихся, в деле борьбы за демократические права и свободы. Политику мирного сосуществования КП считает не только совместимой с классовой борьбой, задачей ликвидации колониализма и построения социализма, но и абсолютно необходимой для достижения этих целей.

Предложенная правительством налоговая реформа явилась, по мнению американских коммунистов, вынужденным признанием того, что именно недостаточная покупательная способность населения служит основным препятствием увеличения производства. Коммунистиче-

---

[1] «Political Affairs», October 1963.
[2] Там же, стр. 24.

ская партия США считала давно назревшим вопросом изменение налоговой системы, которая приводила к непрерывному перемещению налогового бремени от богатых к бедным. Коммунисты поддерживали предложенную реформу в той ее части, где предусматривается снижение налогов с населения. Вместе с тем они подвергли проект реформы всесторонней критике. Компартия присоединилась к требованиям профсоюзов о большем сокращении общей суммы налогов, чем предлагалось в правительственном проекте (на 18 млрд. долл. вместо 10—12 млрд.), и о том, чтобы преимущественные выгоды от снижения налогов получили те слои населения, которые больше всего в этом нуждаются. С этой целью предлагалось: 1) не облагать налогами вовсе лиц, получающих менее 2 тыс. долл. годового дохода, и семейных, получающих 4 тыс. долл. или менее годового дохода; 2) снизить минимальные ставки налогообложения с 20 до 12%; 3) не снижать налоговых ставок на прибыль корпораций, если она превышает 25 тыс. долл., а ставку налога на прибыль менее 25 тыс. долл. снизить до 22% при условии, если это снижение не используется в интересах большого бизнеса. Это предложение позволило бы сохранить 2,6 млрд. долл. государственных доходов, сокращение которых произошло бы при снижении ставок на прибыли корпораций с 52 до 47%.

Компартия выступила против увеличения бюджетного дефицита на 15—20 млрд. долл., считая, что рост национального долга выгоден лишь банкирам, создает благоприятные условия для увеличения цен монополиями, подрывает покупательную способность доллара, что в конечном счете ухудшает жизненный уровень большинства населения. С целью сбалансирования бюджета компартия США считает необходимым: 1) добиться соблюдения налоговых правил богатыми классами; 2) закрыть многочисленные лазейки, используемые для неуплаты налогов с высоких доходов; 3) сократить бюджетные расходы на военные нужды.

Компартия в принципе положительно отнеслась к инициативе правительства Кеннеди принять некоторые законы, направленные на ослабление трудностей для трудящихся. Вместе с тем коммунистическая партия заявила о недостаточности и узости этих мероприятий, не способных коренным образом разрешить проблемы. Она

выступила со своими предложениями о более широких и действенных государственных мерах.

Компартия поддержала решение исполкома АФТ — КПП о национальной кампании за 35-часовую рабочую неделю без сокращения зарплаты. «Эта кампания, — говорится в программном заявлении компартии в декабре 1962 г., — может стать первым с 30-х годов значительным выступлением в защиту права на работу». «Завоевание 35-часовой недели означало бы предоставление работы миллионам, возможно, третьей части тех, кто в настоящее время числится в списке безработных. Что еще важнее, эта борьба и победа вооружили бы рабочий класс, придали бы ему новую энергию, открыли бы перед ним новые перспективы». В то же время компартия США выдвинула свои предложения:

«1. 30-часовая рабочая неделя с оплатой за 40 часов; ежегодное повышение заработной платы; увеличение числа оплачиваемых отпусков; усиление контроля профсоюзов над нормированием труда.

2. Энергичные политические выступления за передачу в государственную собственность некоторых отраслей промышленности, получающих крупные правительственные субсидии, и больших предприятий, работающих с хронической недогрузкой производственных мощностей; эти предприятия должны быть переведены на производство материалов для строительства жилищ, школ, больниц и осуществление других общественных работ. На предприятиях, переданных в государственную собственность, необходимо потребовать предоставления соответствующих гарантий, полностью обеспечивающих права профсоюзов и их участие в демократическом контроле над деятельностью этих предприятий. Необходимо установить ответственность правительства за обеспечение людей работой там, где частные предприниматели не в состоянии этого сделать.

3. Прекращение всех форм дискриминации негров в области труда...

4. Установление контроля над ценами со стороны правительства, профсоюзов и потребителей и прекращение нынешней практики установления цен монополиями.

5. Принятие федеральных программ общественных работ, оплачиваемых по профсоюзным ставкам, для молодежи и других безработных.

6. Отказ от правительственной политики замораживания заработной платы, жестоких штрейкбрехерских предписаний и принудительного создания арбитражных комиссий. Восстановление прав профсоюзов и отмена всех антирабочих законов, распространение права на организацию и забастовки на всех, кто работает по найму.

7. Повышение минимальной заработной платы до 2,5 долл. в час для всех рабочих...

8. Принятие программы пожизненного страхования, осуществляемой федеральным правительством в рамках системы социального обеспечения и оплачиваемой за счет увеличения налогов на крупные монополии, что обеспечит нормальные жизненные условия больным, нетрудоспособным и безработным; забота о престарелых, о рабочих и их семьях; сохранение всех других привилегий, предоставляемых в соответствии с ныне существующей системой социального обеспечения и ее усовершенствование на основе предложений профсоюзного движения. Молодым людям, вступающим на рынок труда, должны быть обеспечены соответствующие пособия по безработице до тех пор, пока им не будет предоставлена работа» [1].

Компартия считает, что необходимо улучшить профессиональное обучение молодежи в школах, чтобы молодежь могла получать хотя бы минимальную профессиональную подготовку перед включением в массу рабочей силы на рынках труда, что облегчит ей получение работы. Компартия предлагает установить систему федеральных и местных стипендий для студентов и минимум часовой заработной платы в 1,5 долл. для молодежи во всех отраслях и сферах экономической жизни. Для безработной молодежи предлагается установить особые ставки пособий по безработице. Необходимо представительство профсоюзов в программах профессионального обучения молодежи. Эта программа должна по меньшей мере быть распространена на 200 тыс. молодых людей. В целом компартия призывает профсоюзы и трудящихся оказать поддержку этому законопроекту в конгрессе.

В марте 1963 г. Г. Холл опубликовал брошюру «Единственный путь — мирное сосуществование». В ней, в частности, говорится: «В 1962 г. почти 1 млн. молодых людей

---

[1] «Дорога, по которой пойдет американский рабочий класс». «Проблемы мира и социализма» № 3, 1963. Приложение.

в возрасте от 16 до 21 года, которые искали работу, были не в состоянии найти ее. На них приходилось почти 25% общей безработицы... К 1970 г. в армию труда будет ежегодно вливаться 3 млн. молодых людей». «Крупный капитал, который контролирует нашу экономику, отбирает очень немногих и полностью отказывается принять на себя ответственность за миллионы людей, предоставленных самим себе. Он заявляет, что не несет за это ответственности. Но разве было бы неправильно и нелогично, если бы мы предложили, чтобы система, которая не может обеспечить источник существования для нашего народа, была отброшена и заменена другой системой, которая обеспечивает это?

Шаги, предпринимаемые правительством, нерешительны и носят половинчатый характер. Это первостепенная проблема, и она требует первостепенного решения».

Положительно относясь к экономическим программам профсоюзов, компартия США в то же время заявляет: «Слишком часто решения съездов АФТ — КПП и заседаний его исполкома остаются на бумаге. Давно назрела необходимость борьбы за прекращение этой практики. Антидемократическая практика, методы «бизнесменского» тред-юнионизма и идеи классового «сотрудничества», игнорирование безработных, продолжающиеся юридические споры и драки, политика исключений из профсоюзов, сохраняющаяся практика дискриминации негров, пуэрториканцев и американцев мексиканского происхождения — все эти пороки в той или иной степени характерны для многих профсоюзов» [1].

КП США предлагает создать широкий фронт антимонополистических сил, объединить усилия всех слоев нации, подавляемых монополистическим капиталом, выработать общую программу антимонополистической коалиции. В воззвании компартии США по случаю 1 Мая 1963 г. говорится: «Пришло время объединиться и бороться:

— за обеспечение занятости с помощью общественных работ и за специальные меры по борьбе с безработицей среди негров, молодежи и в бедствующих районах;

— за более высокую заработную плату и за минимальную ставку заработной платы в 2 долл. 50 центов в час;

---

[1] «Проблемы мира и социализма» № 5, 1963. Приложение, стр. 5.

— за более короткую рабочую неделю — 35—30 часов — без снижения заработной платы;

— за охрану гарантий занятости от влияния автоматизации, за надлежащие программы переквалификации и за экономические пособия по безработице для жертв автоматизации;

— за медицинское обслуживание лиц пожилого возраста на основе социального обеспечения;

— за расширение возможностей получения работы путем развития торговли с социалистическими странами»[1].

Коммунистическая партия США рассматривает возросшую экономическую роль государства как проявление усилившегося государственно-монополистического капитализма в США, что находится в прямой связи с углублением общего кризиса капитализма. Но Коммунистическая партия США не выступает против государственного вмешательства в экономику, как такового. Она считает, что государство должно вмешиваться в экономическую жизнь. В противовес экономической программе правительства Кеннеди она выдвинула свою программу государственного регулирования с целью обуздания власти монополий и в интересах трудящихся масс. Коммунистическая партия выступает за такое государственное регулирование экономики, которое как по форме, так и по содержанию общественных отношений коренным образом отличалось бы от государственно-монополистического капитализма.

---

[1] «The Worker», 28. IV. 1963.

Глава VII

ВНЕШНЯЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

США и мировая социалистическая система

Платежный баланс и денежный кризис в США

США и капиталистическая Европа

Японская проблема в американском аспекте

США и развивающиеся страны

«Союз ради прогресса»

Так называемая помощь, взятая в целом

Никогда еще во всей истории капитализма внешнеэкономические отношения не подвергались такому непосредственному государственно-монополистическому регулированию, как в период после второй мировой войны.

Экономический раздел мира, который раньше происходил в порядке борьбы и соглашений частнокапиталистических монополий различных стран, в настоящее время совершается при посредстве государства, сращенного с монополиями. Протекционизм, который был характерен для конца прошлого столетия, сохранился и в настоящее время. Но в условиях государственно-монополистического капитализма он оказался недостаточным средством для регулирования внешней торговли и защиты промышленности и сельского хозяйства от иностранной конкуренции.

Государство все в большей степени регулирует экспорт капитала. Оно нашло совершенно новые методы этого регулирования, стимулируя экспорт капитала в одних случаях и ограничивая его в других. И наконец, государственно-монополистический капитализм дошел до того, что в порядке государственных соглашений производится экономический раздел мира на территориально обособленные зоны, примером чего может служить так называемое Европейское экономическое сообщество («Общий рынок») или Европейская ассоциация свободной торговли и т. д.

За спиной этих государственных соглашений стоят монополии. Более того, представители тех или иных монополий в качестве членов государственных делегаций непосредственно участвуют в переговорах о той или иной форме экономического раздела мирового капиталистического рынка. И тем не менее есть существенное различие между разделом рынка в порядке образования международных частнокапиталистических картелей и международного государственно-монополистического соглашения о разделе мирового рынка. В первом случае международный картель представляет интересы отдельных национальных частных монополий, во втором случае государство выступает не только в качестве представителя монополистического капитала, но и буржуазии той или иной страны как класса в целом. Отсюда приоритет государства во внешних отношениях с остальным миром. При таком положении внешняя экономическая политика становится не только частью общей внешней политики, но и орудием в достижении определенных внешнеполитических целей.

После второй мировой войны демократическая и республиканская партии проводили единую согласованную внешнюю политику. Различие во внешней политике между Кеннеди и Эйзенхауэром возникло не столько в результате различия во взглядах, сколько в результате изменения обстановки. Новая обстановка потребовала нового подхода к старым вопросам и новых решений. Внешняя экономическая политика Кеннеди отличается от политики Эйзенхауэра тем, что первому пришлось пожать плоды политики своих предшественников и действовать в круто изменившейся международной обстановке.

1. США и мировая социалистическая система

Выход социализма за пределы одной страны и образование мировой социалистической системы повлекли за собой усиление борьбы капиталистической системы против социалистической. Эта борьба возглавляется, как известно, американским империализмом, который под флагом антикоммунизма стремится к мировому господству. Борьба против мировой социалистической системы

ведется в самых разнообразных формах и различными методами. Это «холодная война», которая представляет собой комплекс экономических, политических и военных мероприятий.

Американский империализм давно уже убедился в том, что средствами «холодной войны» он не сможет ликвидировать мировую социалистическую систему, но он рассчитывал на то, что, заставляя Советский Союз в целях обороны тратить значительные средства на вооружение, тем самым затормозит экономическое развитие и ослабит мировую социалистическую систему. Так, например, один из теоретиков «холодной войны», профессор Джеймс Шлезингер, писал: «Имея в виду антагонизм между двумя блоками, мы должны извлечь выгоду из того факта, что мы можем использовать наше теперешнее превосходство в целях увеличения их трудностей в достижении этих целей» [1].

В арсенале этой стратегии «холодной войны» имеются специальные экономические мероприятия, которые получили в США название экономической войны.

Уже в 1947 г. правительство Трумэна расторгло советско-американское соглашение от 15 августа 1945 г. о продаже американских товаров Советскому Союзу в кредит.

В 1949 г. конгресс США принял закон о контроле над экспортом, по которому ограничивалась торговля с Советским Союзом и другими социалистическими странами под флагом запрещения продажи так называемых стратегических материалов, в рубрику которых могут быть включены любые товары.

В июне 1951 г. правительство США заявило о денонсации торгового договора с СССР, заключенного правительством Рузвельта в 1937 г. Одновременно были денонсированы торговые соглашения со всеми странами социалистического лагеря.

В октябре 1951 г. Трумэн подписал так называемый закон Бэттла, который угрожал прекращением американской помощи всем государствам, которые будут продавать «стратегические материалы» социалистическим странам. Этот закон ставил своей целью принудить капиталистические государства порвать торговые отношения с со-

---

[1] *James R. Schlesinger,* The Political Economy of National Security, New York, 1960, p. 66.

циалистическими странами и стать на путь экономической блокады Советского Союза. Закон Бэттла, как известно, провалился. Несмотря на некоторые установленные ограничения, торговля Советского Союза с капиталистическими странами Европы растет из года в год[1]. Что же касается США, то по чисто политическим соображениям и в ущерб своим экономическим интересам они свели торговлю с Советским Союзом к ничтожным размерам, символизировавшим лишь, что законы, дискриминирующие торговлю с Советским Союзом и остальными странами социалистического лагеря, не означают полного разрыва торговых отношений.

Правительство США до самого последнего времени продолжало экономическую войну против мировой социалистической системы. Так как попытка принудить капиталистические страны Европы к сокращению торговых отношений с социалистическими государствами не увенчалась успехом, правительство стало на путь усиления репрессий против европейских фирм, ведущих торговлю как с США, так и со странами социалистического лагеря. Орган департамента торговли США журнал «Интернэшнл коммерс» постоянно публикует наименования иностранных фирм, подвергшихся репрессиям за продажу американских товаров в страны социалистического лагеря.

Департамент торговли в своем официальном отчете о контроле над экспортом сообщил, например, что в 1962 г. производилось расследование 246 случаев «возможного» нарушения правил контроля над экспортом в социалистические страны[2]. Репрессиям за такую торговлю подверг-

---

[1] На заседании подкомиссии по вопросам внешней экономической политики конгресса США в декабре 1961 г. директор нефтяной монополии «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Э. Колладо жаловался на рост внешней торговли стран социалистической системы с капиталистическим миром и требовал от правительства США принятия соответствующих мер против этой торговли. Он привел следующие данные: в 1948 г. экспорт социалистических стран в капиталистические страны составил только 2 млрд. долл. за год. В 1953 г. эта цифра фактически упала до 1,6 млрд. долл. В последние годы положение стало совершенно иным. Экспорт социалистических стран в страны Запада увеличился почти в 3 раза и достиг 4,2 млрд. в 1960 г. («Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Joint Economic Committee Congress of the United States». December 4—14, 1961, Washington, 1962, p. 202).

[2] «International Commerce», March 4, 1963, p. 33.

лись помимо американских некоторые швейцарские, голландские, австрийские, английские, бельгийские, французские, западногерманские и шведские фирмы.

В качестве репрессивных мер применяются лишение права внешней торговли для американских фирм и запрещение торговых операций в США иностранным фирмам полностью или на определенный срок. Так называемое Бюро контроля над экспортом при департаменте торговли США имеет специальный разведывательный аппарат, который следит за тем, чтобы иностранные фирмы, закупающие товары в США, не продавали их затем в страны социалистического лагеря. Как показывают опубликованные данные, в число «стратегических товаров» попадают лекарства, сельскохозяйственные машины, бульдозеры и т. п.

Еще в декабре 1961 г. нефтяные монополии США потребовали от правительства принятия мер к недопущению поставок Советскому Союзу капиталистическими странами труб больших диаметров. Вопрос об этом был поднят упомянутым директором «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Э. Колладо в подкомиссии по внешней экономической политике конгресса США. В этой подкомиссии Колладо с тревогой говорил о строительстве советских нефтепроводов в Польшу и ГДР и заявил, что рост советского экспорта нефти в страны капиталистического мира является «прямой угрозой для добывающих нефть стран» [1].

Во имя интересов американских нефтяных монополий правительство США стало оказывать по дипломатическим каналам давление на ряд стран, главным образом участниц НАТО, с тем чтобы последние запретили своим предприятиям поставлять трубы больших диаметров в Советский Союз. Все это мотивировалось стратегическими соображениями. На деле же подлинную подоплеку всей «трубной» истории поведал орган американских монополий «Бизнес уик», который писал: «В своих недавних показаниях перед комиссией конгресса Дж. Пайрси, помощник президента «Стандард ойл оф Нью-Джерси», подсчитал, что завершение строительства

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Joint Economic Committee Congress of the United States», December 4—14, 1961, p. 204.

нефтепроводов снизит теперешние советские издержки по транспортировке нефти примерно на одну треть... Поскольку нефть из Персидского залива поставляется в страны Южной Европы по цене около 2,20 долл. за баррель и 2,50 долл. за баррель в страны Северной Европы, указанное значительное снижение советских транспортных расходов позволит Советскому Союзу оказать еще большее давление на цены на нефть в капиталистическом мире» [1].

История с трубами представляет интерес в нескольких аспектах. Во-первых, она является примером сращивания государства с монополиями, во-вторых, образцом сугубо корыстной заинтересованности некоторых американских монополий в экономической войне против мировой социалистической системы, в-третьих, примером неудавшейся попытки правительства Кеннеди оживить закон Бэттла и использовать в этих целях механизм НАТО. Как известно, кроме Западной Германии, нарушившей торговое соглашение и прекратившей поставки труб больших диаметров, США не удалось вовлечь другие капиталистические страны в эту акцию.

В экономической войне против мировой социалистической системы США становились на путь не только ограничения торговли под флагом запрещения вывоза в социалистические страны «стратегических материалов», но и прямого эмбарго, т. е. полного запрещения торговли. Такое эмбарго уже давно проводится в отношении Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам, а в последнее время в отношении революционной Кубы.

Продолжая политику экономической войны против мировой социалистической системы, правительство Кеннеди в 1962 г. провело через конгресс решение о продлении на неограниченный срок закона 1949 г. о контроле над экспортом. Этот закон, как известно, направлен только против стран социалистического лагеря. Кроме того, в так называемый закон о расширении торговли, подписанный Кеннеди в октябре 1962 г., был включен специальный пункт, оговаривающий, что политика наиболь-

---

[1] «Business Week», March 2, 1963, p. 95.

шего благоприятствования во внешней торговле не будет распространяться на все социалистические страны.

В 1946 г. из США в Советский Союз было экспортировано товаров на сумму 358,5 млн. долл., что составляло 3,7% всего американского экспорта. Импорт же из Советского Союза в США составил 100,5 млн. долл., или 2% всего американского импорта. В 1950 г., после принятия закона о контроле над экспортом, советско-американская торговля по вине США была доведена до ничтожных размеров. Так, например, в 1962 г. экспорт американских товаров в Советский Союз составил сумму 16,2 млн. долл., а импорт советских товаров в США — 15,3 млн.[1]

Следует учесть, что после 1946 г. оптовые цены на мировых рынках значительно возросли и поэтому физический объем внешней торговли сократился еще больше.

Главной целью экономической войны является задержка роста и создание экономических трудностей в социалистических странах. Как известно, эта цель не была достигнута. «Холодная война» не смогла приостановить высоких темпов экономического роста Советского Союза и всего социалистического лагеря, взятого в целом. Провал политики экономической войны в настоящее время признают наиболее трезво мыслящие американские буржуазные экономисты. В этом отношении представляет интерес выступление профессора Орегонского университета Р. Аллена в подкомиссии конгресса по внешней экономической политике. В продолжение более чем десяти лет, заявил Аллен, Соединенные Штаты проводят дискриминационные мероприятия против импорта из социалистических стран, они «усилили частичное эмбарго в отношении экспорта и резко ограничили кредитование торговли с этой частью света... В последние пять лет масштабы и эффективность этих мероприятий постепенно падали... Я убежден в том, что полезность стратегического эмбарго и дискриминации Советского Союза и стран Восточной Европы почти полностью исчерпана... Последствия частичного эмбарго и дискриминации вряд ли при-

---

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1955, p. 916—918; «Magazine of Wall Street», September 7, 1963, p. 622.

водят к уменьшению темпов роста советского хозяйства» [1].

Более того, представитель одной экспортной фирмы в Калифорнии, некий Пизар, в этой же подкомиссии высказал свою тревогу по поводу того, что закон о контроле над экспортом наносит ущерб США. Указав на то, что частичное эмбарго на торговлю с социалистическими странами повлекло за собой рост торговли Советского Союза с Англией, Западной Германией, Францией и Японией, Пизар заявил: «В то же время американские экспортеры устранены от возможности конкурировать с западноевропейскими экспортерами на коммунистических рынках. Более того, у меня создалось такое впечатление, что некоторые наши союзники очень довольны тем, что мы находимся вне этих рынков, ибо многие из тех товаров, которые коммунисты хотят покупать, чтобы модернизировать свою промышленность, могли бы быть произведены и поставлены на более выгодных условиях нами» [2].

В настоящее время, когда США особенно страдают от хронической недогрузки предприятий и роста хронической безработицы, политика экономической войны против социалистического лагеря наносит больший ущерб США, чем социалистическим странам.

Безрезультатность «холодной войны» стала настолько очевидной, что правительство Кеннеди во второй половине 1963 г. вынуждено было стать на путь пересмотра своей внешней экономической политики по отношению к Советскому Союзу и другим странам социалистического лагеря. За несколько дней до убийства Кеннеди, в ноябре 1963 г., министр торговли США Ходжес выступил с речью на съезде американского совета внешней торговли, в которой он заявил, что для США настало время пересмотреть свой подход к торговле между Востоком и Западом. Отражением поворота внешней политики правительства Кеннеди явилась резолюция этого съезда, в которой, в частности, говорилось: «Съезд с интересом отмечает нынешнее предложение о том, чтобы законодательная и исполнительная ветви правительства пересмо-

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Joint Economic Committee Congress of the United States», December 4—14, 1961, p. 198—201.

[2] Там же, стр. 194.

трели политику США в области торговли с Советским Союзом и некоторыми другими странами социалистического лагеря».

Необходимость отхода от политики «холодной войны» была продиктована не только безрезультатностью, но целым рядом ее экономических последствий, в числе которых главное место занимает ставший хроническим пассив платежного баланса США.

2. Платежный баланс и денежный кризис в США

Непосредственным и самым ощутимым последствием «холодной войны» явился денежный кризис, который оказывает в последнее время все большее и большее воздействие на всю внешнюю экономическую политику правительства США. «Холодная война» сопровождается гонкой вооружений, большими субсидиями союзникам США, имеющими целевое военное назначение, затратами на строительство военных баз и содержание американских гарнизонов за границей [1].

Гонка вооружений повлекла за собой хронические бюджетные дефициты, рост государственного долга, инфляцию и хотя и медленное, но неуклонное падение покупательной способности доллара, а самое главное — дефицит платежного баланса США и утечку золота [2].

США имеют активный торговый баланс: их экспорт товаров превышает импорт. Они имеют огромные доходы от экспорта капитала, однако все эти активы оказались недостаточными, чтобы возместить военные расходы США за границей. В результате общий платежный баланс начиная с 1950 г. оказался пассивным. Исключение составлял

---

[1] США имели за границей 2200 пунктов расположения своих военных сил, в том числе 150 крупных военных баз. Общая численность заморских гарнизонов составила 1 050 тыс. человек. В одной лишь Западной Европе находилось 250 тыс. американских солдат и офицеров («U. S. News and World Report», January 7, 1963, p. 56).

[2] Маркс различал два вида денежного кризиса: один — циклического происхождения, другой — самостоятельный денежный кризис, порождаемый войнами, пассивом торгового и платежного балансов. Современный денежный кризис в США относится ко второму виду (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 23, стр. 149).

только 1957 год, когда из-за суэцкой авантюры Англия, Франция и другие европейские страны вынуждены были закупать огромное количество нефти непосредственно в США.

Начиная с 1950 по 1960 г., т. е. до прихода к власти правительства Кеннеди, общий дефицит платежного баланса составил 21 540 млн. долл. Особенно больших размеров достиг этот дефицит в последние годы президентства Эйзенхауэра. Так, в 1958 г. дефицит платежного баланса выразился в сумме 3 523 млн. долл., в 1959 г. — 3 743 млн. и в 1960 г. — 3 925 млн. долл. Всего за эти три года дефицит платежного баланса составил 11 197 млн. долл., т. е. больше, чем за предшествующие восемь лет. Эти цифры показывают, что пассив платежного баланса начиная с 1950 г. превратился в хроническое явление.

Правительство Кеннеди не смогло ликвидировать этот пассив. К приведенной общей сумме пассива платежного баланса оно добавило в 1961 г. 2,5 млрд. долл., в 1962 г. — 2,2 млрд., а в 1963 г. — еще 2 660 млн. долл. В результате общая сумма пассива платежного баланса достигла к 1964 г. 29 млрд. долл.

Результатом продолжающегося из года в год неблагоприятного платежного баланса явилась утечка золота из страны. Чем больше сокращаются золотые запасы, тем больше недоверие к бумажному доллару, что в свою очередь усиливает утечку золота. За период с 1950 по 1960 г. утечка золота из США составила 6 415 млн. долл.[1] В годы президентства Кеннеди США потеряли еще 2 208 млн. долл. Таким образом, всего было потеряно за эти годы свыше 8,6 млрд. долл. золота.

Золотые запасы США достигли своего максимума в 1949 г., когда они составили 24,6 млрд. долл., т. е. 69,4% всех запасов денежного золота всего капиталистического мира. К январю 1964 г. эти запасы упали до 15,6 млрд. долл., что составило уже только 37,5% мировых запасов. Этой сумме противостояли по балансу на 1 января 1964 г. краткосрочные государственные ценные бумаги на сумму 20 млрд. долл., находящиеся в руках иностранных, главным образом европейских, банков, которые в любой момент могут быть предъявлены к оплате золотом. Эта крат-

[1] Данные о платежном балансе и утечке золота взяты из «Economic Report of the President», January 1963, p. 263; «Federal Reserve Bulletin», February 1964.

косрочная задолженность США превышает в настоящее время более чем на 4 млрд. долл. весь золотой запас США, что подрывает положение американского доллара как международной валюты.

По существующему в США закону эмиссия банкнот и депозиты банков — членов в федеральные резервные банки должны быть обеспечены золотом в размере 25%. Это обеспечение требует в настоящее время около 12 млрд. долл. золота. Таким образом, с точки зрения юридических законов внутреннего денежного обращения свободный излишек золотого запаса США составляет менее 4 млрд. долл. Следовательно, краткосрочная задолженность США в пять раз превышает свободные запасы золота, что ставит американский доллар под угрозу дальнейшей инфляции и девальвации.

Следует отметить, что при создавшемся положении дальнейшая утечка золота становится все более и более опасной и чувствительной. Одно дело, когда за границу уходит полмиллиарда долларов в условиях большого избытка золота, другое — в условиях, когда свободный резерв золота опускается до критического уровня.

Денежный кризис возник еще до прихода к власти правительства Кеннеди. Однако во время президентства Кеннеди положение еще более ухудшилось, и в настоящее время денежный кризис выступает прежде всего в форме недостатка золота для ведения «холодной войны» прежними методами и в прежних размерах.

Профессор политической экономии Иельского университета Г. Уоллич в своем выступлении в подкомиссии по вопросам внешней экономической политики конгресса оценил следующим образом последствия хронического дефицита платежного баланса и утечки золота: «Обращаясь теперь к вопросу о нашем дефиците платежного баланса, я думаю, что мы должны признать, что условия теперешнего дефицита жестко ограничивают нашу свободу действий во всех направлениях. Они не позволяют нам оказывать иностранную помощь в желательных для нас размерах. Они затрудняют наше военное положение, препятствуют нашей торговой политике и очень плохо воздействуют на нашу внутреннюю политику» [1].

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 46.

Денежный кризис наложил свою печать на всю внешнюю экономическую политику правительства.

К середине 1963 г. положение с платежным балансом настолько ухудшилось, что 18 июля Кеннеди вынужден был обратиться со специальным посланием конгрессу о платежном балансе. В этом послании он сообщил об уже принятых правительством мерах и просил конгресс в дополнение к ним принять ряд новых законодательных актов, направленных на улучшение платежного баланса и предотвращение дальнейшей утечки золота.

Мероприятия правительства направлены прежде всего на сокращение валютных расходов США за границей по содержанию американских баз и гарнизонов. В этих целях военный министр Макнамара еще в 1962 г. отдал приказ, по которому все товары — продовольствие, строительные и эксплуатационные материалы и т. д. — для американских гарнизонов за границей должны закупаться только в США и доставляться на американских судах. Даже уголь для нужд американских баз и гарнизонов в Европе, который закупался в Западной Германии, решено было привозить из США[1]. За границей отныне могут закупаться только те товары, которые минимум на 50% дешевле, чем в США[2].

Этот приказ, очень выгодный для американских монополий, несколько сократит валютные расходы, но увеличит бюджетный дефицит, ибо закупки товаров в США для американской армии, размещенной за границей в количестве 1 млн. человек, обойдутся государству намного дороже, чем при закупке за границей.

В целях сокращения валютных расходов решено было также сократить за границей закупки стратегических материалов. В 1963 и 1964 гг. эти закупки должны быть сокращены на 200 млн. долл. по сравнению с 1962 г.

Одновременно США потребовали от своих европейских союзников увеличения их доли в расходах НАТО и в оказании военной и экономической помощи странам Азии, Африки и Латинской Америки, втягиваемым посредством этой «помощи» в орбиту империалистической политики.

---

[1] «Challenge», July 1962, p. 14.
[2] «Business Week», July 21, 1961, p. 36.

Правительство США вступило в переговоры со своими европейскими союзниками о помощи США путем размещения ими заказов на вооружения на американских заводах. По словам «Мэгэзин оф Уолл-стрит», «пока только Западная Германия реально пытается помочь. За два бюджетных года, оканчивающихся 30 июня 1963 г., она истратит 1 250 млн. долл. в США на закупку вооружений. Это покроет около 80% стоимости содержания американских войск в Германии по договору НАТО. Италия заявляет, что она надеется сделать некоторые закупки такого рода. Однако Франция и Англия не делают никаких усилий в этом направлении» [1]. Позже США принудили и Англию, и Францию разместить некоторые заказы на вооружения в США.

В 1963 г. США вынуждены были по валютным соображениям приступить к ликвидации некоторых своих военных баз и гарнизонов в Европе [2]. Наряду с этим было решено сократить расходы по содержанию огромного штата гражданских чиновников, работающих в заграничном аппарате США.

Рост военных расходов союзников, освобождающих США в той или иной мере от своих прежних военных расходов за границей, а также некоторые сокращения валютных расходов по содержанию военных баз и гарнизонов США за границей могут уменьшить пассив платежного баланса, однако, чем менее «выгодным» для капиталистической Европы становится пребывание в ней американских гарнизонов и чем более возрастают собственные военные расходы союзников, тем более падает военно-политическое воздействие США на своих союзников. Они становятся более независимыми.

Специальные меры были приняты для уменьшения утечки золота. К числу этих мероприятий относится досрочная выплата союзниками своих долгов. Для укрепления положения доллара пришлось пожертвовать престижем США, унизиться и обратиться к Западной Германии,

---

[1] «Magazine of Wall Street», June 16, 1962, p. 281.

[2] В ноябре 1963 г. Пентагон объявил о ликвидации двух военно-воздушных баз в Англии и возвращении в США 2659 солдат и офицеров. До этого были ликвидированы одна военно-воздушная база во Франции и еще одна — в Японии. Все эти незначительные сокращения ставят своей целью уменьшение военных расходов за границей в связи с пассивом платежного баланса.

Франции, Италии и другим странам с просьбой досрочно погасить их долги Соединенным Штатам. В 1961 г. Западная Германия досрочно выплатила США 587 млн. долл. В 1962 г. Франция досрочно погасила долг в размере 470 млн. долл., Италия — 179 млн., а Швеция — 16 млн. долл., погасив всю свою задолженность Соединенным Штатам. В общем к концу 1962 г. большинство стран погасило значительную часть кредитов и займов, предоставленных Соединенными Штатами в 1946—1949 гг.[1] По настоянию правительства США досрочная выплата долгов продолжалась и в 1963 г. Так, например, Франция и Голландия в этом году досрочно погасили еще 230 млн. долл. долга. Однако, несмотря на досрочную выплату долгов, платежный баланс США, как видно из приведенных выше данных, в 1961, 1962 и 1963 гг. был пассивным, а утечка золота все время продолжалась.

Для того чтобы сократить накопление долларовых обязательств и уменьшить внешнее давление на казначейские золотые запасы, правительство «запрещает слаборазвитым странам тратить доллары, полученные в качестве помощи, в Западной Европе, Японии и других высокоразвитых странах»[2].

В октябре 1962 г. Кеннеди подписал закон о снятии ограничений процентной ставки для иностранных депозитов. В целях привлечения иностранных вкладов в американские банки и уменьшения утечки золота новый закон позволяет устанавливать более высокий процент для иностранных депозитов. Таким образом, впервые в банковской практике применяется различной высоты процентная ставка на внутренние и иностранные депозиты. Предполагается, что более высокий процент будет привлекать золото из-за границы.

Если бы главной причиной утечки золота из США было движение «горячих денег», то соглашение о выравнивании процентных ставок в капиталистической Европе и США могло бы сыграть решающую роль в валютном положении США. Однако главной причиной утечки золота является пассив платежного баланса, и поэтому выравнивание процентных ставок может дать Соединенным Штатам ничтожные результаты. Кроме того, ухуд-

---

[1] «Survey of Current Business», January 1963, p. 20.
[2] «U. S. News and World Report», November 6, 1961, p. 56.

шение платежного баланса Англии всегда может повлечь за собой новое повышение учетного процента в Лондоне и сорвать договоренность о выравнивании ставок.

Увеличение процентных ставок под предлогом привлечения иностранных вкладов нужно правительству по внутренним финансовым соображениям. Чем больше бюджетные дефициты, тем необходимее становится привлечение ссудного капитала в государственные ценные бумаги путем более высокого процента. В США существует закон, по которому установлен предел процентной ставки в размере 4,5%. Этот предел затрудняет рефинансирование внутреннего государственного долга США. Поэтому под флагом борьбы с утечкой золота Кеннеди в своем послании просил конгресс увеличить максимальные пределы процентных ставок.

Не рассчитывая на привлечение иностранного золота повышением процентных ставок, правительство стало на путь операций по привлечению капиталов в Западной Европе в целях предотвращения утечки золота и покрытия дефицита платежного баланса. Эти операции идут по двум линиям — частной и государственной.

Правительство предложило американским монополиям усилить продажу своих акций на европейских биржах. «Ценные бумаги американских частных фирм, — говорится в послании Кеннеди конгрессу от 18 июля 1963 г., — могут и должны быть одной из лучших статей нашего экспорта». Как известно, в отличие от экспорта товаров экспорт ценных бумаг на деле означает импорт ссудного капитала, за который нужно платить еще и проценты. Кроме того, правительство рекомендовало частным американским монополиям чаще прибегать к кредиту европейских банков.

Одновременно правительство стало на путь заключения займов у европейских банков в местной валюте для своих операций на фондовых биржах Европы, операций, к которым казначейство США не прибегало в течение последних десятилетий. Такие займы заключены в Швеции, Италии, Западной Германии и других странах. В этих же целях производится скупка английских фунтов, французских франков, западногерманских марок. Эти займы казначейство США и Федеральная резервная система используют для так называемых операций на открытом рынке за границей, т. е. для скупки бумажных

долларов, когда их обменный курс на золото падает и когда создается угроза большого отзыва золота из США. Таким образом, наряду с золотом в США появились валютные фонды в форме европейских бумажных денег. В 1961 г. этот фонд иностранной валюты составил 116 млн. долл., а в январе 1964 г. он достиг уже 307 млн. долл.[1] Эти займы и скупка европейской бумажной валюты усиливают значение английского фунта, французского и швейцарского франков, западногерманской марки как международной валюты и подрывают монопольное положение американского доллара на мировых валютных рынках.

В целях защиты доллара казначейство выпустило специальные государственные среднесрочные ценные бумаги для заграницы, выписанные либо в долларах, либо в иностранной валюте. За первое полугодие 1963 г. таких ценных бумаг было реализовано на сумму свыше 600 млн. долл. Эти казначейские ценные бумаги «нового типа», как говорится в цитированном послании Кеннеди, представляют собой типичный государственный заем у европейских центральных банков для покрытия дефицита платежного баланса и предотвращения утечки золота.

В этих же целях финансовые органы США уже в 1962 г. приступили к переговорам с центральными банками европейских стран о реконверсии американской краткосрочной государственной задолженности в долгосрочную. Соглашение было достигнуто с центральными банками Швейцарии и Италии о реконверсии 3-месячных обязательств в 15- и 18-месячные на основе повышения процента.

И наконец, самым важным фактом для характеристики валютного положения США является обращение правительства США за помощью в Международный валютный фонд. В этих целях в октябре 1962 г. было достигнуто соглашение об образовании десятью странами дополнительного резерва в Международном валютном фонде в размере 6 млрд. долл.

Использование помощи Международного валютного фонда подрывает престиж доллара. Несмотря на это, правительство Кеннеди вынуждено было в 1963 г. обратиться

---

[1] «Federal Reserve Bulletin», February 1964, p. 254.

в Международный валютный фонд, где оно получило беспроцентный заем в размере 500 млн. долл. в иностранной валюте сроком на три года и с правом продления займа еще на два года. Этот заем предназначен для скупки долларов и американских государственных ценных бумаг в тех случаях, когда они предъявляются к обмену на золото. Следовательно, целью этого займа является борьба с утечкой золота из США.

Международный валютный фонд всегда был орудием внешней политики США. Он был ширмой, за которой скрывалась финансовая зависимость капиталистического мира от США. В настоящее же время средства этого фонда используются для укрепления положения самого доллара, находящегося в тяжелом положении.

Операции США, будь то в форме продажи акций американских монополий на международных фондовых биржах или в форме получения кредитов в европейских банках или государственных займов, полученных в центральных банках капиталистической Европы, влекут за собой в условиях продолжающегося пассива платежных балансов нарастание задолженности США капиталистической Европе, ослабление позиций доллара на мировом рынке, усиление западноевропейских валют, дальнейшее изменение соотношения сил внутри системы империализма в ущерб Соединенным Штатам.

К мероприятиям по уменьшению пассива платежного баланса путем ограничения импорта товаров относится закон 1961 г. о снижении размеров беспошлинного ввоза иностранных товаров американскими туристами с 500 до 100 долл. В своем послании о платежном балансе США Кеннеди приводил следующие цифры: общие расходы американских туристов за границей составили в 1962 г. 2,5 млрд. долл., между тем как расходы иностранных туристов в США составили 1,4 млрд. долл. США, таким образом, потеряли по этой статье платежного баланса свыше 1 млрд. долл., несмотря на закон об уменьшении размеров беспошлинного ввоза товаров американскими туристами. Эти цифры, следовательно, демонстрируют неэффективность принятого закона. Для того чтобы улучшить положение, правительство Кеннеди решило привлечь бóльшее количество иностранных туристов в США путем уменьшения формальностей для въезда, рекламы, организации своего собственного бюро путешествий, спи-

жения транспортных тарифов для иностранных туристов и т. д.

Важнейшим экономическим и политическим последствием денежного кризиса в США является тот факт, что они уже не в состоянии в прежних размерах использовать в своей внешней политике такое мощное средство, как безвозвратные субсидии, в целях вовлечения капиталистических стран в орбиту американского империализма. С этими ограниченными возможностями и столкнулось правительство Кеннеди. Таких ограничений не знали ни правительство Трумэна, ни даже правительство Эйзенхауэра, президентство которого ознаменовалось наибольшим пассивом платежного баланса и наибольшей утечкой золота.

Все перечисленные мероприятия по преодолению денежного кризиса являются паллиативами. Они могут оттянуть некоторые его последствия, уменьшить размеры тех или иных его проявлений, но они не могут положить конец самому кризису. Для того чтобы ликвидировать денежный кризис, необходимо устранить его причину, а не смягчать его последствия. Причиной денежного кризиса являются «холодная война» и гонка вооружений. Нельзя сказать, чтобы Кеннеди не отдавал себе в этом отчета. В своей речи на ежегодной конференции Международного валютного фонда в Вашингтоне он заявил: «Безусловно, Соединенные Штаты могли бы сразу же сбалансировать свои международные расчеты, если бы только в этом заключалась цель, которую мы преследуем. Мы могли бы отозвать наши военные силы, сократить нашу помощь и свести ее к размерам закупок только в США, поднять таможенные тарифы и ограничить иностранные инвестиции и другие затраты американских долларов» [1]. Однако, как заявил Кеннеди, «обязательства США перед свободным миром» не позволили ему это сделать. Поэтому оставался только путь паллиативов.

Правительство считало, что самым лучшим выходом для американского империализма было бы увеличение экспорта товаров и доведение актива торгового баланса до таких размеров, которые позволили бы США покрывать свои военно-политические расходы за границей без

---

[1] «International Financial News Survey», September 28, 1962, p. 310.

пассива платежного баланса и без утечки золота. «Наш актив торгового баланса, — говорится в экономическом отчете президента, — превышение нашего экспорта товаров и услуг над импортом — должен существенно возрасти и создать уверенность, что мы сбалансируем платежный баланс в течение близкого времени»[1].

В целях увеличения экспорта товаров правительство решило удлинить сроки и увеличить размеры кредитов, предоставляемых через Экспортно-импортный банк. Более того, оно решило страховать кредиты, предоставляемые частными банками и корпорациями иностранным покупателям американских товаров, и для этой цели была организована специальная «страховая ассоциация иностранного кредита», в которую вошло 70 крупнейших страховых корпораций. Страхование обеспечивает покрытие 85% убытков в случае неоплаты должниками кредитов по экономическим причинам и от 85 до 95% убытков, вызванных политическими причинами[2]. Конечным гарантом всех экспортных кредитов является государство.

Все эти мероприятия по расширению американского экспорта товаров наталкиваются, однако, на большое препятствие — возросшую конкуренцию стран капиталистической Европы, а также Японии.

3. США и капиталистическая Европа

После второй мировой войны резко возросла неравномерность развития империалистических стран. По существу из всех этих стран только США выиграли от второй мировой войны. После ее окончания они располагали самым мощным производственным аппаратом, который давал в 1946 г. около 60% промышленной продукции всего капиталистического мира, самым мощным военным арсеналом и абсолютной монополией на атомное оружие. Соединенным Штатам в 1947 г. принадлежало 32% всей мировой торговли. К этому необходимо добавить огромные золотые запасы, о которых говорилось выше. Эта мощь

---

[1] «Economic Report of the President», January 1963, p. XX.

[2] См. там же, стр. 146. Общий кризис капитализма наложил свою печать и на кредитные отношения. Как сообщает «Форчун», под убытками по политическим причинам подразумеваются «экспроприация, необратимость валют, война и революция».

и богатство превратили Соединенные Штаты в гегемона капиталистического мира. Сила США особенно выделялась на фоне разрушений, которые принесла вторая мировая война таким странам, как Германия, Франция, Италия, Япония и др.

Спустя 13—15 лет после окончания второй мировой войны соотношение сил в лагере империализма резко изменилось. Соединенные Штаты до сих пор остаются самой мощной империалистической державой. Они занимают еще первое место в капиталистическом мире по производству промышленной продукции, а также такой сельскохозяйственной, как кукуруза, хлопок, пшеница и др. Золотые запасы США до сих пор еще являются самыми крупными по сравнению с другими империалистическими державами. Они самый крупный экспортер капитала. Инвестиции американского капитала в другие страны капиталистического мира возросли с 18,7 млрд. долл. в 1946 г. до 80,1 млрд. долл. в 1962 г. Военная мощь США превышает военные силы ее союзников, и в военном отношении империалистические страны Европы до сих пор еще зависят от США. В целом Соединенные Штаты продолжают оставаться экономическим, военным и финансовым оплотом мирового империализма.

Наряду с этим необходимо учитывать и факт ослабления позиций США в мировой капиталистической экономике, со всей силой сказавшийся в 60-х годах.

В результате восстановления и расширения производственного аппарата стран Европы, Японии, а также индустриализации ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки удельный вес США в мировой промышленной продукции капиталистического мира упал в 1962 г. до 45%.

Особенно наглядно выступает это падение удельного веса США в мировом капиталистическом производстве в натуральном выражении, что видно из следующих данных (см. табл. 36).

Доля США в мировом экспорте упала с 32,5% в 1947 г. до 17,3% в 1962 г. Запасы казначейского золота, как уже указывалось, упали к январю 1964 г. до 37,5% запасов денежного золота всего капиталистического мира.

Выше указывалось, что общий пассив платежного баланса за период с 1950 по 1964 г. достиг суммы в 29 млрд. долл., между тем как утечка золота за это время выра-

Таблица 36

Доля США в добыче и производстве капиталистических стран[1]
(в %)

	1947 г.	1960 г.	1961 г.
Угля	55,3	37,7	30,3
Нефти	65,5	38,9	37,6
Железной руды	59,0*	29,8	24,8
Стали	66,1	37,9	36,4
Легковых автомобилей	84,8*	54,0	49,9

* 1948 г.

зилась в сумме 8,6 млрд. долл. Разница в 20,4 млрд. долл. ушла частично на погашение задолженности ряда стран Соединенным Штатам и частично сконцентрировалась в руках европейских банков в виде краткосрочных государственных обязательств США. Это качественно изменило инвестиционный баланс США и капиталистической Европы, что видно из следующих данных[2]:

Таблица 37

Инвестиционный баланс США и Европы
(в млн. долл. на конец года)

1947	+2733	1955	— 696
1948	+3663	1956	—1170
1949	+3826	1957	— 208
1950	+3473	1958	—1385
1951	+3201	1959	—4632
1952	+2371	1960	—3557
1953	+2433	1961	—6155
1954	+ 661	1962	—4354

Примечание: Плюс означает положение США как кредитора, минус — как должника.

Возникшая в 1955 г. задолженность США Западной Европе по инвестиционному балансу почти непрерывно все время возрастает.

[1] Расчет по данным «Statistical Yearbook of the United Nations», 1957, 1961, 1962.

[2] «Balance of payments», Washington, 1958, p. 182; «Survey of Current Business», August 1959, p. 29; September 1960, p. 24; August 1961, p. 26; August 1962, p. 32; August 1963, p. 22.

Инвестиционный баланс имеет двоякую структуру. Он делится на частные капиталовложения и кредиты и государственные займы и кредиты, а затем на долгосрочные капиталовложения и займы и краткосрочные кредиты и ценные бумаги. Кроме того, в инвестиционном балансе объединен экспорт капитала в собственном смысле слова, приносящий прибыль и дивиденд, и экспорт ссудного капитала, приносящий процент. Из структуры инвестиционного баланса вытекает целый ряд его особенностей.

Таблица 38

Структура инвестиционного баланса США и Западной Европы на конец 1961 г.
(в млн. долл.)

По характеру инвестиций

Частные инвестиции	— 8160	Долгосрочные инвестиции	+ 3136
Государственные инвестиции	+ 2001	Краткосрочные »	— 9295
Итого	— 6159	Итого	— 6159

По характеру дохода

Инвестиции, приносящие прибыль	+ 2584
Инвестиции, приносящие дивиденд	— 6662
Инвестиции, приносящие процент	— 2081
Итого	— 6159

Примечание: Плюс означает активные сальдо в пользу США, минус — активные сальдо в пользу Западной Европы.

Эта структура инвестиционного баланса США и Западной Европы показывает, что частные инвестиции западноевропейского капитала намного превышают соответствующие инвестиции США. Следовательно, США являются должником по отношению главным образом к частным европейским юридическим лицам (промышленным и торговым предприятиям и банкам), наоборот, Западная Европа должна главным образом США в лице государства.

В инвестициях США преобладают долгосрочные капиталовложения и займы. Перевес здесь дают промышленные предприятия в Европе, скупленные и построенные американскими монополиями главным образом в послевоенные годы в целях конкуренции с европейскими монополиями не только на европейском, но и на мировом

рынке. Главной побудительной причиной так называемых прямых инвестиций является более высокая норма прибыли в этих странах по сравнению с США.

Характерной особенностью европейских инвестиций в США является то обстоятельство, что в них преобладают краткосрочные инвестиции главным образом в американские ценные бумаги. Это вызвано двумя главными причинами: 1) более низкой нормой прибыли в США, 2) стремлением европейских монополий к большей ликвидности своих вложений в обстановке утечки золота из США и угрозы девальвации американского доллара.

Так как предпринимательская прибыль выше дивиденда, который имеет, как известно, тенденцию приблизиться к уровню процента, то преобладание капиталовложений, приносящих прибыль, определяет более высокую доходность американских инвестиций в Европе. Европейские инвестиции, наоборот, характеризуются преобладанием дивиденда. Это инвестиции преимущественно в акции американских монополий. Акции более ликвидны, чем основной капитал, зато их стоимость подвержена резким колебаниям и зависит от движения курсов акций и биржевой спекуляции. Любой биржевой крах может вызвать большие потери этих инвестиций, наоборот, биржевой бум — возрастание этих инвестиций. В европейских инвестициях преобладает, следовательно, фиктивный капитал.

В целом в отрицательном сальдо инвестиционного баланса с Западной Европой (6 159 млн. долл.) преобладающее место занимают инвестиции, приносящие дивиденд и процент, которые выражают отношения прежде всего между капиталистами. Здесь налицо процесс интернационализации капитала и дележа части прибыли между американскими и европейскими монополиями.

Общее преобладание более доходных долгосрочных американских инвестиций после вычета выплаченных Европе дивидендов и процентов принесло Соединенным Штатам в 1961 г. чистый доход в 352 млн. долл., несмотря на общее отрицательное сальдо инвестиционного баланса. Этот доход, однако, слишком ничтожен для того, чтобы изменить положение с платежным балансом США. Более того, в условиях хронического пассива этого баланса преобладание долгосрочных инвестиций США в Европе,

т. е. прямых капиталовложений в промышленность и долгосрочных государственных займов, оказалось ахиллесовой пятой американского империализма. Так как эти инвестиции иммобильны, то ни правительство Эйзенхауэра, ни правительство Кеннеди не смогли превратить долгосрочные инвестиции в доллары и таким путем положить конец пассиву платежного баланса и утечке золота. Сам факт хронической утечки золота в Европу лишь подчеркивает, что США стали ее должником.

Снижение задолженности с 6 159 млн. долл. в 1961 г. до 4 354 млн. долл. в 1962 г. произошло почти исключительно за счет падения курса акций на нью-йоркской бирже в 1962 г. В 1963 г. курсы акций на нью-йоркской бирже превзошли пик, достигнутый в декабре 1961 г., что приведет к соответствующему росту задолженности США.

При таком положении капиталистические страны Европы стали бояться девальвации доллара, т. е. уменьшения его золотого содержания, что явилось бы формой частичного аннулирования американской задолженности. Этим объясняется, почему Западная Европа очень осторожно обращает американские государственные ценные бумаги в золото. Боязнь девальвации ограничивает использование краткосрочной задолженности как средства давления на США в политических целях.

Приведенные данные характеризуют отношения только между США и Западной Европой. Если взять капиталистический мир в целом, то инвестиционный баланс США остается активным. Общий актив США по этому балансу возрос с 10 931 млн. долл. в 1947 г. до 32 758 млн. долл. в 1962 г. Это означает, что по отношению ко всему остальному капиталистическому миру Соединенные Штаты продолжают выступать в качестве кредитора, но это не относится к Западной Европе, которая в настоящее время уже не нуждается в экономической опеке и освободилась от финансовой зависимости от Соединенных Штатов.

Восстановление и расширение производственного аппарата капиталистической Европы, а также Японии вызвали обострение торговой войны на мировых рынках и образование таких империалистических блоков, как «Общий рынок» во главе с Западной Германией и Францией и Европейская ассоциация свободной торговли во

главе с Англией. Оба блока и особо стоящая Япония борются за экономический передел мира и отвоевывают у США свои утраченные позиции на мировых рынках, вытесняя оттуда американского конкурента.

Следует учесть, что капиталистическая Европа является в настоящее время самым крупным мировым рынком. В 1962 г. на ее долю приходилась почти половина всего мирового экспорта и импорта. Европейские монополии государственно-монополистическими методами стремятся оградить этот рынок от американской и японской конкуренции.

Наиболее сильным блоком в Европе является «Общий рынок», который имеет тенденцию превратиться в «третью силу», своим главным острием направленную против социалистического лагеря, но одновременно отстаивающую свои особые интересы в отличие от интересов США.

Таким образом, неравномерность капиталистического развития после второй мировой войны повлекла за собой существенное изменение соотношения сил в лагере империализма. Налицо безусловное ослабление позиций американского империализма, потерявшего к тому же монополию на термоядерное оружие. Ослабление позиций выражается в падении удельного веса США в промышленной продукции капиталистического мира, в мировой торговле, в мировых запасах золота, в превращении США из кредитора в должника Европы и, наконец, в образовании и консолидации империалистических группировок, в состав которых не входят Соединенные Штаты. Такова та совершенно новая обстановка, в которой оказалось правительство США. В этих условиях ему прежде всего пришлось определить свою позицию по вопросу о так называемой интеграции Европы и укрепить свое положение в торговой войне на мировых рынках.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что изменение соотношения сил между США и капиталистической Европой отнюдь не означает, что последняя как единое целое противостоит США. Неравномерность капиталистического развития распространилась и на Западную Европу. Характерно, что страны, побежденные во второй мировой войне, — Западная Германия и Италия (а также Япония) — опередили по темпам своего экономического раз-

вития Англию и Францию, которые находятся в числе стран-победительниц. Как подчеркивается в Программе КПСС, «восстановление экономики побежденных во второй мировой войне империалистических государств приводит к возрождению старых и возникновению новых узлов империалистического соперничества и конфликтов» [1].

В связи с этим перед США возникли две проблемы, которые пришлось решать правительству Кеннеди: 1) отношение к расколу капиталистической Европы на два борющихся между собой блока, 2) отношение к конкуренции капиталистической Европы на мировых рынках. Обе эти проблемы решались еще в аспекте «холодной войны» против мировой социалистической системы.

После второй мировой войны США поставили своей главной целью восстановление экономического и военного потенциала капиталистической Европы. Восстановление экономического и военного потенциала осуществлялось сперва по так называемому плану Маршалла, а затем в порядке ежегодных ассигнований на экономическую и военную «помощь». С июля 1945 г. по 31 декабря 1957 г. США израсходовали на экономическую «помощь» капиталистической Европе в форме прямых безвозвратных субсидий и государственных кредитов 25 622 млн. долл., в том числе по странам (в млн. долл.) [2]:

Англия	— 7119	Италия	— 2966
Франция	— 5474	Австрия	— 1068
Западная Германия	— 3922	Прочие	— 5073

Кроме того, за тот же период США израсходовали на безвозвратные чисто военные субсидии Западной Европе 12 209 млн. долл. Всего, следовательно, на экономическую и военную «помощь» капиталистической Европе ушло (кроме Греции, «помощь» которой проходит по ближневосточным программам) 37 831 млн. долл., или 56% «помощи», оказанной за это время всему капиталистическому миру.

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 342.

[2] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Joint Economic Committee Congress of the United States», December 4—14, 1961, p. 20.

США направляли свои усилия на объединение капиталистической Европы не только в военно-политическом отношении, но и экономическом. Они поддержали создание Европейского объединения угля и стали, Европейского платежного союза, Евратома и т. п. Более того, образование «Общего рынка» проходило при непосредственной поддержке США.

Организация в 1959 г. другого европейского экономического блока во главе с Англией, так называемой Европейской ассоциации свободной торговли, была встречена в правительственных кругах США недоброжелательно, поскольку существование в Европе двух борющихся между собой группировок подрывало единство НАТО и увеличивало разногласия внутри этого агрессивного блока. Поэтому усилия американского правительства были направлены на слияние двух блоков, точнее, на вхождение Англии и ее партнеров по «рынку семи» в «Общий рынок». В этом отношении американские монополии преследовали не только цели «интеграции» Европы во имя «холодной войны».

«Общий рынок» оказался для США очень агрессивным. Он не только вытеснял американские товары, но отгораживался от них объединенной таможенной стеной. Принуждая Англию вступить в «Общий рынок», США рассчитывали таким образом впустить в него «троянского коня», который парализовал бы антиамериканские мероприятия «Общего рынка». Решение Англии в 1961 г. вступить в этот «рынок» было, таким образом, победой внешнеэкономической политики Кеннеди. Наоборот, отказ Франции в 1963 г. допустить Англию в «Общий рынок» и провал американского плана «интеграции» Европы являются самым крупным внешнеэкономическим и политическим поражением правительства США. Оно знаменует прежде всего обострение торговой войны на мировых рынках.

Государственно-монополистический капитализм породил совершенно новые методы торговой войны. Протекционизм в новых условиях оказался недостаточной защитой от иностранной конкуренции. Государственные экспортные премии дают возможность монополиям проникать на рынки стран, огражденных высокими таможенными стенами. Поэтому наряду с протекционизмом и экспортными премиями появились новые средства торго-

вой войны — квоты, лицензии, валютные ограничения, специальные налоги на импортные товары, новые формы государственного субсидирования экспорта.

В этой торговой войне обнаружились все слабые стороны американской экономики. Хроническая недогрузка предприятий, инфляция, сопровождающаяся искусственным сохранением курса американского доллара на внешних рынках, явились причиной дороговизны американских товаров. Наоборот, модернизация производственного аппарата Западной Германии, Италии, Франции и Японии, снижение на этой основе издержек производства и, главное, низкая по сравнению с США заработная плата в этих странах дали возможность европейским и японским товарам не только вытеснять американские товары на мировых рынках, но и проникать на внутренний рынок США.

«Интеграция» Европы поэтому вызывает двойственное отношение к этому вопросу у американских монополий. С одной стороны, они рассматривают интеграцию как укрепление позиций Западной Европы в целях борьбы с мировой социалистической системой, с другой — они боятся европейской конкуренции.

На заседании подкомиссии конгресса по внешнеэкономическим вопросам руководитель известного исследования, предпринятого «Фондом XX века», о потребностях и ресурсах Европы Фредерик Дьюхарст заявил следующее: «Если инвестиции в Европе будут возрастать так же быстро, как в прошлые десять лет, или приблизительно так же, мы будем свидетелями быстрого развития промышленности, конкурирующей с нашей, и как следствие этого — меньшую склонность со стороны Общего рынка снизить свои таможенные тарифы» [1].

Обострение торговой войны между участниками блока НАТО зашло в настоящее время настолько далеко, что совершенно исключено образование единого Атлантического экономического сообщества, куда наряду с европейскими капиталистическими странами входили бы США и Канада.

Образование Атлантического экономического сообщества и ликвидация таможенных перегородок между его

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 91—92.

участниками означали бы по существу возврат к эпохе свободной торговли, совершенно нереальной в условиях государственно-монополистического капитализма. И в этом отношении прав профессор Колумбийского университета Рой Бу (Beough), который на заседании подкомиссии конгресса по внешнеэкономическим вопросам заявил: «Я не надеюсь в продолжение моей жизни увидеть свободную торговлю, и я считаю маловероятным, что мы, вступая в отношения с Общим рынком, достигнем полной свободы торговли с другими странами»[1].

Вступление США в «Общий рынок» и образование Атлантического экономического сообщества, т. е. создание экономического НАТО в дополнение к военно-политическому НАТО, означали бы для США еще большее проникновение европейских конкурентов на внутренний рынок, что явилось бы ударом для американских монополий. США не могут допустить свободного доступа на свой рынок не только иностранных промышленных, но и сельскохозяйственных товаров, цены которых специально поддерживаются правительством на высоком уровне.

С другой стороны, капиталистические страны Европы боятся конкуренции на своих рынках целого ряда американских товаров, как промышленных, так и сельскохозяйственных.

При таком положении правительство Кеннеди отказалось от попытки, которую неудачно делало правительство Эйзенхауэра, создать экономическое НАТО. Правительство Кеннеди сделало целый ряд официальных заявлений, в которых оно разъяснило, что не намерено добиваться вступления США в «Общий рынок», если бы даже последний объединил и Англию с ее партнерами по «рынку семи». Вместо вступления в «Общий рынок» и организации Атлантического экономического сообщества правительство Кеннеди выступило с декларацией о «партнерстве», т. е. сотрудничестве США с «Общим рынком». С другой стороны, председатель исполнительного органа «Общего рынка» Хальштейн заявил, что атлантическое партнерство более предпочтительно, чем присоединение

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 175.

США к «Общему рынку» и превращение его в Атлантическое экономическое сообщество. «Если бы американское общественное мнение, — сказал Хальштейн, — каким-либо чудом и восприняло идею присоединения США к Европейскому экономическому сообществу и превращения его в Атлантическое экономическое сообщество, то я имею очень серьезные сомнения насчет осуществимости этого на практике» [1].

Торговая война на мировых рынках обостряется, и США находятся там в настоящее время в оборонительном положении. На них наступают «Общий рынок», «рынок семи» и Япония. В этих условиях правительству Кеннеди пришлось принимать решение о своей внешней торговой политике. США стояли перед дилеммой: или усилить свой протекционизм и преградить дорогу проникновению иностранных конкурентов на внутренний американский рынок, или же добиваться соглашения с капиталистической Европой о переделе мирового рынка.

Усиление протекционизма еще более обострило бы торговую войну между участниками НАТО. В аспекте «холодной войны» против мировой социалистической системы США стремятся не к обострению, а к смягчению противоречий между участниками НАТО. К. Гертер, открывший обсуждение по вопросам внешней экономической политики в подкомиссии американского конгресса, прежде всего указал на опасность торговой войны между союзниками США в условиях «холодной войны». «Торговые войны, — заявил Гертер, — могут быть очень разрушительными и очень разъединяющими, и эти опасности торговых войн непосредственно стоят перед нами» [2].

В полном согласии с республиканцем Гертером Кеннеди также выступил против политики усиления протекционизма. Поэтому в целях сохранения НАТО и укрепления единства империалистического мира правительство Кеннеди решило отказаться от политики протекционизма и пойти на дальнейшую «либерализацию» внешней торговли со своими европейскими конкурентами. С этой целью оно внесло в конгресс свой законопроект о расширении торговли. Конгресс не пошел на ту степень либе-

---

[1] «New York Herald Tribune», 13. XI. 1962.

[2] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 12.

рализации торговли, которую требовал Кеннеди. В законопроект были внесены поправки, ограничивающие права президента и предусматривающие ряд сугубо протекционистских мероприятий.

Новый закон о расширении торговли вступил в силу в октябре 1962 г. Он предусматривает снижение и даже полную отмену в ряде случаев таможенных тарифов на взаимной основе. Этот закон был принят в обстановке, когда США были убеждены в том, что вопрос о вступлении Англии в «Общий рынок» и ликвидации «рынка семи» разрешится положительно. Исходя из этого закон о расширении торговли предусматривает полную отмену таможенных тарифов на те товары, мировой экспорт которых не менее чем на 80% находится в руках США и стран «Общего рынка». В такую группу товаров входили бы уголь, продукты органической химии, транспортные средства, основные виды оборудования, фотопринадлежности, краски, косметические товары и различные химикаты. В 1960 г. общая стоимость мирового экспорта этих товаров составила около 22,5 млрд. долл., из которых на долю США падало около 9 млрд. долл. После отказа Франции допустить Англию в Европейское экономическое сообщество этот пункт нового закона практически потерял свое значение, ибо только два товара — самолеты и маргарин — попадают в группу тех товаров, 80% торговли которыми находятся в руках США и «Общего рынка» [1].

Новый закон дает право президенту снижать таможенные тарифы до 50% и полностью ликвидировать их в тех случаях, когда действующий до принятия закона тариф не превышал 5% стоимости импортированных товаров. Согласно закону, такое снижение и отмена тарифов могут быть произведены только на взаимной основе, т. е. в случае соответствующего снижения и ликвидации таможенных преград для американских товаров на внешних рынках. Следовательно, взаимное снижение и отмена тарифов предполагают предварительные переговоры заинтересованных сторон.

Как уже указывалось, при обсуждении законопроекта в конгрессе в него были внесены протекционистские поправки, существенно меняющие характер нового закона

---

[1] «Economic Report of the President», January 1963, p. 113.

как закона о «либерализации» внешней торговли. Во-первых, полностью сохранилась в новом законе так называемая избавительная оговорка в отношении американских товаров в тех случаях, когда иностранная конкуренция становится для них угрожающей. Законопроект предусматривал лишение права конгресса большинством в две трети отменять решение президента, если оно не «избавляет» от иностранной конкуренции тот или иной товар. Конгресс сохранил свое право в этом отношении. Сохранился также пункт старого закона об «опасной точке», ниже которой тариф не может быть уменьшен, ибо иначе он становится угрожающим для американских товаров на внутреннем рынке. Наконец, сохранился пункт закона о специальной таможенной защите производства товаров, необходимых для военных целей. По этому пункту под предлогом военных интересов протекционистский тариф может быть установлен на любой товар[1].

Во всех этих случаях новый закон предусматривает повышение тарифов в пределах до 50% сверх тарифа, действовавшего на 1 июля 1934 г.

Самым знаменательным является пункт закона, по которому президенту предлагается в тех случаях, когда тарифы становятся неэффективными, устанавливать систему квот, т. е. количественное ограничение ввоза тех или иных товаров для каждой страны в отдельности.

Новый закон о расширении торговли, несмотря на протекционистские оговорки, открывает возможность для снижения тарифов на те или иные товары в обмен на снижение тарифов на ввозимые в Европу американские товары. Вся проблема, однако, заключается в том, что европейские конкуренты США в целом ряде случаев отнюдь не заинтересованы в достижении подобных соглашений. Наоборот, страны «Общего рынка» в настоящее время вводят единую таможенную систему, направленную к дальнейшему ограничению импорта сельскохозяйственных продуктов. Эта система всем своим острием направлена против американского сельскохозяйственного экспорта в Европу. Вот почему состоявшиеся в ноябре 1962 г. в Брюсселе и Париже переговоры с «Общим рынком» по вопросу об американском сельскохозяйственном

---

[1] См. *Д. И. Костюхин,* Внешнеэкономическая политика США, М., 1963, стр. 136—137.

экспорте не увенчались успехом. Это чревато для США серьезными последствиями. Ведь в страны «Общего рынка» США экспортировали в 1960 г. 35% всего своего экспорта пшеницы, 30% кукурузы, 50% сорго, 39% ячменя и 96% овса. По стоимости это составило 41% всего американского экспорта зерновых[1]. Кроме того, страны «Общего рынка» поглощали значительную часть американского экспорта хлопка, табака, лярда, битой птицы и т. п.

На пресс-конференции в Брюсселе министр земледелия США О. Фримен заявил: «Нам не нравится любой параграф новой системы подвижного таможенного обложения, принятой Общим рынком, в отношении импорта зерна и птицы, и мы не намерены просто наблюдать и допускать, чтобы у нас отнимали исторические рынки»[2].

Экспорт сельскохозяйственных продуктов составлял до самого последнего времени сумму в 5 млрд. долл., т. е. примерно 25% всего американского экспорта. В обстановке аграрного кризиса, сельскохозяйственного перепроизводства, системы государственной закупки фермерской продукции в целях поддержания цен, в обстановке скопления на государственных складах излишков сельскохозяйственной продукции на сумму свыше 7 млрд. долл. сельскохозяйственный экспорт имеет для США большое общеэкономическое, бюджетное и политическое значение. Поэтому в настоящее время правительство США стремится использовать новый закон о расширении торговли для снижения импортных тарифов на сельскохозяйственную продукцию в Европе в обмен на снижение тарифов на европейскую промышленную продукцию, ввозимую в США. Однако, как отмечала «Нью-Йорк таймс», «США более нуждаются в снижении европейских тарифов, чем Европа нуждается в снижении американских тарифов».

Протекционистские пункты, содержащиеся в новом законе о расширении торговли, дают возможность США в любое время и по любому случаю отступить от политики либерализма. Примером в этом отношении может служить «куриная война», разыгравшаяся между США

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 314.

[2] «The Financial Times», November 20, 1962.

и «Общим рынком». Под давлением Западной Германии, развившей собственное производство цыплят, пошлины на ввоз битой птицы из США в страны «Общего рынка» были подняты в 3 раза. В ответ на это правительство США заявило, что оно повысит пошлины на ввоз из стран «Общего рынка» вин, грузовых автомобилей, автобусов, фотопленки и фотобумаги и других товаров, если «Общий рынок» не пересмотрит своей позиции по вопросу о пошлинах на битую птицу.

Новый закон о расширении торговли оказался вполне приспособленным к обстановке торговой войны[1].

Этот закон отнюдь не предрешает исхода борьбы. Он лишь создал некоторую юридическую основу для переговоров между США и капиталистической Европой. Переговоры эти могут привести к отдельным государственно-монополистическим соглашениям о торговле отдельными товарами или частичным соглашениям по тем или иным вопросам с «Общим рынком» и Англией, но эти соглашения не положат конца борьбе на мировых рынках.

В условиях государственно-монополистического капитализма тарифы в известной степени потеряли свое значение в торговой войне. Главным вопросом становятся вопросы о квотах, лицензиях, специальных налоговых обложениях импорта, экспортных субсидиях и т. п.[2]

---

[1] Торговая война отнюдь не смягчилась после принятия закона о расширении торговли. В этом отношении характерны два заявления, сделанные по этому вопросу: первое — главой «Общего рынка» Хальштейном и другое — Гертером, выступившим в качестве специального представителя США по торговым переговорам. Хальштейн заявил: «Не может быть открытия рынков без взаимности, и обострение конкуренции будет естественным последствием для всех на обеих сторонах Атлантического океана» («Financial Times», December 5, 1962). Что касается Гертера, то в ответ на вопрос, проявляет ли «Общий рынок» «углубляющиеся признаки европейского национализма или протекционизма нового типа», Гертер ответил: «Да, я считаю, что эти признаки дают основание для серьезной тревоги. Они, несомненно, свидетельствуют о таких настроениях, которые еще более затруднят любые переговоры между нами и этими странами при посредстве «Общего рынка»» (заявление по телевидению 17 декабря 1962 г.).

[2] На совещании автомобильных монополий, созванном Гертером в начале 1963 г. и посвященном вопросу о расширении экспорта американских автомобилей, участники совещания сошлись на том, что «в некоторых странах этот экспорт выиграет очень мало даже в том случае, если тарифы будут снижены до нуля; в этих случаях барьеры нетарифного порядка являются

После принятия закона о расширении торговли торговый баланс США не улучшился.

Таблица 39

Внешняя торговля США за 1960—1963 гг.
(в млн. долл.)

Годы	Экспорт	Импорт	Торговый баланс
1960	20 383	15 071	+5312
1961	20 755	14 702	+6053
1962	21 374	16 334	+5040
1963	22 967	17 104	+5863

Следует прежде всего отметить, что эти данные очень преувеличивают актив торгового баланса США, поскольку они включают в экспорт вооружение и товары, поставляемые за счет субсидий по военной и экономической «помощи». Этот неоплачиваемый получателями экспорт составляет 2,5 млрд. долл. ежегодно, которые нужно вычесть из торгового баланса США.

Если исключить экспорт за счет государственных субсидий, то активный торговый баланс оказывается недостаточным для покрытия военных расходов США за границей.

Правительство США приняло поэтому ряд мер, направленных на увеличение экспорта.

Снижение налогов на прибыли корпораций под флагом упрощения расчетов амортизационных отчислений, особое снижение налогов в целях стимулирования обновления основного капитала, а также общее снижение налогов, предложенное Кеннеди и вступившее в силу в начале 1964 г., рассматриваются правительством как средство стимулирования экономического роста и являются одновременно формой государственного субсидирования экспорта. В послании о платежном балансе Кеннеди прямо говорил, что вся его программа снижения налогов является и средством «улучшения нашей конкуренто-

---

большим препятствием для продажи их продукции, и поэтому они должны быть устранены в целях расширения экспорта» («International Commerce», March 11, 1963, p. 17).

способности за границей», поскольку уменьшение налогов дает возможность американским корпорациям снизить цены своих товаров на мировом рынке.

Правительство одновременно принимает меры к снижению издержек производства американских товаров за счет рабочих. В послании о платежном балансе Кеннеди предлагал «сохранять стабильность цен и издержек производства, ограничивая увеличение ставок заработной платы и прибылей». Что касается прибылей, то примером их «ограничения» являются, по-видимому, увеличение амортизационных отчислений и налоговые скидки в случае обновления оборудования, общее снижение налогов на прибыли монополий и т. д. и т. п. Ограничение прибылей монополий является фикцией, зато ограничение увеличения ставок заработной платы в условиях роста индекса стоимости жизни является реальностью, угрожающей рабочему классу.

Американские монополии стремятся усилить свои позиции на мировых рынках за счет рабочего класса. В целях снижения издержек производства в США усилился процесс автоматизации производства. В результате начиная с 1958 г. рост производительности труда в США обгоняет рост заработной платы. Своими налоговыми льготами на обновление основного капитала правительство США стимулирует рост автоматизации в целях снижения издержек производства и усиления конкурентоспособности американских товаров на мировых рынках. Так вопросы внутренней экономической политики смыкаются с внешней экономической политикой.

В целях увеличения экспорта товаров правительство расширило государственное кредитование внешней торговли через Экспортно-импортный банк. До сих пор внешнеторговая практика США ограничивалась краткосрочными кредитами. В настоящее время сроки кредитования внешней торговли удлиняются и вместе с этим установлена система государственного страхования внешнеторговых кредитов, о которой говорилось выше.

Взаимоотношения США со странами капиталистической Европы вообще и с Англией, Францией, Западной Германией и Италией в особенности являются центральной проблемой внешней экономической политики США. В этих взаимоотношениях теснейшим образом переплетаются экономические и политические вопросы.

По соображениям «холодной войны» США все время занимались сплачиванием капиталистической Европы в качестве силы, противостоящей мировой социалистической системе. Эта политика дала прямо противоположные результаты. Вместо объединения Европы произошло ее разъединение на два экономических блока, вместо «партнерства» с капиталистической Европой на деле происходит торговая война, и правительство США целым рядом государственных мероприятий стремится усилить позиции американских монополий в борьбе с их европейскими конкурентами.

4. Японская проблема в американском аспекте

Япония является высокоразвитой капиталистической страной с населением свыше 93 млн. человек и с особенно острыми экономическими и социальными проблемами. В результате поражения во второй мировой войне вся структура японской экономики, структура ее внешней торговли и платежного баланса подверглись крупным переменам в результате привязки ее экономики и политики к американскому империализму.

До второй мировой войны почти $^2/_3$ японского экспорта (по стоимости) шло в Азию. Только Корея и Китай поглощали 43% всего ее экспорта. На долю США приходилось 16%, а на страны Европы — 8%. В 1961 г. экспорт в Азию составил 37%, причем вывоз в Китай почти полностью прекратился. Доля же США возросла до 28,5% (1962 г.), а стран Европы — до 14%. В страны Африки и Латинской Америки уходит в настоящее время 15% всего экспорта[1]. Эти структурные сдвиги явились причиной особых трудностей для Японии.

Говоря о внешней экономической политике по отношению к таким странам, как Япония, американский теоретик «холодной войны» профессор Д. Шлезингер пишет: «Мы должны привязать их к себе, обеспечить несоветскими источниками существования, с тем чтобы предотвратить их поворот в сторону коммунизма в случае экономического бедствия»[2]. Под «советскими источниками

---

[1] «Current History», April 1964, p. 208.

[2] *James R. Schlesinger*, The Political Economy of National Security, p. 154.

существования» Шлезингер подразумевает не только Советский Союз, но и всю мировую социалистическую систему. Для того чтобы оторвать и противопоставить Японию странам социалистического лагеря, и прежде всего Советскому Союзу, американский империализм пошел на подкуп японской буржуазии в форме так называемой военной и экономической помощи, которая за период с 1 июля 1945 г. по 30 июня 1963 г. составила 3 824 млн. долл. Эта «помощь» состоит почти исключительно из безвозвратных субсидий. Общая сумма «помощи» распределяется следующим образом: военные субсидии — 1 082 млн. долл.; экономическая безвозвратная «помощь» — 2 354 млн. и долгосрочные государственные займы — 388 млп. долл. Эта «помощь» ушла главным образом на закупки в США оружия, сырья, оборудования.

Своеобразие послевоенной экономики Японии заключается в том, что, лишившись колоний, являвшихся источником сырья, рынками сбыта товаров и экспорта капитала, она смогла при содействии государственно-монополистических мероприятий и американских субсидий не только восстановить на более высокой технической основе разрушенный во время войны производственный аппарат, но и увеличить его в несколько раз.

В 1948 г., т. е. спустя три года после окончания второй мировой войны, объем промышленного производства Японии составлял еще только 37% довоенного 1938 г. Во время войны в Корее японская промышленность получила большие американские военные заказы. На этой основе в 1953 г. продукция японской промышленности достигла довоенного уровня. С тех пор за десятилетие (1953—1962 гг.) объем промышленной продукции возрос почти в 3,5 раза. Решающую роль в этом развитии сыграли, разумеется, не американские субсидии, а внутренние силы японского капитализма и государственно-монополистические мероприятия.

В настоящее время японская судостроительная промышленность заняла первое место в мире. На долю Японии в 1962 г. приходилось свыше 26% всего спущенного на воду тоннажа капиталистического мира. Ее полностью перестроенная хлопчатобумажная промышленность по своему техническому уровню стоит выше американской. Япония довела выплавку стали с 4,8 млн. *т* в 1950 г. до

31,5 млн. *т* в 1963 г. и создала такие совершенно новые отрасли промышленности, как производство синтетического волокна, электробытовых приборов, электроника и т. д.

Однако особенностью японской промышленности является то обстоятельство, что она работает главным образом на привозном сырье. И здесь политика «холодной войны» совпала с корыстными интересами американских монополий. Япония была превращена в самый крупный рынок для американских товаров.

До второй мировой войны Япония получала хлопок для своей текстильной промышленности из Китая. Оттуда же она получала пшеницу, уголь, железную руду и т. д. В настоящее время она получает пшеницу, кукурузу, хлопок, кокс, металлолом, цинк, медь, синтетический каучук из США, а также нефть, добываемую в других странах, но принадлежащую главным образом американским монополиям. В 1960 г. 30% всего японского импорта шло из США. Доля Японии во всем американском экспорте составила в 1961 г. 8,3%.

Все своеобразие экономики Японии заключается в том, что она должна иметь валюту, чтобы постоянно закупать сырье для своей промышленности. Если валюты для закупки сырья не будет, приостановится промышленное производство со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими последствиями. Именно этих последствий так боятся американские империалисты.

Для того чтобы получать валюту для закупки сырья, Япония должна экспортировать свои товары. Экспорт — это вопрос жизни или смерти для японской экономики. Япония стала поэтому мощным конкурентом США и Западной Европы на мировых рынках.

Главной причиной особой конкурентоспособности японских товаров на мировых рынках является исключительно низкая заработная плата в Японии по сравнению с другими промышленными капиталистическими странами.

В результате успешной японской конкуренции удельный вес японского вывоза товаров в мировом капиталистическом экспорте за последние десять лет поднялся более чем в 2 раза, но, несмотря на это, баланс внешней

торговли Японии все время остается пассивным. Пассив торгового баланса составил в 1960 г. 436 млн. долл., в 1961 г. — 1 574 млн., в 1962 г. — 718 млн. и в 1963 г. — 1 291 млн. долл.[1] Такой пассив ставит экономику Японии в угрожающее положение и заставляет трезво мыслящие круги японской буржуазии искать выхода на путях расширения своей торговли не только со странами Африки и Латинской Америки, но и со странами социалистического лагеря. Именно это обстоятельство вызывает большую тревогу в правящих кругах США, которые боятся, как бы Япония не сблизилась с этими странами и не добилась бы экономической независимости от Соединенных Штатов. В этом суть японской проблемы для американского империализма.

Всем этим объясняется «либеральное» отношение американского правительства к японской конкуренции не только на мировых рынках, но и на внутреннем рынке США. Импорт японских товаров в Соединенные Штаты вырос с 600 млн. долл. в 1957 г. до 1 055 млн. в 1960 г. США поглотили в 1961 г. 25% всего японского экспорта. Бóльшую долю имеют только все страны Азии, вместе взятые. Теперь два континента — Азия и Америка — поглощают примерно 75% всего японского экспорта. Остальные 25% приходятся на Европу, Африку и Австралию.

Секретом американского «либерализма» по отношению к японской конкуренции является и то обстоятельство, что баланс внешней торговли с Японией активен в пользу США.

Несмотря на активный торговый баланс с Японией, американские текстильные корпорации открыли кампанию против японской конкуренции и потребовали от правительства ограничений ввоза текстильных товаров из Японии. Под их давлением была установлена «добровольная» квота для ввоза японского текстиля в США. В результате этого «добровольного» соглашения экспорт японских товаров в 1961 г., т. е. в первом же году президентства Кеннеди, сократился почти на 100 млн. долл. Помимо США 15 других, главным образом европейских,

---

[1] «Monthly Bulletin of Statistics», April 1963, p. 86—87.

Таблица 40

Торговля США с Японией [1]

(в млн. долл.)

Годы	Импорт Японии из США	Экспорт Японии в США	Баланс
1957	1238	600	+638
1958	845	666	+179
1959	966	1029	— 63
1960	1341	1149	+192
1961	1739	1055	+684
1962	1414	1358	+ 56
1963	1698	1497	+201

капиталистических стран установили принудительные квоты на ввоз тех или иных японских товаров [2].

Дефицит торгового баланса Японии покрывается двояким образом: 1) путем американских государственных безвозвратных субсидий в форме так называемой военной и экономической помощи, о которой говорилось выше, 2) путем оказания «услуг» по содержанию американских военных баз и гарнизонов в Японии. «Услуги» выражаются в поставках продовольствия, материалов, аппарата связи и т. п. За восемь лет, с 1953 по 1960 г., закупки США в Японии товаров и услуг для своих баз и гарнизонов составили сумму в 4 млрд. долл. В последнее время они держались на уровне 400 млн. долл. в год [3]. Субсидиями и этими закупками американский империализм стремится экономически заинтересовать японскую

---

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1963, p. 881.

[2] Борьба против японской конкуренции государственно-монополистическими методами, т. е. путем установления определенных квот на ввоз японских товаров, явление не новое. Впервые этот метод борьбы был применен во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и последовавшей за ним тяжелой и продолжительной депрессии. «Рост японского демпинга, — писал советский экономист М. Иоэльсон, — повел в других странах к усилению мероприятий по ограничению импорта, введению специальных пошлин, импортных квот, валютных ограничений и т. д. Считают, что с 1932 по 1935 г. более 20 стран сделали те или иные шаги, специально направленные против японского демпинга» (*М. Иоэльсон*, Валютная война, М., 1935, стр. 86).

[3] «Survey of Current Business», November 1959, p. 16; January 1962, p. 15.

буржуазию в сохранении американских военных баз и гарнизонов. Дело изображается таким образом, что от их наличия зависит состояние всего платежного баланса, а следовательно, и благополучие всей японской экономики.

Однако денежный кризис и утечка золота поставили правительство США в затруднительное положение. Оно уже не в состоянии продолжать эту политику субсидий Японии в обстановке, которая требует максимальной экономии в заграничных затратах в целях улучшения платежного баланса самих США и уменьшения утечки золота.

В этих условиях правительство США вынуждено было пойти на некоторые изменения в своей экономической политике по отношению к Японии. Оно потребовало от стран — участниц НАТО, и прежде всего от своих европейских союзников, увеличения импорта японских товаров в первую очередь в капиталистическую Европу. Такое увеличение ввоза должно улучшить торговый баланс Японии, уменьшить дефицит ее платежного баланса и тем самым открыть возможность для уменьшения американских военных расходов и субсидий Японии.

На заседании подкомиссии конгресса по внешнеэкономическим вопросам профессор У. Хунсбергер так сформулировал ближайшие задачи США в отношении Японии: «Соединенные Штаты должны и впредь поддерживать усилия Японии в устранении ее дискриминации, которая ныне проводится 15 странами» [1].

Таким образом, суть этой экономической политики сводится к улучшению платежного баланса как самих США, так и Японии за счет капиталистической Европы, причем США проявляют особую заботу о сбалансировании платежного баланса Японии, с тем чтобы не допустить сближения последней со странами социалистического лагеря. Эта политика США особенно четко проявилась при заключении Женевского соглашения о торговле текстиль-

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 114.

На заседании было отмечено, что США сами занимаются дискриминацией Японии путем установления, например, «добровольных» квот на японские текстильные товары, однако, как говорили древние римляне, «quod licet Jovi non licet bovi» («что можно Юпитеру, того нельзя быку»).

ными товарами между 19 странами в феврале 1962 г. сроком на пять лет. По этому соглашению общая квота ввоза текстильных товаров в США была установлена на уровне кризисного периода с 1 июля 1960 г. по 30 июня 1961 г., когда импорт текстиля сократился на 20% по сравнению с предыдущим годом. Рост импорта текстильных товаров в США может иметь место только начиная с третьего года вступления в силу этого соглашения и только в размере 5% ежегодно.

Одновременно США добились, чтобы в течение пяти лет европейские страны удвоили свой импорт текстильных товаров из Японии.

Таким образом, бремя японской конкуренции США стремятся переложить на своих европейских союзников. В этом заключается сущность внешнеэкономической политики правительства Кеннеди по отношению к Японии. Нынешний заместитель государственного секретаря Дж. Болл сформулировал ее следующим образом: «США отдают должное промышленным достижениям Японии, и самым существенным выводом из этого должно быть предоставление ей справедливого места на мировой торговой арене».

Все это, однако, паллиативы. Правительству США приходится поэтому по-прежнему своими субсидиями и военными расходами в Японии покрывать дефицит торгового баланса Японии. Однако денежный кризис в самих Соединенных Штатах делает эту задачу все более трудной.

5. США и развивающиеся страны

Американский капитализм опоздал с захватом чужих территорий и превращением их в свои колонии. Правда, ему удалось захватить часть территории Мексики, а затем превратить в свою колонию Филиппины, но к моменту превращения американского домонополистического капитализма в империализм все территории Азии и Африки были уже захвачены европейскими империалистическими державами. Усилившись после первой мировой войны, США потребовали себе равного места в торговле и экспорте капитала в европейские колонии. Это была так называемая политика открытых дверей. С точки зре-

ния этой политики распад колониальной системы после второй мировой войны был выгоден для американского монополистического капитала. Более того, аргументируя своей якобы непричастностью к колониальному гнету в прошлом, американский империализм прикрывается зачастую тогой поборника независимости стран Азии и Африки. Однако даже такой непричастный к коммунизму человек, как профессор Чикагского университета Г. Моргентау, пишет следующее об отношении США к колониальным державам и колониальной эксплуатации: «Они (США. — *Авт.*) находятся в военном союзе с этими государствами и, хотя в общем избегали и даже выступали против открытой колониальной политики, все же активно и успешно участвовали в полуколониальной эксплуатации отсталых народов» [1].

На деле выступление США за независимость колониальных стран преследовало цель потеснить своих конкурентов в лице Англии, Франции, Бельгии, Голландии и других, с тем чтобы занять господствующее положение в экономике этих стран.

Распад и крушение колониальной системы после второй мировой войны стали возможными в результате роста могущества мировой социалистической системы, поддерживающей борьбу народов за свое национальное освобождение.

В настоящее время экономика бывших колоний и полуколоний характеризуется большой отсталостью в результате долгого господства иностранного империализма. Совершенно очевидным становится, что наряду с освобождением от гнета иностранного империализма центральной проблемой развития этих стран является ликвидация феодальных отношений, обеспечение экономической самостоятельности и демократизация политической жизни.

Распад колониальной системы империализма и подъем национально-революционного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки поставили американский империализм перед необходимостью разработать свою политику в отношении стран этих континентов, сообразуясь с совершенно новой обстановкой.

---

[1] *Hans Morgenthau,* A Political Theory of Foreign Aid. «The Political Science Review», June 1962, p. 306.

Вопрос о политике правительства США в развивающихся государствах Азии и Африки разрабатывался целой группой американских экономистов и социологов, таких, как Уолт Ростоу, Адольф Берли, Честер Боулс, Джон Голбрейт и др. Эта группа разработала теоретические основы экономической политики правительства Кеннеди в отношении слаборазвитых стран.

Все они прежде всего подчеркивают «угрозу» коммунизма в развивающихся странах.

Поэтому центральной проблемой для американского империализма стал вопрос о дальнейшем пути развития этих стран — капиталистическом или некапиталистическом. Для того чтобы предотвратить некапиталистический путь развития, Соединенным Штатам пришлось выработать целую программу экономических мероприятий в отношении развивающихся стран. Это и есть программа неоколониализма [1].

Американский империализм выступает прежде всего противником создания в этих странах государственной промышленности, которую он трактует как социалистическую, и навязывает поэтому странам Азии, Африки и Латинской Америки систему частной собственности на средства производства.

Назначенная Кеннеди специальная комиссия во главе с генералом Л. Клеем по вопросу об иностранной военной и экономической «помощи» вынесла даже специальное решение по этому вопросу, которое гласит: «Мы полагаем, что США не должны помогать иностранным правительствам, создающим государственные промышленные и коммерческие предприятия, которые конкурируют с существующими частными предприятиями» [2].

Одним из последствий империалистической эксплуатации колониальных стран явился низкий уровень частнокапиталистического накопления, который оказался недостаточным для сооружения современных крупных промышленных предприятий, плотин, электростанций, железных дорог и т. д. При таком положении финансовым

---

[1] Проблеме неоколониализма США посвящена книга Р. А. Ульяновского «Неоколониализм США и слаборазвитые страны Азии», М., 1963.

[2] «Wall Street Journal», March 25, 1963.

источником промышленного развития могут быть иностранные займы и соответствующее перераспределение национального дохода через бюджет. Поскольку иностранная помощь и займы предоставлялись не частным лицам, а государству, правительства Индии и ряда других стран использовали эту помощь для реализации своих планов экономического развития и сооружения государственных предприятий.

Рекомендация комиссии генерала Клея ставит своей целью затормозить экономическое развитие стран, освободившихся от колониального гнета. Такая позиция не случайна. Государственная собственность в странах, освободившихся от колониального рабства, но не ставших еще на путь некапиталистического развития, представляет собой форму государственного капитализма. В настоящее время государственная собственность при определенных политических условиях может стать основой для некапиталистического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Именно по этой причине против нее так ополчился американский империализм, который борется за капиталистическое и полуколониальное развитие этих стран.

Экономическое развитие слаборазвитых стран требует строительства дорог, электростанций, заводов и т. п. При всех прочих благоприятных условиях для выполнения этой задачи необходимо оборудование, которое производится в промышленных странах. Для закупки оборудования эти страны нуждаются в займах и технической помощи. Советский Союз и другие социалистические страны оказывают в этом отношении бескорыстную помощь странам, освободившимся от колониального рабства.

Иначе относится к этой проблеме американский империализм. За период с 1 июля 1945 г. по 31 декабря 1962 г. все капиталистические страны Азии, исключая Японию, получили от США «помощь» в сумме 31 442 млн. долл., 17 926 млн. долл. (57%) из которых пришлись на долю Южной Кореи, о-ва Тайвань, Южного Вьетнама, Турции и Филиппин [1].

Это почти исключительно безвозвратные субсидии. Следует отметить, что так называемая экономическая

---

[1] «Fortune», March 1963, p. 209—210. Эта «помощь» распределилась следующим образом (в млн. долл.):

помощь этим странам по существу имеет военный характер. Сплошь и рядом строительство, например, военного аэродрома в той или иной стране проходит по рубрике военная «помощь», но строительство дорог к такому аэродрому относится к экономической «помощи».

В отличие от этих стран помощь нейтралистским государствам состояла почти исключительно из так называемой экономической помощи. Так, например, Индия с 1 июня 1945 г. по 31 марта 1961 г., т. е. до прихода к власти правительства Кеннеди, получила «помощь» в размере 1 906 млн. долл. Из этой суммы только 390 млн. долл. представляли собой «дары», т. е. безвозвратные субсидии. За этот же период Пакистан получил 1 001 млн. долл., но зато как участнику СЕАТО ему было дано в 1,5 раза больше субсидий, чем Индии (604 млн. долл.). Вся эта «помощь» состояла главным образом из продовольствия, проданного за местную валюту[1]. Начиная с 1963 г. в связи с обострением отношений между Китаем и Индией правительство США стало оказывать последней военную «помощь».

Что касается Африки, то из общей суммы оказанной военной и экономической «помощи» всему капиталистическому миру на долю всех стран Африки, по данным на 1 января 1963 г., приходилось только 2 405 млн. долл., или около 2,5% всей «помощи». Из этой суммы 1 311 млн. долл., т. е. более половины, представляли собой долгосрочные займы.

В общем «помощь» непосредственным союзникам США имеет главным образом военный характер и со-

---

	Всего	В том числе		
		военная «помощь»	экономическая «помощь»	
			итого	в том числе займы
О-в Тайвань	4 428	2 377	2 051	355
Южная Корея	5 434	2 002	3 432	79
Южный Вьетнам	2 442	743	1 699	98
Филиппины	1 753	419	1 334	390
Турция	3 869	2 288	1 581	579
Итого	17 926	7 829	10 097	1 501

[1] «The Economic Almanac», 1962, p. 487; «Statistical Abstract of the U. S.», 1962, p. 865—867.

стоит в большей части из безвозвратных субсидий. «Помощь» другим странам Азии и Африки предоставляется далеко не всем странам и состоит преимущественно из долгосрочных займов и в меньшей степени из субсидий по политическим соображениям. Вся указанная «помощь» оказывалась до самого последнего времени непосредственно правительством.

В связи с неблагоприятным положением платежного баланса правительство США пытается сократить государственные расходы на «помощь» слаборазвитым странам и частично заменить ее частными займами или инвестициями. Однако частные монополии проявляют в настоящее время большую осторожность в этом отношении. Как пишет Д. Шлезингер, «подъем национализма (читай — национально-революционного движения. — *Авт.*) уменьшил как возможности, так и привлекательность вложений для международного капитала... К этому нужно добавить всегда висящую угрозу экспроприации» [1].

Опасность национализации или экспроприации иностранного капитала усилилась, как известно, после второй мировой войны в связи с подъемом революционного движения во всех странах вообще и начавшимся распадом колониальной системы империализма в частности. В связи с этим американские монополии потребовали от своего государства гарантирования своих заграничных инвестиций. В соответствии с этим требованием правительство Трумэна еще в 1949 г. провело через конгресс соответствующий закон, предусматривавший государственное гарантирование заграничных инвестиций американских монополий. Так возникла совершенно новая форма государственно-монополистических мероприятий в обстановке углубления общего кризиса капитализма.

На 1 января 1961 г. государственную гарантию получили 215 различных инвестиционных сделок на общую сумму в 440 млн. долл. [2] За два года президентства Кеннеди эта сумма возросла вдвое и достигла 900 млн.

---

[1] *James R. Schlesinger,* The Political Economy of National Security, p. 193.

[2] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 148, 158.

долл. В настоящее время гарантирование частного экспорта капитала производится в целях сокращения государственных субсидий и улучшения платежного баланса США.

В 1962 г. правительство Кеннеди провело через конгресс закон об иностранной помощи, который предусматривает «стимулирование частных инвестиций в слаборазвитые страны путем более широкого применения системы гарантирования инвестиций». В послании конгрессу в апреле 1963 г. по вопросу об иностранной помощи Кеннеди призывал конгресс увеличить почти вдвое лимиты по государственному гарантированию частных инвестиций в развивающиеся страны и в дополнение к этому установить уменьшенные размеры налогов на прибыли, извлекаемые американскими монополиями в этих странах [1].

Наиболее яркой формой современного неоколониализма является неэквивалентный обмен между странами монополистического капитализма и странами Азии, Африки и Латинской Америки. Как видно из нижеследующей таблицы, эта неэквивалентность выражается прежде всего в разрыве цен на промышленные товары и сырье, поставляемое из слаборазвитых стран.

Таблица 41

Индекс мировых цен на промышленные товары и сырье (1957 г.=100) [2]

Годы	Цены на продовольствие	Сельскохозяйственное сырье	Минералы	Промышленные товары
1957	100	100	100	100
1958	97	89	98	100
1959	90	93	91	99
1960	88	95	90	101
1961	87	91	89	103
1962	87	88	89	102

[1] «Business Week», April 6, 1963, p. 26.

[2] «Economic Report of the President», January 1964, p. 304. Пересчет на базу 1957 г. произведен нами.

Таким образом, за пять лет мировые цены на продовольствие упали на 13%, на сельскохозяйственное сырье — на 14, продукцию горнодобывающей промышленности — на 11%, а цены на промышленные товары, производимые главным образом в странах монополистического капитала, за это же время поднялись на 3%.

Характерно, что в годы президентства Кеннеди этот разрыв в ценах сельскохозяйственного сырья и промышленных товаров возрастал. Более того, правительство Кеннеди усилило демпинг хлопка и других сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок, возмещая экспортерам убытки за счет государственной казны. Этот демпинг еще более снижает цены на мировых рынках и подрывает положение слаборазвитых стран. После прихода к власти правительства Кеннеди государственные экспортные субсидии на некоторую сельскохозяйственную продукцию стали расти.

Таблица 42

Государственные экспортные субсидии на некоторые виды сельскохозяйственной продукции[1]

Наименование продукта	Единица измерения	Средняя субсидия в долл.		
		1960/61 г.	Июль—сентябрь 1961 г.	% роста
Хлопок	на 1 бушель	31,83	42,27	33
Кукуруза	» » »	0,06	0,08	33
Ячмень	» » »	0,16	0,23	44
Сорго	на 1 англ. центнер	0,10	0,15	50

Правда, одновременно оно снизило субсидии на пшеницу и рис, но это произошло в результате повышения мировых цен на это зерно по конъюнктурным причинам. Особенно разрушительно действуют на слаборазвитые страны государственные субсидии на экспорт хлопка, дающие возможность американским экспортерам сбывать его на мировых рынках по низким ценам. В подкомиссии

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 62.

по вопросам внешней экономической политики сопредседатель общественной комиссии содействия НАТО в США У. Клейтон заявил, что «правительство США использует свое огромное богатство, чтобы таким путем вытеснить во всем мире своих конкурентов, выращивающих хлопок» [1].

Государственные субсидии на экспорт сельскохозяйственной продукции явились результатом того, что внутренние цены на них значительно превышают цены на мировых рынках. Это обстоятельство дало бы возможность другим странам успешно конкурировать на рынке США, однако в целях ограждения внутреннего рынка от иностранной конкуренции были установлены запретительные пошлины на ввоз в США соответствующей сельскохозяйственной продукции.

Повышение экспортных субсидий способствовало еще большему снижению цен на сельскохозяйственную продукцию слаборазвитых стран. Правительство Кеннеди установило квоты на ввоз цинка, свинца и таможенные пошлины на медь, что снизило цены на продукцию горной промышленности, особенно в странах Латинской Америки. И наконец, правительство США в целях улучшения платежного баланса сократило закупки стратегического сырья. Даже экономический отчет президента конгрессу вынужден был признать отрицательное воздействие этих мероприятий на экономику стран Азии, Африки и Латинской Америки. «Субсидированный сельскохозяйственный экспорт из США, — сообщает этот отчет, — конкурирует на мировых рынках с сельскохозяйственным экспортом других стран. В самое последнее время по соображениям платежного баланса США ограничили заморские военные закупки, что повлекло за собой сокращение долларовых доходов некоторых слаборазвитых стран» [2].

Установление квот на минеральное сырье и государственное субсидирование демпинга сельскохозяйственных продуктов являются прежде всего дискриминацией слаборазвитых стран. Такая политика встревожила даже некоторые правящие круги США, поскольку она разо-

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 43.

[2] «Economic Report of the President», January 1963, p. 120—121.

блачает политику империализма в отношении этих стран. Выступая в подкомиссии конгресса по вопросам внешней экономической политики, глашатай «холодной войны» У. Клейтон, говоря об антиимпериалистическом движении в слаборазвитых странах, вынужден был заявить следующее по этому вопросу: «Коммунисты виноваты во многих отношениях, однако не они создали систему экономической дискриминации бедных стран. Если бы завтра во всем мире исчезли коммунисты, все равно эта дискриминация сохранилась бы и стала расширять экономический разрыв между богатыми промышленными государствами и более бедными странами» [1]. Клейтон мог бы добавить, что эта система дискриминации присуща эпохе господства монополий, которые устанавливают высокие монопольные цены на свои товары и пользуются своим монопольным положением для того, чтобы диктовать низкие цены на товары, производимые в слаборазвитых странах. Американскому империализму в этой политике принадлежит решающее место, поскольку продукция промышленности США составляет около половины продукции всего капиталистического мира и значительно более половины продукции всех высокоразвитых капиталистических стран.

Центральной проблемой для развивающихся стран является развитие национальной промышленности и сельского хозяйства как основы политической независимости. Американский империализм не только не содействует этому, а, наоборот, препятствует индустриализации этих стран и оберегает позиции своих монополий. В 1962 г. конгресс принял так называемую поправку Хайкенлупера к закону об иностранной помощи, предусматривающую прекращение помощи странам, экспроприирующим американскую частную собственность. Эту поправку правительство США применяет и в случаях национализации иностранных предприятий на условиях выкупа, как это было сделано в отношении Цейлона в 1963 г. Они препятствуют индустриализации слаборазвитых стран, выступая против государственного строительства промышленных предприятий и государственной собственности.

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 44.

Так называемая экономическая помощь развивающимся странам преследует цели, ничего общего не имеющие с подлинным экономическим развитием этих стран. Своей «помощью» американский империализм насаждает и поддерживает сплошь и рядом самые реакционные антинародные режимы, которые превращают эти страны в орудия американского империализма и препятствуют независимому национальному экономическому и политическому развитию. Вся эта политика и составляет содержание современного неоколониализма. Моргентау вынужден признать, что «иностранная помощь часто рассматривается как средство маскировки традиционных целей колониализма» [1]. Даже такой капиталист, как У. Рокуэл, президент одной американской промышленной корпорации, в которой работает 19 тыс. рабочих и служащих, в своей записке в комиссию по иностранным делам конгресса США пишет: «Во многих зарубежных странах к нашим щедрым дарам относятся со злым подозрением, ибо часто они рассматриваются как предварительные шаги к империалистической экспансии или как коварный план вовлечения получателей этих даров в будущую капиталистическую борьбу с коммунистическими государствами» [2].

Американские теоретики современного неоколониализма доказывают, что проблема развивающихся стран не может быть разрешена вообще. Они выдвигают мальтузианские теории о росте населения в этих странах, намного опережающем их экономическое развитие.

Рассуждения этих теоретиков демонстрируют беспомощность империализма в деле кардинального улучшения положения народных масс освободившихся от колониального гнета стран на основе капитализма. Только некапиталистический и социалистический пути развития этих стран могут круто поднять уровень жизни народов. По существу это признает и такой враг коммунизма, как Шлезингер, который после констатации бесперспективности капиталистического развития слаборазвитых стран пишет: «Звезда коммунизма еще не достигла своего

---

[1] *Hans Morgenthau,* A Political Theory of Foreign Aid. «The American Political Science Review», June 1962, p. 306.

[2] *Willard F. Rockwell,* Impact of Foreign Aid on U. S. Industry. House Foreign Affairs Committee, Washington, 1960, p. 33.

зенита в слаборазвитых странах — факт, с которым мы должны считаться, взирая на будущее»[1]. Однако именно по этой причине Шлезингер призывает к активным действиям.

Считая, что американская «помощь» развивающимся странам не может дать экономических результатов, он, однако, подчеркивает, что программа «помощи» Соединенных Штатов преследует исключительно политические цели. Говоря о принципах, на которых эта «помощь» должна оказываться, Шлезингер пишет: «Из всего этого вытекает, что, какую бы помощь мы ни оказывали слаборазвитым странам, она должна предоставляться в зависимости от поддержки Запада...»[2]. Именно этого принципа придерживалось как правительство Эйзенхауэра, так и правительство Кеннеди в своей экономической политике. И недаром «помощь» вызывает все большую критику в конгрессе, где она трактуется некоторыми конгрессменами как выброшенные на ветер деньги, которые ухудшают платежный баланс США, но не приносят им желаемых результатов.

6. «Союз ради прогресса»

Во время второй мировой войны США усилили свои позиции в странах Латинской Америки. В настоящее время монополии США заняли господствующее положение в экономике Латинской Америки. Здесь североамериканский империализм прошел школу современного неоколониализма.

За отдельными исключениями страны Латинской Америки юридически не являются колониями, а политически — суверенными государствами. Проникновение и захват решающих позиций в экономической и политической жизни той или иной страны при соблюдении декорума ее формальной политической независимости составляют сущность современного неоколониализма. И в

---

[1] *James R. Schlesinger,* The Political Economy of National Security, p. 252.

[2] *Willard F. Rockwell,* Impact of Foreign Aid on U. S. Industry House Foreign Affairs Committee, p. 244.

этом отношении США приобрели большой опыт именно в странах Латинской Америки.

Господство иностранного империализма явилось причиной экономической отсталости этих стран, и поэтому проблема Латинской Америки является продолжением общей проблемы развивающихся стран. Однако в отличие от стран Азии и Африки Латинская Америка занимает особое место в системе американского империализма. Во-первых, она расположена на одном и том же континенте, что и США, во-вторых, ее страны богаты цветными металлами и редкими элементами — золотом, серебром, оловом, свинцом, цинком, медью, вольфрамом, сурьмой, висмутом, бериллием, цирконием и другими, т. е. именно теми материалами, которые приобрели такое огромное значение в производстве современных вооружений. Если не говорить о золоте и серебре, то все эти цветные и редкие металлы оказались крайне дефицитными в США уже во время второй мировой войны, и американский империализм ринулся на юг для захвата этих богатств. К этому необходимо прибавить, что некоторые страны Латинской Америки, как, например, Венесуэла, очень богаты нефтью, а также железной рудой, которая приобрела для США особо важное значение ввиду истощения собственных запасов руд с большим содержанием железа. Кроме всего этого страны Центральной и Южной Америки являются поставщиками кофе, какао, тропических и субтропических фруктов. Таковы причины, по которым империализм США претендует на монопольную эксплуатацию Латинской Америки. Этим же объясняется бурное проникновение монополистического капитала США в эту часть континента. В 1962 г. американские частные инвестиции в Латинской Америке составляли, согласно официальным данным, 12 190 млн. долл., а государственные — 3 115 млн. долл.[1]

Почти вся добывающая и значительная часть обрабатывающей промышленности Латинской Америки оказалась в руках североамериканских монополий. Лишь в отдельных странах в результате борьбы с иностранным засильем некоторые отрасли промышленности были национализированы, как, например, оловянные рудники в

---

[1] «Balance of Payments», Washington, 1958, p. 182; «Survey of Current Business», August 1963, p. 22.

Боливии, нефтяные промыслы и электростанции в Мексике, сталелитейные заводы в Аргентине и Венесуэле. Тем не менее, если говорить о Латинской Америке в целом, она, за исключением Кубы, продолжает оставаться источником сырья для США, рынком экспорта капитала и эксплуатации дешевой рабочей силы, рынком для североамериканских товаров. В экономическом отчете президента конгрессу США сообщается, что «в настоящее время свыше одной пятой импорта США идет из стран Латинской Америки, которые в свою очередь почти половину всего своего импорта закупают в Соединенных Штатах» [1]. О значении этого рынка говорит тот факт, что по своей территории страны Латинской Америки более чем в 2 раза превышают территорию США, население же этих стран составляет свыше 210 млн. человек.

70% всего населения занято в сельском хозяйстве, причем земля принадлежит главным образом помещикам-латифундистам и монополиям США. Абсолютное большинство крестьян являются безземельными и эксплуатируются на условиях феодальной кабальной аренды или же в качестве батраков [2]. Ко всему этому нужно прибавить, что большинство населения в этих странах неграмотно, страдает от социальных болезней, лишено медицинской помощи и т. д.

В целом структура экономики латиноамериканских стран является типично колониальной, а эксплуататором этих «свободных стран» является в первую очередь американский империализм.

Победоносная революция на Кубе явилась первой революцией в Латинской Америке, освободившей страну как от гнета иностранного империализма, так и латифундистов. Революция повлекла за собой глубокие экономические и социальные преобразования в стране. Куба стала знаменем социального освобождения всей Латинской Америки, и именно поэтому она вызвала к себе такую ненависть со стороны американского империализма, который боится, что национально-освободительная

---

[1] «Economic Report of the President», January 1963, p. 101.

[2] Об аграрных отношениях и крестьянском движении в этих странах см. статью: *Э. Родригес,* Подъем крестьянского движения в странах Латинской Америки. «Мировая экономика и международные отношения» № 10, 1963.

революция перебросится в другие страны Латинской Америки.

По данным, опубликованным в журнале «Интернэшнл коммерс» 29 июля 1963 г., доля США в импорте некоторых латиноамериканских государств в 1962 г. составила: Мексики — 68,5%, Венесуэлы — 54, Колумбии — 52,4, Перу — 39,6, Чили — 38,6, Бразилии — 31 и Аргентины — 29%.

Добиваясь от конгресса увеличения ассигнований на иностранную помощь странам Латинской Америки, государственный секретарь Раск заявил 5 апреля 1963 г. в комиссии по иностранным делам конгресса, что «легче и дешевле в конечном счете предотвратить условия, которые могут привести к коммунизму, чем изменить положение уже после того, как коммунистическая система была установлена; нет необходимости в том, чтобы иметь другую Кубу в Латинской Америке или Африке, и пора понять, что небольшие предохранительные затраты лучше, чем большие потери» [1].

После победы революции на Кубе правящие круги США особенно усилили свою борьбу с национально-революционным движением в странах Латинской Америки, которая преподносится как борьба с коммунизмом. Программа борьбы с коммунизмом в Латинской Америке осуществляется двояким способом. Во-первых, путем превращения региональной Организации американских государств в военно-политический блок, возглавляемый США. При посредстве этой организации США пытаются направлять всю внешнюю политику латиноамериканских государств. Во-вторых, путем создания «Союза ради прогресса», ставящего своей задачей осуществление внутренних, главным образом экономических, реформ в целях «устранения условий, порождающих коммунизм» [2]. В действительности же это союз не ради прогресса, а союз против прогресса.

После победы кубинской революции США стали предоставлять так называемую военную помощь латиноамериканским государствам, которую до революции на Кубе

---

[1] «The Department of State Bulletin», April 29, 1963, p. 666.

[2] «Союз ради прогресса» был организован в августе 1961 г. на конференции Объединения американских государств (ОАГ) в Пунта-дель-Эсте (Уругвай).

они почти не оказывали этим странам. Военная «помощь» направлена против революционной Кубы и революционного движения в странах Латинской Америки. По данным на 31 марта 1961 г., США израсходовали за последние годы на такую военную «помощь» латиноамериканским странам 572 млн. долл. За время пребывания у власти правительства Кеннеди эта военная «помощь» значительно возросла.

Главным средством «спасения» Латинской Америки по замыслу авторов «Союза ради прогресса» считаются внутренние реформы, среди которых центральное место занимает аграрная реформа, суть которой сводится к созданию кулацкой прослойки среди крестьянства. Эта кулацкая прослойка по проекту реформаторов должна не заменить, а дополнить существующую систему латифундий.

Автор идеи создания «Союза ради прогресса» А. Берли, говоря об аграрной реформе в латиноамериканских странах и подчеркивая, что «официальная точка зрения США исходит из того, что реформа должна быть поддержана и безусловно проведена», раскрывает суть этой реформы в следующих словах: «Здоровая аграрная реформа означает, что все меньшее количество ферм и фермеров будет постоянно давать все больше и больше сельскохозяйственных продуктов» [1].

Аграрная реформа, которую США предлагают провести в странах Латинской Америки, сводится к долгосрочному кредиту для покупки земли, краткосрочному кредитованию сельскохозяйственного производства, государственным затратам по искусственному орошению и пропаганде современной агротехники [2].

---

[1] *Adolf A. Berle,* Latin America — Diplomacy and Reality, New York, 1962, p. 56.

[2] Примером аграрных реформ, проводимых под эгидой «Союза ради прогресса» в странах Латинской Америки, является так называемый «Закон об аграрной реформе» в Чили, принятый 28 ноября 1962 г. и открывающий, как писал журнал «Foreign Agriculture», «новую эру» в сельском хозяйстве этой страны. Необходимо отметить, что в Чили латифундисты держат в своих руках 68% всех пригодных для обработки земель, на долю же 130 тыс. мелких крестьян приходится только 2,2% обрабатываемой земли. При таком положении можно было предположить, что «новая эра» ознаменуется передачей крестьянам, хотя бы за выкуп, значительной части помещичьей земли. Однако, как сооб-

Разумеется, такая реформа оставит массу безземельного и малоземельного крестьянства без земли, ибо оно не в состоянии ни выкупить землю, ни приобрести современную сельскохозяйственную технику для ведения рентабельного хозяйства. Однако даже такая сугубо капиталистическая реформа вызывает сопротивление со стороны латиноамериканских латифундистов, неспособных самостоятельно вести на современной технической основе крупное капиталистическое хозяйство и предпочитающих поэтому феодальные методы эксплуатации крестьянства путем сдачи в аренду земли безземельным крестьянам с оплатой арендной платы натурой в виде половины и более урожая. И поскольку крупные латифундисты являются опорой диктаторских режимов, на которые опирается империализм США, в странах Латинской Америки с «аграрной реформой» ничего не получается. Латиноамериканские латифундисты поддерживаются такими монополиями США, как, например, «Юнайтед фрут компани», которые захватили под свои плантации огромные массивы земли в Гватемале, Гондурасе, Колумбии, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме, Сальвадоре, Бразилии, Эквадоре и Доминиканской Республике.

Совершенно очевидно, что такие аграрные реформы не в состоянии разрешить острую аграрную проблему в странах Латинской Америки и смягчить антагонизм между безземельным и малоземельным крестьянством, с одной стороны, и латифундистами — с другой.

Конечно, с помощью субсидий и займов можно создать в странах Латинской Америки незначительную прослойку капиталистического фермерства, но это отнюдь не коснется основной массы крестьянства. Вот почему в

щается, «аграрная реформа не направлена против земельных собственников, ибо закон не ограничивает размеров хорошо обрабатываемых ферм или скотоводческих хозяйств. Вместо этого закон предусматривает продажу заброшенных или плохо используемых земель таким крестьянам или рабочим, которые желают и могут вести свое собственное хозяйство». В этих целях, согласно закону, создана Корпорация аграрной реформы, которая будет скупать плохие земли у помещиков, разумеется, по высоким ценам, улучшать их, а затем перепродавать крупными или средними наделами на условиях кредита. Предполагалось, что уже в 1963 г. на этих условиях удастся «облагодетельствовать» 7 тыс. крестьян.

разрешении аграрного вопроса никакого прогресса империализм США обеспечить не может.

Еще хуже обстоит дело с развитием промышленности в странах Латинской Америки. Монополии США рассматривают эти страны как рынок для своих товаров, и поэтому они не заинтересованы в развитии национальной обрабатывающей промышленности. Эти монополии сейчас озабочены главным образом растущей конкуренцией Западной Германии, Англии, Франции, Италии и Японии в этих странах и ищут средства для борьбы со своими конкурентами.

Центральным вопросом для стран Латинской Америки является экономическая независимость от североамериканских монополий. Эта независимость может быть достигнута путем развития собственной национальной промышленности и национализации добывающей промышленности и естественных богатств, захваченных иностранными монополиями. Недостаточность частнокапиталистического накопления в латиноамериканских странах требует развития государственной промышленности, но именно этому империализм США оказывает наибольшее сопротивление. Следовательно, и в этом вопросе никакого прогресса в экономическом развитии латиноамериканских стран «Союз ради прогресса» обеспечить не может.

А. Берли говорит о «печальном настроении латиноамериканцев, утверждающих, что самые основные экономические функции в их странах принадлежат и контролируются иностранцами», что латиноамериканцы «ищут решений, путем которых собственность и контроль над основными предприятиями находились бы в руках их правительств или лиц их национальности» [1]. Эти «печальные настроения» достаточно широко распространены, и они направлены, как пишет Берли, против янки. Он предлагает поэтому замаскировать предприятия, принадлежащие североамериканским монополиям, путем привлечения национальной буржуазии к участию в этих предприятиях и превращения их в смешанные корпорации. Однако секрет совместных предприятий известен всему миру: они контролируются более сильной сторо-

[1] «Foreign Agriculture», May 27, 1963, p. 7.

ной, и этой более сильной стороной являются монополии США.

Неэквивалентность обмена продукции латиноамериканских стран на промышленную продукцию североамериканских монополий является главной причиной пассивности как торговых, так и платежных балансов. В последние годы положение в этом отношении еще более ухудшилось в результате конкуренции на мировых рынках африканских стран, производящих те же продукты, что и латиноамериканские: кофе, какао, фрукты и т. д. Американский прогрессивный экономист Дж. Аллен пишет, что «за последние десять лет 19 латиноамериканских стран потеряли 10 млрд. долл. из своих чистых доходов в результате одного лишь падения цен на кофе» [1].

Пассивность торговых и платежных балансов повлекла за собой расстройство денежной системы некоторых латиноамериканских государств. Сплошь и рядом государственная экономическая «помощь» Соединенных Штатов в форме субсидий и займов ставит своей целью погашение задолженности латиноамериканских стран североамериканским монополиям. Эта «помощь» не столько Америке, сколько монополиям США.

Говоря об американской «помощи» латиноамериканским странам, Берли пишет, что «сильное падение цен на кофе может своими результатами перевесить любые суммы, полученные в виде помощи» [2]. Отсюда возник план стабилизации цен на латиноамериканскую продукцию.

Самым большим достижением в этом отношении США считают международное соглашение по кофе, подписанное после долгих переговоров 28 сентября 1962 г. в Нью-Йорке и вступившее в силу в июле 1963 г. США, потребляющие 50% мирового производства кофе, добились организации международного кофейного картеля, в который вошли помимо азиатских и африканских стран 14 латиноамериканских. Вместе со странами-производителями в картель вошли и страны — потребители кофе. Задачей картеля являются стабилизация и повышение цен на кофе путем ограничения производства и распре-

---

[1] «Political Affairs», March 1962.

[2] *Adolf A. Berle,* Latin America — Diplomacy and Reality, p. 50.

деления квот на экспорт кофе между заинтересованными странами. Во время переговоров США добились увеличения квоты латиноамериканских стран за счет африканских. Путем такого же квотирования торговли сахаром США пытаются стабилизовать цены на продукцию стран Латинской Америки и улучшить их финансовое положение, с тем чтобы уменьшить свою государственную «помощь».

Конечно, мероприятия по стабилизации цен на ту или иную продукцию могут улучшить торговый, а следовательно, и платежный баланс развивающихся стран. Но улучшение платежного баланса не означает изменения в положении крестьянства. Следует учесть, что вся эта продукция производится в латифундиях или на плантациях, принадлежащих помещикам или североамериканским монополиям, и поэтому от всех этих международных соглашений о стабилизации цен выигрывают латиноамериканские латифундисты и североамериканские монополии. Даже А. Берли вынужден это признать. «Однако, — пишет он, — стабилизация цен наряду с ее очевидным эффектом создает свои трудности, как практические, так и технические. Ее выгода идет на пользу главным образом уже и без того богатым местным предпринимателям — собственникам сахарных заводов, кофейных плантаций и т. п.» [1]

Такую же выгоду принесут североамериканским монополиям мероприятия «Союза ради прогресса» по созданию в странах Латинской Америки «общих рынков». Так называемая экономическая интеграция стран Латинской Америки усиленно подталкивается Соединенными Штатами. Комиссия генерала Клея в отношении этой части мира вынесла специальную рекомендацию, которая гласит: «США должны продолжать увеличивать свои усилия и помощь в организации более свободной торговли и экономической интеграции этого района, имея специально в виду важность широкого и недискриминационного доступа их на европейский Общий рынок» [2].

В настоящее время по примеру капиталистической Европы в Латинской Америке созданы два «рынка».

---

[1] *Adolf A. Berle*, Latin America — Diplomacy and Reality, p. 49.
[2] «Wall Street Journal», March 25, 1963.

Первый — под именем «Латиноамериканская ассоциация свободной торговли» — организован в 1960 г. В эту ассоциацию вошли Мексика, Бразилия, Чили, Уругвай, Парагвай и Аргентина. В 1961 г. к ней присоединились Колумбия и Эквадор. Договор вступил в силу 1 января 1962 г. и предусматривает полную ликвидацию таможенных пошлин для участников ассоциации в течение 12 лет. В отношении же других стран каждое государство-участник свободно в своей торговой политике. Второй — под именем «Центральноамериканский общий рынок» — объединяет пять стран: Сальвадор, Никарагуа, Гватемалу, Гондурас и Коста-Рику. Договор вступил в силу в июне 1961 г. и по примеру европейского «Общего рынка» предусматривает полную ликвидацию таможенных барьеров между этими странами и создание единой таможенной стены по отношению к другим странам. Для координации экономической политики создан Центральноамериканский экономический совет. В настоящее время для стран — участниц этого «Общего рынка» таможенные пошлины уже снижены на 50%. Предполагается создание единой валюты — песо, приравненного по стоимости к американскому доллару. Для характеристики этого «Общего рынка», пользующегося особой поддержкой со стороны США, необходимо отметить, что 80% его валютных доходов зависят от экспорта кофе, бананов и хлопка, т. е. главным образом от рынка США.

Соединенные Штаты стремятся объединить эти два рынка в единый латиноамериканский общий рынок и добиться на нем особенно привилегированных для себя условий.

План создания единого латиноамериканского общего рынка наталкивается, однако, на сопротивление ряда стран, не желающих попасть в полную зависимость от США.

Главную роль в осуществлении планов «Союза ради прогресса» должна сыграть денежная «помощь» США. Когда был создан этот союз, предполагалось, что в течение ближайших десяти лет странам Латинской Америки будет оказана «помощь» государственными субсидиями, а также государственными и частными инвестициями, займами и кредитами в размере 20 млрд. долл., т. е. в среднем 2 млрд. долл. в год, из которых на долю прави-

тельства США падало 1 100 млн. долл.[1] Фактически же экономическая «помощь» США выразилась в следующих цифрах:

Таблица 43

Экономическая «помощь» Латинской Америке

	С 1 июля 1945 г. по 31 декабря 1962 г.	В том числе				
		1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
Вся «помощь» в целом (в млн. долл.) . .	60 167	2 547	3 247	2 768	2 722	2 769
В том числе Латинской Америке . .	3 927	575	340	189	704	575
% ко всей «помощи»	6,5	22,6	10,5	6,8	25,9	20,8

Приведенные данные показывают, что экономическая «помощь» Латинской Америке в целом была незначительной и составила за все послевоенные годы 6,5% всей предоставленной «помощи». Около двух третей всей латиноамериканской «помощи» получили четыре страны: Бразилия, Мексика, Чили и Аргентина.

После победы кубинской революции правительство Кеннеди значительно увеличило «помощь» странам Латинской Америки. Она направлена по существу на борьбу с национально-революционным движением, однако она не достигла тех размеров, которые были предусмотрены при организации «Союза ради прогресса».

Вся деятельность «Союза ради прогресса» по своему империалистическому существу не может обеспечить разрешения ни одной коренной проблемы, стоящей перед странами Латинской Америки.

Аграрный вопрос остается неразрешенным. Он и не может быть разрешен в условиях господства феодалов и иностранного империализма. Не может быть разрешен в

[1] Эти 2 млрд. долл. предполагалось распределить следующим образом: а) государственная помощь США (займы и субсидии) — 1 100 млн. долл., б) экспорт частного капитала США — 300 млн., в) «помощь» Западной Европы и Японии — 300 млн., г) займы международных финансовых организаций — 300 млн. долл. (см. «Экономические проблемы стран Латинской Америки», М., 1963, стр. 22).

этих условиях и вопрос о развитии национальной промышленности. «Союз ради прогресса», опирающийся на североамериканские монополии и местную реакцию, является главным препятствием в демократизации политической жизни латиноамериканских стран. Монополии США организовали в 1963 г. свержение правительств в Гватемале, Эквадоре, Доминиканской Республике и Гондурасе, а в 1964 г. было свергнуто правительство Гуларта, которое пыталось проводить некоторые либеральные реформы. Даже такой враг коммунизма, как Берли, должен признать следующее: «Если не говорить об основных медленно проводимых реформах, то главным результатом помощи через «Союз ради прогресса» будет то, что класс богатых латиноамериканцев станет еще богаче, увеличится несколько общая производительность, которая, однако, пойдет на пользу узкой прослойке. Этот путь кончится взрывом» [1].

Не будучи в состоянии по своей природе разрешить коренные проблемы Латинской Америки, «Союз ради прогресса» препятствует подлинному национальному, независимому экономическому и политическому развитию стран Латинской Америки. Поэтому он не может устранить причин подъема национально-революционного движения в странах Латинской Америки, что является главной целью внешней политики США.

7. Так называемая помощь, взятая в целом

Так называемая иностранная помощь занимает особенно большое место во внешней политике Соединенных Штатов. Ее главное и непосредственное назначение состоит в субсидировании союзников США по «холодной войне» и привлечении других стран на сторону американского империализма в борьбе против мировой социалистической системы. Одновременно эта помощь используется для поддержки американских монополий и капиталистической верхушки фермерства.

В своем послании о положении страны Эйзенхауэр в январе 1958 г. заявил, что «страны, получающие эту помощь, становятся оплотом против вторжения коммуниз-

---

[1] *Adolf A. Berle*, Latin America — Diplomacy and Reality, p. 39.

ма»[1]. Это положение стало лейтмотивом всех правительственных заявлений в защиту расходов по иностранной помощи и в годы президентства Кеннеди. Так, например, в своем послании конгрессу о программе помощи на 1963/64 бюджетный год Кеннеди повторил Эйзенхауэра, заявляя, что целью этой программы является помощь в «сооружении барьеров против роста коммунизма». Более того, в послании он подчеркнул, что его политика в этом вопросе является прямым продолжением политики Эйзенхауэра. «Этой точки зрения на помощь, — заявил Кеннеди, — придерживались три сменявших друг друга президента, как демократы, так и республиканцы»[2].

Иностранная «помощь» состоит из прямых государственных субсидий, государственных займов и кредитов. Последние проходят по целому ряду каналов в форме кредитов Экспортно-импортного банка или займов, предоставленных различными государственными банками вроде Межамериканского банка развития, созданного специально для финансирования операций в Латинской Америке. Следовательно, первой отличительной особенностью всей этой «помощи» является то, что она оказывается за счет государственной казны. Кредиты, предоставляемые частными банками или корпорациями, не входят в состав этой «помощи».

Начиная с 1 июля 1945 г. по декабрь 1962 г. вся иностранная «помощь» составила сумму в 91 536 млн. долл., которая состоит из 71 837 млн. «даров», т. е. безвозвратных субсидий различным государствам, и 19 699 млн. займов, кредитов и взносов в международные финансовые институты, как, например, Международный валютный фонд и т. п. Следовательно, 78% всей «помощи» состоят из государственных субсидий. Что же касается займов и кредитов, то их сумма не включает уже погашенных на 1 января 1963 г. 9 225 млн. долл. Если учесть погашение, то общий размер иностранной «помощи» после второй мировой войны до 1963 г. составил свыше 100 млрд. долл.

Официально иностранная «помощь» делится на две категории — военную и экономическую. В соответствии с этим делением, по данным на 31 декабря 1962 г., к

---

[1] «The Department of State Bulletin», January 27, 1958, p. 119.
[2] «The Department of State Bulletin», April 22, 1963, p. 592.

военной «помощи» отнесено 31 369 млн. долл., которые состоят только из субсидий, и 60 167 млн. долл. — к экономической «помощи», которая в свою очередь делится на безвозвратные субсидии в размере 40 468 млн. долл. и на займы, кредиты и взносы в международные финансовые институты в сумме 19 699 млн. долл.[1] Эта официальная классификация «помощи» на военную и экономическую не соответствует действительности, ибо значительная часть последней представляет собой замаскированную военную «помощь».

Преобладающая часть всей иностранной «помощи» уходит государствам, непосредственно граничащим с социалистическими странами.

Ничтожная часть «помощи» оказывается из гуманных соображений, как, например, помощь пострадавшим от стихийных бедствий: наводнения, засухи, землетрясения и т. п. Большая же часть всей «помощи», как военной, так и экономической, представляет собой систему взяток и подкупа различных правительств в целях вовлечения тех или иных стран в орбиту политики американского империализма.

Г. Моргентау, характеризуя в целом всю систему иностранной «помощи», отмечает, что «многое из того, что идет под именем иностранной помощи, по своему существу является подкупом»[2]. Эту сущность «помощи» он подчеркивает неоднократно. Говоря, например, о военной «помощи» странам, не являющимся союзниками США по таким военным блокам, как НАТО и СЕАТО, он пишет, что «военная помощь в данных случаях по своей природе является подкупом». Отмечая военный характер экономической «помощи», он продолжает: «Равно как подкуп скрывается сегодня под маской помощи экономическому развитию, так и последняя является замаскированной военной помощью»[3].

Переходя к вопросу об экономической «помощи» таким странам, в которых крупная земельная собственность является основой политической власти, т. е. странам, где господствуют реакционные феодальные клики,

---

[1] «Statistical Abstract of the U. S.», 1963, p. 859.

[2] *Hans Morgenthau,* A Political Theory of Foreign Aid. «The American Political Science Review», June 1963, p. 302.

[3] «The American Political Science Review», June 1963, p. 303.

Моргентау снова подчеркивает, что «помощь» там «выполняет функции подкупа правящей группы, усиления экономического и политического «status quo» в этих странах» [1]. Система взяток и подкупов стала, таким образом, неотъемлемой частью стратегии «холодной войны».

После 1958 г. структура иностранной «помощи» начинает существенно меняться. Эти структурные сдвиги выражаются в географическом перераспределении «помощи» и в наметившейся тенденции заменить субсидии займами и кредитами. Кроме того, обнаружилась тенденция к общему сокращению иностранной «помощи», особенно за счет субсидий.

Таблица 44

«Помощь» США иностранным государствам [2]
(в млн. долл.)

	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.
Общая сумма иностранной «помощи» без учета участия США в международных финансовых учреждениях	5 070	4 926	3 923	4 437	4 076	4 414
В том числе:						
военные субсидии	2 496	2 379	2 052	1 822	1 526	1 766
экономическая «помощь»	2 574	2 547	1 871	2 615	2 550	2 648
Из них:						
Западной Европе	503	157	—438	—16	—589	—690
Ближнему Востоку и Южной Азии	620	788	986	1 234	1 241	1 499
Дальнему Востоку и Тихому океану	977	785	716	786	744	758
Африке	44	69	122	179	295	356
Латинской Америке	253	575	340	189	704	575

Эта таблица показывает, что общее сокращение иностранной «помощи», составившее в 1962 г. по сравнению с 1957 г. 656 млн. долл., произошло главным образом за счет чисто военной «помощи», т. е. субсидий, а не займов и кредитов. Сокращение военной «помощи» распро-

[1] «The American Political Science Review», June 1963, p. 305.
[2] «Statistical Abstract of the United States», 1963, p. 859—863.

странилось больше всего на Западную Европу. Вместо Западной Европы самое крупное место в американских чисто военных субсидиях занимают в настоящее время дальневосточные страны.

Экономическая «помощь» в годы президентства Кеннеди держалась в общем на уровне предыдущих лет, однако и здесь произошли существенные изменения. С тех пор как США превратились из кредитора в должника Европы, т. е. начиная с 1959 г., экономическая «помощь» западноевропейским странам за отдельными незначительными исключениями была полностью прекращена. Погашение кредитов и досрочное погашение займов привели к тому, что Западная Европа стала фигурировать в статистических таблицах об иностранной экономической «помощи» со знаком минус. За счет прекращения субсидирования и погашения задолженности капиталистической Европы все время возрастает так называемая экономическая помощь странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Общее сокращение иностранной «помощи» является результатом обострившегося денежного кризиса, вызванного хроническим пассивом платежного баланса и утечкой золота. В 1962/63 г. конгресс ассигновал на иностранную «помощь» на 1 млрд. долл. меньше, чем просило правительство. В 1963 г. испрошенные правительством ассигнования на эту цель в размере 4,9 млрд. долл. на 1963—1964 гг. вызвали еще большую бурю в конгрессе. Правительство уменьшило поэтому эту сумму до 4,5 млрд. долл., однако конгресс сократил ее до 3,7 млрд. долл. Таким образом, вокруг проблемы иностранной «помощи» происходит борьба внутри буржуазии.

Главной причиной этой борьбы является опасение банков и целого ряда корпораций, работающих на внутренний рынок, а не на экспорт, что иностранная «помощь» обострит еще более денежный кризис в США, т. е. увеличит бюджетный дефицит и государственный долг, что будет способствовать обесценению доллара на внутреннем рынке, а главное, увеличит пассив платежного баланса, увеличит утечку золота и ухудшит еще более положение доллара как международной валюты.

Несмотря на растущую оппозицию, ведущие американские монополии выступают все же с требованием продолжения иностранной «помощи», ибо она является

прежде всего государственной помощью американским монополиям.

Почти вся так называемая военная помощь предоставляется не деньгами, а в натуральном выражении, т. е. в виде вооружения, изготавливаемого американскими военными монополиями по государственным заказам. Как многократно было установлено, прибыли по этим заказам являются колоссальными, и поэтому монополии, поставляющие вооружение, заинтересованы в иностранной военной «помощи». Что же касается экономической «помощи», то значительная ее часть идет на закупку товаров в США. В целом же примерно две трети всей «помощи» уходили на закупку американских товаров: в 1960 и 1961 гг. — 64% [1].

«Таким образом, подлинная история иностранной помощи, — писал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — заключается в том, что она стала субсидией, встроенной в экономику США, аналогично субсидиям сельскому хозяйству, пенсиям ветеранам войны или престарелым, аналогично субсидиям некоторым отраслям промышленности. Большие секторы американской экономики познали свою существенную заинтересованность в иностранной помощи. Поэтому, когда члены конгресса выступают за сокращение ассигнований на эту помощь, заинтересованные элементы поднимают крик против них с целью добиться продолжения этой помощи» [2]. Этот реакционный журнал, представляющий интересы монополистического капитала, дал, таким образом, самую правдивую подноготную иностранной «помощи».

Зачастую так называемая государственная экономическая помощь ставит своей целью предоставление капиталистам тех или иных стран возможности погасить свою задолженность частным американским корпорациям и банкам.

В самой глубокой основе этой «помощи» лежит переплетение интересов монополий и государства. Она представляет собой новую форму послевоенного государственно-монополистического мероприятия, направленного на усиление позиций американского империализма на внешней арене, и одновременно форму государственного сти-

---

[1] «Economic Report of the President», January 1963, p. 94.
[2] «U. S. News and World Report», August 6, 1962, p. 55.

мулирования внутренней экономики путем увеличения нагрузки монополистических предприятий. «Фонды, идущие на иностранную помощь, — продолжал «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт», — рассматриваются как стимул для бизнеса США» [1]. Своеобразие этого стимула заключается в том, что источником всех этих субсидий, внутренних и внешних, являются налоги на население, т. е. перераспределение государством национального дохода в пользу прежде всего монополий.

Такую же роль играет иностранная «помощь» в отношении капиталистической верхушки фермерства. Борьба с аграрным кризисом свелась к скупке государством по повышенным ценам перепроизведенной части сельскохозяйственной продукции главным образом у фермеров-капиталистов. В результате в настоящее время на государственных складах скопилось этой продукции на сумму свыше 7 млрд. долл., несмотря на то что ежегодно часть этих запасов сбывается внутри страны и за границу.

В 1954 г. правительство Трумэна провело через конгресс закон о развитии торговли и помощи сельскохозяйственными продуктами, получивший название «закон 480». По этому закону государству было предоставлено право продавать за границу принадлежащую ему сельскохозяйственную продукцию за местную валюту без обращения ее в золото или в доллары.

На 1 января 1964 г., т. е. за девять с половиной лет, по «закону 480» было экспортировано сельскохозяйственных продуктов на сумму 10 700 млн. долл. Кроме того, по «закону о взаимной безопасности» и другим программам было экспортировано сельскохозяйственных продуктов еще на 2 100 млн. долл., т. е. на 12 800 млн. долл., что составляет почти 34% всего сельскохозяйственного экспорта США.

Одна часть этих продуктов была предоставлена в виде натуральных субсидий, другая часть — в качестве помощи пострадавшим от наводнений, землетрясений и т. п., а также в качестве натуральной оплаты (вместо денежной заработной платы) рабочим на строительстве дорог и других сооружений в таких странах, как Бразилия, Эква-

---

[1] «U. S. News and World Report», August 6, 1962, p. 55.

дор, Боливия, Афганистан, Дагомея, Эфиопия, Иран, Марокко, Танганьика, Тунис, а также на о. Тайвань и в Южной Корее. Как известно, такая натуральная оплата является самой худшей рабской формой эксплуатации рабочих. Третья часть на сумму около 2 млрд. долл. была обменена на стратегические материалы, главным образом цветные металлы, и, наконец, самая большая часть на сумму 6 700 млн. долл. была продана за местную валюту, которая была израсходована на военную и экономическую «помощь». В последние три года сельскохозяйственные продукты составляли ежегодно свыше 30% всей так называемой экономической помощи[1]. В целом вооружение, промышленные и сельскохозяйственные товары, идущие за границу в счет иностранной «помощи», составляют в настоящее время, по официальным данным, 12% всего американского экспорта[2].

Таковы причины, по которым иностранная «помощь» поддерживается не только военными монополиями и экспортными отраслями промышленности, но и капиталистической верхушкой фермерства. Именно эти слои американской буржуазии выступают против сокращения иностранной «помощи».

Правительство и заинтересованные монополии приводят еще один аргумент в пользу иностранной, особенно военной, «помощи». Они указывают, что в настоящее время участники таких военных блоков, как НАТО и СЕАТО (не считая США), содержат при помощи США двухмиллионную армию. Аргумент, который выдвигает правительство, сводится к тому, что если бы не было этой армии, то Соединенным Штатам пришлось соответственно увеличить свою собственную армию. Между тем стоимость содержания армий союзников обходится значительно дешевле, чем содержание американской армии.

Происходящая в настоящее время борьба по вопросу об иностранной «помощи» отражает не только противоречия интересов различных слоев американской буржуазии, но и возникшие серьезные трудности в оказании этой «помощи». Сущность этих трудностей заключается в недостатке золота для ведения империалистической

---

[1] «International Commerce», May 27, 1963, p. 18.
[2] «U. S. News and World Report», August 6, 1962, p. 55.

политики прежними методами и в прежних размерах. Правительству США пришлось в обстановке разногласий внутри американской буржуазии несколько изменить свою позицию по вопросу о дальнейшем оказании иностранной «помощи».

Решающим критерием при выработке позиции по вопросу об иностранной «помощи» оказалась опасность дальнейшей утечки золота. Настаивая на оказании «помощи» в прежних размерах, правительство, однако, существенно меняет характер и структуру самой «помощи». Суть этих изменений сводится к следующему.

Во-первых, правительство считает необходимым при оказании экономической «помощи» переход от субсидий преимущественно на займы, предусматривающие их погашение в определенные сроки и выплату определенных процентов. Более того, эти займы должны выплачиваться не в местной валюте, а долларами. Уже полгода спустя после прихода к власти правительства Кеннеди конгресс принял решение, чтобы займы, предоставленные особым «фондом займов для развития» стран на общую сумму 2 млрд. долл., были погашены не в местной валюте, как это предусматривалось раньше, а долларами. В этом же направлении проведена реформа «закона 480». Еще при Эйзенхауэре в 1959 г. в этот закон был внесен дополнительный пункт о замене продажи продовольствия за местную валюту продажей в кредит, но за доллары. Практически этот пункт начал проводиться в жизнь только в 1961 г., т. е. при Кеннеди. Отныне «продовольствие во имя мира», как величаво называется этот закон об использовании государственных запасов пшеницы, кукурузы, хлопка для военной «помощи» и закупки стратегического сырья, будет продаваться не на местную валюту, а на доллары, но на условиях долгосрочного кредита в пределах до 20 лет. На этих условиях до 1964 г. уже было продано продовольствия шести странам на сумму 134 млн. долл.

В общем переход от субсидий на займы по мере обострения денежного кризиса и утечки золота характеризуется следующими данными о доле займов в общей сумме так называемой экономической помощи[1]:

---

[1] «International Commerce», May 27, 1963, p. 18.

В среднем за 1952—1955 бюджетные годы	— 16%
» » » 1956—1959 » »	— 41%
За 1960 бюджетный год	— 42%
За 1961 » »	— 50%
За 1962 » »	— 56%

Эти данные показывают, что переход от субсидий на займы начался уже при Эйзенхауэре, однако он значительно ускорился при Кеннеди. Доля займов в ближайшие годы будет возрастать, но это не означает, что США полностью откажутся от субсидий как метода подкупа в своей внешней политике.

Во-вторых, предусматривается сокращение количества стран, которым оказывается «помощь». Это делается специально для шантажирования нейтралистских стран, поддерживающих хорошие отношения со странами социалистического лагеря, которым сейчас угрожают по этим причинам отказом в «помощи».

В-третьих, поставлен вопрос об увеличении участия других индустриальных капиталистических государств в оказании «помощи» развивающимся странам, с тем чтобы сократить соответственно расходы США.

Этот пункт заслуживает особого внимания, ибо он вызван не только невозможностью для США продолжать «помощь» в прежних размерах, но и необходимостью при создавшихся условиях отступить перед лицом европейского неоколониализма в Азии и Африке и даже в Латинской Америке.

Превращение капиталистической Европы из должника в кредитора содействовало усилению экономических позиций Англии, Франции и Западной Германии в бывших колониях, которое происходит под флагом иностранной «помощи». Государственные займы и кредиты Западной Европы и отчасти Японии своим бывшим колониям составили в 1960 г. 2 млрд. долл., а в 1961 г. — 2,5 млрд. долл. Особенную активность в этом направлении проявляет «Общий рынок», который создал для этой цели специальный «Заморский фонд развития». «Помощь» становится орудием современного неоколониализма. Американское «Агентство международного развития» и европейский «Заморский фонд развития» борются между собой за дальнейшее экономическое закабаление бывших колоний и полуколоний. В этой обстановке привлечение

к иностранной «помощи» других индустриальных государств на деле означает ослабление позиций США и, наоборот, усиление позиций капиталистической Европы в империалистической экспансии в развивающихся странах.

В-четвертых, правительство ставит своей задачей облегчить положение своего платежного баланса путем предоставления иностранной «помощи» на условиях, чтобы 80% всей «помощи» шло на закупку американских товаров.

В-пятых, увеличить роль частного капитала в экономическом развитии стран Азии, Африки и Латинской Америки. Этот пункт подразумевает дальнейшее стимулирование американских частномонополистических инвестиций в эти страны путем расширения государственного гарантирования частнокапиталистических инвестиций и снижения налоговых обложений на эти инвестиции, о чем уже говорилось выше. Наряду с этим данный пункт предусматривает борьбу против государственной собственности в этих странах. Более того, если до сих пор экономическая «помощь» оказывалась государствам, то в настоящее время правительство США дало указание приступить к «помощи» непосредственно частному капиталу. В соответствии с этим в 1963 г. конгресс принял специальное дополнение к «закону 480», разрешающее правительству продавать сельскохозяйственные продукты на условиях долгосрочного кредита непосредственно частным фирмам. До этого сделки по этому закону совершались только с правительствами [1].

---

[1] По сообщению «Интернэшнл коммерс», в первом квартале 1963 г. США предоставили самый крупный заем в истории иностранной «помощи» правительству Индии в размере 240 млн. долл. Только Англия в 1948 г. по «плану Маршалла» получила больший единовременный заем в размере 322,7 млн. долл. («International Commerce», March 11, 1963, p. 18).

В соответствии с новым курсом заем Индии предоставлен на следующих условиях: 1) вся сумма должна пойти на закупку товаров только в США, 2) правительство Индии всю эту сумму должно в свою очередь предоставить в качестве займов только частным индийским фирмам, которые будут закупать товары в США по лицензиям индийского правительства, однако номенклатура закупаемых товаров должна быть проверена и утверждена американским агентством по предоставлению «помощи», так называемым Агентством международного развития. Таким образом,

В-шестых, «продолжать оказывать помощь обороне тех стран, которые находятся под угрозой внешнего или внутреннего коммунистического наступления». Если отбросить, как совершенно ложный, жупел внешнего «коммунистического нападения», то смысл этого пункта сводится к тому, что США по-прежнему будут выполнять функции мирового жандарма по подавлению революционного движения народных масс в любом месте капиталистического мира, не скупясь на затраты на эту цель. Этот же пункт предполагает, что военная «помощь» по-прежнему будет оказываться в форме субсидий, а не займов.

Таким образом, экономическое содержание новой линии правительства США сводится к вынужденному сокращению как военной, так и экономической «помощи» другим странам. Эту линию лишь условно можно назвать новой, ибо под воздействием обострившегося в 1958—1959 гг. денежного кризиса правительству Эйзенхауэра уже пришлось стать на этот путь, но оно не получило времени для реализации этой политики. Правительство Кеннеди, а вслед за ним и правительство Джонсона с большим сопротивлением вынуждено было стать на путь сокращения «помощи». Это сокращение идет по существу по четырем направлениям: 1) резкое сокращение военной и полное прекращение экономической «помощи» европейским союзникам, превратившимся из должников в кредиторов США, 2) допущение во все больших размерах европейского капитала в слаборазвитые страны, что представляет собой вынужденное отступление американского империализма, 3) замена субсидий займами и кредитами, 4) замена государственных займов частным экспортом капитала и государственных кредитов банковым кредитом. Все, вместе взятое, влечет за собой дальнейшее ослабление позиций США на мировой арене и, наоборот, усиление позиций их европейских конкурентов в капиталистическом мире.

Индия лишена свободы в покупке нужных ей товаров и оборудования. Эти закупки не должны противоречить интересам американских монополий.

О дополнении к «закону 480» см. «International Commerce», July 29, 1963, p. 21.

* *
*

Наметившиеся в последние годы сдвиги во внешней экономической политике США вызваны крутыми изменениями в мировой обстановке. Некоторые реалистически настроенные круги США в настоящее время уже отдают себе полный отчет о сущности происшедших перемен. На заседании подкомиссии конгресса по внешней экономической политике профессор Р. Бур, руководитель кафедры международных отношений Гарвардского университета, выступил, например, со следующей оценкой современной эпохи: «Мы переживаем период глубокой трансформации всего мирового порядка. В последние десятилетия старый порядок подорван в результате наступившего конца колониализма, последствий двух мировых войн, роста советской мощи, подъема коммунизма и развития новых государств» [1]. Бур совершенно правильно описывает внешние изменения в мировом развитии, но он далек от понимания сущности этих перемен, которые заключаются в наступлении нового этапа общего кризиса капиталистической системы.

Этот новый этап характеризуется прежде всего изменением соотношения сил между лагерем социализма и мировым империализмом в пользу социализма и в ущерб капитализму. Мировая социалистическая система становится решающей силой современного общественного развития во всем мире.

Наряду с этим и благодаря этому произошла крутая перемена в соотношении сил колониализма и антиколониализма, выразившаяся в распаде и крушении колониальной системы империализма. Как бы империализм ни пытался новыми методами обеспечить себе экономическое и политическое господство в бывших колониях и полуколониях, общая тенденция развития ведет к поражению империализма.

И наконец, действие закона неравномерного капиталистического развития после второй мировой войны привело к существенному изменению соотношения сил внутри самого лагеря империализма и обострению вследствие

---

[1] «Hearings before the Subcommittee on Foreign Economic Policy», December 4—14, 1961, p. 80.

этого межимпериалистических противоречий. Наиболее ярким выражением этого изменения являются образование различных экономических группировок вроде «Общего рынка» и обострение борьбы за экономический раздел мира.

Все это привело к необходимости пересмотра всей внешней политики США, и прежде всего к пересмотру отношения США к мировой социалистической системе. Необходимость пересмотра внешней политики США является вынужденной, и поэтому поворот совершается неохотно, медленно и со скрипом.

Первым признаком новой ориентации США явилась речь Кеннеди в Американском университете в Вашингтоне 10 июня 1963 г., в которой он вынужден был заявить, что «тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдаться без того, чтобы прибегнуть к применению этих сил» [1]. В этой речи Кеннеди повторил советский тезис об отсутствии при сложившемся соотношении сил фатальной неизбежности войны и необходимости поисков путей к мирному сосуществованию.

Подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой явилось первым шагом к разрядке международной напряженности. За этим шагом последовали и другие шаги большего или меньшего значения. В настоящее время американские деловые круги уже поставили вопрос о необходимости расширения и развития торговли с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Это является центральным экономическим вопросом в повороте от «холодной войны» к мирному сосуществованию. Однако решение этого вопроса наталкивается на ряд преград и сопротивление тех или иных кругов монополистического капитала США.

Если говорить о прекращении «холодной войны» и мирном сосуществовании в экономическом плане, то прежде всего это требует отмены закона 1949 г. о запрещении «торговли стратегическими материалами», под которым скрывается почти полное эмбарго на торговлю с социалистическими странами; закона Бэттла, требующего от

---

[1] См. «Правда», 13 июня 1963 г.

других капиталистических стран прекращения торговли со странами социалистического лагеря; отмены пункта закона 1962 г. о расширении торговли, оговаривающего, что политика наибольшего благоприятствования не будет распространяться на страны социалистического лагеря. Следует, далее, отменить эмбарго на торговлю с Китаем, Кубой и другими социалистическими странами, необходимо, наконец, заключить торговый договор с Советским Союзом, расторгнутый Соединенными Штатами после второй мировой войны. Разумеется, что все это должно сопровождаться ликвидацией американских военных баз, сооруженных вокруг стран социалистического лагеря, и прекращением военной помощи другим странам в целях натравливания их на социалистические страны.

Если говорить только об экономической стороне, то установление самых обычных нормальных торговых отношений с Советским Союзом и со всеми остальными социалистическими странами потребует проведения в конгрессе целого ряда законодательных актов, которые вызовут сопротивление со стороны различных группировок монополистического капитала, а также внутри самой демократической партии. Совершенно очевидно, что при таком положении поворот от «холодной войны» к мирному сосуществованию будет происходить медленно и с различными зигзагами. Однако главным является то, что этот поворот стал экономической необходимостью для американского империализма.

Отход от политики «холодной войны» отнюдь не означает прекращения борьбы с коммунизмом. Мирное сосуществование и экономическое соревнование двух систем представляют собой иную форму борьбы капитализма и коммунизма. Генеральной линией американского империализма является борьба за капиталистический путь освободившихся от колониального гнета стран.

В отношении своих главных конкурентов в Европе США добиваются более свободного доступа американских товаров и сельскохозяйственной продукции на европейские рынки. Одновременно они добиваются более свободного доступа в Европу сельскохозяйственной продукции латиноамериканских стран. Они угрожают Европе ограничением доступа европейских товаров в латиноамериканские страны путем создания в Латинской Америке «Общего рынка» под руководством США.

Центральной внешнеэкономической проблемой для США является состояние платежного баланса. Это ключ к решению важнейших экономических, политических и военных проблем, стоящих перед Соединенными Штатами. Поэтому этой проблеме уделяется такое большое внимание и правительство США принимает целый ряд мер к улучшению своего валютного положения.

Главным препятствием в этом отношении является возросшая сила и конкуренция стран капиталистической Европы, а также Японии. Несмотря на то что США продолжают оставаться самой сильной и богатой империалистической державой, их удельный вес в мировой капиталистической экономике будет по-прежнему падать. Это экономическая тенденция мирового значения. Она будет воздействовать на весь ход исторического развития в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I

ПРОБЛЕМА ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА 16

1. Возникновение проблемы темпов экономического роста и борьба вокруг нее в предвыборной кампании 1960 г. —
2. Мероприятия правительства и отход от предвыборных деклараций 31

Глава II

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ 52

1. Военные заказы промышленности 54
2. Государственное стимулирование капиталовложений 69
3. Государственное строительство 83

Глава III

ПРАВИТЕЛЬСТВО И МОНОПОЛИИ 88

1. Правительство «большого бизнеса» и противоречия внутри правящего класса 89
2. Антитрестовские дела 120
3. Частные монополии и государственное регулирование электроэнергетики 141
4. Государство и транспортные монополии 151

Глава IV

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА 161

1. «Чрезвычайная программа». Принудительное регулирование . . . . . —
2. Внешний рынок и тарифная война 176
3. Положение фермеров 180

Глава V

ВНУТРЕННЯЯ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА . 188

1. Рост государственных расходов. Гонка вооружений и ее последствия для федерального бюджета . . . 191
2. Налоговая политика правительства и изменения в доходной части бюджета 210
3. Рост дефицитности бюджета и увеличение государственного долга 234
4. Основные изменения в области кредитной политики 248
5. Расчет влияния налоговой реформы на платежеспособный спрос населения США 275

Глава VI

ПРАВИТЕЛЬСТВО И РАБОЧИЙ КЛАСС 284

1. Основы и тенденции союза профбюрократии и буржуазного государства . . . . . —
2. Проблема безработицы 292
3. Вмешательство правительства в отношения между трудом и капиталом 304
4. «Социальное законодательство» и рост борьбы рабочего класса 315
5. Отношение Коммунистической партии США к экономической политике правительства 323

Глава VII

ВНЕШНЯЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 332

1. США и мировая социалистическая система 333
2. Платежный баланс и денежный кризис в США . . 340
3. США и капиталистическая Европа 350
4. Японская проблема в американском аспекте . . . 368
5. США и развивающиеся страны 374
6. «Союз ради прогресса» 386
7. Так называемая помощь, взятая в целом 396

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕННЕДИ (1961—1963). Под. ред. д-ра экон. наук С. М. Меньшикова. М., «Мысль», 1964.
413 с. (Ин-т мировой экономики и междунар. отношений Акад. наук СССР).

33И

Редактор *А. Белявский*

Младший редактор *Л. Родионова*

Оформление художника *И. Жихарева*

Художественный редактор *Г. Чеховский*

Технический редактор *Р. Москвина*

Корректоры *С. Новицкая, Г. Замани, Ч. Савельева*

Сдано в набор 29 мая 1964 г. Подписано в печать 5 ноября 1964 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 6,5. Печатных листов 21,32. Учетно-издательских листов 22,53. Тираж 6000 экз. А 08850.
Цена 1 р. 48 к. Заказ № 1090.

Б3 № 23 1964 г. № 5

Издательство социально-экономической литературы «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «МЫСЛЬ»

В 1965 г. БУДУТ ВЫПУЩЕНЫ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Колл. авторов под общей редакцией доктора экономических наук В. В. Любимовой «СОВРЕМЕННЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (изменения в структуре)». 25 л.

Колл. авторов под редакцией академика А. А. Арзуманяна, Т. Т. Тимофеева, Е. А. Амбарцумова и др. «ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: трудящиеся против монополий (Новые явления в положении и борьбе рабочего класса)». 25 л.

Меньшиков С. М., МИЛЛИОНЕРЫ И МЕНЕДЖЕРЫ (Современная структура финансовой олигархии США). 25 л.

Кудров В., Шпилько Г. А., ТЕМПЫ И ПРОПОРЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В США. 13 л.

Кочеврин Ю. Б., МАЛЫЙ БИЗНЕС В США. 10 л.

Дедов А. Г., ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ФРГ. 12 л.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕННЕДИ